

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет»

На правах рукописи

СУЛЕЙМАНОВА ДИЛЬБАР ДАНИСОВНА

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ
(БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор, академик АН РБ

Зайнуллин Марат Валиевич

Уфа – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ ТЮРКСКИХ (БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА.....	16
1.1. Об истории и методологических основах сопоставительно- типологических и сравнительно-исторических исследований.....	16
1.2. История изучения систем фонем тюркских, башкирского, татарского языков.....	25
1.3. Тюркские языки и алтайская, урало-алтайская, ностратическая гипотезы.....	33
1.4. История изучения баскской фонетики в сравнительно- историческом и сопоставительно-типологическом аспектах.....	36
1.5. Об истории изучения тюркских и баскского языков в сравнительном аспекте.....	42
1.6. Об отдельных структурно-типологических сходствах тюркских и баскского языков.....	44
1.7. Методы исследования и основные понятия, используемые в работе.....	51
Краткие выводы по первой главе.....	54
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ТЮРКСКОГО (БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО ВОКАЛИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	56
2.1. Состав и классификация пратюркских и башкирских, татарских гласных фонем.....	56
2.2. Общая характеристика прабаскской и баскской вокалических систем.....	58

2.3. Об особенностях развития тюркского (башкирского, татарского), баскского вокализма.....	60
2.3.1. Нарушение регулярности соответствий гласных в тюркских и баскском языках. Палатализация.....	60
2.3.2. Тюркский сингармонизм и гармония гласных в баскских диалектах.....	64
2.3.3. Долгие и фарингализованные гласные в тюркских языках и баскский вокализм.....	67
2.3.4. К проблеме конечных гласных.....	70
2.4. Развитие башкирских, татарских и баскских гласных фонем.....	72
2.4.1. Фонема /a/ в башкирском, татарском и баскском вокализме.....	72
2.4.2. О проблеме происхождения башкирской, татарской фонем /ä/.....	76
2.4.3. Башкирская, татарская фонемы /i/ (< ПТ */e, ē, ę, ē/) и баскская /i/.....	77
2.4.4. О башкирской, татарской фонемах /i/ (< ПТ */i, ī).....	81
2.4.5. Развитие башкирской, татарской фонем /e/ (< ПТ */i, ī) и баскской /e/.....	83
2.4.6. Башкирская, татарская фонемы /u/ (< ПТ */o, ō) и баскская /u/.....	86
2.4.7. Развитие башкирской, татарской /ü/ (< ПТ */ö, ō) и баскской (сулетинской) /ũ/ (< ПБ */u/)......	90
2.4.8. Башкирская, татарская фонемы /o/ (< ПТ */u, ū) и баскская /o/.....	92
2.4.9. О фонеме /ö/ (< ПТ */ü, ū) в башкирском, татарском вокализме.....	93
Краткие выводы по второй главе.....	95

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ТЮРКСКОГО (БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО КОНСОНАНТИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	99
3.1. Состав и классификация согласных фонем в пратюркском, башкирском и татарском языках. Фонотактические особенности.....	99
3.2. Общая характеристика баскской и прабаскской консонантных систем. Фонотактические особенности.....	102
3.3. Развитие тюркских (башкирских, татарских) и баскских сонорных фонем.....	106
3.3.1. Протетические звуки в тюркских языках и фонема /h/. Баскская аспирация (придыхание) /h/.....	106
3.3.2. Тюркская (башкирская, татарская) фонема /j/ и баскские соответствия.....	112
3.3.2.1. О проблеме происхождения тюркского среднеязычного сонанта (полусонанта) /j-/ и баскского глайда /j-/.....	112
3.3.2.2. Гипотеза о морфонологическом противопоставлении анлаутных фонем.....	116
3.3.2.3. Башкирская, татарская фонемы /j/ в середине слова и баскские соответствия.....	122
3.3.2.4. Башкирская, татарская фонемы /j/ в конце слова и баскские соответствия.....	126
3.3.3. Фонема /n/ и вопросительные местоимения в башкирском, татарском и баскском языках.....	128
3.3.4. О пратюркских */ñ, ŋ/, башкирской, татарской /ŋ/ и баскской /ñ/.....	138
3.3.5. Боковые (латеральные) согласные в башкирском, татарском и баскском консонантизме.....	142

3.3.6. О тюркском ламбдаизме-сигматизме (соответствии /l/ ~ /š/)	149
3.3.7. Архифонема {r} в тюркской (башкирской, татарской) и баскской консонантных системах	150
3.4. Развитие башкирских, татарских переднеязычных фрикативов и баскских сибилантов, аффрикат	159
3.4.1. Переходы внутри группы. Гармония баскских сибилантов	159
3.4.2. Татарская /s/ и башкирские /h, θ/ в сопоставлении с баскскими сибилантами /s, s̺/	162
3.4.3. Рефлексы пратюркской аффрикаты */č/ и баскские аффрикаты	166
3.4.4. Развитие башкирской, татарской /š/ и баскской /ʃ/	170
3.4.5. О башкирской /δ/ и татарской /z/	172
3.4.6. Башкирские, татарские переднеязычные фрикативы и баскские сибиланты, аффрикаты в аффиксальных морфемах	173
3.5. История башкирских, татарских и баскских смычных фонем	176
3.5.1. Принципы анализа смычных фонем в исследуемых системах	176
3.5.2. Развитие башкирских, татарских и баскских губных смычных	180
3.5.2.1. Фонема /p/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме	180
3.5.2.2. Развитие башкирской, татарской и баскской фонем /b/	183
3.5.2.3. Фонема /m/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме	187
3.5.2.4. Губные фонемы в башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфемах и частицах	189

3.5.3. Развитие башкирских, татарских и баскских переднеязычных смычных.....	191
3.5.3.1. Фонема /t/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме.....	191
3.5.3.2. Башкирская, татарская и баскская фонемы /d/.....	197
3.5.3.3. Фонемы /t, d/ в башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфемах.....	201
3.5.4. Развитие башкирских, татарских среднеязычных, заднеязычных смычных и баскских среднеязычных смычных....	205
3.5.4.1. О фонеме /k/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме.....	205
3.5.4.2. О башкирской, татарской фонемах /q/.....	210
3.5.4.3. Фонема /g/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме.....	213
3.5.4.4. Развитие башкирской, татарской фонем /y/.....	217
3.5.4.5. Башкирские, татарские фонемы /k, q, g, y/ и баскские /k, g/ в аффиксальных морфемах.....	220
3.6. О тенденциях развития тюркской и баскской консонантных систем. Сходства в фонотактике.....	225
Краткие выводы по третьей главе.....	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	234
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	242
ТРАНСКРИПЦИЯ.....	246
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	250
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	280

ВВЕДЕНИЕ

Степень разработанности и актуальность исследования. Актуальность работы обусловлена необходимостью теоретического осмысления, объяснения, уточнения закономерностей развития башкирской, татарской фонетических, фонологических систем в сопоставлении с эволюцией фонетических и фонологических систем других, в частности агглютинативных, языков.

Тюркские языки представлены «35 современными языками и диалектами и не меньше чем шестью хорошо записанными древними и средневековыми языками» [СИГТЯ 2006: 765]. Примерное число говорящих на тюркских языках – более 100 миллионов. Территория проживания тюркоязычных народов простирается от бассейна реки Лены в Сибири на юго-запад до восточного побережья Средиземного моря [Гаджиева 1997].

Башкирский и татарский языки относятся к урало-поволжской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков [Гарипов 1979: 15–16]. Количество носителей башкирского языка в Российской Федерации – более 1,1 миллиона человек [ВПН, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/-Vol4/pub-04-05.pdf], они проживают на территории республики Башкортостан, Челябинской, Курганской, Свердловской и др. областей. Носителями татарского языка являются более 4,2 миллиона человек [Там же], в числе которых – жители республик Татарстан, Башкортостан, других регионов Российской Федерации.

Несмотря на то, что тюркские языки являются одними из наиболее изученных языков, многие вопросы сопоставительно-типологической фонетики и фонологии тюркских, в частности башкирского, татарского, языков остаются нерешенными. Ученые традиционно ограничиваются материалом языков Алтае-Саянского ареала. Из внешних связей в определенной степени изучены контакты с алтайскими, уральскими, иранскими, славянскими, китайским, арабским языками. Работы, направленные на изучение систем фонем башкирского, татарского языков в сравнении с фонетическими и фонологическими системами других языков, как правило, продиктованы учебно-методическими целями.

Для изучения механизмов возникновения фонетических изменений, углубленного изучения истории систем фонем башкирского, татарского языков, кроме разработки внутренних закономерностей, целесообразно обратиться к данным других агглютинативных языков.

Баскский язык (Euskera) распространен в западной части Пиренейского полуострова, на территории юга Франции и севера Испании. Численность носителей языка в мире составляет более 1 миллиона человек [Zuazo 1995: 5; Ландабасо Ангуло 2004: 26]. Баскологи предполагают, что индоевропейские языки на территории нынешней Европы вытеснили предшествующие языки, кроме баскского языка, не считая кавказских, финского языков [Astrain 2003: 17]. Несмотря на многочисленные теории, происхождение агглютинативного баскского языка, развивающегося в окружении индоевропейских языков, остается неопределенным. В лингвистических атласах, современных курсах языкознания [Comrie 2009: 10; Сафиуллина 2001: 207] поддерживается мнение об изолированном характере баскского языка.

Вопрос о связях между тюркскими (в составе урало-алтайской семьи) и баскскими языками затрагивался в работах А. Тромбетти (Trombetti 1905; 1925), Г. Винклера (Winkler 1914). В диссертации М. Морвана (Michel Morvan) 1992 г. рассматриваются урало-алтайские и баскские соответствия [Приводится по: Astrain 2003]. Тюркско-баскские, в частности татарско-баскские, соответствия отмечал Х.З. Кошай (Koçay 1957; 1959). Географическая изолированность территорий, информационный барьер являлись причинами отсутствия сравнительных работ по тюркским и баскскому языкам.

Выбор баскского языка как члена сравнения объясняется попыткой рассмотрения вероятности и тенденций фонетических процессов в обособленно развивающихся агглютинативных языках. Исследования лингвистов показывают, что предполагаемое время распада сопоставляемых языков является примерно одинаковым (рубеж эры) [EDAL 2003: 235; Trask 2008: 6]. Сопоставительный анализ развития вокалических, консонантных систем тюркских (на примере башкирского, татарского) и баскского языков может способствовать прояснению

отдельных сложных вопросов в тюркологии и баскологии, в общем и частном языкознании, лингвистической типологии. Если сравнительно-сопоставительный анализ систем фонем близкородственных башкирского и татарского языков наглядно продемонстрирует тенденции развития пратюркских фонем, то сопоставление эволюции систем фонем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков, степень генетического родства которых неизвестна, позволит выявить их схожие и специфические характеристики, тенденции фонетических процессов, что позволит глубже понять системную организацию башкирского, татарского языков на уровне фонетики, фонологии. Таким образом, актуальными остаются работы, направленные на сопоставительное исследование истории развития башкирской, татарской и баскской систем фонем.

Цель диссертационного исследования – описание, сопоставление вокалических, консонантных систем тюркских (на примере башкирского, татарского) и баскского языков в синхроническом, диахроническом аспектах; выявление особенностей, тенденций развития систем фонем башкирского, татарского языков в сопоставлении с историей систем фонем баскского языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) осуществить анализ научной литературы по обозначенной теме;
- 2) описать и сопоставить инвентарь фонем башкирской, татарской, баскской вокалических, консонантных систем в синхроническом и диахроническом планах;
- 3) рассмотреть и сравнить системы фонологических оппозиций, их развитие в башкирском, татарском и баскском языках;
- 4) проследить фонотактические ограничения в сопоставляемых языках;
- 5) проанализировать и сопоставить исторические изменения башкирских, татарских, баскских фонем (в начале, середине, конце слов и аффиксальных морфем) с применением праязыковых реконструкций;
- 6) установить наиболее существенные сходства (соответствия) и различия между исследуемыми системами в современном состоянии и развитии.

Объектом исследования являются фонемы в составе современных тюркских (башкирских, татарских) и баскских вокалических, консонантных систем.

Предметом исследования выступают исторические изменения фонем в составе вокалических, консонантных систем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков.

Научно-методологической базой исследования послужили научные концепции, представленные в работах отечественных и зарубежных лингвистов по общей, функциональной, сопоставительной, типологической, сравнительно-исторической фонетике В.Д. Аракина, Л. Блумфильда, И.А. Бодуэна де Куртене, Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова, В.Б. Касевича, С.В. Кодзасова, В.В. Колесова, В.Л. Котвича, О.Ф. Кривновой, А. Мартине, Г.И. Рамстедта, А.А. Реформатского, Б.А. Серебренникова, Ф. де Соссюра, С.А. Старостина, М.И. Стеблин-Каменского, А. Степонавичюса, Н.С. Трубецкого, Л.В. Щербы и др.

Также мы опирались на труды тюркологов А.М. Азнабаева, У.Ш. Байчуры, Н.А. Баскакова, Н.З. Гаджиевой, Т.М. Гарипова, Ж.М. Гузеева, Н.К. Дмитриева, А.В. Дыбо, Н.И. Егорова, Л.К. Ишкильдиной, Дж. Г. Киекбаева, М.З. Закиева, О.А. Мудрака, К.М. Мусаева, В.Ш. Псянчина, М. Рясянена, Х.Х. Салимова, Э.В. Севортыяна, В.В. Радлова, Э.Р. Тенишева, Ф.Г. Хисамитдиновой, А.А. Чеченова, А.Г. Шайхулова, Н.Н. Ширококовой, А.М. Щербака, А.А. Юлдашева и др., на работы башкирских и татарских диалектологов.

Работы А.В. Архипова, Л.Н. Астрайна, М. Агуда, Л.Л. Бонапарта, В. Гумбольдта, Х.А. Лакарры, Р. Лафона, А. Мартине, К. Мичелены, М. Морвана, Р. Рейка, Г.А. Нуждина, Х. Ортис де Урбины, К. Суасо, А. Товара, Р.Л. Траска, Г. Шухардта, Х.И. Уальде, Х.К. Уленбека, А. Эгурцеги и др. обозначили теоретические и методологические принципы анализа истории вокалических и консонантных систем баскского языка.

В диссертационной работе применен **комплекс методов исследования**, заключающийся в использовании: а) описательного метода; б) сравнительно-исторического метода – при анализе развития систем фонем башкирского, татарского языков в составе тюркской семьи и развития систем фонем баскских диалектов в составе баскского языка; в) сопоставительного метода – для сравнения

эволюции башкирской, татарской и баскской вокалических и консонантных систем; г) типологического метода – при рассмотрении отдельных вопросов.

В качестве исходного члена сравнения используются башкирский и татарский языки. Для характеристики отдельных фонетических явлений (долгие гласные, ротацизм-зетацизм и др.) используются примеры из других тюркских языков. Фонологическое описание базируется на установленных сведениях по фонологии и собственных терминах каждой из исследуемых систем.

Источниками и материалами диссертационного исследования послужили труды по фонетике, исторической фонетике, грамматике, этимологии башкирского, татарского и баскского языков. Отбор, подача и систематизация фонетического, лексического материала башкирского и татарского языков основаны на принципах, заложенных в соответствующих томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (Фонетика, 1984; Региональные реконструкции, 2002; Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка, 2006). Древнетюркские примеры (далее – ДТ) приводятся по «Древнетюркскому словарю» (1969). Пратюркские (далее – ПТ), также праалтайские (далее – ПА) реконструкции извлечены из «Этимологического словаря алтайских языков» (2003) С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака, пратюркские формы под графемой <Э> и с номером страницы соответствующего тома – из «Этимологического словаря тюркских языков» в 7 томах (1974–2003) под авторством Э.В. Севортыяна и коллектива авторов, под графемой <М> и с номером страницы – из электронной публикации О.А. Мудрака «Развитие пратюркской системы фонем», <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>. Для большей наглядности примеры башкирско-татарских (далее – БТ) соответствий приводятся через косую черту. Баскские примеры (диалектный материал, архаизмы) и прабаскские (далее – ПБ) реконструкции приводятся (под графемой <Т> и номером страницы) по «Этимологическому словарю баскского языка» (2008) Р.Л. Траска и (под графемой <S>) по электронной базе этимологических данных С.А. Старостина «STARLING», <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>, также – по «Исторической фонетике баскского языка» (1990) К. Мичелены. Используются

диалектологические, этимологические, двуязычные, толковые словари исследуемых языков.

Для передачи материала башкирского, татарского языков используется латинская **транслитерация**. Графемы в цитатах, баскские примеры в целом приводятся согласно источникам. Для обозначения фонем используются косые скобки, для архифонем – фигурные, для графем – треугольные, для транскрипции – квадратные.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые применен комплексный подход для анализа эволюции систем фонем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков, выявляющих сходство в ведущей типологической характеристике морфологического уровня (агглютинация), но степень генетического родства которых неизвестна. Системы фонем башкирского и татарского языков впервые рассматриваются в сопоставлении с системами фонем баскского языка в синхроническом и диахроническом аспектах. Впервые, с привлечением результатов исследований по фонетике, этимологии исследуемых языков, выявлены, описаны особенности, тенденции развития башкирской, татарской систем фонем, отдельных фонем в сопоставлении с исторической фонетикой баскского языка. Полученные результаты обоснованы рядами межъязыковых или междиалектных соответствий в каждой из систем.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что детальное сопоставление развития отдельных фонем, парадигматических и синтагматических изменений в башкирской, татарской, баскской фонетических и фонологических системах способствует теоретическому осмыслению системной организации исследуемых языков на фонетическом уровне, определению тенденций фонетических изменений. Диссертационное исследование вносит вклад в сравнительное описание истории звуковых и фонологических систем агглютинативных языков. Полученные результаты расширяют и дополняют знания по общей, сравнительной, исторической, тюркской, башкирской, татарской, баскской фонетике, типологии.

Обозначена проблема, подлежащая последующему исследованию: вопрос о происхождении тюркского начального полусонанта /j-/, баскского глайда /j-/ (в анлауте начальных форм синтетических глаголов) не разрешим в фонологическом плане, в связи с чем изложена гипотеза о морфонологическом противопоставлении инициальных и финальных фонем односложных корней в допратюркском и допрабаскском языках.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что конкретные результаты и фактический материал диссертации можно использовать в исследованиях и преподавании курсов по общему, сопоставительно-типологическому, сравнительно-историческому языкознанию, при разработке, преподавании спецкурсов по фонетике, фонологии, морфонологии тюркских, башкирского, татарского, а также баскского языков.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Установлены: а) специфика инвентаря вокалических систем башкирского и татарского языков в сопоставлении с баскским, заключающаяся в наличии гласных /i/, /ö/, /ä/, /ü/; б) различия в парадигматическом устройстве исследуемых вокалических систем (наличие оппозиций по ряду, подъему, огубленности в башкирском, татарском вокализме, оппозиций по ряду, подъему в баскском вокализме); в) наличие тенденции к опереднению гласных в исследуемых системах.

2. Определено, что для башкирской, татарской и баскской вокалических систем характерна относительная неподверженность редукции гласных в структуре корня с учетом нарушений регулярности соответствий.

3. Синтагматические изменения гласных фонем сильнее выражены в тюркских (башкирском, татарском) языках (сингармонизм, регулярные соответствия башкирских, татарских гласных в аффиксах) и частично проявляются в баскском языке (прогрессивная ассимиляция корневых и аффиксальных гласных в диалектах).

4. Выявлена специфика инвентаря консонантных систем башкирского и татарского языков в сопоставлении с баскским, заключающаяся в наличии заднеязычных смычных /ɣ, q/, увулярной /ŋ/, тогда как специфика баскского консонантного инвентаря определяется оппозицией ламино-альвеолярного сибиланта <z>/s/, апики-альвеолярного сибиланта <s>/s/, наличием аффрикат /tʃ/[c], /tʂ/[čc], /tʃ/[č].

5. Определены сходства в парадигматическом устройстве и изменениях консонантных систем башкирского, татарского и баскского языков: а) предполагаемая утрата оппозиции сильных (напряженных) и слабых (ненапряженных) согласных; б) наличие корреляции по глухости-звонкости взрывных; в) отсутствие фонологически значимой оппозиции по палатальности-непалатальности.

6. Установлено, что согласные тюркской и баскской консонантных систем, относящиеся по месту или способу образования к одной группе, участвуют в исторических соответствиях (/r/ ~ /l/, /n/ ~ /m/, /b/ ~ /m/, /p/ ~ /b/, /k/ ~ /g/, /t/ ~ /d/ и др.). Подобная закономерность также проявляется в регулярных соответствиях башкирских, татарских переднеязычных фрикативов, особенностях реализации ПТ */ʒ-(j-)/ в башкирских, татарских корневых морфемах и в реализации сибилантов, аффрикат, аспирации /h/, взрывных, начальной /j-/ в баскских диалектах.

7. В развитии башкирского, татарского и баскского консонантизма особое значение имеют ограничения на встречаемость согласных фонем (преимущественное употребление шумных в начальной позиции, сонантов */n, l, r/ – в срединной, конечной позициях в корневых морфемах), являющиеся одной из предпосылок: а) наличия моделей и изменений фонемных сочетаний (/lt-/ ~ /ld-/, /nt-/ ~ /nd-/, /rt-/ ~ /rd-/, /nk-/ ~ /ng-/ и др.); б) тенденции к фрикатизации срединных сонорных и их сочетаний с переднеязычными фрикативами.

8. Установлены сходства: а) в функционировании башкирских, татарских и баскских согласных фонем в структурно схожих и близких по семантике суффиксальных морфемах; б) в ассимиляции начальных взрывных фонем по глухости-звонкости в аффиксах (более выраженной в башкирском, татарском

консонантизме). Баскские фонемы, в отличие от тюркских, могут выступать в роли префиксальных морфофонем.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на международных и всероссийских научно-практических конференциях (Стерлитамак, 2012, 2013; Казань, 2012; Москва, 2013; Уфа, 2014, 2015, 2016; Махачкала, 2015). По результатам разных этапов диссертационного исследования опубликованы 22 печатные работы, из них 4 статьи – в журналах, входящих в список изданий, рекомендуемых ВАК. Материалы диссертации обсуждались на расширенном заседании кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования с участием членов кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, пяти таблиц, заключения, списка сокращений, условных обозначений, транскрипции, списка использованной литературы и источников, списка иллюстративного материала.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ ТЮРКСКИХ (БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО ЯЗЫКОВ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА

1.1. Об истории и методологических основах сопоставительно- типологических и сравнительно-исторических исследований

В диссертационной работе термин «фонетика» употребляется «в широком смысле – в качестве родового термина, относящегося как к субстанциальной, так и функциональной стороне звучащей речи» [Кодзасов 2001: 322]. Рассматриваются вопросы, относящиеся к таким разделам фонетики, как частные фонетики (башкирская, татарская, баскская), функциональная фонетика (фонология), сравнительно-историческая фонетика, типологическая фонетика.

О сравнительно-исторической фонетике. Как отмечают С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова, целью сравнительно-исторической фонетики «является описание исторических изменений звуковых систем родственных языков, реконструкция звуковой системы языка-источника (праязыка), а также описание исторических изменений в звуковой системе конкретных языков и диалектов» [Там же: 30]. Попытки по использованию сравнительно-исторического метода были предприняты в первой четверти XIX в. (Ф. Бопп, Р.К. Раск, А.Х. Востоков, Я. Гримм, А.Ф. Потт, Ф. Диц) и утвердились в работах А. Шлейхера, И. Шмидта, Ф. де Соссюра, А. Мейе, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, К. Вернера.

Важнейшими принципами сравнительно-исторического анализа являются понимание фонемы как исторически развивающейся и изменяющейся категории и признание непреложности фонетических изменений. По определению Н.Ф. Алефиренко, «фонетический закон – это закон функционирования определенной звуковой единицы конкретного языка в определенных условиях и в определенное время», «в эпоху своего функционирования они (фонетические законы. – Д. С.) непреложны», и «эволюция системы фонем – процесс чрезвычайно длительный» и сложный, представляющий процессы дивергенции

(фонологизации) и конвергенции (дефонологизации) отдельных фонем [Алефиренко 2004: 133, 134, 139]. По мнению исследователей, «фонологическая система любого живого языка представляет собой динамическую, исторически развивающуюся систему» [Попов 2004: 12].

Одной из главных задач сравнительно-исторической фонетики выступает выявление фонетических законов языка, по определению В.К. Журавлева, «управляющих как устойчивым сохранением, так и регулярным изменением его звуковых единиц, их чередований и сочетаний» [Журавлев 1990]. Фонетические законы, а именно регулярные фонетические соответствия в базисной лексике, являются одним из основных аргументов при определении генетического родства исследуемых языков. Одним из оснований для подтверждения гипотезы об историческом родстве языков выступает наличие систем фонетических соответствий [Блумфильд 1968: 331]. Подчеркивая важность сравнительно-исторических исследований на уровне фонетики, С.А. Бурлак и С.А. Старостин приводят пример из истории китайского языка, не сохранившего «ни одной грамматической морфемы древнекитайского языка...» [Бурлак 2005: 6–7]. Вторичность грамматических критериев признает Н.Д. Андреев [Андреев 1986: 38]. По гипотезе, предложенной В.М. Наделяевым и поддержанной в работе И.Я. Селютиной, артикуляционно-акустическая база, свойственная для того или иного этноса, «видоизменяясь..., передается из поколения в поколение в своих существенных чертах» [Селютина 2000: 16]. Тем не менее соответствия на грамматическом уровне имеют важное значение в сравнительно-исторических работах. Так, в атлантической компаративистике фонетические и фонологические исследования невозможны без предварительного анализа морфологического и морфонологического уровней [Поздняков 1993: 6].

О фонологических исследованиях. Фонетическая характеристика звука является основой для его фонологического изучения. Идеи о фонемах впервые высказаны в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ в конце XIX в. и развиты в работах ученых Московской (Р.И. Аванесов, М.В. Панов, А.А. Реформатский и др.), Петербургской (Л.В. Бондарко, Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич, М.И. Матусевич,

Л.В. Щерба и др.), Пражской (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и др.) фонологических школ. Н.С. Трубецким (основателем Пражской фонологической школы) в «Основах фонологии» дается следующее определение термина «фонема»: это фонологическая единица, которую «с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы», «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» [1960: 42, 45]. Фонема, согласно определению представителей московской фонологической школы, – совокупность всех чередующихся (альтернирующих) звуков в пределах одной и той же морфемы, фонологическая система – система фонологических позиций [Реформатский 1996: 115–117] (по определению пражских фонологов – система фонологических оппозиций [Трубецкой 1960: 38]). Московские фонологи выделяют сильные и слабые позиции, делают акцент на изучении связей фонемы с морфемой, и название фонемы дается по звуку, реализуемому в абсолютно сильной позиции. Сторонники петербургской школы, согласно работе Л.Р. Зиндера, рассматривают фонему как единицу, способную дифференцировать слова и их формы, большое внимание уделяют языковому сознанию, экспериментальному изучению речевого поведения носителя языка [Зиндер 1979: 41, 19, 239]. Фонология, понятие и сущность фонемы, методология фонологических исследований становятся предметом научной дискуссии и в современной лингвистике (подробнее см. в работах М.Б. Попова (2004); Б.И. Осипова (2013)), появляются различные подходы (подробнее см. исследование М.В. Черноглазовой (2003)).

Важным разделом фонетики является фонотактика (теоретические и методологические основы которой впервые разработаны в трудах Э. Сепира, Н.С. Трубецкого, М. Сводеша), изучающая, как отмечает А. Степонавичюс, модели фонемных сочетаний, ограничения в дистрибуции фонем, встречаемость фонем [Степонавичюс 1982: 56].

О сопоставительном и типологическом языкознании. В XIX веке Ф. Шлегелем и А.В. Шлегелем предложена типологическая (морфологическая) классификация языков с выделением флективных, аффиксирующих, аморфных

языков. В. Гумбольдтом в отдельную группу были выделены инкорпорирующие языки [Гумбольдт 1984: 144–155]. Дальнейшая разработка типологического направления предпринималась Э. Сепиром (1993), Дж. Гринбергом (1963), Р. Якобсоном (1963) и др. учеными. Краткий обзор истории типологических работ представлен в учебниках А.А. Реформатского [Реформатский 1996: 443–456], В.Д. Аракина [Аракин 2005: 34–57], И.П. Сусова [<http://homepages.tversu.ru/~susov>] и др. Основные понятия типологической лингвистики, принципы типологических исследований рассматриваются В.Н. Ярцевой (1967), В.Д. Аракиным (2006), Демесиновой (2006) и др. Противоречия в терминологии обсуждаются А.Л. Зеленецким [Зеленецкий 2004: 6–7]. Сопоставительное (сравнительное) языкознание «основано на сравнении соответствующих явлений разных языков... независимо от наличия или отсутствия между ними генетических связей», типологическое же языкознание исследует принципы, разрабатывает способы типологической классификации языков [Ахманова 1969: 442, 476]. К примеру, по мнению В.Д. Аракина, «в отличие от сопоставительного, типологический метод имеет дело с сопоставлением, на основе которого выявляются изоморфные и алломорфные черты целых систем, подсистем и микросистем исследуемых языков» [Аракин 2005: 59]. Сопоставительные, а также типологические исследования в большинстве случаев преследуют практические цели, к примеру, лингводидактические (Гак 1976; Закирьянов 2015).

Фонетика как объект сопоставительно-типологических исследований. Исследование типологии фонологических систем – относительно молодое направление в науке – появилось в XX веке. Проблемы фонологической типологии были подняты в работах Е.Д. Поливанова (1933; 1968), Р.О. Якобсона (1963), Дж. Гринберга (1970), В.Г. Гака (1976), Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова (1984), В.Б. Касевича (1983; 1988), Э. Сепира (1993) и др. Основателем направления типологии фонологических систем, а также исторической (диахронической) фонологии, является Н.С. Трубецкой (1960). Как пишет Ю.С. Маслов, по одному из существенных признаков фонологической типологии, «характеру основной фонологической единицы языка» [Маслов 1987: 232], классифицируются языки

фонемного и слогового строя. В.Б. Касевич придерживается классификации, различающей языки слоговые, неслоговые или фонемные, несобственно слоговые, неслоговые с чертами силлабизма [Касевич 1988: 20].

Ввиду отсутствия устойчивой традиции выделения общих типов на уровне фонетики и фонологии, как правило, исследуются частные типологии (вокалических или консонантных систем, фонотактики, просодических систем) и, как справедливо отмечают фонетисты, «типологический подход подчеркивает индивидуальность, специфику каждого типа, его несводимость к другому» [Кодзасов 2001: 404]. По мнению авторов «Исторической типологии славянских языков», «при генетическом подходе основным предметом исследования является материальная природа сопоставляемых формальных единиц языка – главным образом фонем и морфем, между тем как типологическое исследование направлено на роль этих единиц в системе парадигматических отношений языка» [1986:10–11]. То есть при сопоставительно-типологических исследованиях особая роль уделяется фонологическому уровню.

В работе Н.А. Федяниной перечислены критерии сопоставления фонетических и фонологических систем исследуемых языков. Данный подход предусматривает сопоставление инвентаря фонем, фонемных систем (систем фонемных противопоставлений, дифференциальных признаков), сравнение систем позиций фонем (обусловленных варьированием фонем в различных позициях, сохранением или нейтрализацией противопоставлений фонем), учитывает функциональную нагруженность фонологических единиц, структуру корня, просодические структуры, закономерности сочетания фонем, тенденции фонетических изменений [Федянина 1979: 16–18].

Учеными признается важность морфонологических исследований, направленных на изучение «фонологической структуры морфем разного типа и использование фонологических различий в морфологических целях» [Кубрякова 1990, <http://tapemark.narod.ru/les/315b.html>].

Об исторической (диахронической) фонологии. Идеи имманентно-формального и структурно-функционального анализа (в трудах И.А. Бодуэна де

Куртенэ, А. Мартине, И.И. Мещанинова, Е.Д. Поливанова, Ф. де Соссюра, Н.С. Трубецкого, Ф.Ф. Фортунатова, М. Халле, Н. Хомского, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона и др.), развиваясь в полемике с историческими исследованиями, в последующем дали толчок к появлению диахронической фонологии. В трудах Н.С. Трубецкого (1937), Р.О. Якобсона (1962) пересмотрены идеи Ф.де Соссюра, противопоставлявшего синхронический (статический) и диахронический (эволюционный) аспекты лингвистики [Соссюр 1977: 114], показана системная обусловленность звуковых изменений. Одним из ведущих теоретических принципов исторической фонологии является признание взаимообусловленности фонологического и фонетического уровней языка [Колесов 2008: 10]. Т.В. Гамкрелидзе признает общетеоретическую значимость использования реконструированных языковых моделей при структурно-типологическом сопоставлении различных языковых систем, способствующего выявлению изоморфных и алломорфных отношений между ними [Гамкрелидзе 1971: 35].

А. Степонавичюсом определены объект диахронической фонологии (звуковая эволюция языка, т.е. структурная перестройка и функциональная реинтерпретация систем звукового уровня) и ее задачи (реконструкция языковых систем на отдельных этапах их развития) [Степонавичюс 1982: 3, 38]. М.И. Стеблин-Каменский классифицирует аллофонные («физическое изменение звука речи») изменения и фонемные изменения. По данной классификации, которой мы придерживаемся в диссертационной работе, фонемные изменения могут быть синтагматические («происходят в отдельных словах») и парадигматические («изменение в общем составе фонем в языке, т. е. возникновение новых фонем или исчезновение старых фонем», соотнесенное с изменениями различительных признаков) [Стеблин-Каменский 1966: 9, 12, 13].

Б.И. Осипов, анализируя труды по диахронической фонологии, отмечает, что необходимость диахронического анализа фонологических систем, как способа поиска системных причин развития звукового строя языка, не подлежит сомнению [Осипов 2013: 5].

С.А. Бурлак, С.А. Старостин считают, что при анализе фонетических изменений необходимо учитывать морфонологические особенности исследуемых языков, поскольку «морфонологическая система обычно во многом совпадает с реконструкцией более древней фонологической системы» [Бурлак 2005: 147], а при исследовании аффиксальных морфем – фонетическую редукцию самостоятельных лексических единиц, возникших при грамматикализации – процессах «возникновения грамматических показателей из лексических источников» [Там же: 22].

В более поздних работах, посвященных проблемам фонологии, прослеживается неприятие разделения фонетики и фонологии, резкого противопоставления синхронии и диахронии при осознании их несомненного различия [Попов 2004: 3].

Об исторической (диахронической, динамической) типологии. Диахроническая типология, активно разрабатываемая в 30–40-х и 70-х годах XX века, предусматривает задачи изучения исторических изменений типологии отдельных языков, главных тенденций их развития, сходства категориально-содержательных структур. Типологический подход к процессам исторических изменений различных языков берет начало в трудах А. Шлейхера, Р. Якобсона, в советском языкознании связан с теорией Н.Я. Марра, используется в работах А.А. Потебни, И.И. Мещанинова, М.М. Гухман, Г.А. Климова, Б.А. Серебренникова, В.В. Иванова, Т.В. Гамкрелидзе, Э.А. Макаева, Г.П. Мельникова и др. К примеру, А. Мейе отмечает, что «характерный структурный тип и характерные детали», эволюция родственных, в частности индоевропейских, языков, «во многих отношениях если не тождественна, то параллельна» [Мейе 1938: 80]. Идеи А. Мейе находят развитие в исследованиях М.М. Гухман (1981).

Как говорится в «Исторической типологии славянских языков», с конца 50-х годов возникает тенденция сближения «типологического языкознания с историческим»; с одной стороны, типологические данные используются для верификации реконструкций праязыка, с другой – продолжаются «исследования,

направленные на выявление одинаковых процессов исторических изменений в языках мира» [Исторической типологии славянских... 1986: 14]. Наблюдается интеграция методов сопоставительно-типологического и сравнительно-исторического языкознания, сочетающая приемы синхронно-типологического описания сопоставляемых языков «с объяснением генезиса каждого отмечаемого типологического признака – сходства или различия – при помощи данных исторического и сравнительно-исторического языкознания» [Там же:17].

В современных учебниках по типологии задачи исторической и диахронической типологий конкретизированы: если историческая типология занимается изучением эволюции языковых типов, то диахроническая типология ставит задачу установления типов конкретных структурных изменений [Шилихина 2007: 19].

Объектом *историко-типологических исследований в области фонетики* становились, в основном, группы близкородственных языков, например, славянских (Историческая типология славянских... 1986), тюркских (Черкасский 1965; Баскаков 1988) и др. Исследованию в синхроническом и диахроническом аспектах подвергались морфонологические системы неблизкородственных (романских, славянских) языков (Данилина 2012).

Итак, мы наблюдаем интегральные тенденции в современной лингвистике, проявляющиеся, как пишет Е.С. Кубрякова, в возникновении междисциплинарных исследований, в синтезе парадигм научного знания [Кубрякова 1995: 155–171, 206–230], что обуславливает необходимость применения комплексного подхода для сопоставления в диахроническом плане систем фонем языков, принадлежащих к различным семьям. Также необходимо отметить, что сопоставительно-типологические исследования в синхроническом аспекте не могут претендовать на полноту. К примеру, Таблица 1 – «Фонологические особенности башкирского, баскского, русского языков по WALS» в целом составленная по данным, представленным во «Всемирном атласе языковых структур» («The World Atlas of Language Structures») [WALS, <http://wals.info/>], не отражает их сугубо

специфические, уникальные характеристики. Для сравнения приводятся данные по фонологии русского языка (по WALS), относящегося к флективному типу.

Таблица 1 – Фонологические особенности башкирского, баскского, русского языков по WALS

	Языки		
	башкирский	баскский	русский
Количество согласных	умеренно большое	среднее	умеренно большое
Количество гласных	большое (7–14)	среднее (5–6)	среднее (5–6)
Соотношение согласных и гласных	среднее	умеренно высокое	высокое
Звонкие смычные и щелевые	+	смычные (щелевые – в диалектах)	+
Звонкие и глухие смычные /p, t, k, b, d, g/	+	+	+
Увулярные согласные	+	–	–
Глоттализированные согласные	–	–	–
Латералы шумные	–	–	–
Велярные назальные	отсутствуют в анлауте	–	–
Назальные гласные	нет противопоставления	нет противопоставления	нет противопоставления
Огубленные гласные переднего ряда	+/i/, ø/	(/ĩ/ (Z)) [Trask 2008: 59])	–
Структура слога	комплексная	комплексная	комплексная
Тон	–	–	–
Позиция ударения	в последнем слоге	во втором слоге	нефиксированная
Типы ритма	–	–	–
Общераспространенные согласные	+	+	+
Редкие согласные	звук θ	–	–

Отметим, что, во Всемирном атласе языковых структур, в отличие от данных татарского языка, достаточно полно представлены данные по башкирской фонологии по работам Н.К. Дмитриева, Н.Н. Поппе, А.А. Юлдашева и баскской фонологии по работе М. Салтарелли (M. Saltarelli) и др.

Итак, суммируя вышесказанное, можно заключить, что сопоставление эволюции фонетических систем языков, имеющих сходство в ведущих типологических признаках на уровне грамматики (в нашем случае – агглютинативных), но степень генетического родства которых неизвестна или не рассматривалась, оправдано стремлением к достижению более глубокого понимания развития систем фонем, выявлению их общих и частных характеристик. Сложный, изменчивый характер языковой системы предполагает необходимость комплексного использования описательного, сравнительно-сопоставительного, сравнительно-исторического, сопоставительно-типологического и других методов при лингвистических исследованиях.

1.2. История изучения систем фонем тюркских, башкирского, татарского языков

«Собрание тюркских наречий» (Диван лугат ат-турк) 1072–1074 гг. Махмуда Кашгарского представляет первый опыт классификации тюркских языков (по огузской, кыпчакской, тюркской (уйгурской) группам) с учетом их фонетических различий.

Обзор и классификация вокалических и консонантных систем тюркских языков приводятся в фундаментальном труде В.В. Радлова «Фонетика северных тюркских языков» 1882 г. Ученый рассматривает гармонию тюркских гласных во взаимосвязи с агглютинацией, основываясь при этом на теоретических взглядах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Другое важное утверждение В.В. Радлова – отрицание первичной долготы гласных. Ученый выделил в общетюркском языке 8 (позднее – 9) гласных, в татарском языке – 11 гласных, 23 согласных звуков, указал 7 закономерностей гармонии гласных, отметил существование башкирского звука θ . Как утверждает Ф.Ю. Юсупов, в более поздних работах В.В. Радлов очень

близок к пониманию фонемы в духе Бодуэна де Куртенэ [Юсупов 2012]. Словарь тюркских языков «Опыт словаря тюркских наречий» в 4-х томах (Радлов, altaica.ru/v-turks.php), составленный ученым, не теряет актуальность и в настоящее время, ввиду того, что в нем зафиксировано множество исторических форм тюркских лексем.

Труды М. Рясанена (Räsänen 1955; 1957) не теряют ценность для сравнительно-сопоставительных исследований по тюркским языкам, ввиду тщательного подбора и обобщения фонетического и грамматического материала.

В 1955 году под руководством Н.К. Дмитриева сотрудниками Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР был издан коллективный труд «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», в состав которого вошла «Часть 1. Фонетика». 60–70-е годы прошлого столетия ознаменованы всплеском интереса к тюркологическим работам.

«Древнетюркский словарь» (1969), составленный коллективом авторов (В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак) на материале лексики древних и среднетюркских памятников VII–XIII веков, также работа В.М. Насилова «Язык орхоно-енисейских памятников» (1960) представляет ценный материал для исторических исследований по тюркской фонетике.

В работе «Сравнительная фонетика тюркских языков» (1970) А.М. Щербака исследуются важнейшие теоретические и практические вопросы синхронной фонологии (анализ дифференциальных признаков тюркских фонем), исторической фонетики (эволюция фонем), диахронической фонологии (история и тенденции развития фонологических систем). Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» (1986) рассматривают ряд сложных проблем, в т. ч. вопрос о происхождении анлаутной фонемы /j-/. «Историко-типологическая фонология тюркских языков» (1988) Н.А. Баскакова является фундаментальным трудом по диахронической и структурно-типологической фонологии тюркских языков.

Сектором тюркских языков (Отдел урало-алтайских языков) Института языкознания РАН разработана «Сравнительно-историческая грамматика тюркских

языков» (Фонетика (1984); Морфология (1988); Лексика (1997; 2001); Синтаксис (1986); Региональные реконструкции (2002); Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (2006)) в шести томах. «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика» (1984) (авторы Н.А. Баскаков, Н.З. Гаджиева, А.А. Ковшова, Л.С. Левитская, Л.А. Покровская, Э.Р. Тенишев, А.А. Юлдашев) обобщает материал и результаты предшествующих исследований по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Региональные реконструкции» (2002) (авторы Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.А. Чеченов) прослеживаются процессы обособления и развития звуковых систем групп тюркских языков. Последний том (СИГТЯ 2006) представляет особый интерес в плане восстановления пратюркской фонетической и морфологической систем с учетом праалтайских реконструкций; описания взаимоотношений тюркских языков с территориально и исторически соседствующими (китайским, енисейскими, тохарским и др.) языками.

Серия этимологических словарей тюркских языков (1974–2003), авторами которых являются Э.В. Севортян и коллектив ученых, отличается строгостью изложения словарных статей, взвешенным характером предлагаемых реконструкций и является неоценимым источником в историко-фонетических исследованиях, позволяет отслеживать фонетические процессы.

Работы чувашских ученых, посвященных фонетике и этимологии чувашского языка (Федотов 1996; Корнилов 1989; Егоров 1992 и др.), способствуют использованию материала чувашского языка в тюркологических исследованиях. Чувашский язык занимает особое место в классификации тюркских языков ввиду ряда фонетических особенностей (наличия явлений ротацизма, ламбдаизма).

Благодаря трудам В.И. Рассадина (1971; 2014), Е.И. Убрятовой (1985), И.Я. Селютиной (2000), К.А. Бичелдея (2001), Н.Н. Широковой (2001), Т.Р. Рыжиковой (2003) и др., достаточно хорошо изучены звуковые

и фонологические системы тюркских языков сибирского ареала, также представляющих несомненный интерес для фонетических исследований.

Фонетика башкирского языка исследуется в фундаментальных трудах Н.К. Дмитриева 1948 г. (Дмитриев 2007), Дж. Г. Киекбаева (1958). В работе Н.К. Дмитриева, кроме описательного и других методов, применен метод сопоставительно-типологического анализа применительно к фонетическому материалу башкирского и русского языков. Дж. Г. Киекбаев выделяет основные закономерности эволюции фонетической системы башкирского языка, отдельные фонетические явления башкирского языка рассматривает в сопоставлении с фактами татарского и других тюркских языков. А.М. Азнабаев, В.Ш. Псянчин в работе «Башкорт теленең тарихи морфологияһы: сағыштырма-тарихи тикшеренеү тәжрибәһе» («Историческая грамматика башкирского языка: опыт сравнительно-исторического исследования») (1976) рассматривают эволюцию башкирских аффиксов в сравнении с общетюркским материалом, анализируют исторические изменения башкирских и тюркских фонем в аффиксальных морфемах в свете теории определенности-неопределенности Дж. Г. Киекбаева (1972). Монография Т.М. Гарипова «Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики» (1979) посвящена истории кыпчакских языков Урало-Поволжья; тщательному сопоставительному анализу фонетического строя башкирского и татарского языков и их диалектов в синхроническом и диахроническом аспектах, описанию, позиционному и функциональному анализу «многочисленных репрезентаций» [Гарипов 1979: 269] звукотипов башкирского и татарского языков.

Реликтовые сочетания типа /*lt, nt, rt, nk, ɲq*/ в башкирских говорах рассматриваются в работе Ф.Г. Хисамитдиновой (1989) и определяются как древнейшие фонетические явления, свойственные тюркским языкам. Отдельные проблемы башкирского консонантизма затрагиваются в исследовании Н.Н. Широковой «Историческое развитие якутского консонантизма», к примеру, вопрос о переходе *s- > h- > [0]* [Широкова 2001: 77–78]. Обобщенный анализ развития консонантизма башкирского языка приводится в диссертационной работе

Л.К. Ишкильдиной «Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов)» (2013).

Академическое описание фонетической системы башкирского языка предложено в «Грамматике современного литературного башкирского языка» под ред. А.А. Юлдашева (1981). Фонетика, морфонология башкирского языка описываются в учебнике под авторством Н.Х. Ишбулатова и М.Х. Ахтямова (2002). Морфонологическая система башкирского языка изучается в работе Г.Р. Абдуллиной (2004), описывается К.Г. Ишбаевым, З.К. Ишкильдиной (2006).

Башкирские говоры учеными объединяются в восточный, южный, северо-западный диалекты, выделяются группы северо-восточных и юго-восточных говоров [БТДн: 10]. Фонетические особенности, консонантные и вокалические явления в диалектах и говорах башкирского языка описаны в трудах Т.Г. Баишева (1955), У.М. Яруллиной (1959; 2009), Н.Х. Ишбулатова (2000), С.Ф. Миржановой (2006), Н.Х. Максютковой (1976), М.И. Дильмухаметова (2006), Р.Ш. Алсынбаевой (2010) и др. Систематизация башкирских диалектов и говоров представлена в «Диалектологическом атласе башкирского языка» (2005).

З.Ф. Юсупова пишет, что использование сопоставительного подхода к описанию фактов татарского языка берет начало в XIX веке, отмечая труды К. Насыри «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах» 1860 г. и «Образец русско-татарской грамматики, по методу арабской грамматики» 1891 г., ставших «своего рода первым опытом сопоставления фонетической системы и грамматического строя русского и татарского языков» [Юсупова, http://repository.kpfu.ru/?p_id=37350]. Характеристика фонетического строя татарского языка, исторические аспекты татарской фонетики, вопросы классификации татарских звуков содержатся в трудах татарских лингвистов Дж. Валиди «Татар теле грамматикасы» 1919 г. [Приводится по: Латыпов 2007], Г. Алпарова «Шәкли нигездә татар грамматикасы» 1926 г. [Приводится по: Губайдуллина, <http://cheloveknauka.com/tatarskaya-eksperimentalnaya-fonetika>], в первом томе «Татарской грамматики» (1992–1995) «Происхождение языка. Фонетика. Фонология...» (1995) и др. Фонетические особенности старотатарского

языка (XIII – начало XX вв.) определены в I томе «Истории татарского литературного языка» (Татар әдәби... 2015) под авторством И.Б. Башировой, Ф.Ш. Нуриевой, Э.Х. Кадировой.

Виды фонетических изменений, количество гласных фонем рассмотрены в работе Р.Ф. Шакировой «Введение в современную татарскую фонетику» («Хәзерге татар теле фонетикасына кереш») (1954). У.Ш. Байчура в исследовании «Звуковой строй татарского языка» (1959; 1961) выделяет критерии различения фонем и их состав. Первые попытки анализа звуков татарского языка в свете фонологической теории появляются в 60-е годы прошлого века. Проблемам фонологии посвящена специальная работа М.А. Сагитова (Сәгыйтов 1972). Акустическое описание гласных, аллофонные изменения, сочетаемость гласных, специфика татарских систем фонем и отдельных фонем описаны и исследованы Х.Х. Салимовым [ТГ 1995: 58–85; Сәлимов 1983; 1989; 1993]. Фонетические закономерности татарского языка в теоретическом и практическом аспектах рассмотрены в учебниках Г.М. Сунгатова (2001), Ф.С. Хакимзянова (Хәкимжан 2001).

Отдельные вопросы татарской исторической фонетики изучаются в работах Г.Ш. Шарафа (1927), Л.З. Заляя (1954), Ф.С. Фасеева (1985), В.Х. Хакова (1993), Ф.М. Хисамовой (2012). В предисловии к «Краткому историко-этимологическому словарю татарского языка» Р.Г. Ахметьянов обобщает специфические фонетические и фонотактические характеристики исконных татарских лексем и заимствованной лексики [Әхмәтъянов 2001: 3–6]. По мнению автора, фонетические характеристики в большинстве случаев позволяют определить исконное или иноязычное происхождение той или иной лексемы [Там же: 4].

Фонетика татарского языка в сравнительно-историческом плане (в связи с другими тюркскими языками) рассматривается в статье В.А. Богородицкого (1926). Сравнительно-сопоставительному исследованию татарских и чувашских систем фонем посвящены работы Р.Г. Ахметьянова (1978), С. Хаттори (1980), Н.Н. Поппе (2013).

Татарские диалекты представлены 5-ю (средним, западным (мишарским), тоболо-иртышским (сибирским), барабинским, томским) диалектами [ТХС I: 4;

ТТЗДС: 11]. Исследования по диалектальной фонетике представлены в работах Г.Х. Ахатова (1963; 1980), Г.Ф. Саттарова (1965), Л.Т. Махмутовой (1974), Д.Г. Тумашевой (1977), Г.Х. Сунгатова (1991), М.Р. Хабибуллиной (2002), Р.С. Барсуковой (2004), Р.Н. Рахимовой (2007), Ф.С. Баязитовой и Д.Б. Рамазановой (Татар халык сөйләшләре 2008) и др.

А.Г. Шайхулов (2000) в своих работах анализирует структуру и семантическое развитие односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья. Кандидатская диссертация Н.У. Халиуллиной (2002) посвящена семантической и идеографической характеристикам односложных корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества.

Е.Д. Поливановым впервые был применен метод синхронно-сопоставительного анализа к материалу тюркского и неродственного языков в работе «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (1933). Исследования по фонетике башкирского и татарского языков в сопоставлении с внешним материалом в основном продиктованы учебно-методическими целями. В частности, в качестве объектов сопоставления выступали фонетика татарского и финно-угорских (Байчура 1961), башкирского и русского языков (Закирьянов 2002; Азнабаев 2006), морфонология (Ишкильдина 2011), фонетика татарского и русского языков (Газизов 1977; Кульшарипова 1998), фонетика (Бакеева 1985), морфонология (Баширова 1994), словообразование (Гатиатуллина 1979; Ахметзянова 1996) татарского и английского языков. Контактные отношения башкирского, татарского языков с языками финно-угорской семьи и отдельные фонетические проблемы исследованы И.С. Насиповым (2009), Н.А. Мукимовой (2014) и др. учеными. Отдельные вопросы башкирской морфонологии в сопоставительном аспекте находят освещение в трудах Э.Ф. Ишбердина (1986), М.В. Зайнуллина (2012; 2013).

Существуют несколько точек зрения на классификацию языков тюркской семьи. Классификация, предложенная Н.А. Баскаковым, учитывает периодизацию и этапы формирования тюркских языков [Баскаков 1988: 74]. Географические, фонетические и морфологические критерии отражает классификация

А.Н. Самойловича [СИГТЯ 2006: 767]. Историческая классификация С.Е. Малова основана на совокупности фонетических закономерностей (переход задних согласных *g* и *ɣ* в гласные, полугласные и долгие гласные переднего ряда (опереднение звуков); наличие или отсутствие первоначальных долгот; наличие большего количества звонких согласных в более молодых языках и большего количества глухих согласных в древних языках; сохранение в более древних языках сочетаний типа *-rt-*, *-lt-*, *-nt-* в разложимых основах и др.), характеризующих древность или новизну языков [Малов 1952].

Татарский и башкирский языки, по мнению В.В. Радлова, относятся к западной группе и отличаются наличием глухих согласных *k*, *t*, реже *p* в анлауте, наличием *s*, *z* и *ʃ* во всех позициях; по классификации В.А. Богородицкого, данные языки принадлежат к поволжско-приуральской группе по признаку сужения гласных *e > i*, *o > i* [Приводится по: Гаджиева 1997]. По классификации А.Н. Самойловича, башкирский и татарский языки отнесены к волжско-кыпчакским, северо-западным (кыпчакским), по классификации Н.А. Баскакова – к кыпчакско-булгарским, далее кыпчакским, кыпчакско-огузским, огузо-карлуко-кыпчакским, западнохунским группам тюркской семьи [СИГТЯ 2006: 767]. В более поздних классификациях применяются методы глоттохронологического анализа (Мудрак 2009). Примечательно, что в исследованиях, основанных на лексико-статистических данных (по стословникам, созданным по уточненной методике Яхонтова – Старостина), башкирский язык хронологически оказывается более отдаленным от татарского в составе карлуко-кыпчакских языков [СИГТЯ 2006: 770–771]. Тем не менее современные башкирский, татарский языки «в своей фонетике и грамматике имеют больше сходств, нежели резких отличий» [Миржанова 2006: 184].

В диссертационной работе мы придерживаемся мнения Т.М. Гарипова, по которому башкирский и татарский языки относятся к урало-поволжской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков [Гарипов 1979: 15].

Ряды регулярных и спорадических соответствий башкирских, татарских фонем в корневых, аффиксальных морфемах, особенности эволюции башкирских,

татарских вокалических, консонантных систем и развитие отдельных фонем рассматриваются в соответствующих разделах. Закономерности исторических соответствий башкирских и татарских фонем обобщаются в кратких выводах соответствующих глав.

1.3. Тюркские языки и алтайская, урало-алтайская, ностратическая гипотезы

Изучение систем фонем башкирского и татарского языков в историческом и сопоставительно-типологическом аспектах находится в тесной связи с алтайскими, урало-алтайскими, компаративистическими исследованиями. Шведским ученым Ф.И. Таббертом-Страленбергом в 1730 году впервые была высказана урало-алтайская гипотеза [Страленберг 1985: 72–73]. Она продолжает оставаться в центре внимания ученых. Дж. Г. Киекбаев приводит обстоятельный обзор литературы по урало-алтайской проблематике [Киекбаев 1972: 25–55] и рассматривает урало-алтайские параллели в показателях категории определенности-неопределенности. Отдельные вопросы урало-алтаистики обсуждаются Е.А. Хелимским (2000). Б.А. Серебрянников, Н.З. Гаджиева придерживаются мнения об отсутствии генетического родства между тюркскими и уральскими языками [СИГТЯ 1986: 25].

Среди работ, посвященных вопросам генетического родства алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) языков, необходимо отметить исследования Г.И. Рамстедта (1957), В.Л. Котвича (1962), Н.Н. Поппе (Porre 1965), О.П. Суника (1976). Основатель и крупнейший представитель алтайского сравнительно-исторического направления Г.И. Рамстедт отрицает связь алтайских языков с угро-финскими, включает в алтайскую семью корейский и древнеяпонский языки. Его работа «Введение в алтайское языкознание. Морфология» (1957) содержит богатый материал по алтайским аффиксам и является одним из фундаментальных трудов по алтаистике. Генетическое родство алтайских и корейского языков признавали Е.Д. Поливанов [Поливанов 1968: 156–165], Н.Н. Поппе [Porre 1965: 75–76], Н.А. Баскаков [Баскаков 1981: 7–16] и др.

Р. Миллер, позже С.А. Старостин (http://altaica.ru/LIBRARY/Starostin_AP.pdf) выступили за принадлежность японского языка к алтайской языковой семье. Отдельные теоретические вопросы сравнительного исследования тюркских и монгольского языков рассматривает Э.А. Макаев [Макаев 1977: 193–201].

В конце 80-х и 90-х годов XX века для исследований по исторической фонетике тюркских и алтайских языков привлекается материал чувашского, тунгусо-маньчжурских, японского и других языков. Коллективный труд московских ученых С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака «Этимологический словарь алтайских языков» (2003) обобщает огромный лексический и фонетический материал языков, возводимых к алтайской общности. В словаре на основе тюркских, тунгусских, монгольских, корейских, японских данных предлагается предварительная реконструкция праалтайского языка, устанавливаются закономерности эволюции фонем языков алтайской семьи. Обзор трудов по сравнительно-исторической грамматике тюркских и алтайских языков представлен в специальной статье А.В. Дыбо [Дыбо, <http://turkacadem.kz/ru/vp.php?idd=131>].

Между тем Г. Дерфер (1981), Дж. Клоусон (Clauson 2002), А.М. Щербак (1959; 1970) говорят об ареальном, типологическом характере алтайских соответствий, основываясь на фактах многовековых контактов указанных языков, отсутствия соответствий в базисной лексике, считают невозможным их сравнительно-исторический анализ. Н.И. Егоров также не поддерживает теорию Г.И. Рамстедта [Егоров 1992: 71]. И.Л. Кызласов, анализируя данные археологических исследований, считает, что тюркские языки «заслуживают самостоятельного сравнения с иными языковыми семьями, они приобретают право на сопоставление, независимое от монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий» [Кызласов 2008: 21]. В.Л. Котвич в своем труде «Исследование по алтайским языкам» [1962: 351] не исключает наличие праязыка-основы в очень отдаленном прошлом.

Середина 60-х – конец 80-х годов ознаменованы возникновением увеличенного интереса к компаративистическим исследованиям, особенно в связи

с публикациями трудов В.М. Иллич-Свитыча. В трудах ученого разрабатываются вопросы сравнительно-исторической фонетики алтайских языков (1971). Критику см. в работе Е.А. Хелимского [Хелимский 2000: 243–256]. Несмотря на существование разногласий между «макро-компаративистами», интерес к ностратической теории поддерживается и в современности, предлагаются новые списки ностратических реконструкций (А.Р. Бомхард, А.В. Долгопольский, С.А. Старостин). Исследование Н.Д. Андреева по выявлению ранних «двусогласных» бореальных корней связано с направлением французской компаративистской школы [Андреев 1986: 3] и содержит интересные результаты структурно-типологического характера. Определяя понятие бореальных языков, автор включает в их состав индоевропейские, уральские и алтайские языки.

Проблема происхождения языков привлекает все более пристальное внимание тюркологов. В работах чувашевода Н.И. Егорова высказывается мнение о формировании башкирского языка на основе тюркского диалекта огузского типа, претерпевшего влияние субстрата восточно-иранского (скифо-сакского) типа путем многократной кыпчакизации [Егоров 1991: 134–138]. В исследованиях видного татарского ученого М.З. Закиева (2003; 2011) анализируются тюркские этнонимы и устанавливается их древний характер, проводится мысль об автохтонности тюрков Урало-Поволжья с III–IV тыс. до н. э. и о ностратических корнях тюркских языков. По мнению Н.З. Гаджиевой, «формирование отдельных тюркских языков началось довольно рано на территории Кавказа, южной части современного Ирана, части территории современного Узбекистана и в местах расселения уйгуров – основного первоначального центра огузских и кыпчакских языков» [Гаджиева 1997: 22]. Башкирский лингвист Ш.В. Нафиков (2003; 2009) рассматривает башкирский язык в свете ностратической теории. Ю.Н. Дроздов (2008) этимологизирует европейские этнонимы на материале тюркских языков. Ф.Р. Латыпов (2003) уверен, что в этрусском языке присутствует большое количество тюркских элементов. А.Г. Каримуллин (1995), Д.Б. Рамазанова (<http://newipi.antat.ru/upload/ramazanova/america.pdf>) выделяют лексические соответствия в тюркских языках и языках американских индейцев.

1.4. История изучения баскской фонетики в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом аспектах

Баскский язык распространен в западной части Пиренейского полуострова. «Представители этой народности исторически населяют провинции Алава (Араба), Бискайя, Гипускоа и Наварра (Нафарроа) в современной Испании и приграничные районы Франции... Лабур (Лапурди), Суль (Субероа), Нижняя Наварра (Беенафарроа)» [Ландабасо Ангуло 2004: 24]. По гипотезам историков, носители баскского языка могли обосноваться на нынешних территориях в период с 4000 до 2000 года до н. э. [Astrain 2003: 36]. Р.Л. Траск пишет, что баскский язык в течение двух тысячелетий был подвержен влиянию соседних индоевропейских языков. Учитывая вековые контакты, присутствие кельтских слов незначительно, при этом влияние латинского языка было огромным; много заимствований из испанского языка, диалектов окситанского (гасконского); зафиксированы несколько слов арабского происхождения, часть из которых отсутствует в романских языках [Trask 2008: 10, 49–50].

Агглютинативный баскский язык, находящийся в географическом и историческом окружении флективных языков, начиная с XVIII века традиционно привлекает внимание и повышенный интерес ученых. В начале прошлого столетия баскскому языку посвящались работы Г. Шухардта (Schuchardt 1913), Г. Лакомбе (Georges Lacombe) и др. В 1886–1896 годах издавался журнал «Euskara» (Берлин), в 1907–1936 годах – «Международный журнал баскологических исследований» («Revista Internacional de Estudios Vascos»), основанный Ю. Уркуихо (Julio Urquijo). В 1918 году прошел первый конгресс баскских исследований и учреждена Академия баскского языка «Эускальцандиа» (Euskaltzaidia), усилиями которой был унифицирован литературный язык *эускара батуа* (euskara batua). Авторами наиболее полных и общепризнанных грамматик баскского языка являются Р. Рейк (Rijk 2007), Х.И. Уальде (J.I. Hualde) и Х. Ортис де Урбина (J. Ortiz de Urbina) (Hualde 2003).

Проблемы исторической фонетики, материалы из диалектов баскского языка рассматриваются Х.К. Уленбеком (Uhlenbeck 1910). Большой вклад в развитие

баскологии внесли работы С. Алтубе (Severo Altube). Признанной фигурой баскологии первой половины XX столетия является Р.М. де Аскуэ, автор баско-испанско-французского словаря, «Баскской морфологии», изданной в 1923–1925 гг., первый президент Академии баскского языка. Вопросы исторической фонетики и этимологии разрабатывались такими учеными, как Р. Лафон (Lafon 1999), А. Мартине (Martinet 1981), К. Мичелена (Michelena (1990), Г.К. Боуда (G.K. Bouda), М. Агуд и А. Товар (M. Agud, A. Tovar), Р.Л. Траск (Trask 1997; 2008) и др.

В баскологических работах используются сравнительно-исторический и структурно-типологический методы. Л.Н. Астраи́н (Luis Núñez Astrain) проводит обзор баскологических исследований в историко-сравнительном аспекте. Ученый признает достоинства сравнительно-исторического метода и считает, что, во избежание случайностей, необходимо учитывать историю развития исконной лексики, грамматические данные [Astrain 2003: 98].

Классической работой по применению сравнительно-исторического метода к материалу баскского языка выступает «Историческая фонетика баскского языка» («Fonética histórica vasca») (Michelena 1990) К. Мичелены, изданная в 1959 г. Данный труд является ярким примером удачного использования метода внутренней реконструкции. По мнению ученого, реконструкция праязыковых форм возможна при тщательном изучении фактического материала, сравнении диалектных особенностей и прослеживании развития ранних заимствований из латинского языка, последовательном применении сравнительного метода, анализе регулярных фонетических изменений [Michelena 1990: 18]. Ученый считает, что для проведения диахронических исследований огромное значение имеют письменные источники, материалы топонимики, ономастики XI–XVI веков. К. Мичелена опирается на работы по внутренней реконструкции Г. Бонанта (G. Boniánte), П. Наэрта (P. Naert), Дж. В. Маршанда (James W. Marchand), Г.М. Хонгсвальда (Henry M. Hoenigswald), на теоретические изыскания Ф. де Соссюра и др. Связывая баскский язык с древним аквитанским языком, он выступает против гипотезы баско-иберийского родства, известными

сторонниками которой были В. Гумбольдт (Humboldt 1985), А. Люшер (Achille Luchaire), А. Ойенарт (Arnaut Oihenart), воздерживается от применения результатов сравнения с кавказскими языками.

«Баскская фонология» (2007) Х.И. Уальде представляет несомненный интерес для фонологических исследований. В ней исследуются фонологическая система баскского языка с учетом диалектного материала, особенности фонотактики, просодии с позиции лексической фонологии.

В работах А. Эгурцеги (Egurtzegi 2013; 2014) критически осмыслены наиболее значимые труды по истории баскской фонетики и фонологии, обобщены результаты предыдущих работ, особое внимание уделено эволюции аспирации /h/, сделана попытка объяснения и обоснования звуковых изменений в баскском языке.

В диссертационной работе использованы реконструкции прабаскского языка, предложенные Р.Л. Траском (2008), С.А. Старостиным [STARLING, <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>].

Предпринимались многочисленные попытки связать происхождение баскского языка «с древнеиберийским, аквитанским, индоевропейскими (кельтским, латинским, греческим, старославянским, санскритом), берберскими языками Северной Африки, древнеегипетскими, языками Судана и юга Сахары, семитским, этрусским, минойским, шумерским, уральскими (особенно финским), бурушаски, дравидийскими, мунда, языками Индии, чукотско-камчатскими, енисейскими, китайско-тибетскими, эскимосским, на-дене, языками Северной Америки и особенно с кавказскими языками» [Astrain 2003: 179].

Отношения баскского языка с кавказскими языками рассматривали Г.К. Боуда, Г. Гавель (Gavel 1920), Г. Винклер (H. Winkler), М.В. Зеликов, Ю.В. Зыцарь, Г.А. Климов, Р. Лафон, К. Мичелена, А. Тромбетти (A. Trombetti), Х.К. Уленбек, В.А. Чирикба (1985); афроазиатскими – Х.Г. Мукаровский (H.G. Mukarovsky), Г. Шухардт, индоевропейскими языками – М.В. Зеликов (2005), Т. Пейен (T. Peillen); дене-финскими – М. Сводеш и др. Связи со скифской или та(р)тарской семьей в 1834 г. предполагал Р. Раск [Приводится по: Ruhlen 1997:

128]. Сопоставления элементов баскского и хамито-семитских, кавказских, индоевропейских, урало-алтайских (в частности – тюркских) языков, языков Америки даны в компаративистских работах А. Тромбетти (Trombetti 1905; 1925).

Общий обзор различных теорий содержится в работах Р.Л. Траска, М. Морвана, Х.А. Лакарры, В.Х. Якобсона (W.H. Jacobsen). Общая история развития баскского языка и краткий обзор литературы по фонетике баскского языка содержатся в работах Р.Л. Траска (1997; 2008), вопросы географического и исторического распространения языка – в работах таких ученых, как К. Суасо (1995), Л.Н. Астраи (2003) и др.

Баскский язык становился объектом изучения и в трудах отечественных лингвистов. В работе В.Ф. Шишмарева (1941) приводятся исторические сведения, краткая характеристика баскского языка. С 50-х годов вопросы баскского языка, преимущественно в свете кавказских языковых параллелей, поднимались в работах Ю.В. Зыцаря (1983). Преподавание баскского языка осуществляется в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете.

Из современных отечественных работ интерес представляют диссертация Г.С. Сударь (2004) по топонимии Испании, диссертации Н.М. Заики (2009), Ю.В. Адаскиной (2010) по баскским глаголам. На русском языке по баскской календарной лексике выполнена диссертация М.М. Глonti (1984), по баскским именным композитам – диссертация Г.С. Шаламберидзе (1984). В статьях описательного плана под авторством А.В. Архипова и Г.А. Нуждина (2008) представлен материал по фонетике и грамматике баскского языка. В «Баскско-русском, русско-баскском словаре» (1997) Р. Серрано, Е. Апарисио представлена статья Ш. Кинтаны (Xabier Kintana) о баскском языке. Материалы по баскскому языку, в основном научно-популярного характера, уроки баскского языка представлены на сайтах <http://www.gernika.ru>; <http://euskaldunak.narod.ru/Introduction.html>; <http://www.artamonova.es/ruso/html/euskadi/leccion.shtml>; <http://erlang.kirillpanfilov.com/euskara/?basque-lessons> и др.

Баскский язык в контексте дене-кавказской теории рассматривается в трудах Ж.Д. Бенгстона (Bengtson 2004). Отдельного внимания заслуживают баскско-грузинская и баскско-армянская гипотезы. Для сравнения, словарь «Баскско-картвельские соответствия» С.В. Жученко (2005) содержит 445 единиц. Армяно-баскские параллели впервые в 1884 г. рассматриваются Э. Доджсоном в статье «Баскские слова в армянском языке». В 1928 году Иозеф Карст выявил более трехсот баскско-армянских лексических и большое количество фонетических, грамматических соответствий. Антуан Мейе выступил с резкой критикой трудов И. Карста. В 1993 году в Ереванском государственном университете был основан армяно-баскский международный научный журнал «Аракс».

По классификации С.А. Старостина, баскский язык, наряду с енисейскими языками, принадлежит к сино-кавказской (дене-кавказской) семье [Старостин 1984; STARLING, <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>]. По мнению отдельных исследователей, существенные фонологические различия противоречат гипотезе о существовании данной семьи языков: кетский язык имеет достаточно развитую систему гласных и весьма небогатую систему согласных, в сино-тибетских языках выражен моносиллабизм, кавказские языки обладают богатыми консонантными системами, в кетском языке наблюдается значительная редукция гласных фонем, отсутствуют аффрикаты, дифтонги [Валл 1990: 25, 84]. Заметим, что енисейские языки находятся в территориальном соседстве с тюркскими языками. В работе А.Ю. Казанцева подмечена близость многочисленных элементов материальной культуры енисейских и тюркоязычных, самодийских народов [Казанцев 2004]. Алтайские заимствования в енисейских языках рассматриваются в работах польского лингвиста М. Стаховского (Stachowski 2005). Лексические единицы неясного происхождения, общие для языков самодийской, енисейской и тюркской семей, А.В. Дыбо относит к явлениям «союзного» типа [Дыбо 2007: 160].

Изучены аквитанские надписи, найденные на территориях проживания басков. А. Люшер, Р. Лафон, К. Мичелена, Х. Горрочатеги (Joaquín Gorrochategui) являются сторонниками генетической связи аквитанского и баскского языков. К лингвистам, которые считали, что баскский язык не связан ни с одной ныне

существующей языковой семьей, относились Ф. де Соссюр [Соссюр 1999: 213], Р.Л. Траск [Trask 2008: 10–11] и др.

Первый известный словарь баскского языка составлен итальянцем Н. Ландуччи (Niccolò Landucci) в 1562 году. Полнейшие словари баскского языка (с учетом всех диалектных вариантов) включают не менее 500 тысяч лексических единиц. В 1988 году М. Агуд и А. Товар начали публикацию этимологических словарных статей по баскскому языку. Обширный лексический материал, собранный ими в словаре «Materiales para un Diccionario Etimológico de la Lengua Vasca» («Материалы для этимологического словаря баскского языка») (Agud, <http://www.ehu.es/ojs/index.php/ASJU/article/view/8625/7793>), стал основой для последующих этимологических изысканий в трудах баскологов. Примечательно, что в баскской исконной лексике отсутствуют морские термины. По сообщению Иоаннаса Лейсарраги (Ioannes Leizarraga, XVI в.), говоры басков отличались многообразием. Арно Ойенарт (XVII в.) выделял северный, наваррский, гипускоанский и бискайский диалекты, Мануэль Ларраменди (Manuel Larramendi, XVIII в.) – гипускоанский, бискайский, лабурдинский, наваррский диалекты.

Классификации баскских диалектов предложены Л.Л. Бонапартом (Bonaparte 1869), Р.М. де Аскуэ и Ж. Лакомбе (начало XX века), К. Суасо (конец XX века), подробнее см. в статье Р. Серрано (Серрано 2008). На фонетическом уровне диалекты различаются по следующим изоглоссам: «наличие придыхания *h*; наличие носовых гласных; фонетическая реализация *j*; наличие фрикативного губного *f*; количество противопоставленных сибилантов; наличие озвончения сибилантов; сегменты и контексты, на которые распространяется палатализация» [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>]. «В основе современного литературного языка лежит западный (бискайский) диалект, а именно говор города Бильбао» [Ландабасо Ангуло 2004: 29]. В «Этимологическом словаре баскского языка» (2008) Р.Л. Траска, согласно традициям, заложенным К. Мичеленой, диалектный материал классифицируется по девяти диалектам: бискайский, гипускоанский, верхненаваррский, аэсконский, саларесский,

ронкальский, лабурдинский, нижненаваррский и сулетинский (зубероанский), впоследствии исчезнувший южный диалект Алавы [Trask 2008: 13].

С 1968 года прилагаются усилия для создания общего литературного языка (*euskara batua*), разрабатываются исторический словарь, атлас диалектов и грамматики [Astrain 2003: 35].

1.5. Об истории изучения тюркских и баскского языков в сравнительном аспекте

Изолированность территорий, отсутствие свидетельств об исторических контактах не способствовали появлению работ, посвященных сравнительному изучению тюркских и баскского языков. Известны лишь несколько исследований, в которых анализируется материал баскского и урало-алтайских языков в сравнительном аспекте. Как отметил В.Ф. Шишмарев, «Де Шаранси, Луи-Люсьен Бонапарт, Арно Гримм, позже Винклер сопоставляли баскский с урало-алтайскими языками» [Шишмарев 1941: 6]. Л.Л. Бонапарт обратил внимание на следующие аналогии в баскском и финно-угорских языках: показатели мн. ч. (баск. *-ak* и венг. *(a)k*), показатели категории определенности (баск. *-a: gizon – gizona* ‘человек’, мордовский *-s: loman – lomans* ‘человек’), субъектное и объектное спряжение в мордовском, вогульском, венгерском и баскском языках, гармония и соответствия гласных и др. [Bonaparte 1862].

Г. Винклер отмечает наличие определенных сходств в лексике, аффиксах урало-алтайских (в т. ч. – турецкого) и баскского языков, но рассматривает их как результат не генетических, а других взаимоотношений (предполагая древние контакты на территории восточной Европы или западной Азии) или случайностей, оставаясь убежденным сторонником генетического родства баскского и кавказских языков [Winkler 1914: 282, 323]. Для отрицания возможности генетической связи между баскским и урало-алтайскими языками он приводит примеры из области грамматики: различия в позиции определения и определяемого слова, отсутствие маркировки существительного в баскских притяжательных конструкциях,

спряжение баскских синтетических глаголов, двадцатеричная система счета, наличие эргативного строя в баскском языке и др. [Там же].

Для нас представляет интерес докторская работа французского лингвиста М. Морвана «Происхождение баскского языка и урало-алтайские языки» («The linguistic origins of basque: the ural-altaic»), изданная в 1992 и 1996 годах). Тезисы данной работы изложены в исследовании Л.Н. Астраины [Astrain 2003: 170–178]. М. Морван исследует ряд примеров фонетических и морфологических соответствий в баскском и урало-алтайских языках, утверждает, что баскский язык может быть связан далекими, тысячелетними корнями с урало-алтайской семьей, но не с какой-либо ее частью, предполагая, что более глубокие корни баскского языка нужно искать в поле ностратической общности.

М. Морван предполагает, что первым отделением от общего ствола могли быть языки американских индейцев, далее – языки восточной Сибири, далее – баскский. В частности, ученый приводит соответствия в лексике и в аффиксах, в отрицательных частицах, в системе личных местоимений 1, 2 л. ед. ч. Парные слова с дубликатом он рассматривает как аргумент в пользу гипотезы о генетической связи баскского языка с урало-алтайскими языками. По его мнению, баскский язык сформировался на базе нескольких субстратов: взаимопроникающих евразийских и древних языков Средиземного моря; Южный или Северный Кавказ может оказаться прародиной носителей баскского языка. Работы М. Морвана были подвергнуты критике ввиду того, что баскский материал сравнивается с материалом большого количества языков, возводимых к урало-алтайской семье, что оставляет место для случайностей [Приводится по: Astrain 2003: 170–177].

Примечательно, что Н.Я. Марр (1926), относил чувашский язык, наряду с баскским и армянским языками, к средиземноморской «яфетической» общности.

Одним из немногих ученых, обративших внимание на турецко-баскские и татарско-баскские параллели, был турецкий лингвист Х.З. Кошай (Koşay, Hamit Zübeyir), годы жизни – 1897–1984, уроженец села Телячи Тамак Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Тукаевский район Республики Татарстан) [Koşay

1957; 1959]. По мнению ученого, прослеживаются соответствия в отдельных лексемах, аффиксах, словосочетаниях тюркских (в т. ч. татарского) и баскского языков.

К материалу баскского языка в пределах компаративистских изысканий обращался уфимский лингвист Ш.В. Нафиков (2003; 2009; 2016).

Отметим, что по исследованиям А.С. Лобова, в генеалогии башкир Южного Урала преобладают западноевразийские гаплогруппы R-SRY10831.2, R-M269 [Лобов 2009: 20]; также см. работу С.И. Хамидуллина [Хамидуллин 2015: 122–123]. Генеалогические данные не могут рассматриваться как показатель генетических или контактных связей между языками, но все чаще привлекаются в новейших компаративистских работах в качестве дополнительного материала.

В целом, тюркско-баскские языковые отношения остаются недостаточно изученными в сравнительном и сопоставительно-типологическом планах.

1.6. Об отдельных структурно-типологических сходствах тюркских и баскского языков

Выявляется ряд особенностей, общих для тюркских и баскских систем просодии, морфологии, синтаксиса, способствующих более глубокому пониманию истории систем фонем башкирского, татарского и баскского языков.

Незначительная функциональная нагрузка ударения. А.М. Щербак считает, что ударение в тюркских языках, в т. ч. в башкирском и татарском, «силовое (экспиритарное), часто, но не всегда, сопровождается повышением тона,... падает на последний слог» и в некоторых словах – на предпоследний слог, и в целом, по мнению ученого, оно не имело значительной функциональной нагрузки в праязыке [Щербак 1970: 117]. Отдельные исследователи относят тюркские языки к анакцентным, отмечая, что функции ударения выполняет сингармонизм [Касевич 1988: 21]. Т.А. Баданова приходит к мнению, что «наиболее распространенными параметрами тюркского ударения являются тональность и интенсивность», «слабоцентрализирующий характер», не способствующие качественной редукции гласных [Баданова, <http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2007/01/15.pdf>]. Особой

устойчивостью обладают башкирские, татарские гласные в односложных корнях, первых, вторых слогах многосложных корней [Кейекбаев 1958: 48], тем не менее наблюдаются явления редукции гласных, элизии в сложносоставных словах; наличие безударных аффиксов [Там же: 45–58, 182; Щербак 1970: 63; Гарипов 1979: 251; Ибрагимов 2009: 288–298].

Как отмечает Х.И. Уальде, баскское ударение нефонематично и, как правило, падает на второй слог слова; оно свойственно, скорее, синтагме или даже целой фразе; двусложные слова несут ударение на начальном слоге; имеются диалектные различия (*néska* (C), *neská* (Z) ‘девушка’) [Hualde 2003: 65–72].

Агглютинативный строй. Основное типологическое сходство рассматриваемых языков на морфологическом уровне заключается в их агглютинативном характере. Агглютинация, по мнению В. Котвича, предопределяет основу строения алтайского слова, обусловленную наличием односложного неизменяющегося корня и односложного суффикса, изменяющегося в зависимости от структуры корня [Котвич 1962: 30]. Как пишет Ч.С. Тулеева, агглютинация предполагает следующие закономерности в тюркской фонетике: неизменяемость корня слова; чередование фонем, происходящее лишь в определенных фонетических условиях; сингармонизм; однозначность аффиксов; механическое присоединение аффиксов без спайки или фузии [Тулеева 2010]. Э.Р. Тенишев отмечает, что «соединение аффиксов с основой в тюркских языках происходит путем агглютинации» [СИГТЯ 1988: 6].

Баскские фонетисты признают, что агглютинация выступает важнейшей типологической характеристикой баскского языка [Trask 2008: 12], оказывающей огромное влияние на фонетическое и морфемное строение слова [Michelena 1990: 133]. Заметим, что баскский язык отличается «обилием используемых суффиксов как при деривации, так и при склонении имен существительных, прилагательных и глаголов» [Бильелабейтия 2008]. Ж.А. Лакарра приходит к выводу о том, что анализ развития системы агглютинации может являться основным источником прогресса в восстановлении структуры и эволюции баскского языка [Lakarra 2006: 234].

Консервативный характер. По мнению М.З. Закиева, «агглютинативные языки больше сохраняют древние праязыковые черты ввиду того, что корни слов, а также формы склонения и спряжений настолько стандартизованы, что не имеют исключений» [Закиев 2011: 12]. Н.А. Баскаков наблюдает сохранение множества рудиментных явлений в тюркских языках, а болгарские (древнеболгарский, чувашский), кыпчакские (башкирский, татарский), уйгуро-огузские (язык орхон-енисейских памятников, хакасский, алтайский) языки относит к маргинальным языкам, т. е. относящимся к зоне консервации [Баскаков 1988: 16, 24].

Р.Л. Траск считает, что «фонология баскского языка в течение последних 2000 лет была более консервативной, чем у соседних романских языков. Топонимы и личные имена, записанные еще в римский период, мало отличаются от современных форм, а заимствованные слова из латинского языка лучше сохранились в современных баскских говорах, чем в романских» [Trask 2008: 25].

Тенденция к аналитизму. Тюркские языки характеризуются признаками, свойственными и для аналитических языков. Так, по гипотезе Н.А. Баскакова, тюркские языки прошли первоначальную изоляцию, этап аналитизма и пришли к агглютинации [Баскаков 1979: 145]. Ф.А. Ганиев считает, что тюркские языки являются агглютинативно-аналитическими языками в силу того, что достаточно большая часть лексических и грамматических значений выражается аналитическим способом [Ганиев 1974: 8]. В.Л. Котвич пишет, что «алтайские языки, как языки агглютинативные, имеют в их современном состоянии много черт, характерных, с одной стороны, для аналитических языков Дальнего Востока, а с другой – для языков флективных (индоевропейских)» [Котвич 1962: 30]. Словосложение с сочинительным и подчинительным отношением компонентов является одним из производительных способов словообразования в башкирском и татарском языках [ТГ 1995: 211; ГСБЛЯ 1981: 110, 212].

Баскский язык обладает ярко выраженной «композицией», т. е. сильно развитым словосложением и корпусом композитов из десятков тысяч единиц [Шаламберидзе 1984]. Как пишет В.Ф. Шишмарев, «тяготение к аналитическому

строю» наблюдается в глаголе, но, реликтами более архаического строя являются синтетические, вспомогательные глаголы [Шишмарев 1941: 39].

Соответствия в послелогох. Послелогии в тюркских языках, по мнению Н.Х. Максютковой, «по своей функции очень близки к падежным аффиксам» [ГСБЛЯ 1981: 323] и образуют систему аналитических падежей. При этом татарские лингвисты отличают тенденцию к приобретению релятивных значений знаменательными словами, а также – полифункциональность послелогов (употребление в составе как именных, так и глагольных частей речи) [ТГ 1993: 306–307].

Как пишет Р.Л. Траск, в современном баскском языке послелогии играют значительную роль, и большинство послелогов представляют собой формы существительных [Trask 2008: 11]. В статье Д.Д. Сулеймановой выявляются соответствия в структуре тюркских и баскских конструкций, состоящих из локативных имен (выступающих в роли послелогов) и имен существительных [Сулейманова 2012], ср.: тат. *as(t)* ‘низ’, *öj(-neŋ) ast-ï* ‘низ дома’, *öj(-neŋ) ast-ï-n* ‘низ дома (вин. п.)’, *öj(-neŋ) ast-ï-n-da* ‘под домом’, где *-neŋ* – показатель родительного падежа в функции аффикса принадлежности, *-ï-* – показатель принадлежности 3 л., *-n-* – показатель винительного падежа, *-da* – показатель местно-временного падежа. Как отмечают К.И. Уальде и Х. Ортис де Урбина, в баскском языке послелог ставится в локатив (местный падеж), определяемое слово – в поссессивный генитив (родительный падеж принадлежности) [Hualde 2003: 187]: *etxe-aren atze-an* ‘позади дома’, *aulki-aren azpi-an* ‘под стулом’ (*-aren* – показатель поссессивного генитива, *-(e)an* – показатель локатива). Вышеприведенные примеры демонстрируют сходство исследуемых языков и на синтаксическом уровне – *препозицию родительного падежа в словосочетаниях.*

Сходства в структуре слога и корня. В тюркских и баскском языках отсутствуют слоговые согласные. По исследованиям В.Л. Котвича, из слогов типа CV и CVC (иногда V, VC, в тюркских – (C)VCC) состоят слова во всех алтайских языках [Котвич 1962: 33, 34]. Н.А. Баскаков считает, что структурой CVC обладают 76% всех корней в древних и современных тюркских языках [Баскаков 1979: 145–

146]. Вопрос о структуре тюркских и алтайских корней подробно исследуется в работах А.Г. Шайхулова (2000; 2009), который выделяет типы V, VC, CV, CV(C), VC(C), CVC(C) [Шайхулов 2009: 1179].

По мнению Р.Л. Траска, корни баскских глаголов в большинстве случаев имеют структуру CVC, большинство корней других частей речи – $(C_1)V(C_2)\{(C_3)V(C_4)\}$, возможны корни структуры VV, VCV, VCCV [Trask 2008: 18–22]. Х.А. Лакарра считает, что для прабаскского состояния были характерны корни структуры CVC [Lakarra 2006: 262]. Поскольку языковедами «универсальным нейтральным слогом» признается слог структуры CV» [Кодзасов 2001: 459], наличие слогов неприкрытой структуры VC является одним их сходств в структуре корня тюркских и баскского языков (БТ *ir* < ПТ **ēr* ‘мужчина’; БТ *uŋ* < ПТ **oŋ* ‘правый, благоприятный’; ср. *ar* (Z) < **ar* Т 100 ‘мужчина’; *on* (C, кроме Z), *hun* (Z) < **on* Т 309 ‘хороший’). В отличие, к примеру, от славянских языков, в которых имеются служебные слова, которые не содержат слога (рус. *к, в, с* и др.) [Историческая типология славянских... 1986: 42], в сопоставляемых языках не фиксируются лексемы с единичным согласным.

Для тюркских языков, по исследованиям лингвистов, характерны слоги с одноконсонантной финалью, невозможность сочетаний согласных в начале и конце слов [Кодзасов 2001: 456]. Тем не менее в современных башкирском и татарском языках имеются односложные корни с конечными сочетаниями типа «сонант + взрывной»: БТ *qart* ‘старый’; БТ *ant* ‘клятва’.

Как полагает Р.Л. Траск, сочетания согласных несвойственны для баскских инициалей и финалей, кроме конечных сочетаний типа «сонант + аффриката» [Trask 2008: 19]: *hartz* ‘медведь’, *gantz* ‘жир, сало’. Возможны редкие сочетания «сонант/фрикатив + взрывной /t/» (/–rt, –nt, –st/): *berant* (L, LN, R), *bé(r)ant* (Z) Т 136 ‘поздно’; *bost* (B, G, LN, Z, R), но *bortz* (HN, L, R), *borz* (HN, R) ‘пять’.

Отсутствие грамматического рода. Маркировка пола несвойственна для тюркских языков. Наблюдается тенденция к разграничению пола в мужских и женских именах в современных башкирском, татарском языках под влиянием других языков (арабского, русского): *Kärim* – *Kärim-ä*, *Ilnar* – *Ilnar-a*.

Согласно статье А.В. Архипова, Г.А. Нуждина, в баскских глаголах «суффиксальные маркеры 2-го доверительного лица различают пол собеседника: *-a/-k* (< *-*ga-*) при обращении к мужчине и *-na/-n* (< *-*na-*) при обращении к женщине. Нигде более в баскской грамматике значения рода не проявляются» [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

Сходства в выражении категории определенности. В тюркских языках категория определенности выражается аффиксальным способом, в баскском языке – с помощью постпозитивного артикля. Ср. БТ *-i, -e*, башк. *-o, -ö*, БТ *-hi/-si, he/-se* (см. подразделы 2.4.4 и 3.4.6) и баск. *-a* («в косвенных падежах во мн. ч. вычленяется показатель *-e, ... -a, -ar-* или *-are-* (с эпентетическим *-r-*)» [Там же]). Категорию неопределенности в исследуемых языках передает нулевой аффикс.

Сходство в порядке слов в предложении. Для тюркских и баскского языков характерно наличие относительно свободного порядка слов в предложении, но типична конечная позиция глагола [СИГТЯ 1986: 25; Trask 2008: 11], что предопределяет преобладание синтаксической модели SOV (Субъект – Объект – Предикат).

Выражение подчинительной связи формой сказуемого. Как показано в работах по тюркской и баскской грамматике, в исконных синтаксических конструкциях исследуемых языков подчинительная связь выражается формой сказуемого [СИГТЯ 1986: 104–113; ТГ 1992: 336; Euskal gramatika 1999: 145–159].

Препозиция имен числительных в сочетании с существительными.
Отсутствие согласования числительных с существительными. В тюркских языках числительные употребляются в препозиции к именам существительным: тат. *ike at* ‘две лошади’ (кроме притяжательных конструкций типа *at-i ike* ‘лошадей (его (ее) два’). В баскском языке в постпозиции употребляется числительное *bat* ‘один’ (*etxe bat* ‘один дом’), в обеих позициях – *bi* ‘два’ (*bi etxe, etxe bi* ‘два дома’), в препозиции – остальные числительные (*lau etxe* ‘четыре дома’). Как и в тюркских языках, отсутствует согласование с существительным в роде и числе.

Между тюркскими и баскским языками на грамматическом уровне выявляется и ряд различий.

Положение определения перед определяемым словом. В тюркских [СИГТЯ 1986: 23–25], башкирском, татарском, языках определение, как правило, предшествует определяемому слову: тат. *bu¹ sari² çäç³* ‘эти¹ светлые (желтые)² волосы³’; башк. *kisä-ge¹ gazeta²* ‘вчерашня¹ газета²’. Между тем аффиксы принадлежности «находятся в постпозиции к основе слова» [СИГТЯ 1988: 24]. Обратный порядок допускается в притяжательных конструкциях типа: тат. *çäç-e¹ sari²* ‘волосы-его (ее)¹ светлые (желтые)²’; башк. *gazeta¹ kisä-ge²* ‘газета¹ вчерашня²’; встречается в диалектах (ср. *ауаç alma* [Миржанова 2006: 192], БТ *almaуаç/almaуаç* ‘яблоня’).

В баскской грамматике под авторством Р. Рейка отмечается, что баскские прилагательные следуют за существительными [Rijk 2007: 18] (*etakume¹ ona²* ‘хорошая² женщина¹’); указательные местоимения – за вершиной синтагмы и прилагательными [Там же: 208] (ср. *ontzi¹ zuri² hau-ek³* ‘эти³ белые² корабли¹’ Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>). Исключение составляют прилагательное *beste* ‘другой’, относительные прилагательные с аффиксами *-ko*, *-en* (*atzo-ko¹ egunkaria²* ‘вчерашня¹ газета²’), притяжательные местоимения (*nire¹ etxea²* ‘мой¹ дом²’). Как пишет Ш. Кинтана, прилагательные с аффиксами *-dun*, *-tar* могут употребляться как перед определяемым словом, так и после него [Кинтана, <http://www.twirpx.com/file/1325620/>]: *diru-dun etakumea* или *etakume diru-duna* ‘женщина, имеющая деньги’.

Эргативные конструкции в баскском языке. Субъект переходного глагола (типа *видеть*, *иметь*) называется эргативным субъектом и ставится в особый, эргативный падеж, эргативный субъект получает суффикс *-k*, присоединяемый к концу слова [Rijk 2007: 32, 198], например, *ni-k etxe bat dut* ‘я дом его-имею-я’.

Полиперсональное спряжение глаголов в баскском языке. По мнению баскологов, в баскском глаголе посредством аффиксов и префиксов находят отражение подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, ср. *n-abil* ‘я хожу’, *d-arata-t* ‘я его несущу’, *n-arata-zu* ‘ты меня несешь’, *di-z-ki-e-k* ‘ты их им (вспом. гл. настоящего времени)’ [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

Для сравнения, в башкирском, татарском языках аффиксы глагола указывают на лицо и число субъекта действия: БТ *es-äm/eç-äm* ‘пью-я’, БТ *es-ä-he-ged/eç-ä-sed* ‘пьете-вы’. Заметим, что формы каузатива или понудительного залога башкирских и татарских глаголов содержат указание на лицо и число субъекта действия, а также – идею наличия объекта: *es¹-er²-eş³-hen⁴-där⁵* ‘пусть⁴ они⁵ помогут³ заставить² (кого-л.) пить¹ (что-л.)’. Как отмечает Дж. Г. Киекбаев, в финно-угорских (эрзя-мордовском, мокшанском, ненецком, хантыйском, мансийском, венгерском) языках имеется «объектное и безобъектное спряжение... Форма объектно-определенного спряжения глаголов указывает не только на лицо и число подлежащего, т. е. на субъект и предикат, но одновременно указывает и на определенный объект» [Киекбаев 1996: 24].

В целом, обнаруживается ряд сходств и различий между тюркскими и баскским языками на просодическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Учитывая сложный системный характер языка и его эволюции, эти данные необходимы для объяснения отдельных фонетических явлений в тюркских и баскском языках. В частности, незначительная функциональная нагрузка ударения, агглютинация, характерные для исследуемых языков, позволяют объяснить относительную неподверженность тюркских и баскских гласных редукции (с учетом нарушения регулярности соответствий гласных); агглютинативный строй способствует относительной устойчивости корневых морфем; высокая частотность структуры корня по типу CVC, наличие корней с неприкрытой структурой (VC) и аффиксальное выражение категории определенности предполагают функционирование гласных и согласных в определенных позициях. Полиперсональное спряжение глаголов, представленное в баскской грамматике, обуславливает употребление аффиксов, выраженных теми или иными фонемами, и в анлаутной позиции.

1.7. Методы исследования и основные понятия, используемые в работе

В диссертационной работе для определения специфических характеристик башкирских, татарских, а также баскских систем фонем и особенностей их

эволюции применены описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы. Сопоставлению подвергнуты синхронные и диахронные срезы тюркских (башкирской, татарской), баскской фонологических систем с использованием результатов праязыковых реконструкций. При этом учитывается принцип разграничения хронологических уровней [Гамкрелидзе 1971: 40], поскольку в тюркологических и баскологических исследованиях [EDAL 2003: 235; Trask 2008: 6] предполагаемым временем распада пратюркского и прабаскского языков выступает рубеж эры. Основное внимание при анализе фонетических явлений уделяется историческим изменениям, при необходимости описываются живые фонетические чередования, с учетом мнения о том, что «всякие чередования фонем являются историческими», а нейтрализация фонем – результатом их исторического слияния [Попов 2004: 147–148].

Соблюдены принципы сравнимости, системности, терминологической адекватности, достаточной глубины сравнения (выявление всех существенных сходств и различий), учета степени родства и типологической близости, территориальной неограниченности [Юсупов 1988: 8–9], динамичности [Бардамова 2000] и др. Типологическая близость тюркских и баскского языков обусловлена сходством их ведущих признаков: принадлежностью к фонемному (на фонологическом уровне) и агглютинативному (на морфологическом уровне) типам. Степень генетического родства тюркских и баскского языков, развивающихся в историческом и географическом обособлении, неизвестна. В качестве исходного члена сравнения используются башкирский, татарский языки.

Описание и сопоставление современных и праязыковых состояний тюркских (башкирской, татарской) и баскской систем фонем проведено с учетом терминологических различий и с опорой на имеющиеся данные по фонетике, фонологии, грамматике, этимологии исследуемых языков.

Необходимо отметить условность сходства фонационных признаков при описании и сопоставлении башкирских, татарских и баскских фонем, поскольку их артикуляционные корреляты нетождественны и, по мнению фонетистов,

«универсального набора признаков, имеющих одинаковое фонетическое и функциональное содержание во всех языках мира, не существует» [Кодзасов 2011: 409].

Следуя общеизвестным принципам описания инвентаря фонем [Там же: 349], кроме типов фонологических оппозиций и позиций нейтрализации, учитываются особенности просодических структур, структуры корня, ограничения на употребление фонем, функционирование фонем в аффиксальных морфемах.

Принимая постулат о том, что «звуковой строй любого языка представляет собой систему» [Попов 2004: 12], фонемы описываются как взаимосвязанные элементы той или иной системы, а фонетические изменения рассматриваются в связи с изменениями всей системы. Системный подход к исследованию развития языковых подсистем, обусловленный взаимодействием функционального, структурного и субстантного факторов и рассмотренный в работах А. Мартине [Мартине 1960], предполагает необходимость анализа фонологических оппозиций, функционирования фонем в корневых и аффиксальных морфемах, фонетических особенностей звуковых единиц в сопоставляемых языках.

Имеются различные подходы к определению минимальной фонологической единицы в тюркских языках с учетом словоопознавательной, словообразовательной, словоразличительной функций сингармонизма (теория сингармофонемы) в работах А. Байтурсынова, М. Джусупова (1992). Чувашский ученый Г.Е. Корнилов разработал теорию имитативов на материале чувашского языка, согласно которой «звуки, составляющие первичный корень, по происхождению являются не фонемами, а идеофонами..., функционально равнозначными слову» [Корнилов 1989: 31–32].

При описании башкирской, татарской систем фонем мы придерживаемся подхода, предложенного в академических источниках по башкирской, татарской фонетике (ГСБЛЯ 1981; ТГ 1995), используя термин и понятие *фонема*, которая определяется как исторически развивающаяся минимальная единица языка в смысловозначительной функции. Х.Х. Салимов в специальном разделе «Фонология» «Татарской грамматики» использует понятия и терминологию

Московской фонологической школы, выделяя «сильные» и «слабые» фонемы [ТГ 1995: 88]. Между тем, как справедливо пишет Ж.М. Гузеев, в тюркологии вопрос о сильных-слабых позициях гласных и согласных фонем практически не разработан [Гузеев 2010: 22–23]. В диахроническом описании (СИГТЯ 2006; Trask 2008), также в нашей работе под «сильными» и «слабыми» фонемами подразумеваются фонемы, различающиеся по «напряженности ротовой артикуляции» [Кодзасов 2001: 285, 368].

Для изложения гипотезы о морфонологическом противопоставлении анлаутных фонем в праязыковом состоянии тюркских и баскского языков (согласно пункту 3.3.2.2) нами вводится термин *начальная морфофонема (НМФ)*, основанный на определении, предложенном Х. Улашиным в 1927 году, морфофонема – фонема в семасиолого-морфологической функции [Приводится по: Булыгина 1990, <http://tapemark.narod.ru/les/315a.html>].

Итак, в диссертационном исследовании применен комплексный подход, основанный на использовании: а) описательного метода; б) сравнительно-исторического метода – при анализе развития систем фонем башкирского, татарского языков в составе тюркской семьи и развития систем фонем баскских диалектов в составе баскского языка; в) сопоставительного метода – для сравнения эволюции башкирской, татарской и баскской вокалических и консонантных систем; г) типологического метода – при рассмотрении отдельных вопросов. В качестве исходного члена сравнения используются башкирский и татарский языки. Для характеристики отдельных фонетических явлений (долгие гласные, ротацизм-зетацизм и др.) используются примеры из других тюркских языков. Фонологическое описание базируется на установленных сведениях по фонологии и собственных терминах каждой из исследуемых систем.

Краткие выводы по первой главе

Итак, в первой главе диссертационной работы рассмотрены теоретические и методологические основы изучения исторической фонетики тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков, краткая история вопроса. Обзор

литературы и источников по обозначенной теме позволил сделать вывод о том, что системы фонем башкирского, татарского и баскского языков хорошо изучены в плане синхронии и внутренних реконструкций. При этом остаются в стороне проблемы фонологической типологии, малочисленны теоретические работы по сопоставительной фонетике и фонологии башкирского, татарского языков с привлечением внешнего материала. Несмотря на то, что существуют отдельные работы по тюркско-баскским языковым отношениям, наличие структурно-типологических сходств между исследуемыми языками, системы тюркских (башкирских, татарских) и баскских фонем не изучены в сопоставительно-типологическом аспекте. В данной главе также обоснован выбор комплекса методов исследования и обозначены принципы его применения для исследования вокалических, консонантных, фонологических систем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков в синхроническом и диахроническом аспектах.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ТЮРКСКОГО (БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО ВОКАЛИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

2.1. Состав и классификация пратюркских и башкирских, татарских гласных фонем

Традиционно для тюркских языков восстанавливается система из 8 гласных **/a, o, u, i, e, ö, ü/*, для первого слога предполагаются закрытые **/e, *a/* [EDAL 2003: 136; СИГТЯ 2006: 158], огубленные гласные **/â, *ê/* [СИГТЯ 2006: 152–155]; реконструируются дифтонги **/iö, *ïo, *ïa/*; противопоставление по долготекраткости в первом слоге, отсутствие губного сингармонизма [Там же]. Для праалтайского языка ученые восстанавливают десингармонистическую систему из пяти гласных **/i, e, u, *o, a/* с тремя дифтонгами в первом слоге **/iu, io, ia/* [Там же: 152]. С типологической точки зрения, тюркский (на примере турецкого) вокализм представлен «прямоугольной» или «кубической» [Щербак 1970: 77] системой гласных, описываемой тремя бинарными признаками: ряд (передний – задний), подъем (верхний – неверхний), лабиализация (лабиализованный – нелабиализованный) [Кодзасов 2001: 418]. Р.О. Якобсон вместо оппозиции по подъему различает противопоставление по открытости – закрытости [Якобсон 1985: 72].

По мнению А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, в пределах тюркской семьи «невозможно выделить специфические особенности пракыпчакской вокалической системы», «пракарлуко-кыпчакская система гласных должна была содержать противопоставление гласных по долготекраткости» [СИГТЯ 2006: 227].

Тюркологи считают, что в развитии вокализма башкирского и татарского языков большое значение имела древняя межтюркская закономерность, замеченная еще В.В. Радловым в 1882 году: «в исконно тюркских словах негубные гласные переднего ряда и все губные гласные в первом слоге претерпели перебои» [СИГТЯ 1984: 118]. Как определяет Д.Г. Тумашева, передвижение серии ПТ **/u, o, i, ö, e, i/*

в серию БТ /*o, u, ö, ü, i, e*/ привело перестройке вокалических систем башкирского и татарского языков [Тумашева 1989: 18]. С.Е. Малов предполагал, что в данных языках этот процесс шел хронологически одновременно (до V века н. э.) [Малов 1952: 137].

Разработкой башкирского, татарского вокализма занимались В.В. Радлов, В.А. Богородицкий, Н.К. Дмитриев, А.Г. Баишев, Г. Шараф, Г. Алпаров, Дж. Г. Киекбаев, Л.З. Заляй, Ф.Г. Исхаков, У.Ш. Байчура, Т.М. Гарипов, Х.Х. Салимов др. Синхронической и диахронической характеристике башкирского и татарского вокализма посвящен специальный раздел в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [СИГТЯ 1984: 106–169]. В работе Т.М. Гарипова, исследовавшего фонологические системы башкирского и татарского языков, представлен обзор литературы по проблеме классификации башкирского и татарского вокализма [Гарипов 1979: 64–71].

Дж. Г. Киекбаев описывает 9 (1958), Н.К. Дмитриев (2007) – 10 башкирских гласных, А.Г. Баишев (1955) предлагает систему из 5 пар гласных. В монографии Т.М. Гарипова (1979) выделяются 10 исконных гласных фонем. В «Грамматике современного литературного башкирского языка» представлена система из 9 гласных /*a, o, u, i, e, ä, ö, ü*/ [ГСБЛЯ 1981: 31]. А.А. Юлдашев считает, что состав башкирского и татарского вокализма существенных различий не имеет и включает 9 гласных, отличающихся по ряду: передних /*i, ü, ö, e, ä*/; задних /*u, o, i, a*/ [СИГТЯ 1984: 108].

Состав татарских гласных определяется из 11 (Радлов 1882), 9 (Исхаков, 1955), 14 (Байчура 1959) фонем. В «Татарской грамматике» классифицированы 9 (/*a, ä, u, ü, o, ö, i, i, e*/) исконных гласных фонем [ТГ 1995: 88]. Т.М. Гарипов уверен, что вокалические системы башкирского и татарского языков отличаются «не столько в количественном, сколько в качественном отношении», исследователь объясняет это отличие наличием спирантов /*δ*/ и /*θ*/ в башкирском и щелевых /*ž*/ и /*ç*/ в татарском языке; доказывает нетождественность башкирского и татарского /*a*/ (по мнению Дж. Г. Киекбаева, для татарского языка характерно огубление *a* [Кейкбаев 1958: 58] – Д. С.) [Гарипов 1979: 68, 231]. Краткость татарских гласных

/o, ö, e, i/ в безударном положении отмечает Дж. Г. Кийекбаев [Кейекбаев 1958: 161]. В татарском ауслaute «не представлены фонемы /o/ и /ö/» [ТГ 1995: 91], в отличие от башкирского.

Известны разные подходы к вопросу о дифтонгах в башкирском и татарском языках (подробнее см. в работе Дж. Г. Кийекбаева [Кейекбаев 1958: 73–86]), башкирскими и татарскими исследователями фиксируются дифтонгоиды (ложные дифтонги) [Ишбулатов 1982: 7; Хадиева 2013: 21] типа jV , wV , Vj , Vw , где V – гласная фонема.

В работе Г.К. Хадиевой рассматривается явление аккомодации в татарском вокализме: 1) огубление гласной /a/ в соседстве с губными согласными; 2) опереднение гласных заднего ряда в соседстве с переднеязычными согласными; 3) под воздействием заднеязычных согласных гласные переднего ряда произносятся более твердо; 4) назализация гласных в соседстве с носовыми согласными [Хадиева 2013: 29]. Сильной позицией для пратюркских гласных выступал первый слог слова [СИГТЯ 2006: 158]. Как утверждает Т.М. Гарипов, тюркские гласные тяготеют «к инициалам анлаута, медиалам постлаута и финалям вортлаута» [Гарипов 1979: 64]. Для татарских гласных фонем сильной является «положение в абсолютном начале слова» [ТГ 1995: 91].

В диссертации проанализированы 9 башкирских, татарских гласных (/a, ä, i, i̇, e, u, ü, o, ö/) в начале, середине, преимущественно – в первом и втором слоге слова, в отдельных случаях – в конце слова, а также в аффиксах с учетом наличия корреляции по ряду (/a/ – /ä/, /u/ – /ü/, /o/ – /ö/, /i/ – /e/ [ГСБЛЯ 1981: 31]), подъему (/o/ – /u/, /ö/ – /ü/, /ä/ ~ /e, i/, /a/ ~ /i/), по огубленности (/u/ – /i/, /ü/ – /e, i/, /ö/ – /ä/, /o/ ~ /a/) [Кейекбаев 1958: 20].

2.2. Общая характеристика прабаскской и баскской вокалических систем

По исследованиям баскологов, инвентарь фонем баскской, а также прабаскской вокалических систем представлен 5 гласными /i, e, a, o, u/ [Michelena 1990; Trask 2008] и так называемой парадигматической системой «треугольного»

(центрально-ориентированного) типа, свойственного для многих языков мира [Кодзасов 2001: 410–411].

А. Эгурцегги баскские гласные классифицирует по: 1) ряду (передние /i, ð, e/, центральный /a/, задние /u, o/); 2) подъему (гласные верхнего /i, ð, u/, среднего /e, o/, нижнего /a/ подъема). По его мнению, к поздним явлениям относится сулетинский верхний передний лабиализованный гласный /ÿ/; в бискайском диалекте наблюдается сохранение сочетаний и долготы гласных на стыке морфем, при утрате интервокального согласного [Egurtzegi 2013: 126].

Р.Л. Траск пишет, что в исчезнувшем ронкальском диалекте существовали контрастивные носовые версии всех пяти гласных, а в сулетинском диалекте имеются гласный переднего ряда /ÿ/ и несколько носовых гласных, отсутствует /ð/, ввиду слияния с /ÿ/ [Trask 2008: 12]. Назализованные гласные, как полагает А. Эгурцегги, являются результатом утраты назальных согласных в интервокальной позиции, ассимилятивной роли соседней фонемы /n/ и подвержены исчезновению [Egurtzegi 2013: 126].

К. Мичелена указывает, что большинство изменений гласных представлено соответствиями либо в пределах группы гласных /a, e, i/, либо в группе гласных /o, u/; подверженность гласных к ассимиляции пропорциональна количеству слогов в слове [Michelena 1990: 59, 70].

Для современного состояния, согласно работе Р.Л. Траска, характерны дифтонги /ai, au/, реже – /ei, oi, eu, ui/ (последний дифтонг не восстанавливается для прабаскского языка) [Trask 2008: 12, 14]. Как предполагает А. Эгурцегги, они, как правило, развились в результате утраты аппроксиманта (щелевого сонорного), придыхания, интервокальной слабой /r/ [Egurtzegi 2013: 137]. К. Мичелена обнаруживает тенденцию утраты второго элемента начальных нисходящих дифтонгов [Michelena 1990: 486].

В исследовании Х.И. Уальде рассматриваются протетические звуки *i*, *e* (перед *r*, *s* в анлауте заимствованных слов) и эпентетический звук *e* (между согласными) [Hualde 2007: 6] в баскском языке.

2.3. Об особенностях развития тюркского (башкирского, татарского), баскского вокализма

2.3.1. Нарушение регулярности соответствий гласных в тюркских и баскском языках. Палатализация

Как пишет А.М. Щербак, языкам тюркской семьи характерны большая диалектная раздробленность, большое «количество “необъяснимых” исключений» [Щербак 1970: 17, 19]. Проблема нарушения регулярности соответствий гласных является одной из самых сложных в тюркологии. Л.С. Левитская отмечает ряд изменений гласных в генетически тождественных односложных корнях. Так, наименее «вариативно» $a: a \sim \check{a} \sim i, a > a^\circ, a > \check{a}, a > o$, далее – $o, \ddot{o}, \check{a}, e$, имеются соответствия $\check{i} \sim i, \check{a} \sim e \sim i, u \sim \check{i}, i \sim \check{u}, o \sim u, i \sim \check{u}$ и др. [СИГТЯ 1984: 52–65]. Подобные соответствия гласных тюркологи объясняют древнедиалектными чередованиями, увеличением числа гласных и расщеплением их по сингармонистическим рядам и связывают с периодом становления агглютинативного строя.

Соответствия гласных характерны для баскских корней, причем и в первом слоге, ср. $/a/ \sim /e/ \sim /i/$: *ainhara* (L), *ainhera* (LN), *añhá(r)a* (Z), *añhera* (LN, Z), *enara* (B, Sout., G, HN, L), *inara* (HN), *iñara* (HN), *inhara* (L, LN), *iñare* (HN, A), *añari* (R, S), *kiñuri* (S), *elae* (B), *elai* (B, G) < **aiNala* Т 80 ‘ласточка’; $/e/ \sim /o/$: *behor* (L, LN), *beor* (B, Sout., G, HN, S, R), *bóhor* (Z), *beur* (R) Т 135 ‘кобыла’. К. Мичелена констатирует множественные междиалектные случаи соответствий гласных, объясняя это процессами диссимиляции или ассимиляции, $/a/ \sim /e/$: *barrí* (B), *berri* (C) Т 136 ‘новый’; *garri* (B), *gerri* (C) Т 204 ‘талия’; *eskar* (A), *esker* (C) Т 181 ‘положительный’; соответствия дифтонгов $/ai/ \sim /ei/$: *igitai* (B, G, HN, L, LN), *egitai* (B, G, HN, S), *egitái* (R), *igitei* (арх. LN), *egitei* (B, G), *igitei* (B, L), *igitéi* (Z), *igatéi* (Z), *igiti* (B, HN), *iriti* (B), *itai* (G, HN) Т 219 ‘серп’; явления лабиализации и делабиализации [Michelena 1990: 69, 60–63, 82–85, 103, 73]; $/e/ > /a/$ перед сонорными: *berri* ~ *barri* ‘новый’, *beltz* ~ *baltz* ‘черный’ [Trask 2008: 35]. В баскских диалектах также проявляются следующие изменения гласных фонем: $/e/ \sim /i/$ (преимущественно перед $/l, r/$): *jalgi* (LN), *jalki* (G, HN), *jálkhi* (Z), *elki* (S), *élkhi* (Z),

ilki (L, LN, S), *ilkhi* (L, LN), *érkin* (R) Т 241 ‘взять’; /e/ > /i/ перед *n*: **enor* > **inor* > *iñor* (B, G, HN) ‘кто-нибудь’ или перед палатальными согласными: *etxe* (C) > *itxe* (G, HN) ‘дом’ [Michelena 1990: 60–63]; переход /i/ > /e/ перед /rC, lC/: *irten* > *erten* ‘выходить’; /u/ > /o/ перед /rC, lC/: *bi(h)urtu* > *biortu* ‘крутить’; сужение общеваскской /o/ > /u/: *gizon* > *gizun* ‘человек’, *ontzi* > *untzi* ‘сосуд’ [Trask 2008: 35, 37].

В диалектах татарского, башкирского языков распространен процесс делабиализации (*ü* > *i*, *u*, *o* > *ï*, *ö* > *e*) [Щербак 1970: 156; Миржанова 2006: 33], лабиализации (*e* > *ö*, *ï* > *o*) [Миржанова 2006: 89, 220], сингармонические пары [Там же: 30, 88, 150, 219].

Р.Л. Траск приводит примеры соответствия /i/ ~ /u/ из бискайского диалекта: *igel* ~ *ugel* ‘лягушка’, *ile* ~ *ule* ‘волосы’ [Trask 2008: 36].

Таким образом, для рассматриваемых вокалических систем характерны диалектные (в тюркских – межъязыковые) соответствия гласных, при этом позиция гласной фонемы в структуре корня весьма устойчива, что является важной типологической особенностью тюркских и баскских корневых морфем. Для сравнения, типологическим признаком вокалических систем современных славянских языков, по мнению исследователей, выступает наличие «беглых гласных» [Историческая типология славянских... 1986: 29–30]. В работах тюркологов и баскологов приводятся следующие факторы, влияющие на устойчивость башкирских, татарских, баскских гласных в структуре корня, а именно: незначительная функциональная нагрузка ударения, не способствующая качественной редукции гласных [Кейекбаев 1958: 45; Баданова <http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2007/01/15.pdf>; Hualde 2003: 65–72], агглютинация [Тулеева 2010; Lakarra 2006: 234].

Развитие и установление вокалических систем необходимо рассматривать с учетом эволюции консонантизма. Так, система сильных (глухих, *fortis*) и слабых (звонких, *lenis*) согласных, реконструируемая исследователями для пратюркского состояния [СИГТЯ 1984: 172; СИГТЯ 2006: 17], а также для прабаскского языков [Michelena 1990: 374; Trask 2008: 14], предположительно имела влияние

на развитие вокализма. Нейтрализация противопоставления сильных и слабых согласных могла дать толчок к возникновению противопоставления по глухости-звонкости, далее – позиционно обусловленной палатализации.

Палатализация основы А.Н. Кононовым отмечается как фонетическое изменение, обуславливающее изменение смысла слов в тюркских языках, фонетический способ словообразования («чередование гласных переднего – заднего рядов», чередование «глухих – звонких согласных») был присущ для древнетюркского языка [Кононов 1980: 103], но, как считает Ф.А. Ганиев, «в тюркологии почти нет работы, где бы ставился вопрос о лексико-грамматической сущности фонетических изменений» [Ганиев 1974: 35]. В этом контексте заслуживает внимания мнение Н.А. Баскакова, который считает, что фонологическую структуру тюркского слова определяют согласные, «строгая парность гласных» является вторичной и зависит «от парности согласных» [Баскаков 1988: 17].

К.М. Мусаев придерживается мнения о том, что «варианты палатального и лабиального сингармонизма... наделены одинаковой функцией – словоразличительной» [СИГТЯ 2002: 289]. Между тем в башкирском, татарском языках фиксируются сингармонические пары или параллелизмы с различием или без различия семантики [Кейекбаев 1958: 148–177; Гарипов 2007: 53–57]. Сингармонические пары с гласными /a/ ~ /ä/, к примеру: *ata* ‘отец’ ~ *äti* ‘папа’, *ana* ‘мать’ ~ *äni* (диал. *inä, ini*) ‘мама’ сосуществуют в литературном татарском языке, широко представлены в башкирских диалектах [Миржанова 2006: 30, 88, 150, 219].

Можно предположить, что варианты с гласными переднего ряда в допратюркском языке вторичны и обозначали предмет, лицо, действие с ослабленной или более конкретной семантикой. Ср. тат. *borçaq* ‘горох’ ~ *börçek* ‘крапинка’, тат. *tor-* ‘жить’ ~ *tere* ‘живой’, БТ *bor-* ‘поворачивать’ ~ *bör* ‘делать круглым, округлым’. Возможность подобного явления подтверждают результаты экспериментальных исследований по татарской фоносемантике, согласно которым, фонемы /ä, ö, ü, i, e/ в татарском языке вызывают у аудитории (носителей языка) эмоциональные ассоциации ‘мягкий, приятный, сладкий, теплый’, тогда как

фонемы /a, o, u, i/ – ‘большой, круглый, твердый, умный, гордый, широкий’ [Комиссар 2012: 324–326]. Нельзя исключить морфонологическую обусловленность палатализованных основ. По мнению Дж. Г. Киекбаева, «...в личных местоимениях некоторых урало-алтайских языков идея множественности-неопределенности грамматически выражается путем замены узких передних гласных широким или задним» [Киекбаев 1972: 96]. Переход твердоядных слов в мягкорядные В.В. Радлов объясняет как результат регрессивной ассимиляции при наличии звука *i* (*i*) или прогрессивной ассимиляции при наличии анлаутного *j* или *ç, š, ž* [Приводится по: Щербак 1970: 36].

Между тем, по исследованиям тюркологов, тюркские языки могут содержать наложения диахронических пластов [Марр 1926: 63; Широбокова 2001: 90; Ахметьянов 1978: 114–115] вследствие многократных и разнородных контактов с носителями других тюркских языков.

В баскском языке также обнаруживаются пары лексем, относящиеся к одному семантическому полю, схожие по структуре корня, но различающиеся по характеру гласных, напр., баск. *ase* (C) < **ase* Т 110 ‘быть довольным, сытым’, ср. *oso* (C), *osa-* < **oso* Т 319 ‘целый, полный, здоровый’; *osaba* (C), *oseba* (LN, Z), *osea* (LN, Z) < **osa-ba* Т 319 ‘дядя’, ср. *izeba* (G, HN, LN, S, Z), *izaba* (L, LN, Z), *izea* (LN), *izoa* (HN, L, LN) < **izeba* Т 235 ‘тетя’; *ama* (C) < **ama* Т 89 ‘мать’, ср. *eme* (C), *emazte* (C) < **eme*/**ema-* S ‘женщина’ и др. При этом баскологами отмечается экспрессивно-выразительная палатализация согласных, образование пар по палатализации [Michelena 1990: 179–181], уменьшительная форма может вытеснить оригинал (например, в отличие от уменьшительного *xakur*, слово *zakur* ‘большая собака’ утеряно в некоторых диалектах [Trask 2008: 45]).

Известно, что во всех тюркских языках (наиболее последовательно – в татарском, башкирском) наблюдается «спорадическая палатализация заднерядных гласных... в смежных позициях с палатальными согласными» [СИГТЯ 2002: 241–242]. Согласно «Татарской грамматике», в татарском языке после гласных переднего ряда употребляются палатализованные аллофоны согласных фонем [ТГ 1995: 95]. Особую роль фонем /i, j/ в развитии тюркского вокализма

признает А.М. Щербак [Приводится по: Кейекбаев 1958: 171]. Диалектологи в отдельных словах гайнинского говора башкирского языка фиксируют палатальные /*í, t̃, s̃, š̃*/ [Миржанова 2006: 227].

Для сравнения, в бискайском, также гипускоанском, сулетинском (зубероанском), ронкальском диалектах баскского языка Р.Л. Траск указывает на автоматическую палатализацию переднеязычных согласных /*š, ʒ, tʃ, tʃ, t, l, n*/ > /*ʃ, ʒ, tʃ, tʃ, t, l, n*/ после гласной /*i*/ в позициях /*iCV*/, /*iC*/ [Trask 2008: 30].

Можно предположить, что палатализованные фонемы (и основы) являются вторичными, производными. Тюркские языки в дальнейшем развили сингармонистическое противопоставление гласных заднего и переднего ряда, в баскском же данный процесс остался в зачаточном состоянии, исследователи говорят лишь об ареальных случаях гармонии гласных. Данный подход позволяет объяснить свободное варьирование сингармонических пар аффиксов в тюркских языках, когда гласные аффиксов уподобляются сингармонистическому ряду основы. Проблему нарушения регулярности соответствий гласных в тюркских языках, вероятно, нужно рассматривать с учетом процессов, вызванных рядом причин, одной из которых может выступать экспрессивно или семантически обусловленная палатализация в раннепратюркском или допратюркском периоде. Изменения гласных могут быть связаны с развитием сингармонизма в тюркских языках.

Итак, развитие тюркского и баскского вокализма происходило в тесной связи с эволюцией консонантной системы, в частности с развитием противопоставления или нейтрализации сильных-слабых согласных, палатализации основы. При этом устойчивость гласных фонем в структуре корня является важной особенностью тюркских и баскского языков.

2.3.2. Тюркский сингармонизм и гармония гласных в баскских диалектах

Основным признаком на фонологическом уровне, фундаментальной структурно-типологической особенностью тюркских языков выступает

сингармонизм, разновидность ассимиляции гласных. Гармония гласных также характерна для финно-угорских, монгольских языков. Составляющими сингармонизма в современном алтайском языкознании, согласно мнению В.Г. Гузева, А.А. Бурыкина, принято считать: небную и губную гармонию гласных, уподобление начальных смычных согласных аффиксов конечному фону основы по признакам звонкости/глухости, воздействие дифференциальных признаков гласных на артикуляцию согласных [Гузов 2007: 117–118].

Особое внимание ученых привлекают процессы ассимиляции гласных в аффиксальных морфемах. По определению В.А. Богородицкого, гласные корня в тюркских языках выступают «без чередования с другими гласными, тогда как в придаточных морфемах гласные ограничены двумя основными типами – либо гласный широкий, либо узкий, видоизменяющимися сообразно с вокализмом корневым в отношении палатальности или непалатальности, а также губности или ее отсутствия» [Богородицкий 1953: 117]. Н.С. Трубецкой сформулировал закон о гласных корня и аффиксах тюркского слова исходя из фонологических понятий. По его мнению, гармония гласных в фонологически значимом виде присутствует лишь в первом слоге слова, в остальных слогах тембровые противоположения нейтрализуются, в своей реализации равняясь на гласный первого слога [Трубецкой 1960: 118]. Необходимо отметить, что в узбекском языке произошла утрата сингармонизма. Имеются случаи несоблюдения сингармонизма в отдельных башкирских и татарских лексемах (в т. ч. – аффиксах [Азнабаев 1976: 11]). Как было отмечено тюркологами, для праалтайского языка восстанавливается десингармонистическая система гласных [СИГТЯ 2006: 152–159]. По мнению А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, тюркский «сингармонизм – это не фонетическое, а морфонологическое явление, проявляющееся в выборе по-разному огласованных вариантов присоединяемых аффиксов» [СИГТЯ 2006: 212]. Ср. тат. *as-tan* ‘снизу’, тат. *köz-dän* ‘с осени’, БТ *at-i* ‘лошадь его (ее)’, БТ *et-e* ‘собака его (ее)’.

Гармония гласных и более богатый инвентарь гласных фонем могут быть характерны для прабаскской фонологической системы [Lakarra 2006: 305]. Р.Л. Траск признает ареальную (бискайскую, частично верхненаваррскую)

гармонию баскских гласных (/a/ > /e/, когда предыдущий слог содержит фонемы верхнего подъема /i, u/: *itaun* > *iteun* ‘исповедь’) [Trask 2008: 36]. По исследованиям Х.И. Уальде, в говоре Арбису (провинция Наварра) наблюдаются: а) прогрессивная ассимиляция корневых гласных *ikas-i* [ikesi] ‘учить’, *izan* [isen] ‘быть’; б) ассимиляция гласных в составе аффиксов, когда показатели падежей имеют морфонологические пары в зависимости от характеристики гласных корня: *asto-Vn* [astoon] ‘дна’, *mendi-Vn* [mendiin] ‘горы’; *paate-tas* ‘стенами’, *mendi-tes* ‘горами’, *paate-tan* ‘на стенах’, *mendi-ten* ‘на горах’ [Hualde 2007: 40, 6, 43].

А.В. Архипов, Г.А. Нуждин пишут, что ассимиляция наблюдается и в формах существительных с определенным артиклем *-a* (*esku-a* [-ue] ‘рука (кисть) его (ее)’, *gari-a* [-ie] ‘пшеница его (ее)’) [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>]. Не исключено, что ассимиляцию гласных по ряду могут отражать баскские аффиксы *-ero*, *-oro* ‘еже-’, представленные в статье Ш. Кинтана: *egun-ero* ‘ежедневно’, *ordu-oro* ‘всечасно’ [Кинтана, <http://www.twirpx.com/file/1325620/>].

Ученые считают, что лабиальная гармония гласных в тюркских языках менее последовательна и наиболее ярко выражена в киргизском и алтайском языках [СИГТЯ 1984: 441]. Как писал Дж. Г. Киекбаев, в сравнении с татарским языком, данное явление более четко отражается в башкирском вокализме [Кейекбаев 1958: 161] и в башкирской орфографии: БТ *tötön/töten* [tötön] ‘дым’, БТ *qoš-o/qoš-i* [qošo] ‘птица его (ее), БТ *köt-ör/köt-är* [kötör] ‘будет ждать’.

Прогрессивная ассимиляция по лабиализации прослеживается в баскских диалектах, например, *uzki*, *úzkĩ* (Z), *úzku* (R), *uskoi* (арх. B) < **uzkoi* Т 362 ‘ягодицы’; *zuzi* (B, G, HN, L, LN), *zũzũ* (Z), *zuzu* (R) < **zuzi* Т 382 ‘факел’, в заимствованиях: *kusu* (L, LN), *kusi* (L, LN), *kusin* (арх. L), *gusu* (L, LN), *kósino* (R), *kosino* (R) < романское **cusinu* Т 56 ‘двоюродный брат’. Имеются случаи регрессивной ассимиляции начальных или срединных гласных корня в баскском языке: *behor* (L, LN), *beor* (B Sout., G, HN, SR), *bóhor* (Z), *beur* (R) Т 135 ‘кобыла’; *esugi* (арх. B), *isugi* (Sout), *usiki* (G, арх. Z), *usúki* (Z), *isuki* (Z), *usuki* (Z), *ũsũki* (Z) Т 119 ‘кусать’; *suri* (B, G, HN, L, LN, Z), *ixuri*, *usuri* (R), *esuro* (арх. B) < **e-sur-i* Т 231 ‘лить(ся)’;

ilun (HN, A, S), *illun* (B, G, HN), *ilhun* (L, LN), *ulún* (R), *úlhũn* (Z), *iluñ* (Sout) < **ilun* Т 224 ‘темный’.

К.А. Бичелдеем установлено, что, в отличие от языков кыпчакской и других групп, «третий тип гармонии гласных – гармония по фарингализованности – действует в тувинском языке аналогично небной и губной гармонии гласных» [Бичелдей 2001: 9].

Безусловно, развитие вокализма и консонантизма взаимосвязаны. Ученые признают наличие гармонии согласных в тюркских языках (подробнее см. в работах тюркологов [Богородицкий 1953: 39; Дмитриев 2007: 39; СИГТЯ 1984: 437; Гузеев 2010: 71–72]). Для баскского языка характерна гармония сибиллянтов и аффрикат (рассматривается в подразделе 3.4.1).

Таким образом, сингармонизм имеет обширное и системное влияние на развитие тюркского вокализма (а также консонантизма). В отдельных баскских диалектах наблюдается гармония гласных (и согласных).

2.3.3. Долгие и фарингализованные гласные в тюркских языках и баскский вокализм

По исследованиям тюркологов, так называемые «первичные долгие гласные», которые не могут быть объяснены как результат трансформации (например, стяжения), присутствуют в тюркских языках с огузскими признаками (довольно рано обособившихся), в туркменском и якутском (имеются случаи совпадения туркменских и якутских долгих гласных), в преобразованном виде сохранились в тувинском и карагасском (тофаларском), следы противопоставления долгих и кратких гласных сохранились в языках огузского типа (турецком, азербайджанском, гагаузском), а также в чувашском [СИГТЯ 1984: 23–24, 44].

А.М. Щербак, А.Н. Кононов, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак предполагают существование в древнетюркском языке долгих гласных. В.В. Радлов, А.Г. Биишев, Т. Текин отрицают первичность долгот, считая их результатом стяжения различных звуковых комплексов. По мнению Н.А. Баскакова, «более древнее состояние тюркских языков характеризуется отсутствием долгих гласных»

[Баскаков 1988: 14]. Л.С. Левитская считает, что «в кыпчакских языках... противопоставление “первичных” долгих и кратких гласных было утрачено, а, возможно, его и не существовало вообще» [СИГТЯ 1984: 24].

Как пишут А.В. Дыбо и О.А. Мудрак, вопрос о существовании противопоставления долгих и кратких гласных в пракарлукско-кыпчакской системе остается нерешенным [СИГТЯ 2006: 226].

К. Мичелена отмечает, что в некоторых баскских диалектах встречаются долгие гласные, но неясным остается их происхождение (фонологичность (оппозиция по долготы-краткости) или геминация при словообразовании), на архаичность данного явления указывает наличие долгих гласных в морфологических формах [Michelena 1990: 111–112]. Латинские гласные в баскских заимствованиях отражаются без различия долготы-краткости [Trask 2008: 54].

Геминация баскских гласных связывается с аспирацией, возникшей при утрате этимологической интервокальной */-n-/. К. Мичелена установил, что в период раннего средневековья (начало XI века) баскский интервокальный сонант /-n-/ был утерян, но оставил аспирацию /-h-/ (в некоторых диалектах – и назализацию у соседних гласных) [Michelena 1990: 299–302]: *har* (L, LN), *hār* (Z), *ar*, *aar* (арх. B, R), *ār* (R) < **anar* T 99, **ha[m](a)ř* S ‘червь’; арх. *ehiza*, *ihize*, *ihizi* (L, LN), *ihize* (Z), *iize* (R), *ize* (R), *eizi* (HN), *izi* (HN), *eize* (G, HN, S), *eiza* (B, G, HN), *eiz* (арх. B) < **e-niz-V*/**i-niz-V* T 167 ‘охота, игра’.

Утрату других интервокальных согласных и возникновение долготы у соседних гласных в некоторых баскских диалектах (например, в говоре Арбису) предполагает Х.И. Уальде: *egon* > [o:n] ‘быть’, *lagun* > [a:w]n ‘друг’, *astoren* > *ast[o:]n* ‘низа (род. п.)’ [Hualde 2003: 51–52].

Заметим, что согласно исследованиям тюркологов, интервокальная /n/ в тюркских языках также нередко выпадает, способствуя появлению долготы у предшествующего гласного [СИГТЯ 1984: 334]. Как считает Л.С. Левитская, «тюркские долгие в ряде случаев могут быть рефлексами утраченных анлаутного и инлаутного *h*», рефлекс которого в современных языках и диалектах иногда

выступают как протетический *h* [СИГТЯ 1984: 45]. Ср. башк. *äre*, уйг. *xärä/härä*, хал. *hāri*, як. *ijirīa* < **a:ri* (< **aŋarig*) Э 186, ПТ **āri* ‘пчела, оса, овод’; БТ *eδ/ez* 1, *izan/iđan* 2, турк. *īz* 1, гаг. *jiz* 1, чув. *jər* 1, *jʷran* 2, кум. *hizan* 2 < **i:z* Э 646, ПТ **īr*/**īr* ‘след 1, борозда 2, межа’.

То есть одной из причин появления долгих гласных в тюркских и баскском языках является утрата интервокальных сонантов и других согласных.

С другой стороны, «в тувинском и тофаларском языках отмечено противопоставление чистых и так называемых “фарингализованных” гласных» [СИГТЯ 1984: 48]. Данное явление объясняется отдельными учеными влиянием нескольких субстратов (тюркского, самодийского, монгольского, енисейского). Тофаларским фарингализованным гласным в башкирском и татарском соответствуют чистые гласные: БТ *os-/oç-*, тоф. *u^hš-* < ПТ **uč-* ‘лететь’; БТ *iš-*, тоф. *e^hš-* < **eš-* Э 316, ПТ **ēl-* 1 ‘1) рыть, копать; 2) идти, ехать иноходью’; БТ *aq-*, тув. *a^hk-* < ПТ **jā’q-* М 120 ‘течь’; тоф. *a^hš*, БТ *aš*, *aša-* < ПТ *(*i*)*al*/*(*i*)*al-a-* ‘еда, пища, кормить’. Ф.Г. Хисамитдинова считает, что фарингализованный гласный *a* в башкирских говорах имеет аллофонный характер и связан с произношением *q*, *y* [Хисамитдинова 1986: 46–47].

По мнению С.Е. Малова, В.М. Иллич-Свитыча, явление фарингализации в отдельных тюркских языках возникло «вследствие передачи “чистым” гласным специфической артикуляции последующих сильных согласных, находящихся в интервокальном положении и затем перешедших в категорию слабых» [СИГТЯ 1984: 50]. А.А. Пальмбах предполагал, что «фарингализованные» гласные являются средним звеном в развитии заместительных долгот при переходе их в краткие гласные и наследуют глоточный элемент исчезнувшего согласного [Приводится по: Щербак 1970: 45]. То есть развитие тюркских фарингализованных гласных рассматривается этими учеными во взаимосвязи с эволюцией сильных консонантных фонем. Но, как считает Н.Н. Широбокова, в отличие от консонантных систем уйгуро-урянхайской группы, базирующихся на фоническом качестве напряженности, в кыпчакских языках живая «связь между качеством гласного и согласного» уже утрачена [Широбокова 2001: 25].

Как рассматривалось выше, баскские диалекты отражают как долготу гласных, так и фарингализацию, возникающую в результате утраты интервокальной /-n-/. Между тем не исключено изменение /a-/ > /o-/ перед сильными фонемами или сибиллянтами, аффрикатами с развитием семантических дериваций в баскском языке, ср.: 1) *hazi* (LN, L, Z), *azi* (B, G, HN) Т 121 < **hasi* S ‘семя, расти’, ср. *ozi* (G, HN, LN) < **osi* S ‘зерно, зародыш’; 2) *asaba* (B, G) ‘предок’, (арх. B, HN) ‘дедушка’, (HN) ‘прадедушка’ < **asa-ba* Т 110 ‘предок’, ср. *osaba* (C), *oseba* (LN, Z), *osea* (LN, Z) < **osa-ba* Т 319 ‘дядя’; 3) *argi* (C), *árgi* (Z) < **argi* Т 104 ‘свет; яркий, ясный’, *arthatsean* (арх. LN) Т 104 ‘рассвет’, ср. *ortzoski*, *orzoski* (арх. LN), *orzaizki* (S), *orzozki*, *orzezki* (арх. Z) Т 318 ‘спокойный, чистый воздух’.

Обобщая, можно заключить, что тюркские фарингализованные и долгие гласные могли возникнуть в результате утраты предшествующих или последующих (сонорных, ларингальных, фарингальных) фонем, позднее – сильных согласных. В баскском языке имеет место утрата интервокальной */-n-/ с последующим аспирированием (назализацией), геминированием окружающих гласных. Но тот факт, что языки упорно сохраняют рефлексы сонорных или сильных согласных, говорит об их важной фонологической роли в праязыках. В целом же в сопоставляемых системах прослеживается тенденция, установленная в работах известных лингвистов [Бодуэн де Куртенэ 1963: 57; Мартине 1960: 126; Серебренников 1988: 94–112] и объясняемая упрощением или универсальной закономерностью – экономией физиологических затрат.

2.3.4. К проблеме конечных гласных

В чувашских корнях наблюдается присутствие конечных гласных, которые отсутствуют в тюркских, в т. ч. кыпчакских, соответствиях. Ср. 1) БТ *ut*, чув. верхов. *vidь*, *vudь* < **ǝ'tə* М 40, ПТ **ot* ‘трава, сено’; 2) БТ *sik/çik*, чув. *çigə* < **čēkə* М 39 ‘граница, край, межа, предел, конец’; 3) БТ *jär* < **ja:ba* Э 45 ‘деревянная развилка’, чув. *joba* М 123 ‘надмогильный столб’.

Типологически схожее явление прослеживается в монгольских языках. Ряд тюркологов объясняют наличие конечных гласных «относительной древностью монгольских языков» [Щербак 1970: 132]. В. Котвич, основываясь на мнении Ф.Е. Корша, Х. Педерсена, Е.Д. Поливанова (об ударении на первый слог в пратюркском состоянии), предполагал, что передвижение ударения на конец слова не могло привести к ослаблению конечной согласной фонемы, считал, что тюркские краткие формы более древние [Котвич 1962: 38].

В баскском языке наблюдается спорадическая утрата конечных (ауслатных) гласных /-a/ или /-e/ после смычных (*barda* > *bart* ‘прошлой ночью’), гласной /-i/ в многосложных словах (*iturri* ‘течь’, *buru* ‘голова’, *iturburu* ‘начало источника’), гласной /-u/ (-*ko* (атрибутивизатор), *buruko* ‘шапка’, но *burko* ‘подушка’) [Trask 2008: 33, 39]. Но, в целом, баскские корни, как правило, имеют конечный гласный после смычных согласных, после сибилантов: *ote* I (G, HN), *othe* (L, LN, Z), *ota* (B) < **ote* T 320 ‘вид растения, дрок’; *sarde* (G, HN, L, LN, Z), *saharde* (L), *saarde* (L), *sardei* (LN), *sarda* (B) T 337 < **saharrde* S ‘вилы с двумя зубьями, вилка, грабли’; *hegi*, *hégi* (Z), *egi* < **hegi* T 163 ‘край, острие, хребет, граница, кайма’; *gabe*, *bage* (B), *baga* (B) < **gabe* T 194 ‘без, вне’; *haize*, *aize* (арх. LN), *áize* (Z), *axe* (B, Sout) < **[h]aize* T 83 ‘ветер’.

При этом имеются аффиксы с конечными /-k/, -t/. Согласно исследованиям А. Эгурцеги, в бискайском диалекте наблюдается добавление гласной после аффикса на конечную /-k/: *zuk* > *zuku* ‘вы (эрг. п.)’, *gixonak* > *gixonaka* (эрг. п.) [Egurtzegi 2013: 135]. Ученые предполагают отпадение конечной гласной аффиксов: для *nik* (эрг. п. 1 л. ед. ч.) восстанавливается форма **niga*, для формы 1 л. ед. ч. баскского вспом. гл. **edun*: *dut* ‘я имею это’ – форма **duda* [Там же: 163].

Между тем допустимы баскские корни с ауслатными сонорными /n, l, r/, сибилантами, аффрикатами: *egun* (C, кроме Z), *égün* (Z) < **egun* T 165 ‘день’; *sabel* (C) < **sabel* T 335 ‘живот’; *behor* (L, LN), *beor* (B Sout., G, HN, SR), *bóhor* (Z), *beur* (R) T 135 ‘кобыла’; *bihotz* (L, LN, Z), *biotz* (B, G, HN, R) < **bi[h]otz* T 143 ‘сердце, сердцевина’; *ihes* (L, LN, Z), *ies* (B, HN, S) < **i-nes* T 218 ‘бег, полет’.

Решение проблемы конечных гласных в тюркских языках, по-видимому, находится не только на фонетическом (рефлексы сильных фонем), но и на морфологическом уровне (особенности структуры корня, ее перестройка; агглютинация, развитие показателя определенности (ср. БТ *-i*, *-e* и баск. *-a*)). В. Котвич справедливо предполагает фонетические и морфологические предпосылки в появлении конечных гласных и приводит ряд монгольских глаголов с конечными */-a*, *-e*, *-u* (*-o*), *-i*/ [Котвич 1962: 35–39]. Монгольскому письменному языку, как писал А.М. Щербак, характерно структурное своеобразие корневых слов и аффиксов: имена существительные оканчиваются в основном на сонорные, глаголы – на гласные, аффиксы – на те и другие [Щербак 1970: 134].

Для сравнения, структура баскских синтетических глаголов предполагает аффикс *-i*: *jaiki*, *jaiki* (Z), *jéiki* (Z), *jagi* (B, Sout), *jegi*, *xági* (R) Т 239 ‘появляться, подниматься’; фонему */-n/*: *joan* < **e-oa(n)-i* ‘идти’; ряд глаголов имеет конечную фонему */-o/*: *ito* (B, G, HN, Sout), *itto* (B, G), *itho* (L, LN), *ítho* (Z) Т 231 ‘тонуть’; *eho* I (LN), *ého* (Z), *eo* (Sout., G, HN, S), *eio* (B), *io* (B), *igo* (B, G, HN) < **eho* Т 172 ‘молоть, толочь’.

Таким образом, баскские корни, как правило, имеют конечный гласный после смычных согласных. Не исключено, что отдельные конечные гласные в исследуемых языках являются рефлексами сильных согласных. Развитие категории определенности-неопределенности и форм глагола могли повлиять на процессы установления или утраты конечных гласных в тюркских, в т. ч. башкирском, татарском, языках.

2.4. Развитие башкирских, татарских и баскских гласных фонем

2.4.1. Фонема /a/ в башкирском, татарском и баскском вокализме

Пратюркская фонема **/a/*, по мнению тюркологов, развивается практически одинаково во всех подгруппах [СИГТЯ 2006: 159] и реализуется в широкой фонеме */a/* заднего ряда нижнего подъема в башкирском, татарском языках. Ученые наблюдают соответствия */a/ ~ /ä/*, */a/ ~ /i/* в тюркских языках и диалектах [СИГТЯ 1984: 54, 57]. По исследованиям А.А. Чеченова, в большинстве живых кыпчакских

языков гласный *a* «сохраняется без изменений во всех возможных позициях» [СИГТЯ 2002: 221]. Как показывают сопоставительно-типологические работы, «в отличие от русской фонемы, редукция которой в безударной позиции значительна, редукция кумыкской и турецкой фонемы /a/ в безударной позиции незначительна» [Раджабалиева 2003: 138]. М.Р. Хабибуллина (2002) классифицирует пять диалектных вариантов татарской /a/: открытый, умеренно открытый, очень открытый, умеренно огубленный, сильно огубленный.

ПТ архифонема */a/ā/ǎ/ā/ (*{a}) (далее архифонемы даются в фигурных скобках) сохраняется в начале башкирских и татарских слов. (Под термином *архифонема* подразумевается «общее в звучании двух или более коррелятивных фонем в отвлечении от тех их свойств, на которых основана корреляция» [Ахманова 1969: 56].) Ср.: БТ *awīδ/awīz* < ПТ **Agir* ‘рот’; БТ *awil* ‘село’ < **ayil* Э 83 ‘загон для скота; селение’; БТ *aŋla-* < ПТ **āŋ*, **āŋ-la-* ‘понимать, разум’; БТ *al* < ПТ **āl* ‘перед, передняя часть’; БТ *al-* < ПТ **al-* ‘брать, взять, получать’; БТ *ariū/aru* < ПТ **ari-* ‘чистый, светлый’; БТ *arqan* < **arqa:n* Э 175, **arqamčī* Э 171 ‘аркан, веревка, силок’; БТ *ar-* < ПТ **at-* ‘рассветать’; БТ *ari-* < ПТ *ār-* М 109 ‘установить’.

Открытая гласная среднего (центрального) ряда /a/ устойчива в баскских диалектах, ср.: *aho* (L, LN, Z), *ao* (B, G, HN, R), *ago* (B, G, HN, R, Z) < **aho* Т 95, **ayo* S ‘рот’; *angio* (B), *angia* (B), *angi* (B) Т 64 < **angio* S ‘ограждение, пастбище’; *ale* (G) < **aLe* Т 87 ‘семя; начало’; *ahal* (L, LN, Z), *aal* (B), *al* (B, G, HN, R, S) < **anal* Т 70 ‘сила, способность’; *hartu*, *artu*, *hártũ* (Z) < *[*h*]ar- Т 110 ‘брать, понимать, постигать’; *ara-ka* (B), *ara-kaldi* (R) < *(*h*)aro S ‘палка (B), соединенные палки (R)’.

Изменения начальной /a-/

Башкирский и татарский языки обнаруживают опереднение начальной ПТ архифонемы *{a-} в отдельных корнях, БТ /ä/ < ПТ *{a-}: ср. БТ *äδ/az* < ПТ **Ār* ‘немного’; БТ *ataj/ata*, тат. *äti* < ПТ **Ata*/**Ete* ‘отец; дядя; предок’; тат. *ana*, *äni* < ПТ **ana* ‘мать, мама’; БТ *äjlän*, уйг. *ajlan-* < ПТ **Aj-* ‘вращаться, вертеться’. В отдельных местоимениях наблюдается соответствие башк. /u-/ ~ тат. /a-/: БТ *undaj/andij* < **andaj* Т 149 ‘такой, так, таким образом’; БТ *ular/alar* < ПТ **an-lar* ‘они’.

Изменения начальной архифонемы **{a-}* в отдельных тюркских языках заключаются в ее сужении [СИГТЯ 1984: 120], /i-, i-, o-, u-/ < ПТ **{a-}*: БТ *al-*, чув. *il-*, як. *il-* < ПТ **al-* ‘брат’; БТ *adïu/azau*, як. *ihî* < ПТ **arig* ‘клык’; БТ *arïu/aru*, чув. *irь* < ПТ **ari-* ‘чистый, чистить’; БТ *ajir-*, чув. *ojьr* < ПТ **adi-r-* ‘отделять’; БТ *as-/aç-*, чув. *uś* < ПТ **ăç-* ‘открывать, начинать’; БТ *at*, чув. *ut* < ПТ **ăt* ‘лошадь’.

В баскских диалектах можно отметить изменение ПБ **/a-/* > Б */e-/*. Ср. *alargun, alhargun* (арх. LN), *alhárgũn* (Z), *alargún* (R), *elhargun* (арх. LN) Т 87 ‘вдова’; *eñhe* (Z) Т 95 ‘усталый’, *anu* (HN), *auga* (LN) < **auNo* ‘усталость’; *azeri* (B, G, HN, L, LN, Z), *hazeri* (L, LN), *haze(r)i* (Z), *azari* (B, G, HN), уменьш. *axeri* (B, L, R), *axé(r)i* (Z), *exé(r)i* (Z) < **azenari* ‘лиса’; в сложносоставных словах: *hemezortzi* Т 91 ‘восемнадцать’ (*hamar* (L, LN, Z), *amar* < **[h]anbar* Т 90 ‘десять’); *azkazal, ezkazal* (HN) Т 115 ‘копыто’ (Б *atz* < **hatz* I Т 114 ‘палец, лапа, тропа’). Также не исключено изменение /a-/ > /o-/ (согласно подразделу 2.3.3).

/a/ в середине слова

Как отмечает Э.Р. Тенишев, во всех кыпчакских языках наблюдается «устойчивость инициального и медиального гласного *a*... кроме нескольких случаев опереднения в соседстве с палатальным согласным *j*» [СИГТЯ 2002: 224].

БТ */-a-/* < ПТ **{-a-}*: БТ *bařaq* < **bařcaqə* М 39 ‘колос; наконечник (стрелы), месиво’; БТ *hal-/sal-* < ПТ **sal-* ‘класть’; БТ *sap-/çap-* < ПТ **çap-* ‘бить, резец, косить, тесать’; БТ *tař* < **da:ř* Э 167, ПТ **diāl* ‘камень’; БТ *qart* < ПТ **Kari* ‘старый, старуха, старик’; БТ *qatïq/qasiq* < ПТ **q(̣)āsuq* М 107 ‘пах’.

Баскская срединная /-a-/ также обнаруживает устойчивость: *baztar* (B, G, HN), *bazter* (C, кроме B) < **bazter* Т 130 ‘угол, край, острие, хребет’; *ezarri, ezari, isari* (R) < **e-zaR-* Т 189 ‘класть’; *txahal* (Z), *txaal* (B), *xahal* (L, LN), *xáhal* (Z), *txal* (B, G), *xâl* (R), *xal* (S) Т 350 < **sanal/*zanal* S ‘теленки’; *harri* (L, LN), *hárri* (Z), *arri* (B, Sout., G, HN, A, S, R) < **[h]aRi* Т 108 ‘камень’; *haitz* (L, LN), *aitz* (G, HN, L, LN, Z), *atx* (B, L) < **anetz* Т 82, **haic* S ‘скала, камень’.

Изменения срединной /-a-/

В тюркской семье сужение срединной архифонемы ПТ **{-a-}* прослеживается в чувашском языке, ср. БТ *säs/çäç*, чув. *śús* < ПТ **s(i)aç* ‘волосы, коса, шерсть’;

БТ *jan-*, чув. *śon-* < ПТ **jan-* ‘гореть’; БТ *qara*, чув. *xora* < ПТ **Kara* ‘черный’; тат. *sar-*, чув. *sir-* < ПТ **sar-* ‘обматывать, завертывать’, а также в языках сибирской группы: БТ *qart*, тув. *qiri-*, тоф. *qiri-*, як. *kirij-* < ПТ **Kari* ‘старый, старуха, старик’; БТ *qalq-/qaliq-*, як. *kilij-* < ПТ **Kal(i)-* ‘подниматься’. Соответствие /-a-/ ~ /-o-/ наблюдается в редупликатах башкирских, татарских парных конструкций: *qart-qoro/qart-qori* ‘старики’; *qara-qora* ‘черные вещи’; *jalt-jolt* ‘о блестящем’; *šap-šop* ‘о шлепанье’.

В конце слова башкирская и татарская фонемы /-a/ обладают относительной устойчивостью: БТ *ala* < ПТ **āla* ‘пестрый’; БТ *jaqa* < ПТ **jaka* ‘воротник; край’; БТ *ta, tä, da, dä*, башк. *da, dä* < **da, *de* Э 109 ‘и, также, еще’; БТ *aša-* < ПТ *(i)*ał-a-* ‘еда, пища, кормить’. В башкирском языке и татарских диалектах прослеживается тенденция к возникновению /-j/ после конечной /-a/ в терминах родства: БТ *atai/ata*, тат. диал. *ätäj* [ТТЗДС: 60] < ПТ **Ata/*Ete* ‘отец’; тат. *ana*, диал. *anaj, inäj* [Там же: 43] < ПТ **ana* ‘мать, мама’; БТ *araj/ara*, ср. кум. *abaj, araj* < ПТ **ara* ‘мать, старшая сестра, тетя’.

Баскская конечная /a/ относительно устойчива: *ama* (C) < **ama* Т 89 ‘мать’; *eta, ta* (C) < **eta* Т 183 ‘и’; *ala* (G, HN, R), *alha* (LN, L, Z) < **atha* S ‘выпас скота, пастбище’.

Баскологи в отдельных диалектах выделяют тенденцию к опереднению конечных гласных или их сочетаний /-aa/ > /-ae/, /-ia/ > /-ie/: **eLana* > **elaa* > *elae* ‘ласточка’; *ogia* > *ogie* ‘хлеб’ [Trask 2008: 31; Egurtzegi 2013: 133], *aite* (C), *aite* (арх. В), *aitxa* (В), *atta* (G) < **aita* Т 81 ‘отец’.

В аффиксах

БТ фонемы /a/ имеют сингармонические пары /ä/ (< ПТ */e/) в аффиксах:

1) *-a, -ä* в формах настоящего (настояще-будущего [Азнабаев 1976: 112–113]) времени глаголов: БТ *sıyar-/çıyar-* ‘выносить, выноси’, БТ *sıyar-a/çıyar-a* ‘выносит’, БТ *kit-* ‘уходи’, БТ *kit-ä* ‘уходит’;

2) *-qar, -kär, -yar, -gär* (образуют переходные глаголы от ограниченного количества существительных): БТ *qot* ‘душа’, БТ *qot-qar* ‘спасай’, БТ *jel/žil* ‘ветер’, БТ *jel-gär/žil-gär* ‘вей, овевай’;

3) БТ *-ta, -tä, da, -dä*, башк. *-la/-lä, -ḍa/-ḍä*, ПТ **-tA* [СИГТЯ 1988: 110] (показатели местного падежа): БТ *qiš-ta* ‘зимой’, БТ *eš-tä* ‘на работе’.

Р.Л. Траск в лабурдинском, верхненаваррском диалектах баскского языка выделяет аффикс *-a* в составе аффиксов синтетических глаголов: *e-karr-i* ‘принести’, ср. *da-karr-a-t* ‘я везу его’, *da-karr-a* ‘он/она привезет его’, *za-karr-a-n* ‘он/она приносила его’ [Trask 2008: 69].

По мнению Х.И. Уальде, не исключено соответствие баскских */-a-/ ~ /-e-/* в середине аффиксов *-(k)ara, -(k)era* Т 186 (образ, способ действия): *ortzi* ‘шторм’, *ortzi-kara* (L) Т 317 ‘буря’, *ibili* ‘ходить’, *ibil-kera* ‘походка’; в показателях местного падежа (инессива): *-(e)tan* (неопред. ч.), *-(e)an* (опред. ед. ч.), *-etan* (опред. мн. ч.): *raate-tan* ‘на стене’, *mendi-ten* ‘на горе’ [Hualde 2007: 43].

Итак, обнаруживаются регулярные соответствия ПТ **/a, ā, a, ā/* и современных БТ фонем */a/* во всех (начальной, срединной и конечной) позициях. Гласная фонема среднего (центрального) ряда */a/* сохраняет устойчивость в баскских диалектах. В начале слова фиксируются спорадическое опереднение ПТ **{a-} > /ä/* в башкирском, татарском языках, изменение */a-/ > /e-/* – в баскских диалектах. БТ срединные и конечные фонемы */-a-/* имеют сингармонические пары */-ä-/* (< ПТ **{/e-}/*) в БТ аффиксах, прослеживаются соответствия баск. */a/ ~ /e/* в середине аффиксальных морфем и в конце слова.

2.4.2. О проблеме происхождения башкирской, татарской фонем */ä/*

А.А. Юлдашевым установлено, что широкая гласная фонема */ä/* переднего ряда нижнего подъема в тюркской семье представлена лишь в башкирском, татарском, уйгурском, азербайджанском, туркменском языках; существуют разногласия по вопросу первичности или вторичности ее происхождения [СИГТЯ 1984: 146]. А.В. Дыбо, О.А. Мудрак считают, что в первом слове фонема */ä/* «активно работает в уральской группе в качестве рефлекса исконного гласного *ä(e)*», представляя некий архаизм [СИГТЯ 2006: 227]. БТ */ä/* возводится ими к пратюркским архифонемам **{a}* (рядом с */j, j/ž, s/ç, š/* [Там же: 159]), **{e}*. Согласно работе А.В. Дыбо «Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском»,

древнетюркские заимствования с ПТ */e/ в венгерском языке отражаются как /ö/ или /ē/ [http://iling-ran.ru/dybo/1909_vocalism.pdf]. Соответствие башк. /ä/ ~ тат. /i/ наблюдается во всех позициях, башк. /ä/ ~ тат. /a/ характерно в начале слова.

В начале слова: БТ *äδ/az* < ПТ **Ār* ‘немного’; БТ *äpäj/ipi* < ПТ **Epej* ‘печеный хлеб’; БТ *äwer-* < ПТ **ebir-* ‘поворачивать’; БТ *äjt-* < ПТ **aj-it-* ‘говорить’.

В середине слова: БТ *jäš* < ПТ **jāl* ‘молодой’; БТ *hike/säke* < ПТ **sekü* ‘нары’; БТ *käräk/kiräk* < ПТ **gerge-* ‘нуждаться’; БТ *tärän/tirän* < ПТ **deriη* ‘глубокий’.

В аффиксах

Сингармонической парой БТ /ä/ ~ /i/ в дифтонгоидных аффиксах выступает соответствие /a/ ~ /i/: БТ *küδ-läj/küz-li* ‘наблюдает’; *i-laj/ji-lij* ‘плачет’; *jör-mäj/jör-mi* ‘не ходит’; *bar-maj/bar-mij* ‘не идет’. Башк. /e/ ~ тат. /ä/ в составе аффикса будущего времени у ряда глаголов: БТ *ül-er/ül-är* ‘умрет’, но БТ *kür-er* ‘увидит’.

В целом, фонема /ä/ в тюркской семье представлена лишь в башкирском, татарском, уйгурском, азербайджанском, туркменском языках. БТ /ä/ возводятся к пратюркским архифонемам */e/, */a/. Соответствие БТ /ä/ ~ /i/ допустимо во всех позициях, соответствие /ä-/ ~ /a-/ характерно в начале слова. Сингармонической парой соответствия БТ /ä/ ~ /i/ в составе дифтонгоидных аффиксов выступает соответствие /i/ ~ /a/. Вопросы о происхождении фонемы /ä/ и соответствия /ä/ ~ /i/ в башкирском, татарском языках требуют дальнейшего изучения.

2.4.3. Башкирская, татарская фонемы /i/ (< ПТ */e, ē, e, ē/)

и баскская /i/

Согласно мнению А.А. Чеченова, пракыпчакская фонема */e/ является «индифферентной фонемой» [СИГТЯ 2002: 225], установившейся на основе открытой краткой /ä/ и закрытой долгой /ē/. Она сохраняется в кыпчакских языках во всех положениях, но в уральской подгруппе переходит в широкий неогубленный /i/ (**e/* > /i/). А.А. Юлдашев указывает, что переход исконной */e/ > /i/ в башкирском и татарском языках характерен для односложных корней и в первом слоге многосложных слов, фонема /i/ не представлена в непервом слоге башкирских исконных лексем [СИГТЯ 1984: 124, 115].

В части лексем в начале и середине слова **БТ /i/ ~ тюрк. /ä/:** БТ *imçäk/imsäk*, аз. *ämžäk* < ПТ **em-ček* ‘сосок’; БТ *kil-*, аз., хал. *käl-* < **kel-* Э 29, ПТ **gəl-* ‘приходить, уродиться’.

В начале слова

Башкирская и татарская неогубленные узкие фонемы /i-/ переднего ряда верхнего подъема развивались в результате сужения начальных ПТ **/e, ē / (*/e̞, *e̞/* – в первом слог): БТ *iθän/isän* < **esen* Э 308 ‘здоровый, живой’; БТ *igelek* ‘благо’, ДТ *ejgü, jeg* ‘хороший’ < ПТ **ed, *ed-gü-* ‘вещь, добро’; БТ *irk/irek* < ПТ **er’k* ‘сила, воля, свобода’; БТ *ireš-* < ПТ **ēr-* ‘достигать’; БТ *išet-* < ПТ **elit-* ‘слышать’; БТ *irtä* < ПТ **ēr* ‘рано, утро’. Возможна различная рефлексация архифонемы ПТ **/e-}* в башкирском и татарском языках: БТ *ejä/ijä*, ДТ *igä* < **eje* Э 237, ПТ **Edi* ‘хозяин, господин, сущность’; БТ *ej-/i-* < ПТ **eγ-* ‘гнуть’.

В баскских лексемах неглагольной семантики наблюдается устойчивость фонемы /i-/ переднего ряда верхнего подъема, ср. *idun* (арх. В, Sout), *irun* (В), *igun* (В) Т 218 < **idun* S ‘шея, горло, воротник (хомут)’; *hiro* (L, Z), *iro* (В, G) < **hiro* S ‘гнилой; гниль (L, Z); трут (В, G)’.

Р.Л. Траск в отдельных случаях (перед /n/ или перед палатальными согласными) фонему /i-/ возводит к ПБ **/e-/: iñor* < **inor* < **enor* ‘кто-нибудь’; *itxe* > *etxe* ‘дом’ [Trask 2008: 36]. Ученый вслед за К. Мичеленой полагает, что баскские причастия и другие нефинитные формы глагола имеют реликтовый префикс **/e-*, развитие которого «по-разному сложилось в исторический период, он дал /e-, i-, j-/ или [θ]» [Там же: 22]. Переход /i-/ < **/e-/* иллюстрируют следующие примеры: *izan* (С), *ixan* (В), *izen* (арх. В) < **e-izan-i* Т 235 ‘быть’; *ireki* (G, LN), *iriki* (В, G, LN, R), *edeki* (L, LN), *ideki* (HN, L, LN, S), *idiki* (G, R), *iregi* (Sout), *irigi* (арх. В) < **e-re-ki/*e-de-ki* Т 229 ‘открывать’; *erdietsi* (HN, L), *erditsi* (HN), *eretsi* (В), *iritsi* (G), *iritxi* (G) < **erdi-etsi* Т 173 ‘достичь’.

По мнению тюркологов, архифонема ПТ **/e-}* дает рефлекс /a-/ в чувашском языке («не очень древние марийские заимствования из чувашского имеют /e-/») [СИГТЯ 2006: 162]: БТ *ir*, чув. *ar* < ПТ **ēr* ‘мужчина’; БТ *išek*, чув. *alьk, algь* <

ПТ **ēlü-* ‘дверь’; гидроним тат. *Idel*, чув. *adyl* < ПТ **ētül* ‘большая река, Волга’; БТ *il*, чув. *jal* < **i:l* Э 339, **jēl* М 122, ПТ **ēl* ‘народ, страна’.

Примечательно, что в западных, реже – в восточных диалектах баскского языка К. Мичелена наблюдает изменение */e/ > /a/, но в середине слова: *berri* > *barri* ‘новый’, *izter* > *iztar* ‘бедро’ [Michelena 1990: 60]. Р.Л. Траск выделяет соответствия анлаутных /i-/ ~ /u-/: *igel* (С) ~ *ugel* (В) ‘лягушка’, *ile* (С) ~ *ule* (В) ‘волосы’ [Trask 2008: 36]: *izu* (В, G), *izi*, *uzu* (В) < **izu* Т 237 ‘страх, дрожь’; *hiri* (L, LN), *hí(r)i* (Z), *iri* (HN, S, R), *uri* (В, G) < **ili*, *[*h*]eRi Т 229, **hūri* S ‘город’; для сулетинского диалекта – изменение /i-/ > /ũ-/ в лексемах, содержащих последующую /u/ [Там же: 37]: *ikuzi* (В, GHN, L), *ikhuzi* (LN), *ekuzi* (R), *ũkhūzi* (Z) < **e-kus-i* S ‘мыть’; *ilun* (HN, A, S), *illun* (В, G, HN), *ilhun* (L, LN), *ulún* (R), *ũlhün* (Z), *ilun̄* (Sout) < **ilun* Т 224 ‘темный’.

В середине слова БТ /-i-/ являются результатом сужения срединных ПТ */e, ē, ę, ė/. Ср. БТ *biḡgäk/bizgäk* < **bezgek*, **bezik* Э 104 ‘лихорадка’; БТ *min* < **men* Э 50, ПТ **bę-* ‘я’; БТ *hin/sin* < **sen* Э 247, ПТ **sę-* ‘ты’; БТ *kil-* < **kel-* Э 29, ПТ **gęl-* ‘приходить, уродиться’; БТ *jebe-/žebe-* < ПТ **jębi* ‘мокнуть’; БТ *tile* < ПТ **dęl(b)ü-* ‘сумасшедший, глупый’.

Баскская срединная /-i-/ обнаруживает устойчивость во всех диалектах. Ср.: *gizon* (С, кроме Z), *gixon* (В, G), *gizun* (Z, LN) < **gizon* Т 206 ‘мужчина, человек’; *kirikiño* (В, G), *kirikio* (В, G) Т 251 (ср. лат. *ericium* ‘еж’) < **kiri-* S ‘еж’; звукоподражательное *txiz* (В, G) Т 352 < **čis* S ‘моча’.

В отдельных случаях имеются различия в употреблении корневых /-e-/ и /-i-/ в башкирском и татарском языках: БТ *bejä/bijä* < ПТ **bEje* ‘кобыла’; БТ *jekän/žikän* < ПТ **jEken* ‘рогоз, тростник’; БТ *jerek/zirek* < ПТ **jęrik* ‘ольха, кедр’; БТ *jel/žil* < ПТ **jēl-* ‘бежать (рысью), нестись’. Спорадически Б /-i-/ < ПБ */-e-/: *beldur* (G, HN, L, LN, R), *béldür* (Z), *bildur* (В, G, Sout), *billur*, *illddur* (В) Т 135 ‘страх’.

Сулетинское соответствие /i/ ~ /ũ/ наблюдается и в середине слова: *billur*, *bilhur*, *bũllhūr* (Z), *bulur* (R) Т 143 < **bilhur* S ‘узел, ремень, связывать, закрепленный’; *zimur* (С), *ximur*, *xũmūr* (Z), *txumur* (R) Т 375 ‘морщина’.

В конце немногочисленных башкирских и татарских слов с конечной */-i/* отслеживается процесс сужения конечных ПТ **/e, ē/*: тат. *äni* < ПТ **eñe* ‘мать, мама’; БТ *äbej/äbi* < **ebe* Э 220 ‘бабка, теща’; БТ *ti-/di-* < ПТ **dē-* ‘сказать, говорить (в служебных функциях)’; тат. *žim* ‘корм’, башк. *je-* < ПТ **jē-* ‘есть, кушать’.

Баскские слова сохраняют конечную */-i/*: ср. *ni* (C) < **ni* Т 20 ‘я’; *hi* (L, LN, Z), *i* (B, G, HN, A, S), *yi* (R) < **hi* Т 215 ‘ты’; *eri* II (арх. LN), *erhi, é(r)hi* (Z) < **eri* II Т 174 ‘палец’.

В аффиксах

Аффикс *-i* выделяется в башкирских, татарских заимствованных из арабского языка прилагательных с гласными переднего ряда (БТ *γilem/γijlem* ‘наука’, *γilm-i/γijlm-i* ‘научный’, БТ *jesem/žisem* ‘твердое тело’, БТ *jesm-i/žism-i* ‘телесный’) и в татарских показателях глагола настоящего времени *-i* (БТ *jör-* ‘ходить’, *jör-öj/jör-i* ‘ходит’; БТ *tülä-* ‘плати’, *tül-äj/tül-i* ‘платит’) как сингармоническая пара аффиксов *-äj, -ij, -aj, -a, -ä, -oj, -öj*.

По мнению Р.Л. Траска, глагольный «суффикс *-i*, вероятно, тот же древний суффикс *-i*, образующий прилагательные от существительных», функции которого были переданы новому суффиксу *-tu* (*-tum*), заимствованному из латыни [Trask 2008: 23–24]. Ср. *gatz* Т 201 ‘соль’, *gazi* ‘соленый’; *hauts* (Z), *auts* (R) < **hauts* Т 119 ‘пыль, порошок, зола’, *hautsi, autsi, ausi* (B, G), *háutse* (Z), *áutse* (R) ‘ломать’.

В целом, БТ фонемы */i/*, как правило, установились в результате передвижения и сужения ПТ **/e, ē/* (**/e, ē/* в первом слоге). Наблюдаются различная рефлексация ПТ **/e, ē/* в башкирском и татарском языках (*/e/ ~ /i/*), межтюркское соответствие */i/ ~ /ä/*.

Для сравнения, в чувашском анлауте ПТ **/e-}* дает рефлекс */a-/* (подобное изменение происходит в баскском инлауте: ПБ **/-e-/ > /-a-/*).

Баскская фонема */i/* относительно устойчива, в отдельных случаях является результатом изменения ПБ **/e/* в анлауте лексем неглагольной семантики (перед */n/* или палатализованными согласными) и в синтетических глаголах. Наблюдаются соответствие */i/ ~ /u, ŷ/* в начале и середине слова, устойчивость конечной */-i/* в баскском вокализме.

2.4.4. О башкирской, татарской фонемах /i/ (< ПТ */i, ī/)

Вопрос о происхождении фонемы /i/ – один из наиболее спорных в тюркологии, как в русской и общей фонологии. Фонема */-i-/ восстанавливается во всех позициях в «Этимологическом словаре тюркских языков» (1974–2003), долгая */ī/ и краткая */i/ – в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» (2006) и «Этимологическом словаре алтайских языков» (2003).

Наблюдаются процессы спорадического или позиционно обусловленного опереднения /i/ > /i/, соответствие /i/ ~ /ī/, /u/ ~ /i/ в тюркских языках; межъязыковое соответствие /a/ ~ /i/ в анлауте и в первом слоге зафиксировано в «Древнетюркском словаре» (1969). Как считают тюркологи, подобные изменения происходят в большинстве случаев перед и после /j/, также в первом слоге в соседстве с сонорными переднеязычными /l, r, n/ [СИГТЯ 1984: 230, 55, 57–58] и «пратюркская /i/ по своему характеру из всех гласных заднего ряда ближе всех стояла к исконной /a/» [Там же: 151].

Судя по изложенному, /i/ выступает одним из неустойчивых гласных в тюркских языках. Т.М. Гарипов пишет, что дискутируется вопрос о развитии башкирских, татарских неогубленных фонем /i/ заднего ряда среднего (верхнего – по мнению Дж. Г. Киекбаева [Кейекбаев 1958: 20] – Д. С.) подъема от ПТ */u/, о дифтонгоидности (/ī^j/), ее автономности в башкирском и татарском языках, о различии полногласной /ī/ и редуцированной /i/ в башкирском и татарском языках; ученый также обобщает формулу изменений /ī/: ī, u, o, i; а для – /i/: e, ä, ö, ĩ, a, u, o [Гарипов 1979: 229, 231].

В начале слова неогубленные фонемы /i/ заднего ряда верхнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема возводятся к ПТ */i-, ī- (ī-)/: тат. *indir* < */indir Э 656 ‘ток, гумно, наковальня’; БТ *irzaj-* < ПТ */ir^zaj-, irtaj- Э 663 ‘осклабиться’; БТ *išiq* < */išiq Э 675 ‘убежище, укрытие’.

В тюркских языках представлены соответствия /i-/ ~ /i-/, [h̄i-], [jV-], [0]-, что затрудняет определение праформы: БТ *ıdan/izan*, гаг. *jiz*, кум. *hizan*, чув. *jər*, тур., аз. ДТ *iz* < ПТ */ī^r/*ī^r, *izan Э 647 ‘межа, борозда’; БТ, тур. диал., турк. *išan-*, уйг.

išan-, хак. *īzen*, сюг. *isen-*, ног. *sen-*, чув. *šan-*, *žen-*, ДТ *išen-* < **išan-* Э 675, ПТ **īlan-* / **īlen-* ‘верить’.

В середине слова БТ /-i̯-/ < ПТ *{-i-}: БТ *ila-/jila-*, сюг. *jiyla-* < ПТ **jig-(la)* ‘плакать’; БТ *hit-/sit-* < **sit-* Э 425, БТ *hiq-/siq-* < ПТ **sik-* ‘жать, давить’.

Также наблюдается межтюркское соответствие /-i̯-/ ~ /-i-/: БТ *hirt/sirt*, узб., уйг., тув. *sirt* < ПТ **sirt* ‘спина, позвоночник (животного); горный хребет’; БТ *qir*, уйг. *qir*, чув. *xir* < ПТ **Kir* ‘отдельно стоящая гора; степь; край’.

По исследованиям А.А. Юлдашева, в непервом слогe башкирская и татарская корневые фонемы /i/ чаще всего соответствуют древнетюркской /u/ [СИГТЯ 1984: 149–150], БТ /-i̯-/ < ПТ *{-u-/, ср.: БТ *orloq/orliq* < **urluq* Э 604, ПТ **urug* (~ **or-*) ‘семья’; БТ *boryo/biryi* < ПТ **burgu* ‘труба; трубка (растения)’. Возможны несоответствия башкирской, татарской /-i̯-/, напр., /-i̯-/ ~ /a-/, /-i̯-/ ~ /o-/: башк. *qaja*, тат. *qija* < ПТ **K(i)a* ‘скала’; БТ *tirmau/tomau* ‘насморк’.

В конце слова БТ /-i̯/ возводятся к ПТ *{-i-}: тат. *tayī(n)*, башк. *tayī* < ПТ **d(i)aki* ‘кроме того, к тому же, и другие; опять’; БТ *jilqī* < **jilqī* Э 281 ‘стадо животных, лошадь’.

БТ /i̯/ в аффиксах

Татарская /i̯/ в дифтонгоидных аффиксах у глаголов систематически соответствует башкирской /a/: БТ *bar-maj/bar-mij* ‘не идет’; БТ *ur-laj/ur-lij* ‘ворует, крадет’. Башк. /i̯/ ~ тат. /a/ в составе аффикса будущего времени у ряда глаголов: БТ *ay-ir/ay-ar* ‘будет течь’, но БТ *bar-ir* ‘пойдет’.

БТ аффиксы принадлежности 3 л. выражаются морфофонемами /-i̯-, -e/, башк. /-o-, -ö/: БТ *tüyan/tuyan* ‘родственник’, БТ *tüyan-i̯/tuyan-i̯* ‘родственник его (ее)’, БТ *Öfö-lä-ge tüyan-i̯/Ufa-da-γi̯ tuyan-i̯* ‘родственник из Уфы’; башк. *os* ‘кончик’, *os-o* ‘кончик чего-л.’ (по исследованиям Дж. Г. Киекбаева, «аффиксы принадлежности в урало-алтайских языках ведут двойную нагрузку: принадлежность предмета одному из трех лиц и определенность предмета» [Киекбаев 1996: 19]). Для сравнения, в баскском языке функционирует постпозитивный определенный артикль *-a* [Rijk 2007: 17; Subijana 2011: 18]: *lagun* ‘друг’, *lagun-a* ‘друг (в определенном значении)’, *Gasteiz-tar lagun-a* ‘друг из Гастейса’.

Сингармоническими парами фонемы БТ /i/ в составе аффикса *-qī* (*-ke*, *-gī*, *-ge*), выступает башк. /o/ в составе *-qo*, *-yo* (*-kō*, *-gō*) (признак предмета с точки зрения его положения в пространстве и времени): БТ *boron-yo/borin-gī* ‘древний’, БТ *aθ-qī/as-qī* ‘нижний’; БТ *öθ-kō/ös-ke* ‘верхний’.

Заметим, что в баскском языке аналогичной функцией обладает аффикс *-ko*, определяемый А.В. Архиповым, Г.А. Нуждиным как атрибутивизатор [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>], в других источниках – как аффикс локативного определения: *etxeako hots* ‘шум в доме’, *atzoko ikasgaia* ‘вчерашний урок’.

Фонема /-i/ функционирует в составе производительного аффикса *-si/-çī* (вид деятельности): БТ *au-sī/au-çī* ‘охотник’. Лицо (деятель) в баскском языке выражается самостоятельной лексемой *zain I*, *-zai*, *-zāi*, *-záñ*, *-zái*, *-za(i)ñ* Т 367 ‘охрана, стража, опекун’: *aintzañ* (R) Т 117 ‘пастух’; *Anuncibay* (фамилия).

Итак, БТ /i/ возводятся в большинстве случаев к ПТ **/i, ī/*. Татарская /-i-/ соответствует башкирской /-a-/ в составе дифтонгоидных аффиксальных морфем. Аффиксы принадлежности 3 л. БТ *-i* (*-e*, башк. *-o*, *-ö*), выражающие и значение определенности, имеют типологическое соответствие в виде баскского постпозитивного определенного артикля *-a*.

2.4.5. Развитие башкирской, татарской фонем /e/ (< ПТ **/i, ī/*)

и баскской /e/

А.А. Юлдашев считает, что башкирская и татарская неогубленные фонемы /e/ переднего ряда верхнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема «шире /i/, но уже всех остальных гласных», «не имеют позиционных, морфонологических и дистрибутивных ограничений и употребляются необычайно широко», «акустически в целом единообразны» [СИГТЯ 1984: 116].

В начале слова БТ /e-/ < ПТ **/i-, ī-/*: БТ *eðlä-/ezlä-* < *izle-* Э 383 ‘идти по следам, выслеживать’; БТ *es/eç* < ПТ **ič* ‘живот, внутренность’; БТ *es-/eç-* < **ič-* Э 391 ‘пить’; БТ *el-* < ПТ **īl-* ‘вешать (на что-л.); крючок’. Возможна различная

рефлексия ПТ **{i}* в башкирском, татарском языках, башк. /i/ ~ тат. /e/, ср. БТ *enä/inä* < ПТ **(j)igne* ‘игла’; БТ *ire-/ere-* < ПТ **iri-* ‘гнить’.

Баскские лексемы неглагольной семантики демонстрируют одинаковое развитие фонемы **/e-/* переднего ряда среднего подъема во всех диалектах: *egia* (C) < **egina* Т 163 ‘истина, правда’; *eder* (C), *éder* (Z) < **eder* Т 161 ‘красивый’; *esne* (HN), *ezne* (арх. В, Sout., арх. LN, R, S), *ezné* (Z), *esene* (HN) < **e(z)ene/*esende* S ‘молоко, сок’.

В анлауте глаголов не противопоставлены фонемы /i, e/, ср.: *itxadon* (B, G), *itxogon* (G), *etxeden* (арх. HN), *itxoin* (B, G), *itxon* (B, G), *itxoon* (G), *itxoron* (G), *itxain* (B), *itxaran* (B), *itxaun* (B) Т 233 ‘ждать, надеяться’; *igorri* (HN, L, LN, Z), *egorri* (L, LN, Z) Т 220 ‘отправить’. Р.Л. Траск обращает внимание на изменение Б /e/ < ПБ **/i/* и перед /rC, lC/: *irten* > *erten* ‘выходить’ [Trask 2008: 35].

Происходит лабиализация ПБ **/e-/* и **/i-/* при наличии последующей /u/ в отдельных диалектах: *ikuzi* (B, GHN, L), *ikhuzi* (LN), *ekuzi* (R), *ũkhũzi* (Z) < **e-kus-i* S ‘мыть’; *ilun* (HN, A, S), *illun* (B, G, HN), *ilhun* (L, LN), *ulún* (R), *ũlhũn* (Z), *iluñ* (Sout) < **ilun* Т 224 ‘темный’. По мнению А. Эгурцегги, бискайские формы указывают на регрессивную ассимиляцию начальной /e-/ при наличии последующей /o/: *etorri* > *otorri* ‘приходить’, *emon* > *omon* ‘давать’, *erosi* > *orosi* ‘покупать’, *eterno* > *otorno* ‘похороны’ [Egurtzegi 2013: 131].

/e/ в середине слова

БТ */-e-/* < ПТ **/-i-, -ĩ-/*: БТ *ber* < ПТ **bir* (**bĩr*) ‘один, единый бог, некто, один и тот же’; БТ *herkä/serkä* < ПТ **sirke* ‘гнида’; БТ *heñel(käš)/señel(käš)* < ПТ **siñil* ‘младшая сестра’; БТ *tekä* < ПТ **dik-* ‘крутой, отвесный’. Различная рефлексия ПТ **{i}* наблюдается и в середине слова, БТ */e-/* ~ */i-/*: БТ *hej-/si-* < ПТ **sĩk* ‘моча, мочиться’; БТ *kejäü/kijäü* < **kijew* Э 66 ‘зять’.

Баскский вокализм констатирует устойчивость фонемы **/-e-/*: *bera, bé(r)a* (Z) < **ber-* Т 135 ‘сам, тот самый, одинаковый’; *sein* (EB), *seiñ* (арх. В), *seĩ* (арх. В), *segi* (арх. Sout) ‘ребенок’, *sei* (G, L), *sehi* (L, LN) ‘слуга’ < **seni* Т 338; *zeden* (C) < **seden* S ‘червь’; *hegi, hégi* (Z), *egi* < **hegi* Т 163 ‘край, острие, хребет, граница’.

Между тем наблюдается соответствие баскских диалектных /-e-/ ~ /-i-/: *girtain* (L), *kirten* (B, G), *kirtain* (HN), *kerten* (G) Т 205 ‘рукоять’; *agertu* (арх. LN), *agértũ* (Z), *agirtu* (< лат. *agger* ‘очевидный’) Т 78 ‘появляться’. Как отмечает К. Мичелена, соответствие /-e-/ ~ /-o-/ в середине баскских слов встречается реже, чем /-i-/ ~ /-u-/, и обусловлено регрессивной ассимиляцией при наличии последующей /o/: *sendo* > *sonto* (R) ‘сильный’, *txekor* > *txokor* (HN) ‘бычок’ [Мичелена 1999: 82–83].

В конце слова для башкирского и татарского вокализма также закономерно расширение ПТ */-i-, -ĩ/: БТ *ille* < **eli* Э 263 ‘ширина в один палец’; БТ *ike*, ДТ *eki* < ПТ **ek(k)i* ‘два’; БТ *kile* < **keli* ‘ступка’.

Баскский ауслат в целом обнаруживает сохранение конечной /-e/: *aube* (B) < **aube* Т 116 ‘теща, свекровь’; *eme* (C) < **eme* S ‘женщина’; *bahe* (L, LN), *báhe* (Z), *bae* (B, Sout., G, R, S), *bai* (G), *bage* (HN) < **bane* Т 123 ‘сито’.

Фонема /-e/ выступает в роли башкирских и татарских притяжательных аффиксов как сингармоническая пара фонемы /-i/ (в соответствии с подразделом 2.4.4).

Баскское *ber* ‘еще раз’ выступает в формах *ber-*, *bir-* в производных словах: *berrikuzu* ‘пересмотреть что-то еще раз’, *birlandatu* ‘пересадить что-то еще раз’ [Кинтана, <http://www.twirpx.com/file/1325620/>]. Баскские аффиксы *-ero*, *-oro* ‘еже-’: *egun-ero* ‘ежедневно’, *ordu-oro* ‘всечасно’ [Там же] могут отражать морфонологическое соответствие /-e/ ~ /-o/ в зависимости от степени подъема у гласных основы.

Таким образом, БТ /e/ являются результатом расширения ПТ */i, i/. Баскские лексемы неглагольной семантики демонстрируют одинаковое развитие фонемы /e/ во всех диалектах. Не противопоставлены баскские /i-, e-/ в анлауте синтетических глаголов, возможна лабиализация анлаутной */e-/ (> /u-/) при наличии последующей /u/, анлаутной и срединной */e/ (> /o/) – при наличии последующей /o/. Имеются спорадические соответствия баск. /-e-/ ~ /-i-/. Баскская конечная /-e/ достаточно устойчива. БТ /-e/ выступают в роли аффиксов как сингармоническая пара фонемы /-i/.

2.4.6. Башкирская, татарская фонемы /u/ (< ПТ */o, ð/) и баскская /u/

Тюркологи придерживаются мнения, что в большинстве случаев БТ огубленные фонемы /u/ заднего ряда верхнего подъема являются результатом сужения ПТ */o, ð/ [СИГТЯ 1984: 151; СИГТЯ 2006: 156]. По мнению А.А. Юлдашева, «из эволюции корневых губных гласных наиболее распространенным является переход исконной фонемы */o/ > /u/», при этом он уточняет, что эволюция */o/ > /u/ не имеет глобального характера в башкирском и татарском языках, в ряде башкирских слов сохраняется ПТ */u/, наблюдаются расхождения в башкирском и татарском языках; трансформация */o/ > /u/ характерна и для других языков в сильной позиции и отражает единую древнюю тенденцию [СИГТЯ 1984: 151, 154–156]. По исследованиям А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, соответствия для ПТ */o/ имеют широкий разброс рефлексов в чувашском языке [СИГТЯ 2006: 179].

В начале слова наблюдается закономерность **БТ /u-/ < ПТ */o-/:** БТ *uj* < *o*j* ПЭ 428 ‘мысль’; БТ *ul* < *o*l* Э 444, ПТ *o(-*l*) ‘он, она, оно, тот, этот, вон тот’; БТ *ut* < ПТ *o*t* ‘огонь’; БТ *uj* < ПТ *o*ŋ* ‘правый, благоприятный’, БТ *uŋaj* < *o*ŋaj* М 29 ‘удобный случай’.

Баскская фонема /u/ заднего ряда верхнего подъема развивается одинаково в диалектах: *ugari* (B, G, HN) < **ugari* Т 354 ‘многочисленный’; *uste* (C), *úste* (Z) < **uste* Т 184 ‘мнение’; *ulertu* (B, G) < **uleř-* S ‘понимать; предвидеть; воспринимать’; *hura*, *hú(r)a* (Z), *ura*, *kura* (R, S), *gura* (HN, A) Т 358 ‘он(-а, -о)’; *ur* (C, кроме Z), *hur* (Z), *u-* < **ur* Т 357 ‘вода’; *urdin* (C) < **urdin* Т 359 ‘синий, серый (о волосах), мутный, плесень’.

/u/ в середине слова

В большинстве случаев **БТ /-u-/ < ПТ */-o-/:** БТ *juçari* < ПТ **jok-*, **joçari* Э 213 ‘верх, навверх; высокий’; БТ *hul/sul* < ПТ **sól* ‘левый, обратный, север, восток’; БТ *bur* < **bo:r* Э 192 ‘мел, мягкий камень, глина’; БТ *hula-/sula-* < ПТ **sogli-* ‘тяжело дышать’; БТ *hur-/suir-* < ПТ **sör-* ‘сосать’; БТ *tudan/tuzan* < ПТ **tör* ‘пыль’.

В целом, прослеживается относительная устойчивость срединной гласной /-u-/ в баскских диалектах (кроме сулетинского, где ПБ */-u-/ > Б /-ũ-/ (Z)): *itzuli*, *ũtzũli* (Z), *utzuli* (R) Т 234 < **icuti* S ‘свернуть, возвращать, поворачивать, опрокидывать’; *burdina* (L, LN), *burdiña* (B, HN), *burdīa* (арх. В), *bũrdũn* (Z), *bũrdũña* (Z), *burriña* (HN), *burnia* (арх. В, Sout), *burni* (G), *burduña* (R), *burruña* (R), *burña* (R, S) < **burdina* Т 148 ‘железо’; *sudur* (G, HN, L, LN, R), *sũdũr* (Z), *suur* (B), *sur* < **sudur* Т 342 ‘нос’; *lur* (C) < **lur* Т 271 ‘земля’.

Как считает Р.Л. Траск, в сулетинском диалекте фонема /-u-/ может являться результатом сужения ПБ */-o-/ в позиции перед /n, ñ/: *gizun* < *gizon* ‘человек’; *soin* (R), *soñ* (Sout), *suñ* (Z) < **soin* Т 340 ‘тело’, в т. ч. в начале слова: *untzi* < *ontzi* ‘сосуд’ [Trask 2008: 37]; *on* (C, кроме Z), *hon* (old LN), *hun* (Z) < **on* Т 309 ‘хороший’; *ontsa* (LN), *onsa* (LN, арх. Z), *unsa* (LN), *ũntsa* (Z) < **onča* S ‘хорошо, польза’; *ohoin* (L, LN), *ooin* (HN), *ũhũñ* (Z), *uuiñ* (арх. В), *oñ* (Sout) < **onoin* Т 312 ‘вор’. Данной закономерности подчинены заимствования из латинского: *ohore* (L, LN), *oore* (HN), *ore* (R), *ũhũ(r)e* (Z) < **onore* < лат. *Honōrem* Т 312 ‘почести’.

Изменения фонемы /u/.

Делабиализация (и лабиализация)

Делабиализация и лабиализация исконных корневых гласных являются ярко выраженными специфическими особенностями чувашского языка.

По наблюдениям А.А. Юлдашева, в диалектах башкирского языка наблюдается делабиализация /u-/ > /a-/ (БТ *ul*, башк. диал. *al* ‘он’), /-u-/ > /-i-/ (БТ *bul*-, башк. диал. *bil*- ‘быть’; БТ *uŋ* ‘правый, положительный’, башк., тат. диал. *iŋuaj* ‘удобный’); а также лабиализация негубных гласных (тат. *kijek*, башк. диал. *köjök* ‘дичь’) [СИГТЯ 1984: 153].

По мнению Дж. Г. Киекбаева, в ряде корней наблюдается соответствие башк. /i/ ~ тат. /u, o/; произошла делабиализация древних */u/ > /i/, */ü/ > /i/ в башкирских аффиксах [Кейекбаев 1958: 61, 59]. А.М. Щербак отмечает, что «в диалектах ряда тюркских языков (караимского, татарского и др.) получил широкое распространение процесс делабиализации *i*» [Щербак 1970: 156]. А.А. Юлдашев

предполагает, что независимая делабиализация в тюркских языках является рудиментарным отражением архаичной традиции [СИГТЯ 1984: 118–120].

Исследователями зафиксировано графическое колебание /u/ ~ /i/, /ü/ ~ /i/ в непервых слогах в тюркских поздних письменных памятниках [Галяутдинов 1990: 55–56]. Изменение ПТ */ü/ > тюрк. /i/ рассматривается в подразделе 2.4.7.

Р.Л. Траск объясняет диссимиляцией переход /u/ > /i/ перед губными согласными (общебаск. *zubi* ‘мост’ ~ ронкальское *zibi*), приводит немотивированные соответствия анлаутных /i-/ ~ /u-/ в бискайском диалекте: *igel* > *ugel* ‘лягушка’, *ile* > *ule* ‘волосы’ [Trask 2008: 36].

Таким образом, для рассматриваемых вокалических систем характерны схожие синтагматические изменения, а именно – процессы лабиализации-делабиализации.

Упрощение сочетаний со смычными

Известно, что в ряде случаев гласный /u/ в кыпчакских языках установился в «процессе слияния этимологических звуковых комплексов *oq > *oγ > *ow > *uw > *ıw > u» [СИГТЯ 2002: 241], ср. БТ *ul* < *oγul Э 414, ПТ *ogul ‘сын’; БТ *urla-* < *oγri, *oγir Э 412, ПТ *ogri* ‘вор’; БТ *turi, tuyri* < *doγri Э 249 ‘прямой, верный’.

В спряжении баскского вспомогательного глагола *egon* ‘ждать, пребывать’ сочетание /ago/ подвергается дифтонгизации перед суффиксом множественного числа *-te* > *-de*: *gagote > *gaude* (*gu gaude, zu zaude, zuek zaudete, haiek daude*), при этом во многих диалектах распространены формы: *gu gagoz, zu zagoz, zuek zagozte, haiek dagoz* [Учебник баскского языка, <http://euskaldunak.narod.ru/Introduction.html>].
Х.И. Уальде пишет о случаях утраты интервокальной /-g-/ в говоре Арбису: *egon* > [o:n] ‘быть’, *lagun* > [a:w]n ‘друг’ [Hualde 2003: 51–52].

В конце слова

В открытых слогах тат. /-u/ ~ башк. /-ü/ с учетом выпадения конечной */-y/: БТ *hau/sau* < *say Э 140, ПТ *sag ‘правый; здоровый, живой, чистый’; БТ *baθiü/basu* < ПТ *basig ‘поле’.

Для баскского ауслаута характерна конечная /-u/: *izu* (B, G), *izi, uzu* (B) < *izu Т 237 ‘страх, дрожь’; *sagu* (C, кроме Z), *sagü* (Z), умыш. *xagu* < *šagu Т 335

‘мышь’. Конечная фонема /-u/ в баскских диалектах могла установиться в результате утраты конечных сонорных: *hau* (L, LN, Z), *haur* (LN, Z), *au* (B, G, HN), *gau* (A, HN), *kaur* (R), *kau* (S, R) < **haur* Т 116 ‘этот’; *azkoin* (L, LN), *azkoĩ* (R), *azkuin* (L), *harzkũ* (Z), *azku* (Z), *hazkũ* (Z), *hazkũ* (H), *arsko* (Z) Т 122 ‘барсук’.

В аффиксах

В современных башкирском и татарском языках модель основ «существительное + -u, -ü (-au, -äü)» передает значение предмета, характеризующегося признаком, выраженным основой: БТ *qirau* ‘заморозки’; модель «глагол + -u, -ü (-au, -äü)» обозначает предмет, служащий для действия, выраженного основой: *jama-u* ‘заплата’, *kelä-ü* ‘молельня’. В отдельных случаях аффиксы -u/-ü, -ü (-au, -äü) восходят к древним -agu, ägü: БТ *bodau/bozau* < *bozayu* ‘теленок’ [ТГ 1995: 283–284]. Имена действия образуются также с помощью башк. дифтогидных -ou, -ü (сингармонических пар -eü, -öü) и тат. монофтонгов -u, (сингармонической пары -ü): БТ *uqï-* ‘читать’, *uqï-u/uq-u* ‘чтение’.

По мнению баскологов, класс баскских глаголов на -tu (-du) сформировался под влиянием латинского языка (латинский аффикс -tum), ср. *garbi* ‘чистый’, *garbi-tu* ‘чистить’; *lamika-tu*, *lamizka-tu* < **lam-* S ‘облизывать’ [Trask 2008: 23–24].

Таким образом, в большинстве случаев БТ фонемы /u/ возводятся к ПТ */o, õ/, но в ряде башкирских слов сохраняются ПТ */u, ü/. Баскская анлаутная и инлаутная фонема /u/ развивается в целом одинаково в диалектах (кроме сулетинского).

В вокалических системах тюркских и баскского языков прослеживается делабиализация-лабиализация исконных корневых гласных. В сулетинском (реже – в бискайском) диалекте начальная и срединная /u/ спорадически являются результатом сужения ПБ */o/ в позиции перед /n, ñ/.

Конечные БТ -ü/-u являются результатом выпадения ПТ */-y/ в части открытых слогов, а баск. /-u/ – результатом утраты прабаскских сонорных в отдельных баскских лексемах.

2.4.7. Развитие башкирской, татарской /*ü*/ (< ПТ */*ö*, *ō*/) и баскской (сулетинской) /*ũ*/ (< ПБ */*u*/)

По мнению тюркологов, огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема /*ü*/ в башкирском, татарском языках установился в результате сужения ПТ */*ö*/ [СИГТЯ 1984: 154], возводимого к ПА */*o*/ [СИГТЯ 2006: 153]. По мнению А.А. Юлдашева, изменение ПТ */*ö*/ > БТ /*ü*/ «свидетельствует о проявлении какой-то единой рудиментарно прослеживаемой древней тенденции» применительно к односложным корням и первому слогу [СИГТЯ 1984: 158].

Развитие ПТ архифонемы */*ö*/ весьма неоднородно в тюркских языках. Известно, что изменения */*ö*/ > /*ü*, *e*, *o*/ наблюдаются в разных диалектах кыпчакских языков [СИГТЯ 2002: 245]. А.М. Щербак констатирует, что в некоторых тюркских (гагаузском, казахском и др.) языках «на месте общетюркских широких лабиализованных гласных *o* (*ō*), *ö* (*ō*) появились дифтонги и наблюдается тенденция к превращению их начального элемента в *w*» (*üöl*- ‘умри’) [Щербак 1970: 179–180]. Согласно исследованиям А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, в чувашском языке основы с ПТ */*ö*/ и */*ō*/ перешли в задний сингармонистический ряд по типу */*ō*/ > /*va*-/ ~ /-ь^o*va*-/, кроме позиции перед */*l*, *n*/ [СИГТЯ 2006: 173].

В начале слова БТ /*ü*-/ < ПТ */*ö*-, *ō*-/: БТ *üđän/üzän* < **özen* Э 510, ПТ **örs*, **örsen* ‘река, ручей, проток’; БТ *üt*- < ПТ **öt*- ‘проходить, затоплять’; БТ *üθ-/üs*- < ПТ **ös*- ‘расти’; БТ *ür*- < ПТ **ör*- ‘плести, прясть’; БТ *üt* < ПТ **öt* ‘желчь’.

В сулетинском диалекте получила развитие гласная фонема переднего ряда верхнего подъема /*ũ*-/, соответствующая общекбаскской /*u*-/ [Trask 2008: 37]. К примеру: *uda* (С, кроме Z), *üda* (Z), *euda* (арх. В), *udara* (G) < **uda* Т 354 ‘лето’; *ukan*, *ukhan*, *ükhen* (Z), *ukhen* (арх. LN), *ékun* Т 162 ‘иметь’; *uzki*, *üzkü* (Z), *úzku* (R), *uskoï* (арх. В) < **uzkoï* Т 362 ‘ягодицы’.

Соответствие дифтонга /*eu*-/ и фонем /*u*-/ ~ /*ũ*-/ характерно для ряда основ с праформой на */*eu*-/: *euli* (В, Sout., G), *eulli* (S, арх. В, R), *uli* (HN, L, LN), *üli* (LN, Z), *üllü* (Z), *ülü* (Z), *üllü* (Z), *éllu* (R), *auli* (A), *elbi* (G) ‘муха’ < **euLi* Т 185 ‘муха’; *euskara* (HN), *heuskara* (арх. LN), *eskuara* (L, LN), *euskera* (B, G), *eskara* (HN), *eskera* (Sout), *uskara* (HN, A, S), *uskára* (R), *uskera* (B), *üská(r)a* (Z), *üská* (Z) < **euskala*

Т 186 ‘баскский язык’. Условия сохранения фонемы /u/ (в позиции перед /r, rð, rt, rt^h, ʒ/) или назализации (перед /r, rp(^h), rβ, rk(^h), rɣ, rl, rʒ, rʃ, rh, s, tʒ, tʃ/) рассматриваются в работе А. Эгурцегги [Egurtzegi 2013: 129]. Имеются мнения о развитии баскской фонемы /ũ/ под влиянием французского языка (Hualde 2007; Шишмарев 1941).

В середине слова БТ /-ü-/ < ПТ */-ö-, -ō-/: БТ *bürek* < **bö:rik* Э 221, ПТ **börk* ‘шапка’; БТ *büre* < ПТ **börü* ‘волк, сын, червь, насекомое’; БТ *küp* < ПТ **köp* ‘много’; БТ *hüð/süz* < ПТ **sör* ‘слово’; БТ *hün-/sün-* < ПТ **sön-* ‘гаснуть’.

Сулетинский диалект демонстрирует соответствие /-u-/ ~ /-ũ-/ в середине и конце слова: *buru* (С, кроме Z), *bü(r)ũ* (Z) < **buru* Т 148 ‘голова’; *guzti* (В, G, арх. L), *duzti* (В), *guzi* (G, HN, L, LN, S), *güzi* (Z) ‘все’ < **guzi* Т 214 ‘все’; баск. *dündü* (Z) ‘облачный, темный (о небе)’, *dundu* (R) Т 158 ‘синий’.

Заметим, что соответствие /u/ ~ /ü/ прослеживается и в межтюркских примерах: турк. *juŋ*, як. *suŋ*, тур. *jün*, БТ *jön/jon* ‘шерсть’; аз. *suç*, ног. *süs* ‘вина’ [СИГТЯ 1984: 55], в башкирских диалектах: *tuqlaq* ~ *mükläk* ‘комоль’; *qurqa* ~ *kürkä* ‘индюк’ [Миржанова 2006: 220].

Изменения фонемы /ü/

Как пишет А.М. Щербак, «в диалектах ряда тюркских языков (караимского, татарского и др.) получил широкое распространение процесс делабиализации *ü*» [Щербак 1970: 156], ср. хал. *hüs-gün-*, *hiz-*, БТ *öð-/öz-*, ДТ *üz-* < ПТ **ür-* ‘ломать, рвать’; турк. *düşek* > диал. *dišek* ‘циновка’.

Делабиализацию ПТ */ü/ демонстрируют примеры из башкирского, татарского языков, ср. БТ *böt-/bet-*, тур. *bit-*, ДТ *büt-* < ПТ **büt-* ‘кончать, завершать; заживать’; тат. *min*, ДТ *mün* < ПТ **bün* ‘недостаток, грех’; БТ *kejäu/kijäu*, ДТ *küdegü* < ПТ **güde* ‘зять’; БТ *iθer-/iser-*, кум., ног. *esir-*, шор., тув. *ezir-*, як. *itir-*, ДТ *esür-* < ПТ **esür-* ‘пьянеть’. Ср. также соответствия БТ *kügäüen/kigäwen* ‘овод’, башк. *käbän*, тат. *kibän, kübä* ‘стог (сена)’.

В баскских диалектах наблюдается соответствие /i/ ~ /ü/ в начале и середине слова: *irun, ürün* (Z), *urun* (R) Т 230 ‘вертеть, прясть’; *lũtho* (Z), *lito* (R) Т 272 ‘глубокое место’.

В аффиксах

БТ аффиксы *-ï/-eï* выступают сингармоническими парами *-u/-ïu* в формах глагола: БТ *qajt-ïu/qait-u* ‘приходить, приход’; БТ *kit-eï/kit-ï* ‘уходить, уход’.

Соответствие общебаскской */-u/* и сулетинской */-ï/* прослеживается и в конечной позиции: *esku* (C, кроме Z), *eskï* (Z) < **esku* Т 181 ‘рука, правая рука’; *saldu* (C, кроме Z), *saldï* (Z) < **saldu* Т 336 ‘продать’; *su* (C, кроме Z), *sï* (Z) < **su* Т 342 ‘огонь’.

В целом, БТ огубленные фонемы */ï/* переднего ряда верхнего подъема и баскская (сулетинская) */ï/* переднего ряда верхнего подъема имеют различное происхождение. БТ */ï/* возводятся к ПТ **/ö, õ/*. Сулетинская */ï/* восходит к ПБ **/u/*. Заметим, что в тюркских языках также наблюдается соответствие гласных */ï/ ~ /u/*. Наблюдаются отдельные сходства в развитии тюркской */ï/* и сулетинской */ï/*, к примеру: соответствия с дифтонгами в анлауте, делабиализация в межтюркских, башкирских, баскских междиалектных соответствиях. БТ аффиксы *-ï/-eï* выступают сингармоническими парами *-u/-ïu* в формах глагола.

2.4.8. Башкирская, татарская фонемы */o/* (< ПТ **/u, ü/*) и баскская */o/*

По мнению А.А. Юлдашева, эволюция **/u/ > /o/* не имеет глобального характера в башкирском и татарском языках; в ряде татарских слов сохраняется ПТ **/u/*, «в башкирском языке этимологическая **/u/* во многих случаях претерпела делабиализацию», что характерно и для других тюркских языков [СИГТЯ 1984: 159], например, БТ *bïnda/monda* < **munda* ‘здесь’. Исследователи считают, что «соответствия ПТ **/u, ü/* не имеют столь широкого разброса рефлексов в чувашском, как для ПТ **/o, õ/*» [СИГТЯ 2006: 179]; наблюдается межтюркское соответствие */o/ ~ /õ/* [СИГТЯ 1984: 54].

БТ огубленные фонемы */o/* заднего ряда нижнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема тюркологии возводят к ПТ **/u-, ü-/*: БТ *odon/ozïn* ‘длинный’, *odaq/ozaq* ‘долгий’ < ПТ **urï-n, *urá-k* ‘длинный, лежать, далекий’; башк. *oro* < **ur* Э 598 ‘опухоль, шишка’; БТ *ojat*, тат. диал. *jat* < ПТ **uja-* ‘стыд’; БТ *or-* < ПТ **ur-* ‘бить, убивать, бросать’; БТ *osa/oça* < ПТ **ıça* ‘крестец, спина’.

Анлаутная фонема /o-/ заднего ряда среднего подъема в баскских диалектах развивается достаточно одинаково: *osin* (C), *hosin* (Z) < **hosin* Т 319 ‘глубокое место в реке или море’; *or* (арх. В, L, LN, Z), *hor* (LN), *ho(r)* (Z) < **ora* Т 312 ‘собака’; *oiher* (L, LN) < **oiher* Т 306 ‘крученный, кривой’. По мнению Р.Л. Траска, ПБ */-u-/ отражается как /-o-/ перед /rC/ в единичных случаях: *bi(h)urtu* > *biortu* ‘крутить’ [Trask 2008: 35].

В середине слова БТ /-o-/ < ПТ */-u-, -ū-/: БТ *qor-* < ПТ **Kur-* ‘строить’; БТ *tor-* < ПТ **dur-* ‘стоять, жить’; возможно сохранение ПТ */-o-/: БТ *hora-/sora-*, ср. каз. *sura-* < ПТ **sōr(a)-* ‘спрашивать’; БТ *butqa/botqa* < ПТ **botka* ‘каша’.

В конце слова. В татарском языке, согласно мнению Х.Х. Салимова, «в абсолютном конце слова не представлены фонемы /o/ и /ö/» [ТГ 1995: 91], как считают тюркологи, они несвойственны и для аффиксов в большинстве тюркских языков [СИГТЯ 1984: 445]. А.М. Щербак писал, что появление широких огубленных фонем /o, ö/ в непервых слогах произошло довольно поздно [Щербак 1970: 67], ср. БТ *joqo/joqi* < **juqu* Э 244, ПТ **ū-di-* ‘сон’.

Фонема /o/ устойчива в середине и конце баскских лексем: *gorta* (В), *korta* (В) Т 210, *ortu* < **korta* S ‘двор, огород, сад’; *zor, zoor* (арх. В) Т 377 ‘долг’; *zotz* (В, G), уменьш. *xotx* < **zotz* Т 379 ‘втулка, вентиль’; *lo* (C) < **lo* Т 269 ‘сон (состояние)’, *lo egin* (C) Т 269 ‘спать’. Наблюдается соответствие баскских диалектных /-o-/ ~ /-u-/ в словах с начальными глухими согласными: *kutsu* (В, G, HN, L), *kotsu* (LN), *khotsu* (LN), *kozu* (R, S), *khózzū* (Z) Т 257 ‘загрязнение’; *konkor* (L, LN), *kunkur* (HN, LN, Z, R), *ttonttor* (L, LN), *ttunttur* (HN) Т 344 ‘горбун’.

Итак, БТ /o/ возводятся к ПТ */u, ū/. Баскская начальная /o-/ устойчива в диалектах, в единичных случаях является рефлексом ПБ */-u-/, наблюдается спорадическое соответствие баскских диалектных /-o-/ ~ /-u-/.

2.4.9. О фонеме /ö/ (< ПТ */ü, ū/) в башкирском, татарском вокализме

Башкирская и татарская огубленные фонемы /ö/ переднего ряда нижнего (в башкирском) и среднего (в татарском) подъема в начале и середине слова возводятся к ПТ */ü, ū/.

В начале слова БТ /*ö*-/, как правило, возводятся ПТ */*ü*-, *ū*-/: БТ *öše*- < */*üši*-, */*üše*- Э 644, ПТ */*üli*- ‘замерзать, дуть (о холодном ветре)’; БТ *öŋ/ön*, тур. диал. *in* < */*ujn* Э 625, ПТ */*ün* ‘звук, голос’, БТ *ös/öç*, чув. *viśśə* < */*ǰ*’*čə* М 87 ‘три’.

Между тем, как полагает А.А. Юлдашев, ряд башкирских и татарских односложных корней с /*ö*-/ демонстрируют сохранение ПТ */*ö*/ [СИГТЯ 1984: 158], ср. БТ *öjrän*- < */*öwren*- (< */*ögren*-) Э 496 ‘учиться, обучаться’; БТ *öjänke* < ПТ */*öd(r)eni* ‘клен’; БТ *öjlä* ‘обеденное время’, ДТ *öd, öd* ‘время; час’ < ПТ */*öd* ‘время’; БТ *öjör/öjer* < ПТ */*ögür* ‘стадо, стая’.

Необходимо отметить, что в отдельных случаях БТ фонемы /*ö*-/ установились в результате сужения ПТ */*o*-/ и палатализации основы, БТ /*ö*-/ < ПТ */*o*-/: башк. *öjöräj*- < */*oŋuraj*- Э 462 ‘зять, иметь вид пещеры’; башк. *öjkä*- < */*ojqa*- Э 433 ‘тереть, натирать’.

В середине слова прослеживается закономерность БТ /-*ö*-/ < ПТ */-*ü*-, -*ū*-/: БТ *kör* < */*gür* Э 106 ‘густой, высокий (о голосе), жирный’; БТ *tön*, ср. кум. *tun* < */*dijn* Э 315, ПТ */*tü:n* ‘ночь’; БТ *töš* < */*t*(’)*ǰlā* М 12 ‘зерно, ядро’; БТ *tötön/töten* < */*t*’*ǰtün* М 85, ПТ */*tüt-ün*, */*tüt-süg* ‘дымить, дым’; БТ *jöd/jöz* < ПТ */*jür* ‘сто’.

В конце татарских корневых и аффиксальных морфем, как отмечают специалисты, не представлена фонема /*ö*/ [ТГ 1995: 91; СИГТЯ 1984: 445]. А.М. Щербак считал, что в тюркских языках «появление *o, ö* в непервых слогах относится к довольно позднему времени» [Щербак 1970: 67].

Конечная /-*ö*/ прослеживается в конце башкирских слов (башк. *ökö* < ПТ */*ügi* ‘сова’; БТ *bökö/böke* < ПТ */*bök*- ‘пробка’) и аффиксов (БТ *töp* ‘дно’, БТ *töb-ö/töb-e* ‘дно (чего-л.)’; БТ *töš*- ‘спускаться’, башк. *töš-kö (kilä)* ‘хочет(ся) спуститься’).

Таким образом, БТ /*ö*/ (< ПТ */*ü*-, *ū*-/) являются специфическими фонемами для тюркских (башкирского, татарского) языков. В ряде башкирских, татарских односложных корней сохраняется ПТ */*ö*/, в отдельных случаях анлаутные БТ /*ö*-/ установились в результате изменения ПТ */*o*-, *ō*-/. Появление /*o, ö*/ в непервых слогах башкирских, татарских слов произошло довольно поздно. Конечная /-*ö*/ прослеживается в конце башкирских слов и аффиксальных морфем, несвойственна для татарского ауслата.

В сулетинском диалекте баскского языка имеются назализованные пары всех гласных фонем, но отсутствует /*ð*/, ввиду слияния с /*ü*/.

Краткие выводы по второй главе

В результате анализа башкирской, татарской и баскской вокалических систем с учетом пратюркских и прабаскских реконструкций выявляется ряд следующих особенностей:

1. Рассматриваемые языки не относятся к тоновым. Для башкирского, татарского и баскского языков характерны достаточно развитые системы гласных.

2. Специфика башкирского, татарского вокализма заключается в наличии более богатого инвентаря фонем и более сложного парадигматического устройства (наличие коррелятов по ряду, подъему, огубленности). Гласные /*ä, i, ö, ü*/ специфичны по отношению к инвентарю фонем баскского вокализма.

3. Башкирская и татарская вокалические системы представлены «прямоугольными» системами из 9 гласных, пратюркская – из 8 гласных; тюркологами предполагается передвижение серии ПТ */*u, o, ü, ö, e, i*/ в серию БТ /*o, u, ö, ü, i, e*/. Баскская и прабаскская вокалические системы представлены системами из 5 гласных «треугольного» типа, гласные фонемы противопоставлены по ряду и подъему. Баскская /*a*/ относится к среднему (центральному) ряду.

4. В исследуемых системах прослеживается тенденция к опереднению гласных (установление фонемы /*ä*/ в башкирском и татарском языках, развитие фонемы /*ÿ*/ в сулетинском диалекте баскского языка).

5. Вокалические системы башкирского и татарского языков обнаруживают регулярные соответствия гласных БТ /-*i, -e*/ ~ башк. /-*o, -ö*/ (ассимилятивного характера) в аффиксах принадлежности 3 л.; башк. дифтонгоидов и тат. монофтонгов /-*äj, -öj*/ ~ /-*i*/; /-*ou*/ ~ /-*u*/, /-*öü*/ ~ /-*ü*/ и /-*iu*/ ~ /-*u*/, /-*eü*/ ~ /-*ü*/ в аффиксах, также в открытых слогах (имеются исключения, например, соответствие дифтонгоидных башк. /-*aj*/ ~ тат. /-*ij*/ и др.). Прослеживаются спорадические соответствия БТ /*u*-/ ~ /*a*-/ в местоимениях и /*ä*-/ ~ /*a*-/ (< ПТ */*a-, e-*/) в анлауте;

/e/ ~ /i/ (< ПТ *{e, i}) и /ä/ ~ /i/ (< ПТ *{a, e}) – в начале и середине корня; /a/ ~ /i/, /e/ ~ /ä/ – в аффиксах ряда глаголов.

6. Обзор рядов исторических соответствий выявляет устойчивость башкирских, татарских и баскских гласных в структуре корня (относительно низкая подверженность редукции (особенно – в первых, вторых слогах) с учетом нарушения регулярности соответствий гласных) ввиду нефонематичности ударения.

7. В отличие от отдельных тюркских языков, современные башкирский, татарский языки характеризуются отсутствием противопоставления фонем по наличию или отсутствию фарингализации, назализации. Аспирация и фарингализация у баскских гласных появилась при утрате интервокальной */-n-/ (> /-h-/), т. е. нефонематична.

8. Современные башкирский, татарский языки характеризуются отсутствием противопоставления гласных фонем по долготе-краткости. По материалу отдельных тюркских языков восстанавливаются долгие и краткие гласные для пратюркского языка. В некоторых баскских диалектах различаются долгие и краткие гласные, но оппозиция по долготе-краткости не отмечается для общепаскского языка и прапаскского состояния.

9. Для исследуемых систем характерны корни с неприкрытой структурой.

10. Фонема /a/ проявляет относительную устойчивость в башкирском, татарском и баскском вокализме.

11. Процессы лабиализации-делабиализации характерны для башкирских, татарских и баскских лексем.

12. Для башкирских, татарских корней, в отличие от чувашских соответствий, свойственно отсутствие конечных гласных в ряде слов. Баскские корни имеют конечный гласный после смычных (взрывных) согласных, но допустимы корни с конечными сонантами /n, l, r/, сибилантами и аффрикатами.

13. Прослеживаются аналогии в функционировании башкирских, татарских и баскских фонем в роли показателей определенности-неопределенности. Гласные фонемы, выступая в роли морфофонем (аффикс принадлежности 3 л. БТ -i (-e,

башк. -o, -ö), баскский постпозитивный артикль -a), выражают значение определенности, а нулевой аффикс – идею неопределенности.

В Таблице 2 «Изменения тюркских (башкирских, татарских) и баскских гласных (с учетом праязыковых реконструкций)» отражены исторические изменения гласных исследуемых систем.

Таблица 2 – Изменения тюркских (башкирских, татарских) и баскских гласных (с учетом праязыковых реконструкций)

Тюркские (башкирские, татарские) гласные	Баскские гласные
<i>*/a, e/ > /ä/</i> <i>*/a/ > башк. /u-/</i> , БТ <i>/-o-/</i> (в парных словах)	<i>*/a/ > /e/</i> <i>*/a-/ > /o-/</i> (Д. С.)
регулярно <i>*/e/ > /i/ (e) ~ тюрк. ä</i> <i>*/e-/ > чув. /a-/</i> <i>/e/ ~ /i/, /ä/ ~ /i/</i>	<i>*/e/ > /i/</i> перед <i>/n/</i> <i>*/e-/ > /i-, j-/</i> , [0] (в глаголах) <i>/e/ ~ /i/, */-e-/ > /-a-/</i>
регулярно <i>*/i/ > /e/</i>	<i>*/i/ > /e, i/</i>
регулярно <i>*/o/ > /u/</i>	<i>*/o/ > сул. /u/</i>
регулярно <i>*/u/ > /o/</i> <i>*/u/ > /ü/ (тюрк.)</i>	<i>*/u/ > /o/</i> перед <i>/rC/</i> регулярно <i>*/u/ > сул. /ũ/</i>
<i>/ü/ ~ /i/</i>	<i>/u/ (сул. /ũ/) ~ /i/</i>
регулярно <i>*/ö/ > /ü/, */ü/ > /ö/</i>	<i>*/ö/ > /ũ/ [Trask 2008: 12]</i>

В целом, выявляются изменения, имеющие одинаковую направленность в вокализме башкирского, татарского и баскского языков. При этом эволюции тюркских вокалических систем присуща систематичность, а баскские диалекты, как правило, демонстрируют спорадические изменения гласных фонем. В исследуемых системах прослеживаются процессы лабиализации-делабиализации, опереднения гласных.

Наиболее существенные параметры вокалических систем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков с учетом пратюркских и прабаскских реконструкций представлены в Таблице 3 – «Сводная таблица по пратюркскому, башкирскому, татарскому и прабаскскому, баскскому вокализму».

Таблица 3 – Сводная таблица по пратюркскому, башкирскому, татарскому и прабаскскому, баскскому вокализму

	Языки		
	башкирский	татарский	баскский
Монофтонги	<i>/i, e, ü, ö, ĩ, a, u, o, ä/</i>		<i>/a, u (ũ), o, e, i/</i>
	<i>*/i, e, ü, ö, ĩ, a, u, o/</i> (в первом слогe – <i>*e, *a, *ä, *e</i>)		<i>*/a, u, o, e, i/</i>
Дифтонги	дифтонгоиды типа <i>/jV, wV, Vj, Vw/</i>		<i>/ai, ei, oi, au, eu, ui/</i>
	<i>*/iö, jo, ja/</i>		<i>*/ai, ei, oi, au, eu/</i>
Число рядов	задний, передний		задний, средний, передний
	<i>*задний, *средне-задний, *передне-средний, *передний</i>		<i>*задний, *средний, *передний</i>
Число подъемов	верхний, средний, нижний		верхний, средний, нижний
	<i>*верхний, *средний, *нижний</i>		<i>*верхний, *средний, *нижний</i>
Корреляция по огубленности	<i>/u/ – /i/, /ü/ – /i/, /ö/ – /e/, /o/ ~ /a/</i>		–
	огубленные <i>*/ä, e/</i> в первом слогe		–
Корреляция по закрытости-открытости	–		–
	закрытые <i>*/e, *a/</i> в первом слогe		–
Корреляция по долготe-краткости	–		–
	<i>*(в первом слогe)</i>		–
Корреляция по назализации, фарингализации	–		–
	–		–
Дистрибуция	башк. монофтонги <i>/-i/, -u/</i> не употребляются в аффиксах	тат. <i>/ö, -o/</i> не употребляются в конечной позиции и аффиксах	–

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ТЮРКСКОГО (БАШКИРСКОГО, ТАТАРСКОГО) И БАСКСКОГО КОНСОНАНТИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

3.1. Состав и классификация согласных фонем в пратюркском, башкирском и татарском языках. Фонотактические особенности

Тюркологами предложены несколько реконструкций пратюркской системы фонем. А.В. Дыбо, О.А. Мудрак восстанавливают систему сильных (глухих) и слабых (звонких) смычных для пратюркского состояния, отмечая, что «характерной особенностью произношения сильных (глухих) смычных было наличие заметного придыхания», рефлексами придыхания перед согласным в кыпчакских языках являются следы в виде /j/, фонема /-f-/ (< ПТ */-‘p-/) в татарском языке. Для пратюркского консонантизма (для этапа непосредственно перед распадом пратюркской общности) тюркологами реконструируется система из фонем */p', b-, p, v, m, t, t', δ, n, d, s, r, ř, ć', ź-, ć, ń, j, l, ł, k, k', γ, η, q', q/, впоследствии произошло совпадение сильных и слабых согласных [СИГТЯ 2006: 17–18; Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>]. По другой версии, предполагается совпадение праалтайских слабых и сильных глухих взрывных в пратюркском языке, в «Этимологическом словаре алтайских языков» восстановлены пратюркские фонемы */p, b, -m-, t, d, s, -n-, -r-, -l-, ć, j, ń-, -ř-, -ł-, k, g, -η-/ [EDAL 2003: 24, 136].

Заметим, что систему слабых и сильных аспирированных смычных ученые фиксируют в азербайджанском языке, в диалектах туркменского языка (/b, d, g/ и /p', t', k'/) [СИГТЯ 1984: 185–190]. Корреляция «по силе и слабости артикуляции звуков» предполагается Ф.Г. Хисамитдиновой для среднего говора башкирского языка [Хисамитдинова 1989: 48].

Т.М. Гарипов отмечает «большую сложность, пестроту и противоречивость динамики складывания консонантных подсистем современных кыпчакских языков Урало-Поволжья» [Гарипов 1979: 174]. Н.К. Дмитриев, Дж. Г. Киекбаев описывают

28 согласных для башкирского языка [Дмитриев 2007: 19–23; Кейекбаев 1958: 89]. Т.М. Гарипов выделяет 25 исконных согласных фонем [Гарипов 1979: 65]. Л.К. Ишкильдина в своей диссертационной работе «Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов)» (2013) определяет 24 исконно башкирские согласные. В «Грамматике современного литературного башкирского языка» предложена система, состоящая из 24 исконных /b, g, γ, d, <з>δ, <ж>з, z, j, k, q, l, m, n, η, p, r, s, <ç>θ, t, <y, y >/y', w/, <ш>š, f, x, h/, 2 неисконной <ч>/č/, <в>/v/, 2 заимствованных фонем <ц>/c/ и <щ>/šš/ [ГСБЛЯ 1981: 44].

Состав татарских согласных учеными определяется по-разному: 23 (Радлов 1882), 29 (Исхаков 1955), 25 (Байчура 1959) фонем. Для современного татарского языка в «Татарской грамматике» (1995) классифицируются 25 исконных согласных фонем /b, p, w, m, f, d, t, s, <ч>ç, <ш>š, z, <ж>ž, <ж>з, l, r, n, j, g, k, q, γ, x, η, h, ' / и 3 заимствования из русского языка <ц>/c/, <в>/v/, <щ>/šš/ [ТГ 1995: 91]. По участию голоса и шума татарские согласные Г.К. Хадиева подразделяет на сонорные и шумные (глухие, звонкие) [Хадиева 2013: 24]. Количественный состав согласных фонем в башкирском и татарском языках практически одинаков, между тем для татарского консонантизма специфичны фонемы /ç, ž/, а для башкирского – межзубные /δ, θ/. (Фонемы /δ, θ/ «в действительности переднеязычные апикальные и дорсальные по активному органу речи, а по пассивному – дентальные или альвеолярные (в зависимости от позиции в слове)» [Ишкильдина 2013а: 23].)

Палатализация согласных в башкирском, татарском языках обусловлена позиционно (палатализованные аллофоны употребляются после гласных переднего ряда [ТГ 1995: 95]) или морфонологически (в сингармонических парах). Фиксируются палатальные переднеязычные /l', t', s', š'/ в некоторых словах гайнинского говора [Миржанова 2006: 227], палатализация t, d, s, z, r, l, n и k – в мишарском диалекте татарского языка при выпадении предшествующего j [Щербак 1970: 83–84]. Г.К. Хадиевой рассматриваются комбинаторные изменения татарских согласных, к примеру, аккомадация: 1) возможны твердые и мягкие варианты произношения всех татарских согласных в зависимости от соседства с

гласными заднего или переднего ряда; 2) огубление согласных в соседстве с огубленными гласными; 3) озвончение глухих /p, k, q/ в интервокальной позиции [Хадиева 2013: 29] (на стыке морфем). Данные закономерности в той или иной степени наблюдаются и в консонантизме башкирского языка и его диалектов.

На стыке морфем в башкирских и татарских словах наблюдаются прогрессивная ассимиляция согласных по глухости-звонкости (БТ *aθ-tan/as-tan* ‘снизу’; БТ *qīδ-dan/qīz-dan* ‘от девочки’), регрессивная ассимиляция по губности (БТ *İrimbur* ‘Оренбург’), среднеязычности и увулярности (БТ *kis-tän-ge/kiç-tän-ge* [*kistänge/kiçtänge*] ‘вчерашний’), в татарских – прогрессивная ассимиляция по назальности (ср. БТ *qatīn-dar/xatīn-nar* ‘женщины’, при реконструируемом аффиксе мн. ч. *-lar). Как пишет Г.Х. Хадиева, в татарских словах с конечными /-z, -s/ при наличии аффиксов с начальными /s-, ç-/ происходит регрессивная ассимиляция [Хадиева 2013: 31] (ср. БТ *qīδ-sīq/qīz-çiq* [*qīδsiq/qīççiq*] ‘маленькая девочка’; БТ *öd-hä/öz-sä* [*ödhä/össä*] ‘если оторвет’).

По одной из реконструкций, пратюркские согласные имеют сильные ограничения на встречаемость (возможность употребления в анлауте только глухих смычных и спيرانта /s/, в ауслауте многосложных слов (CVCC(V)) – сонорных, глухих спيرانтов, только слабых смычных и */-γ, -δ/) [СИГТЯ 2006: 62–63]. По другой версии, восстанавливаются анлаутные смычные */b- ~ p-, d- ~ t-, (ǰ- ~ č-), g- ~ k-, (q-)/ для начала слова и сонорные */-λ- ~ -š-, (-v-), -m-, (-δ-), -n-, -r-, -l-, -ř- ~ -z-, -ń-, -j-, -ŋ-, (-γ-)/ для середины и конца слова [Дыбо 2007: 15]. По исследованиям Л. Базена, в материалах орхоно-енисейских памятников в анлауте встречаются только /b-, t-, k-, č-, s-, j-/ [Баскаков 1988: 14]. Обзор и анализ двуязычных, лексических словарей показывает, что слова с начальными смычными /b-, q-, k-, t-/, а также щелевыми башк. /j-/ ~ тат. /j-(ǰ-)/, башк. /s-/ ~ тат. /ç-/, башк. /h-/ ~ тат. /s-/ составляют значительную часть лексического фонда современных башкирского и татарского языков.

Мы поддерживаем мнение Ж.М. Гужеева о том, что в современных башкирском и татарском языках, как и в тюркских, постоянными дифференциальными признаками выступают сонорность, смычность

(огубленность, язычность), щелинность [Гузеев 2010: 16–17]. К примеру, в исследовании Л.К. Ишкильдиной башкирские согласные по способу артикуляции рассматриваются по следующим группам: 1) смычные, а) взрывные, б) носовые; 2) щелевые (фрикативы или спиранты); 3) сонанты [Ишкильдина 2013б: 32].

В башкирском и татарском языках коррелятами по звонкости-глухости выступают взрывные (БТ /p/ – /b/, /q/ – /ɣ/, /k/ – /g/, /t/ – /d/) и фрикативы (башк. /θ/ – /ð/, /s/ – /z/, тат. /s/ – /z/, /ç/ – /ž/) [ГСБЛЯ 1981: 45; ТГ 1995: 91].

Проанализированы современные башкирские и татарские согласные в начале, середине и в конце слова (преимущественно – первого и второго слогов, с учетом закономерности, согласно которой «сильной позицией для согласных является позиция после первого гласного, где могут встречаться все смычные» [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>]).

В диссертационной работе башкирские, татарские консонантные фонемы рассматриваются по трем группам с учетом фонетических, фонологических и морфонологических характеристик: 1) сонорные: /n, ŋ, r, l/, среднеязычный фрикативный полусонант /j/ и татарский среднеязычный двухфокусный фрикатив /ž/; 2) переднеязычные фрикативы: /s, š/, башк. /θ, ð/, тат. /ç, z/; 3) смычные: губные /b, p/, носовой сонант /m/ (с учетом соответствия /m/ ~ /b/), переднеязычные /t, d/, среднеязычные /k, g/ и заднеязычный /q/, звонкий фрикатив /ɣ/. Тюркские протетические согласные (w, h, j) описываются в группе сонорных фонем. Башкирский фарингальный спирант /h/ рассматривается в подразделах о протетических звуках и переднеязычных фрикативах. БТ фонема /w/ частично рассматривается в пункте 3.5.4.4 «Развитие башкирской, татарской фонем /y/».

3.2. Общая характеристика баскской и прабаскской консонантных систем. Фонотактические особенности

Обзор источников по баскской фонетике позволяет делать вывод о том, что для современного общепабаскского консонантизма характерны глухие смычные /p, t, k/; звонкие смычные /b, d, g/; назальные /m, n/, <in, ñ>/ñ/; сонорные /l/, <(i)l>/l/,

<r>/r/, <rr>/R/; аспирация /h/; глайды <j/i>/j/, <u>/w/; глухой лабио-дентальный фрикатив /f/; сибиллянты <s>/s/, <z>/z/, <x>/x/; аффрикаты <ts>/ts/, <tz>/tz/, <tx>/tx/.

Диалектные различия выражаются в наличии подверженной утрате ларингальной /h/. По разному реализуется начальная /j-/: [j] (HN, L, B) ~ [ʒ] (S, B) ~ [dʒ] (B) ~ [j] (B, LN, HN) ~ [j] (LN) ~ [ʃ] (<x>) (A, S, R, Sout, HN) ~ увулярный глухой фрикатив [χ] (G, HN, B).

С типологической точки зрения системы баскских глухих сибиллянтов и аффрикат отличаются парадигматической сложностью: имеется оппозиция апикально-альвеолярной <s>/s/ (соответствующая аффриката – <ts>/ts/), ламино-альвеолярной <z>/z/ (соответствующая аффриката – <tz>/tz/) и палато-альвеолярной <x>/x/ (соответствующая аффриката – <tx>/tx/). При произношении ламинальных и аффрикативных согласных поток воздуха преграждается всем плоским концом языка, в артикулировании апикальных участвует кончик языка.

А. Эгурцегги перечисляет ряд звонких фрикативов (/z, z̃, ʒ, j, ħ/) и звонкую апикально-альвеолярную аффрикату /dz/ в сулетинском диалекте и говорах нижней Наварры [Egurtzegi 2013: 120–121].

В некоторых современных диалектах противопоставляются альвеолярные и палатальные носовые, боковые, в ронкальском – дрожащие. Баскологами установлено, что происходит автоматическая палатализация баскских переднеязычных согласных после гласной /i/ [Trask 2008: 30]. К примеру, согласно работе А. Эгурцегги, в отдельных диалектах различаются палатальная взрывная фонема <tt>/c/ – аллофон фонемы /t/ после /i/, палатальная <dd>/j/ [Egurtzegi 2013: 163]. Как писал К. Мичелена, палатализация в баскском языке используется в уменьшительно-выразительной функции, образуются пары согласных по палатализации: š ~ s/s̃; č ~ c/c̃; ñ ~ n, l̃ ~ l, t' > č, d' > j [Michelena 1990: 179–181]. По мнению Р.Л. Траска, палатальные пары <tt, dd, tx, x, ñ, ll> могли употребляться в прабаскском языке только в экспрессивной лексике [Trask 2008: 14]. (Как рассматривалось в разделе 3.1, в татарском и башкирском языках происходит смягчение твердых согласных в соседстве с гласными переднего ряда; представлены сингармонические пары аффиксов и основ. Для сравнения, в

западнославянских языках имеется «корреляция согласных по твердости-мягкости» [Колесов 1980: 55].)

Аспирированные смычные /*p^h*, *t^h*, *k^h*, *c^h*/ присутствуют в лабурдинском, нижненаваррском и сулетинском диалектах (только в первом и втором слоге). В сулетинском диалекте аспирация присутствует во всех односложных словах, за исключением лексемы *ar* ‘мужчина’. Появление аспирации непредсказуемо: имеется лишь несколько минимальных пар; ряд слов может произноситься как с аспирацией, так и без нее. Не допускается более одного аспирированного звука в одном, даже составном слове, характерная позиция – первый слог или начало второго слога. Возможны слова структуры *kheke*, *keke*, но нет слов типа *kekhe*, *khekhe*. При этом характерны лексемы типа *ikhatz* ‘уголь’, *ikhusi* ‘видеть’.

В анлауте современных баскских лексем не встречаются фонемы /*r*, *R*/ (в исконных словах), редки палатальные латеральные, носовые, аффрикативные согласные, в ауслауте корневых морфем не встречаются смычные и редки сибиланты.

Х.И. Уальде рассматривает баскские звуки по способу артикуляции по следующим основным группам: гласные, сонанты, корональные, дорсальные [Hualde 2007: 10].

А. Мартине (1950), по аналогии с датским консонантизмом, допускает функционирование сильных и слабых согласных в прабаскском языке, различную реализацию сильных взрывных */*p*, *t*, *k*/ в анлауте */*[p^h*, *t^h*, *k^h*] и интервокальной позиции */*-b-*, *-d-*, *-g-*/ [Приводится по: Egurtzegi 2013: 122–123]. Р.Л. Траск, основываясь на работах К. Мичелены, реконструируют систему, состоящую из сильных (*(*p*), *t*, *k*, *tʂ*, *tʂ*, *N*, *L*, *R*/) и слабых (*(*b*, *d*, *g*, *ʂ*, *ʂ*, *n*, *l*, *r*/) согласных [Michelena 1990: 374; Trask 2008: 14], хронологически относимую к III в. до н. э. Предполагается, что сильные фонемы были длинными, глухими и могли иметь придыхание, слабые – короткими, звонкими и произносились без придыхания. Члены каждой пары противопоставлялись в основном в интервокальной позиции. Как полагает Р.Л. Траск, произошла нейтрализация оппозиции сильных и слабых пар согласных [Trask 2008: 14, 29], кроме /*-r-*/ – /*-R-*/ [Michelena 1990: 328].

Отдельные баскологи не поддерживают данное предположение (Hualde 2007). Протобаскский консонантизм, по мнению Ж.А. Лакарры, отличался простотой, структурой корня CVC, в начале односложного корня могли выступать фонемы **/b, (t), d, (k), g, ʒ, ɟ, h, n/*, в конце – **/ʒ, ɟ, n, l, (R, r)/* [Приводится по: Egurtzegi 2013: 125].

Для прабаскского анлаута К. Мичелена реконструирует фонемы **/b-, d-, g-, ʒ-, ɟ-, n-, h-/*, анлаутная */l-/* могла установиться в результате утраты */d-/* (как в случае *leka < *deka < лат. theca* ‘шелуха’) [Приводится по: Egurtzegi 2013: 162]. Р.Л. Траск восстанавливает слабые смычные **/b-, g-/*, сибиллянты **/ʒ-, ɟ-/*, сонанты **/l-, n-/*, по его мнению, первые три звука встречались часто, следующие два – реже, а */n/* – редко [Trask 2008: 14; 18]. Для остальных позиций ученый восстанавливает сильные **/tʒ, tɟ, L, R, N, k, t/*.

В начале слова не употребляются */r/* и аффрикаты */tʒ/[č], tɟ/*, кроме */tʃ/[č]* (в речи часто *[c]*), по предположению Р.Л. Траска, «глагольный корень может начинаться или заканчиваться практически на любой согласный (но корни с начальной **/l/* или **/n/* очень редки)» [Там же: 19–31]. В исследовании А. Эгурцегги поддерживается мнение о наличии в конечной позиции сибиллянтов, */-n, -r/* и реже – */-l/*. Он считает, что конечная */-k/* характерна для показателя эргативного падежа, */-t/* – для аффикса 1 л. ед. ч., а для самостоятельных слов с конечными смычными допускает утрату конечных гласных [Egurtzegi 2013: 162].

Фонемы */f, j, x/* не восстанавливаются для праязыка. Фонема */p/* крайне редка, и ее существование остается под вопросом. А.В. Архипов, Г.А. Нуждин отмечают диалектные различия в реализации придыхания */h/* и глайда */j/*, в наличии фрикативного губного */f/*, озвончении сибиллянтов и др. [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

К. Мичелена предполагал связь аспирации с ударением (латинские и романские заимствования с сонорными */n, ñ, l, ll, r, rr/* в середине слова в баскском языке произносятся с придыханием: лат. *cellarius* > баск. *gelhá(r)* ‘смотритель’ [Michelena 1990: 210]) или рефлексами потерянных ранее анлаутных смычных согласных **/p-, t-, k-/* [Приводится по: Trask 2008: 16–17].

К. Мичелена в «Исторической фонетике баскского языка» классифицирует баскские согласные по следующим группам: сибиллянты /s, ʒ/, <x>[ṣ̌, ʃ], аффрикаты /ts/[čc], /tz/[c], /tx/[č], назальные /m, n, ñ(ñ̃)/, латеральные /l, l'/, вибранты /r, R (rr)/, смычные /p, b, t, d, k, g/. Ученым отдельно рассматриваются аспирация /h/ и глайды (переходные фонемы) /j, w/ [Michelena 1990].

С учетом фонетических, фонологических и морфонологических характеристик, изменений в пределах групп по месту и способу словообразования, в нашей работе баскские согласные рассматриваются по трем группам: 1) сонорные /n, ñ, r, R, l, l'/, палатальный глайд /j/, аспирация /h/; 2) сибиллянты /s, ʒ, ʃ/ и аффрикаты /tʃ, tʃ, tʃ/; 3) смычные: губные /b, p/, (назальный) /m/, переднеязычные /t, d/, среднеязычные /k, g/ и их аллофоны.

3.3. Развитие тюркских (башкирских, татарских) и баскских сонорных фонем

3.3.1. Протетические звуки в тюркских языках и фонема /h/.

Баскская аспирация (придыхание) /h/

Для чувашского, а также халаджского, гагаузского, диалектов турецкого, азербайджанского, узбекского языков характерно наличие начальных протетических согласных [w- (~ v-), j-, h-] (что является типологической особенностью и славянских языков). Часть исследователей придерживается мнения о вторичности протез. Существуют гипотезы, возводящие протетические согласные к дифтонгоидным элементам, придыхательному приступу, появившемуся в результате интервокального зияния (хиатуса).

По предположению Н.А. Баскакова, М. Рясянена, протетические согласные в тюркских языках являются рефлексами утраченных анлаутных согласных, промежуточным звеном являются дифтонгоидные элементы или долгие гласные, что не противоречит закону Рамстедта – Пельо о тенденции анлаутных согласных к исчезновению [Приводится по: СИГТЯ 1984: 380–381].

А.М. Щербак считал, что в гагаузском, казахском языках широкие лабиализованные гласные реализовались в дифтонгах, а далее – в w- [Щербак 1970:

180]: БТ *ul*, каз. *wol*, чув. *vъ^w-l* < **ol* Э 444, ПТ **o(-l)* ‘он, она, оно, тот, этот, вон тот’; БТ *ül-*, хал. *hil-*, каз. *wöl-* < ПТ **öl-* ‘умирать’. Для сравнения, ученые предполагают, что в чувашском языке ПТ **ō* реализуется в виде *va-/-ъ^ova-*, кроме как в позиции перед **l*, **n* [СИГТЯ 2006: 173].

По мнению А.М. Щербака, «звук *j*, – очевидно, самая древняя из тюркских протез» [Щербак 1970: 181]. Ср.: БТ *il*, чув. *jal*, гаг. *iel* < **i:l* Э 339, **jēl* М 122, ПТ **ēl* ‘народ, люди, страна’; гаг. *jirin*, уйг. *žiriŋ*, БТ *eren* ‘гной’ < ПТ **iri-* ‘гнить’.

Существуют различные взгляды на проблему происхождения тюркского (халаджского) протетического [*h-*]. Г. Дерфер возводит его к ПТ **/p-/* (1972). (Носители халаджского языка проживают в Иране и Афганистане.) Как полагал А.М. Щербак, тюркский [*h-*] не может являться рефлексом алтайских **/p-*, **/f-/* [Щербак 1970: 182]. Н.А. Баскаков предполагает, что [*h-*] мог установиться в результате ослабления **/s-/* (по типу башкирского и якутского языков), ослабления сильного согласного, анлаутного согласного заимствованного слова; в результате развития вокализма [Приводится по: СИГТЯ 1984: 397–398].

В «Этимологическом словаре алтайских языков» проблеме халаджской [*h-*] посвящен специальный раздел [EDAL 2003: 26–28]. Авторы отмечают, что развитие **/p-/* > [*h-*] наблюдается в монгольском и эвенкийском языках, в большинстве случаев халаджская [*h-*] возводится к ПТ **/h-/* < ПА **/p’-/*. В шести случаях ПА **/p’-/* не отражается в халаджской [*h-*], что объясняется поздними заимствованиями в результате межтюркских связей. В ряде случаев халаджская начальная [*h-*] является протезой: БТ *ir*, чув. *ar*, хал. *här* < ПТ **ēr* < ПА **āri* ‘мужчина’; БТ *ül-*, хал. *hil-* < ПТ **öl* < ПА **oli* ‘умирать’. Авторы полагают, что появление [*h-*] в халаджском анлауте непредсказуемо, и для пратюркских форм не восстанавливается начальная фонема **/h-/*.

Протетический звук [*h-*] фиксируется и в кумыкском, гагаузском языках: БТ *eδ/ez*, гаг. *jiz*, чув. *jər*, *jъran*, кум. *hizan* < **i:z* Э 646, ПТ **īr’/*īr’* ‘след, борозда, межа’; кум. *haŋqut*, хак. *āt*, ДТ *aŋit* < ПТ **Āŋ(k)it* ‘дикая утка’; БТ *iŋ*, гаг. *heŋ*, сюг. *jeŋ*, ср. хак. диал. *niŋ* < ПТ **eŋ* ‘очень’.

Анализ тюркского материала позволяет сделать вывод о соответствиях протетических согласных: [h-] ~ [j-]; [h-] ~ [w-]; [w- ~ v-].

Тюркская фонема /h-/ в начале слова

Обзор результатов сравнительно-исторических исследований выявляет, что в тюркских языках анлаутный фарингальный спирант /h-/ выступает рефлексом ряда пратюркских согласных. К примеру:

1) ПТ */s-/ > /h-/ в башкирском и якутском, долганском языках [Широбокова 2001: 77–78] (утрачивается в якутском и долганском): БТ *hünar/sünar*, як., долг. *aŋar* < ПТ */s[i]ŋar ‘один из пары’; БТ *höjä-/söjä-*, як. *öjō-*, долг. *öjön-* < ПТ */söje ‘подпирать’;

2) ПТ */č-, *ǰ-(*j-)/ > /h-/ в долганском языке (носители проживают в Красноярском крае России и Якутии): БТ *surtan/çurtan*, долг. *hordoŋ* < ПТ */čortan ‘угорь; щука’; БТ *juq*, долг. *huok* < */jo:q II Э 211 ‘нет, не существует, бедность’;

3) ПТ */g-/ > /h-/ в тофаларском языке: БТ *kejäü/kijäü*, тоф. *hüdä* < ПТ */güde- ‘зять’; хак. *köl-*, тоф. *hölle-*, ДТ *köl-* < ПТ */göl- ‘запрягать’.

Баскская аспирация /h-/ в начале слова

Вопрос о происхождении баскской начальной аспирации (ларингального глухого фрикатива) */h-/ (> [O]-) не решен. Графема <h> очень часто встречается в аквитанских текстах (по мнению К. Мичелены, аквитанский язык является предтечей баскского языка). Р.Л. Траск пишет, что придыхание /h/ было потеряно в центральных диалектах баскского языка, фиксируется в средневековых источниках западных говоров, функционирует в сулетинском диалекте, где встречается едва ли не в каждом слове [Trask 2008: 16–17], практически утратилась в лабурдинском, нижненаваррском диалектах.

В «Этимологическом словаре баскского языка» (2008) Р.Л. Траска приводятся формы с /h-/ для данных диалектов: *hitz* (L, LN, Z), *itz* (G, HN, L, LN) < */[h]itz T 233 ‘слово’; *hasi* (LN, L, Z), *asi* (B, G, R) T 111 < */haši S ‘начинать’; *aro I, haro, há(r)o* (Z) T 105 < */haro S ‘погода, времена года, в названиях месяцев’; *iLe* (C) < */[h]iLe T 223 ‘луна, месяц’; *heze* (L, LN, Z), *eze* (B, G, HN, LN, R) T 189 < */heze S ‘1) свежий, сырой, зеленый, 2) чувственный’.

Известно, что ронкальский, саларесский, аэсконский диалекты обнаруживают начальные /g-/ или /k-/ вместо начальной /h-/ (< */h-/) в других диалектах [Trask 2008: 44], ср. *hemen* (L, LN), *emen* (B, G, HN), *amen* (G), *heben* (арх. LN), *hében* (Z), *eben* (арх. B, Sout), *keben* (S), *kében* (R), *geben* (A), *gen* (A), *kemen* (LN, R) < **hauen* Т 116 ‘здесь’; *hau* (L, LN, Z), *haur* (LN, Z), *au* (B, G, HN), *gau* (A, HN), *kaur* (R), *kau* (S, R) Т 116 ‘этот’.

А. Эгурцегги обращает внимание на тот факт, что в заимствованиях латинская начальная /f-/ отражается как /h-/: *horma* < лат. *forma* ‘стена’, *haxe* < лат. *fascet* ‘луч, пучок’ [Egurtzegi 2013: 152].

С.А. Старостин для прабаскского анлаута предполагает глоттальный звонкий фрикатив */h-/ в небольшом количестве примеров: *ondar* (C), *hondar* (L, LN, Z), *úndar* (Z) < */h]ondar Т 310, **hondarr* S ‘песок, гравий, пляж, низ, остаток’, *kondarrak* (G) Т 310 ‘остаток’; *hezur* (L, LN, Z), *ezur* (G, HN, L, LN), *ézür* (Z), *ëzur* (R), *azur* (B) < **enazur*/**anezur* Т 191, **he(n)sur̄* S ‘кость’; *asun* (B), *asun* (G), *osin* (G), *asuiñ*, *asuñ*, *osin* (HN), *hausin* (LN), *hausin*, *hasuin*, *asuiñ* (L), *ásün* (Z) < **haśuin* ‘крапива’.

Тюркская фонема /h/ в середине слова

Анализ межъязыковых соответствий в тюркской семье показывает, что срединная (и конечная в башкирских говорах) /-h-/ в тюркских языках появляется в результате:

1) изменения ПТ */-s-/ (> /-θ-/) в кызылском, ПТ */-ř-/ (> /-δ-/) в сальютском говорах восточного диалекта башкирского языка [Максютова 1976: 265]: БТ *iθän/isän*, кызылское *ihän* < **esen* Э 308 ‘здоровый, живой’; БТ *hīdīq/sīzīq*, сальютское *hīhīq* ‘шкварки’.

2) ослабления ПТ */-r̄-/ (> /-z-/), */-č-, -s-/ в якутском языке: БТ *ađiu/azau*, як. *ahī* < ПТ **ařig* ‘клык’; БТ *odon/ozin*, як., долг. *uhun* < ПТ **ur̄i-n* ‘длинный’; БТ *ösön/öçen*, як., долг. *ihin* < ПТ **üč-ün* ‘потому что’;

3) спорадического ослабления ПТ */-k-, -y-/: БТ *tayī(n)*, тур. *daha*, хак. *tā*, *dā* < **dayī*, **dayin* Э 122, ПТ **d(i)aki* ‘другой, еще’; башк. *ökö*, тур. *öjü*, турк. *hüvi*, хак. *ügü*, чув. *ügə*, *üxə*, ДТ *ügi*, *ühi* < ПТ **ügi* ‘сова’.

Баскская аспирация /h/ в середине слова

А. Эгуртцеги считает, что позиция баскской аспирации /h/ предсказуема в позиции между гласными или дифтонгом и гласными, которые не могут образовывать дифтонги (/ai, ei, oi, au, eu, ui/), например, *zuhur* ‘разумный’, *oihan* ‘лес’, а также между разнослоговыми сонорными (/n, l, R, r, ñ, ll/, но не /m/ и сибилантами) и гласными: *senhar* ‘слуга’, *illhargi* ‘луна’ [Egurtzegi 2013: 151].

К. Мичеленой установлено, что баскская интервокальная /-h-/ в ряде случаев и сулетинская назализованная (звонкая) /h̃/ являются рефлексамии ПБ */-n-/ [Michelena 1990: 300–303], Б /-h-, -h̃-/ < ПБ */-n-/: *ahal* (L, LN, Z), *aal* (B), *al* (B, G, HN, R, S) < **anal* Т 70 ‘сила, способность’; *zuhur* (L, LN), *zũ'hũr* (Z), *zũr* (R), *zugur* (HN) < **zunur* Т 382 ‘разумный’; *mehe* (L, LN), *mẽhẽ* (Z), *mee* (B, HN), *me* (B, G, HN, S, R), *be* (Sout) < **mene*/**bene* Т 286 ‘тонкий, стройный’.

В единичных случаях С.А. Старостин баск. /-h-/ возводит к ПБ */-y-/, Б /-h-/ < ПБ */-y-/: *aho* (L, LN, Z), *ao* (B, G, HN, R), *ago* (B, G, HN, R, Z), *aha-* (L, LN, Z), *ao-*, *ab-* (B, G) < **aho* Т 95, **ayo* S ‘рот’; *biar* (B, G), *bihar* (Z, L), *bigar* (G) < **biyarr* S ‘завтра’.

Несомненно, наиболее характерной особенностью баскской срединной /-h-/ является тенденция к утрате, /-h-/ > -[0]-: *eho* I (LN), *ého* (Z), *eo* (Sout., G, HN, S), *eio* (B), *io* (B), *igo* (B, G, HN); *eihera* (L, арх. LN, Z), *eihara* (LN), *eiara* (LN, S) < **eho* Т 172, **eiho* S ‘молоть, толочь’; *behin* (L, LN, Z), *bein* (B, G, HN, S, R) < **behin* Т 133 ‘когда-то’; *behi* (L, LN), *béhi* (Z), *bei* (G, HN, A, S, R), *pei* (HN) < **be[h]i* Т 133 ‘корова’; *zogi* (G), *zohegi* (арх. LN), *zoigi* (B), *ziogi* (B), *zoegi* (арх. B), *zuegi* (HN) Т 377 ‘разумный, сдержанный’.

Р.Л. Траск отмечает интервокальные соответствия /-h-/ (в северных диалектах) ~ /-g-/ (в западных диалектах), ср. *bihi* (LN, L, Z), *bigi* (HN) < **bi[h]i* Т 142 ‘зерно, гранулы; фрукт; маленький’; *ahur* (L, LN), *ahũr* (Z), *agur* (R) Т 117 < **ahurr* S ‘ладонь’; /-h-/ ~ /-b-/, в единичных случаях – /-h-/ ~ /-d-, -r-/ [Trask 2008: 31].

Не исключено соответствие /-h-/ ~ /-b-/ ~ /-p-/ ~ /-ph-/ ~ /-f-/ ~ /-g-/ ~ [0]: *ohe* (L, LN), *óhe* (Z), *oe* (B, Sout., арх. G, HN), *oi* (B, G, R), *hoe*, *obe* (HN), *ofe* (LN), *oge* (B, G, L) < **ohe* Т 304, **oʝe* S ‘кровать, постель’; *afari* (B, G, L, LN), *apari* (B, G),

aphari (L), *abari* (арх. HN, S), *auhari* (LN), *aihá(r)i* (Z), *aigári* (R) < **au[h]ari*/**au[h]ali* Т 77 ‘обедать’. По мнению К. Мичелены, характерно соответствие /-*h*-/ ~ /-*g*-/ ~ /-*i*-/: *behí* ~ *begí* ~ *bei* ‘глаз’, *nahí* ~ *nagí* ~ *nai* ‘желание’ [Michelena 1990: 221], ср.: *iaz* (HN, L, LN, S), *ihaz*, *jaz* (L), *igaz* (B, G, HN), *igez* (B), *ijaz* (B), *ijez* (B), *iez* (B), *xaz* (S, R) Т 217 < **iyas* S ‘прошлый год’. Наблюдаются спорадические соответствия /-*h*-/ ~ /-*f*-/ ~ /-*g*-/ ~ -[0]- (на стыке морфем): *leiho* (L, LN), *leio*, *léiho* (Z), *léxo* (R), *lego* (S), *leo* (S) Т 266 ‘окно’; *bihar* (L, LN, Z), *biar* (B, Sout., G, LN, R), *bigar* (G), *bixar* (B) Т 140 ‘завтра’.

Конечную /-*h*-/ исследователи обнаруживают в диалектах башкирского языка [Кейекбаев 1958: 134]; данная фонема употребляется в конце башкирских и татарских междометий. Аспирация не функционирует в баскском ауслaute.

Таким образом, особенностью ряда тюркских языков является наличие начальных протетических согласных [*w*- (~ *v*-), *j*-, *h*-]. Халаджская [*h*-] в ряде случаев возводится к праалтайским **/p*‘-, *ŋ*-/, [0]. Анлаутная фонема /-*h*-/ выступает рефлексом ПТ **/s*-/ в башкирском, рефлексом ПТ **/č*-, *ʒ*-(*j*-)/ – в долганском, рефлексом ПТ **/g*-/ – в тофаларском языках.

В анлауте корней структуры VC прослеживается аспирация /-*h*-/ в лабурдинском, нижненаваррском и сулетинском диалектах баскского языка. Ронкальский, саларесский, аэсконский диалекты обнаруживают начальные /-*g*-/ или /-*k*-/ вместо начальной /-*h*-/. Происхождение баскской глухой **/h*-/ К. Мичелена связывает с ударением или рефлексам утранных **/p*-, *t*-, *k*-/. В заимствованиях латинская начальная /-*f*-/ отражается как /-*h*-/.

Срединная /-*h*-/ в тюркских языках является результатом развития ПТ **/-k*-, *-γ*-/, в якутском языке – ПТ **/-r*‘-/ (> /-*z*-/), **/-č*-/, в говорах башкирского языка – ПТ **/-s*-/ (> /-*θ*-/), ПТ **/-ř*-/ (> /-*z*-/ > /-*δ*-/). Баскская /-*h*-/ выступает рефлексом ПБ **/-n*-/ и подвержена утрате. В ряде лексем восстанавливаются срединные **/-h*-, *-γ*-/. В баскском языке в интервокальной позиции наблюдаются соответствия /-*h*-/ ~ /-*g*-, *-b*-, *-p*-, *-ph*-/; фрикатизация, дифтонгизация и утрата /-*h*-/; в единичных случаях /-*h*- ~ *-d*-, *-r*/.

Конечная /-h/ обнаруживается в говорах башкирского языка, в башкирских и татарских междометиях. Аспирация не функционирует в баскском ауслaute. Фрикатив /h/ в тюркских и баскском языках характерен для окраинных языков (диалектов) и имеет сложную этимологию.

3.3.2. Тюркская (башкирская, татарская) фонема /j/ и баскские соответствия

3.3.2.1. О проблеме происхождения тюркского среднеязычного сонанта (полусонанта) /j-/ и баскского глайда /j/

Вопрос о первичности анлаутной /j-/ является одним из самых дискутируемых в тюркологии. В древнетюркских языках в начальной позиции согласные образуют соответствие /j- ~ ǰ- ~ d- ~ č-/. Сторонники первого направления (В.А. Богородицкий, Н.З. Гаджиева, В.В. Радлов, Б.А. Серебренников) считают, что изначальным является *j*, а звуки *ǰ*, *ž*, *č*, *z*, *s* представляют собой варианты развития */j/. Другое направление (Г. Дерфер, А.В. Дыбо, К.Г. Менгес, О.А. Мудрак, Н.Н. Поппе, Г.И. Рамстедт) утверждает о развитии ПТ */j/ из общеалтайских */ǰ/ или */d̥/. А.М. Щербак реконструирует глухой межзубный спирант */ǰ/ [СИГТЯ 1984: 261, 256–259].

При этом в определенном круге слов в тюркских языках Южной Сибири и киргизском языке представлено соответствие /j-/ ~ /n-/ ~ /ñ-/ , являющееся следствием параллельного и независимого развития [Там же: 299–303].

А.В. Дыбо считает, что «алтайские языки двигались в направлении сильного сокращения фонологической системы» [Дыбо 1996: 16–17]. Пратюркская анлаутная */j-/ , по мнению авторов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», возводится к ПА */pʰ-, d-, n-, l-, z-, ñ-, ǰ-, l̥-, η-/ [2006: 10–11], О.А. Мудрак возводит тюркскую /j-/ к ПТ */ǰ-/ , в котором совпали «ПА */d-, ǰ-/ и сонорные */l-, l̥- (~ l̥-), n-, ñ-/ и частично */η-/» [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>].

Т.М. Гарипов пишет, что в башкирском и татарском языках «констатируется обоюдное участие в инициалах анлаута *j* и *ǰ*, *ž*» [Гарипов 1979: 155].

Среднеязычный щелевой полусонант /j/ в грамматике башкирского языка [ГСБЛЯ 1981: 57] принят в качестве литературной нормы, а в современном татарском языке употребление литературного среднеязычного двухфокусного фрикатива /ž/ обусловлено присутствием /i/ или /j/. Вариативное употребление анлаутных /j-/ и /з-/ отмечается Р.Х. Халиковой в языке башкирских письменных источников XVIII–XIX веков [Халикова 1990: 29]. Т.М. Гарипов приходит к мнению, что «к середине 30-х годов (XX века. – Д. С.) были сформулированы правила употребления *ž* и *j*: первый из них предпочитался перед *i* и *j* (через гласный), второй – во всех остальных случаях» [Гарипов 1979: 157]. Ср. лексемы с тат. /j-/: БТ *jau*, тат. диал. *žau*- < ПТ **jagi* ‘война, враг’; БТ *jör*-, тат. диал. *žör*- < ПТ **jori*-/**jüri*- ‘ходить, ездить’; БТ *jünäl*-, тат. диал. *žünäl*- < ПТ **jön* ‘направляться’; БТ *jolq*-/**joliq*-, тат. диал. *žolq*- < ПТ **jül*- ‘вырвать, сдирать, брить’; с БТ /ž-/: БТ *juj*-/**žuj*- < ПТ **jod*- ‘уничтожать, стирать’; БТ *jem*/**žim* ‘корм’, ср. башк. *jej*- < **žē*- М 59, ПТ **jē*- ‘есть, кушать’; тат. *žajdaq* < **jajdaq* Э 77, ПТ **jaṗitak* ‘конь без седла’.

Татарский исследователь Ф.Г. Хисамова приходит к выводу, что «фрикативный, мягко и плавно произносимый согласный звук *з* (жс)» специфичен для татарского языка [Хисамова, http://repository.kpfu.ru/?p_id=58663]. Согласно выводам, полученным диалектологами, употребление /ž-/ вместо /j-/ в литературном языке – один из дифференциальных признаков среднего диалекта татарского языка [ТХС I: 21–22]. В отдельных говорах мишарского диалекта литературной /ž-/ соответствует шипящая звонкая аффриката /ẓ̌/[*dẓ̌*]. По исследованиям Л.К. Ишкильдиной, диалектными вариантами литературной башкирской /j/ являются [*з*, *ẓ̌*], «жеканые объясняется влиянием болгарского или казахского языка» [Ишкильдина 2013б: 153].

Как пишет Н.А. Баскаков, фонема /j-/ неустойчива в тюркском анлауте: «для тюркских языков характерно явление исчезновения /j-/ в анлаутной позиции» [Баскаков 1988: 50]. Спорадически ПТ **/ẓ̌-(*)j-/* > тюрк. [*0*]-: БТ *jerän*/**žirän*, гаг. *īren*- < ПТ **jigren*- (~ -e-) ‘испытывать отвращение’; БТ *ila*-/**jila*-, ДТ *iyila*-, *jüyila*-, *ayila*-, *ayla*- < ПТ **jig*-(*la*-) ‘плакать’; БТ *jep*/**žep*, тур. *ip* < ПТ **jip*/**jip* ‘нитка’.

Соответствия /j-/ ~ /ʒ-/ ~ /z-/, реже /j-/ ~ /d-/ (в мягкорядных словоформах), и, по мнению Л.К. Ишкильдиной, спорадическое /j-/ ~ /s-/ наблюдаются в башкирских и татарских говорах [Ишкильдина 2013б: 155–158], ср.: БТ *jaŋaq*, тат. диал. *zijäk*, *jäjäk* [ТТЗДС: 201] < ПТ **jaŋak* ‘щека, челюсть’; БТ *jekän/žikän*, башк. диал. *zikän*, *dikän* [БТДh: 79] < ПТ **jEken* ‘рогоз, тростник; болотная трава’; БТ *jerek/zirek*, башк. диал. *z’irek* [Миржанова 2006: 94] < ПТ **jerük* ‘ольха, кедр’. Диалектный материал башкирского языка демонстрирует соответствие /j-/ ~ /š-/: БТ *jalman*, башк. диал. *šalman I* [БТДh: 390] < **jalman III Э 97* ‘тушканчик’; БТ *jaŋyirat-*, башк. диал. *šaŋqirtü* [Там же: 391] ‘звенеть’ < **jaŋ Э 122* ‘подражание далеко разносящимся звукам’.

Регулярные соответствия /j-/ ~ /ǰ-/ ~ /ž-/ ~ /č-/ ~ /s-/ ~ /d-/ демонстрируют примеры из тюркских языков: БТ *jir-*, кирг. *žir*, каз. *žir-*, хак. *čär-*, як. *sīr-* < ПТ **jīr-/jīr-* ‘расщеплять, разрывать’; БТ *jaqa*, кирг. *žaqa*, хак. *čaqa*, ойр. *daqa*, як. *saqa*, чув. *soqa* < ПТ **jaka* ‘воротник; край’; БТ *jil*, хак. *čil*, ойр. *dil*, тув., тоф. *čil*; як. *sil*; долг. *hīl* < ПТ **jil* ‘год’; БТ *jarqaq*, узб. *žarqaq*, каз. *žarqaq*, ойр. *jarqaq*, *darqaq*, тув. *čarqaš* < ПТ **jarkak* ‘шкура (дубленая, без волос)’.

Н.Н. Широбокова отмечает позднее изменение /j-/ > /h-/ в алтайском языке [Широбокова 2001: 81]. Необходимо отметить, что в долганском языке реализуется начальная /h-/ (как и для лексем, восходящих к ПТ */č-/) : БТ *jaqin-*, долг. *hugas*, *čugas*; *hugahā-* < ПТ **jagu-* ‘приближаться’; БТ *japraq/jafraq*, кирг. *žalbiraq*, як. *sebirdex*, тув. *čövüree*, долг. *hebirdex*, ДТ *japiryaq* < ПТ **japur-gak* ‘лист’; БТ *jer/žir*, хак. *čir*, чув. *šar*, як. *sir*, долг. *hir*, ДТ *jer* (МК) < ПТ **jer* ‘земля’; БТ *jort*, долг. *hurt* < ПТ **jürt* ‘жилище, стоянка’.

К. Мичелена, далее Р.Л. Траск в баскских диалектах фиксируют анлаутную /j-/ и рассматривают ее как рефлекс префикса *e- (> /e-, i-, j-/, [0]) [Michelena 1990: 172; Trask 2008: 22] неясного происхождения в баскских синтетических глаголах (*e-akin-i > *jakin* ‘знать’). Например, *jaitzi* (Z), *jeitzi*, *deitzi* (HN, L, LN) Т 240 ‘доить’; *jan* (C), *jaan*, *xan* (R) Т 241 ‘еда’; *jera* (B), *txera* (B), *jira* (арх. B) ‘добро пожаловать’; *jo* (C), *xo* (R) Т 243 < *e-o S ‘бить’; *jalgi* (LN), *jalki* (G, HN), *jaulki*, *elki* (S), *ilki* (L, LN,

S), *ilkhi* (L, LN), *érkin* (R) < **e-elki* Т 241, **elki* S, **i-alki* S ‘покидать, увозить, выходить’.

Вышеприведенные примеры указывают на диалектные соответствия /*j*-/ ~ /*d*-/ ~ /*tʃ*-/[*č*] ~ /*f*-/. Кроме того, баскологи в современных диалектах наблюдают следующую реализацию анлаутной /*j*-/: палатальный глайд [*j*] (HN, L, B) ~ палато-альвеолярный фрикатив [*ʒ*] (S, B) ~ звонкая апико-альвеолярная аффриката [*dʒ*] (B) ~ глухой палатальный фрикатив [*j̥*] (B, LN, HN) ~ глухой палато-альвеолярный смычный [*J*] (LN) ~ глухой небно-альвеолярный фрикатив [ʃ] (<*x*>) (A, S, R, Sout, HN) ~ увулярный глухой фрикатив [χ] (G, HN, B), что стало причиной наиболее важных диалектных различий [Michelena 1990: 168–171; Egurtzegi 2013: 158].

Необходимо отметить, что отдельные баскские глаголы возводятся к праформам с анлаутной */*h*-/: *egan* (B, G), *hegan* (EB) Т 162 ‘полет’ < **hega*- S ‘летать’; *heldu*, *eldu*, *hél̄tũ* (Z) < **[h]el*- Т 167 ‘приходить; созревать’; *hartu*, *artu*, *hártũ* (Z) < **[h]ar*- Т 110 ‘брат, понимать, постигать’; *hil* (L, LN, Z), *il* (B, G, HN, LN, R) < **[h]il*- Т 221 ‘умереть, мертвый, убить’.

Анлаутный глайд /*j*-/ в баскских именах существительных, по мнению К. Мичелены, появляется в заимствованиях из романских языков [Michelena 1990: 167], ср. *jaboi* (B, G, HN), *jaboe* (B), *xaboĩ* (R), *xabói* (R), *xabon* (LN, S), *saboi* (L, LN), *xabũ* (Z), *saboin* (L, LN, Z), *salboin* (L, LN) < лат. *sāpōnem* Т 239 ‘мыло’; *judegu* (B) Т 244 ‘еврей’.

В отдельных случаях романские инициальные /*b*-, *v*-, *p*-/ отражаются как /*j*-/ в баскском анлауте, данное явление объясняется К. Мичеленой трудностью произношения начальных губных смычных [Michelena 1990: 164].

Итак, пратюркская анлаутная палатальная смычная фонема */*ǰ*-/ (плавный сонант */*j*-/) выступает рефлексом праалтайских */*p*‘-, *d*-, *n*-, *l*-, *z*-, *ń*-, *ǰ*-, *ĺ*-, *ŋ*-/. В современных тюркских языках ПТ */*ǰ*-(*j*-)/ реализовалась как /*ǰ*-, *ǰ*-, *č*-, *s*-, *ǰ*-, *j*-/, в долганском – как /*h*-/, в отдельных случаях утратилась. Отражением ПТ */*ǰ*-(*j*-)/ являются башк. /*j*-/, башк. диал. /*ǰ*-, *ǰ*-, *z*-/, реже – /*d*-, *s*-, *š*-/. Рефлексами в татарском языке выступают /*j*-, *ǰ*-/, в татарских диалектах – аффриката /*ǰ*/[*dǰ*].

Баскская анлаутная /j-/ возводится к префиксу */e-/ в начальных формах синтетических глаголов (в спряжении которых морфофонемы /n-, h-, ʒ-, g-, d-/ выступают показателями лица) и реализуется в диалектных [j] ~ [ʒ] ~ [dʒ] ~ [j] ~ [j] ~ <x> [ʃ] ~ [χ], также имеются соответствия /j-/ ~ /d-/ ~ /tʃ-/ [č] ~ /f-/ , в лексемах неглагольной семантики является заимствованием. При этом отдельные баскские глаголы возводятся к формам с анлаутной /h-/. В отдельных случаях романские инициальные /b-, v-, p-/ отражаются в баск. /j-/.

В сопоставляемых консонантных системах обнаруживается определенная связь между /j-/, сонантами, переднеязычными (чаще – фрикативами и аффрикатами) и /h-/.

3.3.2.2. Гипотеза о морфонологическом противопоставлении анлаутных фонем

В тюркском материале выявляются соответствия анлаутных /j-/ и смычных фонем. Например, в диалектах алтайского языка, принадлежащего к киргизско-кыпчакской подгруппе тюркских языков, исследователями обнаружено соответствие $d' - \sim t' - \sim k' - \sim g' - \sim q' - \sim \gamma' - \sim \check{c}' - \sim j$: 1) *jasa-* ~ *t'asa-* ~ *d'asa-* ~ *q'asa-* ~ *\gamma'asa-* ‘строить, творить’; 2) *jedip* ~ *t'edip* ~ *d'edip* ~ *k'edip* ~ *g'edip* ‘достигнуть’; 3) *jat-* ~ *t'at-* ~ *d'at-* ~ *q'at-* ~ *\gamma'at-* ‘лежать’ [СИГТЯ 1984: 263]. (Заметим, что баскские глаголы подобной семантики имеют схожую структуру: 1) *jaso* (B, G, HN), *jasan* (LN, L), *jauso*, *joso* (B) < *e-ašV S ‘поднимать, переносить’; 2) *erdietsi* (HN, L), *erdietsi* (HN), *eretsi* (B), *iritsi* (G), *iritxi* (G) < *erdi-etsi T 173 ‘достичь’; 3) *jautsi*, *jaitsi* (арх. LN), *jatsi* (арх. B, Sout), *jeutsi*, *deutsi* (LN), *jausi*, *sauntsi*, *sautsi*, *jatxi* (G, HN), *jetxi* (G, HN), *xatxi* (R) < *e-au(t)si T 242 ‘спускаться, снизить’.)

Спорадическое соответствие баскских анлаутных /j-/ (~ /ʃ/) ~ /g-/ ~ /f-/ отражается в примере *joan* (C), *fan* (B, G, HN, R, S, A), *fuan* (B), *gan* (L, HN), *goan* (HN, L), *joan* [xwan] (R), *xoan* [ʃwan] (R) < *e-oa(n)-, *e-oCa(n) T 243, *e-oHa-n S ‘идти, уходить, оставлять’. Кроме того, в спряжении баскских немногочисленных синтетических глаголов фонемы /n-, [0]-, h-, z-, g-, d-/ формально тождественны начальным согласным личных местоимений. К примеру, спряжение

вышеприведенного сильного непереходного глагола *joan* < **e-oa(n)* ‘идти’ имеет следующий вид: *ni n-oa* ‘я иду’, *zu z-oa-z* ‘ты идешь’, *hura d-oa* ‘он идет’, *gu g-oa-z* ‘мы идем’, *zuek z-oa-zte* ‘вы идете’, *haiek d-oa-z* ‘они идут’.

Мы допускаем, что вышеприведенные алтайские примеры отражают окаменелые формы глаголов и свидетельствуют не только о фонетических процессах, но являются реликтами древней системы словообразования, словоизменения, формообразования, основанной на классоразличительной или грамматической роли анлаутных фонем.

Согласно мнению Р.Л. Траска, баскский «глагольный корень не мог употребляться в свободной форме, он сопровождался по крайней мере одним префиксом и одним суффиксом» [Trask 2008: 21] или предварялся элементом фразы либо частицей *ba*. На наш взгляд, типологическая параллель обнаруживается в енисейских языках, например, в кетском языке «никакие формы глагола не могут состоять из одного только корня», словоизменительные аффиксы маркируют процесс и его участников, а «в качестве экспонентов неслоговых морфем выступают все согласные, за исключением *j*» [Валл 1990: 29, 22].

Отдельные башкирские и татарские глаголы, вероятно, являются окаменелыми формами основ, изменившихся по фонетическому облику и семантике. Однако сохраняется структура корня, например: 1) *(*C*)-*Vb*-*V(C)*: тат. *äweš-täweš*, ДТ *evür-tevür* ‘заниматься, вести что-либо, пускать в обращение (о товаре, деньгах)’, БТ *jebär-/žibär-* < ПТ *(*j*)*ēp-* ‘посылать’, БТ *tibrä-* < ПТ **depre-* ‘двигать’, БТ *qibirhī-/qibirsī-* ‘шевелиться’; 2) *(*C*)-*Vn*-*CV*:- БТ *jantaj-* < **jantaj-* Э 118 ‘наклоняться’, БТ *tuŋqaj-* ‘нагибаться’, башк. *saŋqaj-* ‘перегибаться, загибаться’, ср. башк. *qajqaj-* ‘выгибаться, выгнуть’.

Подобные лексемы в тюркологии традиционно рассматриваются как самостоятельные. Предположение о том, что в допратюркском периоде существовал префиксальный способ словообразования (и словоизменения, формообразования), дает возможность рассматривать их как производные основы. Предположительно, корни неприкрытой структуры и с анлаутной /*j*-/ выступают как начальные формы.

О том, что тюркские языки сохраняют реликты грамматического строя, для которого была характерна префиксация или анлаутная маркировка семантических, грамматических классов, может свидетельствовать и тот факт, что в тюркских языках, по исследованиям Н.А. Баскакова, «к одному из продуктивных способов корнеобразования относится способ образования путем видоизменения и чаще всего редукции и выпадения начального согласного корня или его замещения другими согласными-субститутами» в корнях, имеющих начальный неустойчивый согласный [Баскаков 1988: 35]. Начальные неустойчивые согласные участвуют в следующих закономерностях: 1) редукция и исчезновение *j-* (*nj-*, *dj-/tj-*, *dž-/č-*, *ž-/š-*, *s-/z-*); 2) неустойчивость *b-* ~ *p-*; 3) ослабление и редукция *q-* и *k-*; 4) редукция *t-*; 5) ослабление *t-* > *s-*; 6) утрата начального *s-*; 7) неустойчивость *s-* ~ *č-*; 8) утрата начальных *č-* ~ *š-* [Там же: 36]. Для сравнения, Ж.М. Гусев считает, что «позиция начала слов является самой неустойчивой для согласных карачаево-балкарского языка» [Гусев 2010: 23]. Возможность морфонологически (морфологически) обусловленных изменений в анлауте не учитывается в научных работах по тюркской фонологии, вероятно, по причине того, что в современных тюркских языках основным способом словообразования выступает суффиксация.

Можно предположить, что парные слова в исследуемых языках представляют собой окаменевшие формы первичных корней и являются реликтами префиксального способа словообразования или словоизменения. Для сравнения, редупликация основы или корня, согласно исследованиям Ф.И. Рожанского, «существует практически во всех языках Африки» [Рожанский, <http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/rozhansk1.pdf>], при этом для атлантических языков (волоф, ндут, манджак) в работе К.И. Позднякова реконструируются морфонологические чередования начальных согласных в роли древних префиксов (*b-*, *k-*, *p-*, *f-*, *r-*, *y-*, *tʃ-*, *c-*, *s-*, *w-*, *j-*, *lt-*, *m-*, *d-*, *g-*, *gb-*) в именных классах [Поздняков 1993: 196–197].

Особого внимания заслуживают башкирские, татарские парные слова с редупликатом, в которых редупликат, не имея автономного значения, усиливает семантику основного слова [ГСБЛЯ 1981: 192]. Как отмечают исследователи, в

древнетюркских парных словах экспрессивное слово-эхо образуется присоединением *m-* [Кононов 1980: 101], в современном татарском языке – *m-*, *t-*, *s-*, *ç-*, *ş-* [Баширова 1994]. По исследованиям Р.Л. Траска, согласными, выступающими в анлауте баскского редуликата, могут быть */m-/*, реже – */b-*, *p-*, *t-* ~ *k-/*, а префикс *ma-* употреблялся для образования выразительных форм слов [Trask 2008: 277, 344]. Х.К. Уленбек (1927) высказывал идею о том, что в названиях частей тела может присутствовать префикс **be-*, К. Мичелена не исключал того факта, что данный префикс мог выступать в роли окаменелого маркера собственности [Приводится по: Trask 2008: 58].

Французский лингвист М. Морван соотносит баскские парные слова с дубликатом типа *itzuli-mitzuli* ‘обходные пути’, в котором первая часть, в отличие от второй, имеет четкий перевод, с такими же парами в уральских языках, языках Восточной Европы. Он рассматривает их как аргумент в пользу гипотезы о генетической связи баскского и урало-алтайских языков [Приводится по: Astrain 2003: 170–177].

Р.Л. Траск приводит примеры с редупликацией *t-/k-* в баскской экспрессивной лексике [Trask 2008: 344]: *konkor* (L LN), *kunkur* (R), *tuntur* (HN) ‘согнутый, кривой’ и ряд примеров с *m-*редупликацией [Там же: 277]. Баскские парные слова с полной или частичной редупликацией имеют соответствия в башкирском и татарском языках: ср.: БТ *iq-miq* (*kil-*) ‘не найти что сказать’ ~ Б *aiko-maiko* (B) Т 277 ‘нерешительно’; БТ *beräm-beräm* ‘по одному’, *beräm-häräm/beräm-säräm* ‘в одиночку’ ~ Б *mara-mara* Т 277 ‘осторожно, плавно (о снегопаде), *banan-banan* Т 128 ‘по одному’; БТ *hiräk-miräk/siräk-miräk* ‘редко, нечасто’ ~ Б *ziri-miri* (B, LN) Т 186 ‘дождь, мелочь’; тат. *çiş-piş* (*kil-*) ‘шептаться’ ~ Б *tzutzu-putzu* (LN) Т 277 ‘сплетни, слухи’; БТ *xir-pir* ‘храпеть’ ~ Б *zurripurru* (B) Т 278 ‘храпеть’; БТ *alam-halam/alam-salam* ‘всякая мелочь’, БТ *hälämä/sälämä* ‘ветхий’ ~ Б *zelan-alango* (B) Т 370 ‘незначительные вещи’, ср. также тат. *iyü-ziyü* ‘сыр-бор’ ~ Б *egosi* (C) Т 165 ‘кипеть, печь, варить’, *txegosi* (G, HN) Т 165 ‘переваривать(ся) (о пище)’.

Как отмечает Н.Л. Шибасова, древность парных конструкций признается лингвистами [Шибасова 2011: 89]. И.В. Кормушин предполагает, что «тесное в

соответствующих условиях контекста сочетание причастий в инфинитной и финитной позициях (при употреблении исконного, псевдосубстантивированного причастия в роли главного сказуемого) могло принимать характер парных слов... Удвоенность естественно сдерживала расширение грамматической формы редупликантов, и они оставались на уровне корня или первообразной основы» [СИГТЯ 2006: 260].

Соответствия начальных согласных выявляются и в именах существительных с этимологической сонорной в позиции после первой гласной с учетом фонетических изменений:

1) БТ *han/san* < **sa:n* Э 202 ‘часть туши, тело, бедро, нога’, БТ *jan* < ПТ **jān* (хак. *nan*, алт. *dan*) Э 113 ‘бок, бедро, верхняя часть бедра’.

Ср. баск. *hanka* (L, LN, Z), *anka* (R) (возможно, из исп. *anca*) Т 94 < **hanka* S ‘бедро, нога, лапа’, *kankar* (L, LN), *zangar* (L, LN) Т 369 ‘нога, лапа’, ср. *oin* (С, кроме Z), *huñ* (LN Z), *oñ* (B), *uin* (S) Т 306 ‘нога’.

2) ДТ *qayal* ‘прут’, ДТ *qoу*, тур. *koуış* < ПТ **Kōk-ul* (~ -g-) ‘большой шест, столб’; БТ *bayana* < ПТ **bakna* (~ -g-) ‘столб, колонна, стропило’, БТ *tayan* < ПТ **tākan* ‘подвеска, козлы, тренога, котел’, *šīyan* [Миржанова 2006: 188] ‘столб’.

Ср. баск. *aga* (B, G, HN), *haga* (LN, L, Z) < **haga* S ‘длинный шест’, *gako* (L), *gakho* (L, LN, Z), *kako* (B, G, HN, R), *kháko* (Z) Т 195 ‘ключ, крюк, шест, вилы’.

Как было отмечено в разделах 3.1 и 3.2, для пратюркских и прабаскских консонантных систем характерны ограничения на встречаемость согласных в структуре слова. Для пратюркского анлаута восстанавливаются смычные (также спирант *s*), для ауслаута – сонорные фонемы. По исследованиям А.Г. Шайхулова, согласные /-l, -r, -j/ активно употребляются в ауслауте тюркских односложных корней типа CVC глагольного значения [Шайхулов 2009: 1179]. В татарском языке, согласно данным «Письменного корпуса татарского языка» [ПКТЯ, <http://corpus.tatfolk.ru/>], наиболее частотными в конечной позиции являются фонемы /n, r, l/. Как предполагал Р.Л. Траск, в прабаскском анлауте преобладали слабые смычные, сибиллянты, в других позициях – сонорные, сильные смычные, аффрикаты [Trask 2008: 18]. Ограничения на встречаемость начальных и конечных

фонем в структуре слова можно рассматривать как одну из важных структурно-типологических параллелей в тюркских и баскском языках.

Подобное распределение согласных, вероятно, свидетельствует о корнеобразующей роли сонорных в тюркских и баскском языках. Р.Л. Траск наблюдает спорадическую вставку /n/ или /l/ перед смычным или сибилантом: *ikatz* (B, HN, LN, R), *ikhatz* (L, LN), *inkatz* (B, Sout), *ínkhatz* (Z) > диал. *inkatz* 'древесный уголь', исп. *acero* > *galtzairu* (G, HN, L), *kaltzairu* (B), *altzairu*, *alzairu*, *alzeiru*, *altzeiru* (G), *atxairu* (R, S), *atxeiru* (R), *atxéirũ* (Z), *atxéidũ* (Z) 'сталь' [Trask 2008: 31].

Подобные явления присутствуют и в других языках. Например, В.Л. Котвич считает, что «тунгусские языки стремятся избавиться в конце слова от других согласных, кроме сонорных *n*, *r*, *l*» [Котвич 1962: 35]. Тенденцию разграничения «финалей и инициалей» наблюдает Г.К. Вернер в енисейских языках: «за известными исключениями, согласные *r*, *l*, *m*, *n*, *ng*, *j* встречаются только в исходе слогов; *b*, *d*, *g*, *p^h*, *t^h* – в начале слогов (звонкие – чаще внутри слов)» [Вернер 1997].

Возможно, что в тюркских языках некоторые группы слов (в основном глагольной семантики, с анлаутными /j-/ ~ /ž-/ , фрикативами /s-/ ~ /h-/ , /ç-/ ~ /s-/ , смычными /b-, g-, k-, q-, d-, t-/) являются реликтами словоформ, принадлежащих к одному семантическому полю, но различающихся по классам (лицо, число, вид и др.), и традиционно рассматриваются как самостоятельные корни. Вероятно, что в определенный период они являлись производными (маркированными) основами, позже утвердились в качестве корневых морфем и стали основой для развития семантических дериваций и обогащения лексического состава языка.

Аналогичным образом, сонорные (/n, l, r/) в позиции после первой гласной, по всей вероятности, имели корнеобразующую функцию. Существует гипотеза о переходе носового звука в плавный (закон NLR), объясняющая трансформацию сонантов, но, по мнению О. Сулейманова, «тюркскую консонантную структуру почти не затронул закон NLR» [Сулейманов 1998: 25, 45].

Возможен универсальный характер подобной структуры в ностратических языках. Например, по общеизвестной гипотезе Ф. де Соссюра, индоевропейский

односложный корень возводится к структуре VSC, где V – гласный, S – сонант, C – консонант [Сосюр 1977: 658].

Таким образом, возникает необходимость учета морфонологических процессов в анлауте и появляется возможность классификации и этимологизации тюркских корней не только по начальным согласным, как это принято в традиционной тюркологии, но и с учетом этимологических сонорных **/n, l, r/* в позиции после первой гласной.

Исходя из вышеизложенного, можно ставить вопрос о морфонологической (возможно, классоразличительной, маркировочной) роли начальных согласных и выдвинуть гипотезу о морфофонах, инкорпорированных в инициаль односложных корней, т. е. о *начальных морфофонах* (НМФ). НМФ – это фонема, несущая смысловозначительную и морфологическую функции, утвердившаяся в инициали односложного корня структуры C_1VC_2 , где C_2 – этимологический сонант (или ларингал). НМФ обусловлены структурно-типологическими особенностями тюркских и баскских односложных корней.

Таким образом, парные слова в тюркских и баскском языках, наличие ограничения на употребление фонем в анлауте и ауслауте, неустойчивость анлаутной */j-/* и начальных согласных в тюркском и баскском консонантизме, наличие протетических согласных в тюркских языках, спряжение баскских синтетических глаголов могут свидетельствовать об относительно позднем происхождении анлаутной фонемы */j-/* в исследуемых системах, нефонологичной или морфонологической (морфологической) роли анлаутной */j-/* на ранних этапах развития тюркских и баскского языков. В целом, тюркские анлаутные */j-/* в глаголах являются фонемами осложненной этимологии, установившимися в результате сложных фонетических и морфонологических процессов.

3.3.2.3. Башкирская, татарская фонемы */j/* в середине слова и баскские соответствия

В тюркологии фонема */j/* в середине слова традиционно рассматривается как часть цепочки соответствий */-j-/ ~ /-d-/ ~ /-t-/ ~ /-z-/ ~ /-δ-/ ~ /-r-/*. По данному

признаку классифицируются *r*- (чувацкий), *t*- (якутский), *d*- (древнетюркский, саянские), *δ*- (древнетюркский), *z*- (хакасский, шорский) и *j*- (остальные) языки. По мнению большинства тюркологов, первичность */-d-/* в данной цепочке не вызывает возражений, «фонема */d/* в середине слова относится к числу признаков языка древнетюркских письменных источников», а «фонема */j/* – наиболее частое явление в средневековых письменных памятниках» [СИГТЯ 1984: 287–289]. О.А. Мудрак реконструирует звонкий дентальный спирант */δ/* для пратюркского состояния [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>]. Существует предположение, что «первичным в наиболее раннем пратюркском был не *δ* и не *z*, а *t*, который затем изнашивался: $t > d > r > z > \delta > j > [0]$ » [СИГТЯ 2002: 273]. По исследованиям А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, ПТ **/-j-/* возводится к ПТ **/-ǰ-/*, а далее – ПА **/-d-, -z-/*, а также предполагается сохранение ПА **/j/* в середине пратюркских слов [СИГТЯ 2006: 33, 11]. Таким образом, в БТ */-j-/* могли совпасть несколько пратюркских фонем.

Генетическую связь фонемы */j/* с фонемами */b, g, γ, k, q/* отмечает Т.М. Гарипов [Гарипов 1979: 158].

Интервокальные БТ */-j-/* могут выпадать вместе с последующей гласной: БТ *kir/kijer* ‘напяливать’ < ПТ **ged-* ‘надевать’, тат. диал. *küšä-* [ТТЗДС: 362], БТ *köjšä-/köjšä-* < ПТ **gēb-* ‘жевать’.

Срединная */-j-/* не восстанавливается для баскского инлаута и ауслаута, но фиксируется в современных диалектах.

Достаточно большое количество башкирских и татарских интервокальных */-j-/* возводится к ПТ **/-j-/*: БТ *aja* < ПТ **āja* ‘ладонь’; БТ *baja* < ПТ **bAja* ‘давеча’; БТ *bejä/bijä* < **bije, *bej* Э 133, ПТ **bEje* ‘кобыла’; БТ *qaja/qija* < ПТ **K(i)aja* ‘скала’; БТ *qajna-* < ПТ **Kajin-* ‘кипеть’.

В работе Л.К. Ишкильдиной установлено, что в башкирском, а также в татарском языках «после гласной «*ö*» во всех случаях ПТ **/-b-/* > */-j-/*: ПТ **debe* ‘верблюд’ – башк. *döjä*, ПТ **säbin-/säbün-* ‘радоваться’ – башк. *höjön-*» [Ишкильдина 2013б: 44], ср. также: башк. *köjöd* < ПТ **Köbür/*Kebir* ‘ковер’; БТ *köjäδ/köjäz* < ПТ **güb-* ‘гордый’; БТ *köjšä-* < ПТ **gēb-* ‘жевать’.

Выявляется ряд сходств в развитии БТ /-j-/ и баскской /-j-/ (Vi). Рассмотрим некоторые из них.

1) Прослеживается закономерность **БТ /-j-/ < ПТ */-d-/:** БТ *bijü* < ПТ **büdi* ‘танец’; БТ *öjlä* ‘обеденное время’, ДТ *öd, öd* ‘время; небольшой отрезок времени, час’ < ПТ **öd* [Дыбо. Вокализм раннетюркских заимствований..., http://iling-ran.ru/dybo/1909_vocalism.pdf] ‘время’; БТ *sajan/çajan* < ПТ *č’adVbV* ‘скорпион’; БТ *qajyi* < ПТ **Kadgu* ‘горе, печаль, забота’; БТ *qajış* < ПТ **K(i)adi-* ‘ремень’.

Обобщив данные по баскским диалектам, А. Эгурцегги пишет, что баскская /-d-/ в интервокальной позиции и после других согласных (кроме /l/) реализуется как щелевая [ð] или как звонкий дорсопалатальный смычный [j], в некоторых диалектах дает одноударный [r], оглушается после сибилантов и в композитах [Egurtzegi 2013: 147]. В гипускоанском и верхненаваррском диалектах срединная /-d-/ отражается как палатальная <-y->/-j-/ (контекстуально подвергаясь спирализации) [j]: *fidatu* > *fiyatu* [fijatu] ‘быть уверенным’, *gidatu* > *giyatu* [gijatu] ‘руководствоваться’. Ср. также: *eder* (C), *éder* (Z), уменьш. *edder, ejer, eijer, éjer* < **eder* Т 161 ‘красивый’; арх. *bidaiia* (L), *biaia* (L), *piaia* (L) Т 140 ‘поездка, путешествие’; *aiutu* (B), *aiotu* (B), *adiutu* (арх. B) Т 76 ‘соответствующий’ < *adin* Т 76 ‘возраст, современный’. Подобное изменение с утратой предыдущего сонанта ученый отмечает и для позиции после палатальной назальной или латеральной фонемы: *iñddar* [ijar] ‘сила’; *billddur* [bijur] ‘страх’ [Там же: 157].

2) А.В. Дыбо, О.А. Мудрак считают, что ПТ */-d-/ реализуется в чувашской /-r-/: **БТ /-j-/ ~ чув. /-r-/ < ПТ */-d-/[СИГТЯ 2006: 33]:** БТ *ajiq*, чув. *orъ* < ПТ **adi-q/y* ‘трезвый’; БТ *ajaq*, чув. *ora* < ПТ **adak* ‘нога’.

По исследованиям Р.Л. Траска, в баскском языке наблюдаются спорадические изменения интервокальных /-d-/ ~ /-r-/ в диалектах: *ereki, ireki* ~ *edeki* ‘открывать’, *edan* ~ *eran* ‘пить’ [Trask 2008: 28; Michelena 1990: 227], *bide* (C), *bire* (G) < **bide* Т 140 ‘путь’.

3) О.А. Мудрак в данном контексте восстанавливает звонкий дентальный спирант */-ð-/: БТ *ajiq*, чув. *orъ* < **adi-q/y* М 18, ПТ **ād-* ‘трезвый’; БТ *kejäü/kijäü*, чув. *kärü*, ДТ *küdgü*, ДТ *küdagü* < **küdeyü* М 18, ПТ **güde-* ‘зять, жених’;

БТ *qojoroq/qojriq*, чув. *xure*, ДТ *quдруq* < *q'ũδruq М 19, ПТ **Kudruk* ‘хвост, зад, (ног.) ручка’.

В баскских диалектах наблюдаются случаи соответствия интервокальных /-j-/ ~ /-f-/: *gedexa* (HN), *gedexa* (HN) Т 343 ‘коса, шнурок’; в заимствованиях – *eliza* (C), *eliza* (Z), *eleiza* (B, арх. G), *elexa* (B, Sout), *eleja* (B), *el(e)iz* (B) < лат. *ecclēsiam* ‘церковь’; *taxu, taju* (G) Т 144 ‘аспект, способность’.

4) Н.З. Гаджиева пишет, что в тюркских корнях с гласными переднего ряда интервокальная /-j-/ (~ тюрк. /-w-/ ~ /-v-/ > -[0]-) является рефлексом ПТ */-g-/: *ägir* ‘прясть’ > *ejir*- ~ *är*-; *tügün* ‘узел’ > *tüjün* ~ *düvün* ~ *tü:n*; *öger* ‘стадо, табун’ > *ujur* ~ *ör* [СИГТЯ 1984: 205–206], ср. БТ *tejen/tijen* < ПТ **dEgiŋ* ‘белка’; БТ *öjrän*- < **öwren*- (< **ögren*-) Э 496 ‘учиться, обучаться’; БТ *hijir/sijir* < **sijir* Э 411, ПТ **sig* ‘крупный рогатый скот, корова’; БТ *jijin/žijin* ‘собрание’, БТ *jij-/žij-* < ПТ **jig* ‘собирать’. Между тем, по более поздним исследованиям, в ряде корней тюрк. /-g-/ является рефлексом ПТ */-ǰ-/ < */-δ-/ [СИГТЯ 2006: 21].

Баскские среднеязычные смычные более устойчивы в интервокальной позиции. При этом, по мнению А. Эгурцегги, возможна палатализация срединной /-g-/ с реализацией в баскских диалектах как <у>: звонкий палатальный смычный [j], звонкий палатальный фрикатив [j] или аффриката [dʒ] (в бискайском) [Egurtzegi 2013: 157], ср. *igan* (B, HN, LN, R), *igañ* (Z), *ikhan* (LN), *ien* (HN), *igon* (B), *igo* (B, G, Sout), *iyo* (B, G), *io* (B) < **e-gan-i* ‘идти вверх, подниматься’; утрата срединной /-g-/: *igel* (G, HN, L, LN, Z, R), *igal* (LN), *ugel* (B), *iel* (арх. L), *ingel* (арх. G), *negel* (HN), *negal* (HN), *legen* (HN) < **igel* Т 219 ‘лягушка’.

5) В башкирском, татарском языках представлено развитие БТ /-j-/ < ПТ */-ŋ-/ в словах с гласными переднего ряда и огубленными гласными: БТ *höjäk/söjäk*, узб. диал. *söñäk*, ср. хак., шор., ойр., тув. *sōk* < ПТ **siŋök* ‘кость, род, стебель, косточка плода’; БТ *ejäk/ijäk* < ПТ **eŋ* ‘подбородок’; БТ *meje/mi* < **běŋŋi* М 39, ПТ *bejŋi* ‘мозг’; башк. (оло) *bäjel* ‘горлан’, ср. башк. *miŋel* ‘твердое небо’, БТ *mī(ŋ)ŷirda-*, *mögrä-/möŋrä-* < **maŋra-*, **möŋire-* Э 42 ‘мычать, блеять, рыдать, голосить, говорить’.

Пратюркская срединная и конечная палатальная */*ñ*/, восстанавливаемая тюркологами по древнетюркским источникам, также подвергается йотизации [СИГТЯ 2006: 21] в башкирском, татарском языках, ПТ */-*ñ*-/ > БТ /-*j*-/ (> -[0]-): БТ *köjä* < ПТ **güñe*/**guña* ‘моль’; БТ *köj-* < **k’öñ-* М 25, ПТ **köñ-* ‘гореть’; БТ *meje/mi* < **bëñji* М 39, ПТ **bejji* ‘мозг’; БТ *maj* ‘масло, жир’ < ПТ **bañ* ‘жир’; тат. диал. *mija* [ТТЗДС: 489] < ПТ **biñan* ‘солодка, лебеда’.

Баскская срединная */-*ñ*-/ отражается в диалектных /-*h*-/ ~ [i] ~ /-*i*-/ в словах с гласными переднего ряда: *ihi* (L, LN), *ihĩ* (Z), *ii* (B, G), *i* (B, Sout., HN), *zii* (B), *zi* (B) < **ini* Т 220 ‘тростник, камыш’; арх. *ehiza*, *ihize*, *ihizi* (L, LN), *ihĩze* (Z), *iĩze* (R), *ĩze* (R), *eizi* (HN), *izi* (HN), *eize* (G, HN, S), *eiza* (B, G, HN), *eiz* (арх. B) < **e-niz-V*/**i-niz-V* Т 167 ‘охота, игра’.

Итак, в середине слова БТ фонемы /-*j*-/ рассматриваются как часть цепочки межтюркских соответствий /-*j*-/ ~ /-*d*-/ ~ /-*t*-/ ~ /-*z*-/ ~ /-*δ*-/ ~ /-*r*-/ и возводятся к ПТ фонемам */-*j*-/, -*δ*-/, -*d*-/. БТ /-*j*-/ также являются рефлексам ПТ */-*ñ*-/, -*η*-/, -*b*-/, -*g*-/ (возможно, ПТ */-*g*-/ < */-*ý*-/ < */-*δ*-/).

В гипускоанском и верхненаваррском диалектах общebasкская срединная /-*j*-/ отражается как [j]. Наблюдаются междиалектные соответствия баскских интервокальных /-*d*-/ ~ /-*r*-/, /-*j*-/ ~ /-*f*-/, палатализация баскской срединной /-*g*-/ с реализацией в диалектах как [J], [j], [dʒ]. Баскская срединная */-*ñ*-/ отражается в диалектных /-*h*-/ ~ [i] ~ /-*i*-/ в словах с гласными переднего ряда. Таким образом, соответствия срединной /-*j*-/ и сонорных, смычных, фрикативных фонем прослеживаются как в тюркском, так и в баскском консонантизме.

3.3.2.4. Башкирская, татарская фонемы /j/ в конце слова и баскские соответствия

При рассмотрении фонемы /-*j*-/ в конечной позиции нужно учитывать дифтонгоидный характер сочетаний /-*j*-/ с гласными. Исследуемая фонема обнаруживает устойчивость в башкирском и татарском вокализме, в БТ /-*j*-/ совпали ПТ */-*j*-/, -*d*(-*δ*)/, ДТ /-*n*-/.

В ряде лексем БТ /-j/ < ПТ */-j-/: ДТ *alaj* < **alaj* Э 133 ‘толпа’; БТ *ulaj/alaj* < **alaj III* Э 133 ‘так, таким образом’; БТ *tuj* < ПТ **toj* ‘пиршество, свадьба’.

Другие примеры демонстрируют развитие БТ /-j/ < ПТ */-δ, -d/: БТ *buj*, уйг. *bör*, ДТ *bod, bod* < **bōδ* М 70, ПТ **bod* ‘рост, длина, полоса, мера, тело, сам, лицо, один, народ’; БТ *tuj-*, чув. *tʷran-* < **tʷōdä-* М 19, ПТ **dod-* ‘насыщаться’; БТ *quj-*, чув. *xor-*, ДТ *qod-* < **qōdä-* М 18, ПТ **Kod* ‘ставить, класть, бросать’.

В баскском ауслауте в конечной позиции могут выступать дифтонги /-oi, -ai, -ei/: *jai* (В, G, HN, L), *jei* (Z), *xei* (R, S) Т 239 ‘праздник, фестиваль’. Баск. /-Vi-/ < /-Vhi/: *loi* (В, G, HN, R), *lohi* (LN, L, Z) < **lohi I S* ‘грязь, грязный’; *loi, lohi* (L, Z) < **lohi II S* ‘тело’; *nahi* (L, LN, Z), *nai* (В, G, HN, L, R) < **nahi* Т 295 ‘желание’; *mahain* (L, LN, Z), *mahai* (LN), *mahi* (LN), *mai* (В, Sout., G, HN, S, R) < **manai* < **banai* ‘стол’.

М. Кашгарский отмечает соответствия типа *qon* ~ *qoj* ‘овца’, в караимском языке фиксируется изменение /-n/ > /-j/: *bardiñ* > *bardīn* > *bardij* ‘ты пошел’ [СИГТЯ 1984: 337].

Баскские глаголы *etan* ‘дать’, *igan* ‘подниматься’ в письменных памятниках приведены в форме *etai, ikai* [Trask 2008: 46].

Соответствия конечных /-n/ и /-j(-i)/ в древнем состоянии рассматриваемых языков могут свидетельствовать о диалектном разнообразии или морфонологических предпосылках данных изменений.

Анализ источников выявляет, что **конечные БТ /-Vj/** функционируют в следующих **аффиксах**: 1) общекыпчакская форма *-(a)j* < **-γaj/-gej* (желательное наклонение), «возникшая в результате выпадения древнего начального согласного формы *-γaj/-gej*» [СИГТЯ 2002: 328]; 2) БТ *-γaj, -gāj (-qaj, -kāj)* < **γaq* (в прилагательных): БТ *koqtaγaj* ‘жадный’ (ДТ *qomī-* ‘желать’) [ТГ 1995: 368]; 3) *-aj* (в прилагательных) [Там же: 375]: БТ *uγ* ‘правый, положительный’, БТ *uγaj*, ср. тат. диал. *īγaj* [ТТЗДС: 798] ‘удобный’; 4) в аффиксах подобия: БТ *-taj, -täj, -daj, -däj*, башк. *-daj, -däj, -laj, -läj*, тат. *-dij* (< **day/*däg* [Азнабаев 1976: 53]): БТ *qıştaj* ‘как зима’; БТ *qandaj* ‘как кровь’; 5) *-taj, täj, -daj, -däj* (в топонимах) [Камалов 1997: 35].

В баскском языке имеются аффиксы с **конечными дифтонгами** /-Vi/: 1) *-koi*, *-khoi*, *-khói* (Z), *-oi*, *-óí* (Z) Т 305 (желающий, склонный (в прилагательных)): *etxe* ‘дом’, *etxekoi* ‘домашний’; 2) *-gai*, *-gei* < **-gai* Т 194 ‘материал для чего-л., человек, предмет, который подходит или предназначен для чего-л.’: арх. *andre* (G, HN, L, LN, Z) Т 93 ‘хозяйка’, *andregai* (G, HN, L, LN), *andregei* (L), *anderegai*, *anderegei* Т 94 ‘наследница’; *erre* ‘жечь’, *erregai* ‘горючее’; 3) в топонимических суффиксах со значением совокупности *-doi*, *-dui*, *-dei* (B) Т 155.

В целом, дифтонгоидные сочетания /-Vj/ обнаруживает устойчивость в конце башкирских, татарских корневых и аффиксальных морфем. В баскском ауслaute (особенно в аффиксах) могут выступать дифтонги /-oi/, *-ai*, *-ei*/. Прослеживаются соответствия конечных /-j/ ~ /-n/ в древнетюркском языке и развитие /-i/ (арх.) > /-n/ в баскском языке.

3.3.3. Фонема /n/ и вопросительные местоимения в башкирском, татарском и баскском языках

Переднеязычный смычный альвеолярно-небный носовой сонант /n/ в начале тюркских и башкирских, татарских слов встречается редко. К.М. Мусаев пишет, что в древнетюркских рунических памятниках различались твердая и мягкая /n/, твердый вариант употреблялся с заднерядными гласными только в середине и конце слова, а мягкий вариант встречался во всех позициях [СИГТЯ 1984: 322–323]. Начальная фонема /n-/ (вместо /j-/ в других тюркских языках) наблюдается в хакасском языке [СИГТЯ 2002: 489]. А.В. Дыбо и О.А. Мудрак предполагают, что ПА фонемы **/n-*, *ń-* реализовались в ПТ **/j-/* [СИГТЯ 2006: 11].

Все баскские диалекты имеют носовые /n/ и /ń/. Согласно работе К. Мичелены, палатальный сонант /ń/ (рассматривается в следующем подразделе) реализуется перед палатальными согласными [Michelena 1990: 299]. Р.Л. Траск для прабаскского консонантизма восстанавливает сильную (с придыханием) /N/[nh] и слабую /n/ [Trask 2008: 14]. Апико-альвеолярный назальный сонант **/n/* реконструируется для анлаута ограниченного количества слов, его сильная пара **/N/[nh]* не восстанавливается для анлаута. В списке прабаскских реконструкций,

предложенном Р.Л. Траском, количество исконных лексем с анлаутной /n-/ не более шести единиц; при этом анлаутная /n-/ в баскских заимствованиях иногда отражается как /l-/: исп. *naranja* ‘оранжевый’ > баск. *laranja* [Trask 2008: 53]. В списке С.А. Старостина представлены 9 реконструкций [STARLING, <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>].

Начальная фонема /n-/ характерна для башкирских, татарских вопросительных частиц и их производных форм: БТ, хак. *ni*, диал. *nej*, тур., узб. *ne*, *neme*, турк. *nā*, хак. *nō*, ДТ *ne* < ПТ **nē*- < ПА **ŋ[iV]* ‘что, какой’; БТ *nimä/närsä*, тат. диал. *nämä(käj)*, *nästä(käj)*, *nämästäkäj* [ТТЗДС: 496] ‘что, нечто, какая-либо вещь’; БТ *nindäj/nindi* ‘какой’; БТ *niñä/nigä*, тат. *nik* ‘почему’; БТ *nisek/niçek* ‘как’; БТ *nisä/niçä* ‘сколько’, БТ *nisämä/niçämä* ‘сколько, столько’, см. в других тюркских языках [Räsänen 1957: 41–43]. Согласно этимологическому материалу, в саянской подгруппе тюркских языков вопросительное местоимение имеет вид: тув. *čū* (**čegu*), *čuve* (**čegu-me*), тоф. *čū*, *čume* ‘что, какой’ [ЭСТЯ: 105].

В баскском языке функционирует вопросительная частица *no-*, *ni* (Z) < **no-* Т 297. Ср.: *nor* (C, кроме Z), *nur* (Z) < **nor* Т 300 ‘кто’, *nortzu* ‘кто’ (мн. ч.), *norbait* (C), *norbeit* (L), *nurbait* (Z) Т 300 ‘кто-то, кто’; *nongo* Т 252 (-*ko* – атрибутивизатор) ‘откуда’; *noiz* (C, кроме B, Z), *nox* (B, Sout), *nuiž* (Z), *noz* (B), *nos* (B) Т 297 ‘когда’; *noizbait*, *noizbeit* (L), *noizpait* (LN), *nosbait* (B) Т 298 ‘некоторое время’; *nola* (G, HN, L, LN, R), *núla* (Z), *nulaz* (Z) Т 298 ‘как?’ (-*la II*, -*lan* Т 258 (в указательных и вопросительных местоимениях)).

Другая группа местоимений образуется из **ze-* Т 370: *zelan* (B) ‘что?’; *zer* (C), *ze* (B, G, HN, Z) ‘кто’; *zer-ta-n* ‘в чем? (локатив)’; *zenbait*, *zenbeit*, *zonbait*, *zonbeit* (LN), *zumáit* (Z), *zomait* (R, S) ‘некоторые, несколько’; *zein* (C, кроме Z), *zeiñ* (Z), *zeñ* (B), *zoin* (LN, R), *zuin* (Z), *zuiñ* (Z), *zuñ* (Z) ‘который?’; *zeinbana*, *zenbana* ‘сколько?’; *zerengatik*, *zergaitik*, *zergatik* (G, HN, L, LN), *zaittik* (B) ‘почему, по какой причине?’.

В башкирском и татарском языках неопределенные местоимения образуются с помощью модальной частицы -*dir*, -*der* (башк. -*lVr*, -*δVr*): БТ *nimä-ler/närsä-der* ‘что-то, кое-что’; БТ *nindäj-der/nindi-der* ‘какой-то’; путем сочетания

неопределенной частицы *ällä* с вопросительными местоимениями [ГСБЛЯ 1981: 159]: БТ *ällä ni* ‘что-то’, БТ *ällä nindäj/ällä nindi* ‘какой-то’.

Для баскских неопределенных местоимений восстанавливается префикс **e-*: *iñor* (B, G, HN), *ior* (арх. HN, S), *ẽür* (R), *eur* (R), *ĩhur* (Z), *nehor* (L, LN), *ehor* (арх. LN), *nihor* (L), *nior* (HN), *ñor* (R), *ñeur* (R), *yor* (A) < **enor* Т 300 ‘любой, никто’ (ср. *ezer* (C) < **e-ze-r* Т 370 ‘что-нибудь’).

В исследуемых системах выделяются падежные формы: тат. *ni-dä* ‘в чем (местно-вр. п.)’; тат. *ni-dän* ‘от чего (исх. п.)’, ср. баск. *no-n* (B, G, HN, L, R), *nu-n* (B, G, LN, Z) Т 299 ‘где?’ (-n (локатив)); *non-dik*, *nun-dik*, *non-tik* (арх. LN, арх. Z), *no-rik* (B) Т 299 ‘откуда’ (-tik (аблатив)).

Таким образом, анлаутная фонема /n-/ активно употребляется в башкирских, татарских и баскских вопросительных местоимениях.

В современных башкирском и татарском языках имеется ограниченное количество лексем с начальной /n-/, относящихся к заимствованиям: БТ *näq* < **naq* Э 103 (ср. монг. *jaγ*) ‘как раз; самый’. Татарское слово *näni*, ср. башк. *tänäj*, ‘младенец, дитя’, возможно, восходит к ПА **nëŋi*, ср. эвенское *neŋhe* < **neŋi* ‘(младшие) сестра, брат’. Но, как правило, праалтайские начальные сонанты реализуются в БТ /j-/: ср. *ila-/jila-* < ПТ **jig-(la-)*, праяп. **näk-* < ПА **līgà(~*l’)* ‘плакать’; ДТ *juvγa* (МК) < ПТ **jub-ga* < ПА *nébi* ‘внебрачный, приемный сын’. Анлаутная фонема /n-/ обнаруживается в лексике сибирской группы: хак. *neŋ*, тув. *çeŋ*, долг. *hamīr* < ПТ **jEŋ* ‘шуга, наледь’; БТ *jamγir/jaŋγir* ‘дождь’, хак. *paŋmur* < **žäγmur* М 57, ПТ **jag-* ‘дождь’.

Следующие примеры указывают на спорадический сдвиг позиции фонемы /n/ в отдельных тюркских языках: в кыпчакских – БТ *neskä/neçkä*, тур. *inže*, чув. *sinže*, долг. *hinñiges*, ДТ *jinčge*, *jinčke* (МК) < ПТ **jiŋč-ge* ‘тонкий’, ср. праяпонское **mĩnsikà* < ПА **ñiŋci* ‘тонкий, худой, маленький’; БТ *jäns-/jänç-*, ср. шор. *naš-* < ПТ **janč-/jenč-* ‘ломать’.

Для прабаскского языка реконструируются следующие лексемы с начальной /n-/: *neba* (B) Т 295 ‘брат женщины’; *negar* (C), *nigar* (Z) < **negar* Т 295 ‘слеза’, ср. *negal* (HN, LN, L) ‘кожная сыпь (парша, герпес)’; *negar egin* Т 295 ‘плакать’; *negu*

(С, кроме Z), *negũ* (Z) < **negu* Т 296 ‘зима’ (ср. лат. *ningor* ‘снегопад’. – Д. С.); *neska* (С), уменьш. *nexka* < **neska* Т 296 ‘девочка’; *ni* (С) < **ni* Т 297 ‘я, мой’.

С.А. Старостин считает исконными еще три лексемы: *nai* (В, G, HN, R), *nahi* (LN, L, Z) < **nahi* S ‘воля, желание’; *nakaitz* (HN, LN) < **naka-* S ‘грязный, дурной’; *neke* (В, G, HN, R), *nekhe* (LN, L, Z) < **neke* S ‘усталость, трудность, боль’; *nini* (HN, L) ‘ребенок’, *begi-nini* (В, G, L, Z, R) ‘зрачок’ < **nini* S (ср. *ñaiño* Т 301 (из романских языков) ‘карлик’. – Д. С.).

Спорадическое изменение */*n-*/ > /*m-*/ отражает башк. диал. *muqta* [Миржанова 2006: 97], БТ *muqta* < **noyta* (монг. *nogt*) ‘недоуздок, привязь’, а также баск. *mirabe* (арх. VG), *nerabe* (HN, LN, S) Т 297 ‘ребенок, раб’. Наблюдаются спорадические соответствия баск. /*n-*/ ~ /*l-*/: *nazkatu*, *lazkatu* (HN) Т 295 ‘испытывать отвращение’.

/n/ в середине слова

По мнению М. Рясянена, тюркский *n* сохранился в середине слова, широко употреблялся в древнетюркских памятниках и весьма часто встречается в современных тюркских языках [Рясянен 1955: 176].

БТ интервокальная /*n-*/ возводится к ПТ */*n-*/: БТ *ana/änä*, ДТ *na*, *ne* ‘вот’ < **ana* Э 147 ‘вот, вон там, тот, здесь’; БТ *onot-/onit-* < **unut-* Э 597, ПТ **umni-t-* (~ -*mi-*) ‘забывать’; БТ *intek-* < ПТ **ēn-* ‘страдать’; тат. *ene* < ПТ **ini* ‘младший брат’, БТ *bäbänäk* < **bäbenek* Э 95 ‘зародыш растения, глазное яблоко’.

Баскская интервокальная /*n-*/ относительно устойчива: *huna* (LN, L, Z), *unat* (HN), *ona* (В, G) Т 116 < **hona* S ‘здесь, сюда, теперь’; *anu* (HN), *auga* (LN) < **auNo* Т 95 ‘слабость’; *anaia* (В, Sout., L), *anaie* (В, LN), *anáie* (Z), *anaje* (В), *anaxe* (LN, R), *anae* (В), *anai* (В, G, L, LN, Z) < **aNae* Т 93 ‘брат мужчины’.

Фонема /*n-*/ относительно устойчива в положении перед переднеязычными смычными и аффрикатами в башкирских, татарских лексемах.

Тюркские примеры: башк. *hontor* ‘долговязый’, ср. тат. *çandir* ‘сухощавый’; БТ *handuyas/sanduyaç* < **sanduyaç* Э 203 ‘соловей, маленькая птица’, БТ *jansiq/janiçiq*, хак. *nandix* < **ja:nziq* Э 118, ПТ **jAmčik* < **jānčik* ‘мешок, вышитый карман’, тур. диал. *sanç* < **sanaç* Э 202 ‘кожаный мешок’; тат. *muncaq*

[ТТЗДС: 487], гаг. *bonžuq*, ДТ *mončuq* < ПТ **bōnčok* ‘бусы, маленькие шарики в качестве украшений’; башк. гидронимы *Qondoroš*, *Qontorošlo* [Камалов 2007: 226], тат. *Qandra*, *Qondırça*, *Qandir*; БТ *qunis/quniç* < ПТ **Konč* ‘нога, голень, голенище’.

Примеры для баскского языка подтверждают аналогичную закономерность: *handi* (L, LN), *hándi* (Z), *andi* (B, G, HN), *ándi* (R), *haundi* (L, LN), *aundi* (B) < *[h]andi Т 94, **haundi* S ‘высокий, большой’, *handi-mandi* (L) Т 94 ‘большая шишка’; *txonta* (B) < **čonta* S ‘зяблик’; *ontzi*, *untzi* (Z) < **ontzi* Т 311 ‘футовый контейнер, судно, ведро’; диал. *dündũ* (Z) ‘облачный, мрачный, темный (о небе)’, *dundu* (R) диал. Т 158 ‘синий’.

При этом фонема /n/ может подвергаться различным изменениям в середине слова. По исследованиям Т.М. Гарипова, в башкирском и татарском языках прослеживаются следующие изменения фонемы /n/: *l*, *t*, *d*, *δ*, *m*, *w*, *r*, *j*, *ń*, [0] [Гарипов 1979: 184].

Изменения фонемы /-n-/.

Ослабление в интервокальной позиции

Оказавшись в интервокальной позиции, /-n-/ в отдельных тюркских языках нередко выпадает, способствуя появлению долготы у предшествующего гласного: тоф. *mi:n* (< **meniŋ*) ‘мой’, *tu:* ‘наглухо (закупорив)’ < *tuju* < *tunu-* ‘закупориться наглухо’ [СИГТЯ 1984: 334].

Соответствие /-n-/ ~ /-j-/, распространенное в современных языках, было отмечено еще М. Кашгарским (тюрк. *qaju* ~ аргу *qani* ‘который’) [СИГТЯ 1984: 332]. Ср.: /-n-/ > /-j-/: тув., як. *iŋe*, тат. *ana* < ПТ **ana*/**eñe* ‘мать, мама’, /-n-/ > /-i-/: як. *kinat*, *kiiat*, БТ *qanat* < ПТ **Kājnat* ‘крыло; плавник’. По мнению К.М. Мусаева, в юго-западных тюркских языках наблюдается переход /n/ > /ŋ/ на стыке морфем и слов, который «продвигается еще дальше, что приводит к исчезновению /ŋ/», а далее – «к назализации предыдущего гласного» [СИГТЯ 1984: 331].

По закономерности, открытой К. Мичеленой, в период раннего средневековья (начало XI века) баскская интервокальная /-n-/ была утеряна, но оставила аспирацию (в некоторых диалектах – и назализацию у соседних гласных) [Michelena 1990: 299–302], /-h-/ < [-0]- < */-n-/: *ahal* (L, LN, Z), *aal* (B), *al* (B, G, HN,

R, S) < *anal Т 70 ‘власть, способность’; *ahari* (L, LN), *āhā(r)i* (Z), *aari* (B, HN), *ari* (B, G, S), *ári* (R), *adari* (B) < *anari Т 71 ‘баран (овца)’; *ahuntz*, *auntz*, *ahúntz* (Z), *aintz* (R) < *anu- Т 117 ‘коза’; *ahantzi* (L, LN), *ahanzi* (арх. LN), *aantzi* (HN), *antzi* (HN), *ahatzi* (LN, Z), *ahatze* (LN), *āhātze* (Z), *ahanze* (арх. LN), *ātze* (R), *antzitu* (B), *anztu* (арх. B), *aaztu* (B, G, HN), *aztu* (B, G, HN, Sout) < *anatzі Т 71 ‘забывать’; *mehe* (L, LN), *mēhē* (Z), *mee* (B, HN), *me* (B, G, HN, S, R), *be* (Sout) < *bene Т 286 ‘худой, узкий, редкий, слабый’ (ср. *behe* (LN), *bee* (B), *be* (B, G) Т 131 ‘низ’). Наблюдается соответствие /-h-/ ~ /-g-/ ~ **[-0]-** (< */-n-/): *zuhur* (L, LN), *zūhūr* (Z), *zūr* (R), *zugur* (HN), *zuur*, *zur* < *zunur Т 382 ‘осторожный, расчетливый, бережливый’; *ohol* (L, LN, Z), *ohola* (арх. L), *ogol* (HN), *ol* (G, HN, S), *ōl* (R) < *onol(a) Т 312 ‘доска’.

Как отмечает Р.Л. Траск, подобная закономерность распространяется и на заимствования: лат. *granum* ‘зерно’ > баск. *garanu* > *garāũ* > *garaun* > *garau* [Trask 2008: 25], /-m-/ ~ /-ń-/ ~ /-i-/ ~ /-b-/ ~ **[-0]-** < /-n-/: *kuma* (B, G, HN), *khúa* (Z), *kuia* (G), *guia* (Sout), *kuba* (HN), *kui* (G), *ua* (S), *guia* (Sout) < лат. *cūnam* ‘колыбель’.

Утрата перед переднеязычным фрикативом или аффрикатой

По мнению М. Рясненна, одной из характерных особенностей тюркской фонемы /n/ является выпадение перед конечной /-č/ [Ряснен 1955: 177], ср. БТ *qunīs/quniç*, тур. *konç*, аз. *Gunž*, уйг. *qonža*, каз. *qoniš*, кум. *xonç*, шор. *qoš* < ПТ **Konç* ‘голенище’. Подобное явление наблюдается и в середине слова, ср: БТ *huθar/susar* < **sansar* Э 203 ‘куница, хорек, барсук’; БТ *jāns-/jānç-*, ср. шор. *naš-*, як. *sis-/siñ-* < ПТ **janč-/jenč-* ‘ломать’.

Н.Н. Широбокова приходит к выводу, что сочетание */-nč-/ сохраняется в «алтайском, татарском, киргизском, узбекском, тувинском» языках, но «в азербайджанском, гагаузском, турецком, хакасском č озвончается» [Широбокова 2001: 122].

Для баскского языка характерны сочетания фонем /ntʃ, ntʃ/: *untxi* (G, HN), *untxe* (R), *entxe* (HN) < **untzi/*untsi* Т 357 ‘кролик’; *ain* (B, G, HN, R), *hain* (LN, L, Z), *anitz* (G, HN, L, R), *hanitz* (LN, Z), *honi* (LN) < **hain/*honi* S ‘таким образом, столько; много; полный’; *urtxintx* (HN, L, LN), *ūr xántx* (Z), *burintx(a)* (HN), *burtxintx* (S) Т 361 < **čainč* S ‘белка’; *zuntz* (HN, L, LN) Т 380 ‘нить, волокно’.

Х.К. Уленбек указывает, что в диалектах фонема /-n-/ подвержена утрате перед сибилантами и аффрикатами, **ПБ** */-nts-/ > **Б** /-tʂ-/: *ahatzi*, *ahan(t)zi*, *ahantzi* ‘забывать’; *ihitz*, *ihintz*, *intz* ‘роса’ [Uhlenbeck 1910: 72]; *aizto* (R), *ainzto* (R, HN) < **anezto* Т 82 ‘нож’; *haitzur* (L, LN, Z), *aitzur* (G, HN, L, LN, S, Z), *háitzūr* (Z), *atxur* (B), *haintzur* (L, LN) Т 82 < **hai(n) S* ‘мотыга, лопата’.

Переход /-n-/ > /-m-/

К.М. Мусаев отмечает, что в языках кыпчакского типа /n/ произносится как [m] перед /b, p, m/ на стыке слов и морфем под воздействием регрессивной контактной ассимиляции; данное изменение распространено также в таджикском, персидском, арабском и других языках [СИГТЯ 1984: 331–332], ср. БТ *unber* [umber] ‘одиннадцать’. Нами не исключается и обратное явление (или неточность в реконструкции): БТ *tombojoq/tönbojik*, ойр. *tumyajaq*, ДТ *tumyujun* < ПТ **tum-gu* ‘кувшинка’; тат. диал. *jamuz* [ТТЗДС: 230], аз. *janbiz*, ДТ *jamiz* (МК) < ПТ **jam* ‘пах’.

В баскской речи интервокальное сочетание /nb/ произносится как [mb]: *enbor* [embor] ‘бревно’. Баскологи восстанавливают сочетание */-nb-/ для /-m-/ (< /mm/ < */nb/[mb]) [Egurtzegi 2013: 145]) в композитах (*hamar* (L, LN, Z), *amar* < */[h]anbar Т 90 ‘десять’) или основах с предполагаемым аффиксом **ba* (родственные отношения): *ume* (C), *hume* (LN), *hūme* (Z), *ime* (B) < **unbe* Т 355 ‘ребенок, детеныш’; *seme* (C) < **senbe* Т 26 ‘сын’.

Неразличение /-n-, -m-/, по мнению тюркологов, наблюдается в чувашском языке (*janaš ~ jomaš* ‘ошибка’, *sāme ~* диал. *šänä* ‘кость’) [СИГТЯ 1984: 330–331], а стандартно-тюркская */-n/ отражается в чувашских /-n/ (в глаголах), /-m/ (в именных основах) [СИГТЯ 2006: 44], ср. тат. *äni*, *ana*, чув. *ama* < ПТ **ana*/**eñe* ‘мать, мама’; БТ *qandala*, кирг. *qantala*, чув. *хъ^wmtla*, *хъ^wmdъ^wla*, *хъ^wmgъ^wla ~ хъ^wngъ^wla* ‘клоп; жук’.

В баскском консонантизме /-n-/ > /-m-/ после /u/: лат. *cunat* > *kuna* > *kuta* > *kua* [Trask 2008: 26] ‘колыбель’; *zumar* (B, G, HN, L), *zuhar* (L, LN), *zugar* (HN, L, A, S), *zuar* (HN), *zunhar* (LN), *zūnhar* (Z) < **zunar* Т 380 ‘вяз, ильм’.

Нельзя исключить развития семантических дериваций в баскском языке в результате изменений /-n-/ > /-m-/: *andre, anre, anra* < **andere* Т 93 ‘дама, барыня’, *anddere* ‘кукла; пчела-матка’, ср. *ama* (С) < **ama* Т 89 ‘мать’, *eme* (С) < **eme*/**ema*- S ‘женщина’; *har* (L, LN), *hār* (Z), *ar, aar* (арх. В, R), *ār* (R) < **anar* Т 99, **ha[m](a)ř* S ‘червь’, ср. *txamuru* (HN), *txamo* (В, G), *txamorro* (G) < **čamo* S ‘земляные черви, гусеница’.

В конце слова в современных башкирском и татарском языках пратюркский сонант /n/ сохранился. Как утверждает Т.М. Гарипов, «n – типично постфиксальная фонема для всех тюркских языков» [Гарипов 1979: 183]. БТ /-n/ < ПТ */-n/: башк. *aran* < ПТ **ara-n* ‘хлев’; БТ *jalan* < ПТ **jalaŋ* ‘поле, степь’; БТ *un*, чув. *von(n)ь*, як. *uon* < ПТ **ōn* ‘десять’; БТ *kön* < **kün* II Э 142, ПТ **gün(él)*/**guñal* ‘день’, БТ *tön* < **düjn* Э 315, ПТ **tü:n* ‘ночь’; БТ *ön*, тур. диал. *in* < **ujn* Э 625, ПТ **ün* ‘звук, голос’; БТ *han/san* < **sa:n* Э 200 ‘число, счет’.

Конечная /-n/ обнаруживается в баскском ауслауте: *aran* (С, кроме LN, L) *haran* (LN, L), Т 100 < **haran* S ‘долина’; *buztan* (С, кроме Sout., Z), *būztan* (Z), *buztain* (Sout) < **buztan* Т 150 ‘хвост животных, птиц, пола одежды’; *egun* (С, кроме Z), *égün* (Z) < **egun* Т 165 ‘день’.

Фонема /n/ в аффиксах

1) Фонема /n/ употребляется в составе показателей родительного падежа в тюркских и генитива в баскском языках.

По мнению В. Банга и М. Рясянена, аффикс родительного падежа в языке-основе имел форму *-n, в древнетюркском – -Vŋ, развившись в -niŋ [Приводится по: СИГТЯ 1984: 326]. Г.И. Рамстедт также указывает на развитие показателя генитива -ŋ из более древнего -n [Рамстедт 1957: 33–34]. В диалектах башкирского и татарского языков Т.М. Гарипов наблюдает колебание конечных /-n/ ~ /-ŋ/ в родительном падеже, соответствия *n, ɣ, j, [0]* [Гарипов 1979: 190], в киргизском языке общетюрк. /-ŋ/ > /-n/ в аффиксе родительного падежа: *at-tiŋ* ‘лошади’.

По результатам тюркологических работ, «наиболее распространенным явлением, связанным с положением *n* в середине слова, является соответствие *n* ~

d ~ t» ассимилятивного и диссимилятивного происхождения преимущественно в форме родительного и винительного падежей [СИГТЯ 1984: 326].

Татарской /n/ в данном контексте соответствуют башкирские /n, t, d, δ/ в зависимости от конечной фонемы корня, ср. БТ аффиксы родительного падежа: -*nij*, -*nej*, башк. -*tij*, -*tej*, -*dij*, -*dej*, -*δij*, -*δej*, ПТ *-*nIn/nIη* [СИГТЯ 1988: 110]: БТ *at-tij/at-nij* ‘лошади’, БТ *urman-dij/urman-nij* ‘леса’, БТ *qid-dij/qiz-nij* ‘девочки’; БТ *Lälä-nej jir-ï/Lälä-nej žir-ï* ‘песня Лейлы’.

Баскские аффиксы -(r)*en*, -*aren*, -*en* выступают в посессивном генитиве, родительном падеже принадлежности, служат для обозначения отношений принадлежности (*Lelo-aren kantua* ‘песня Лело’). Для генитива баскских личных местоимений характерен аффикс -*e*: *gure* (C) Т 211 ‘наш’, *zure* (C) Т 380 ‘ваш’, но *zuen* (C) < *zuek* + -*en* Т 380 ‘ваш’. К. Мичелена не исключает употребление вариантов как с /-n/, так и без нее [Michelena 1990: 137]. В более ранних письменных источниках формы генитива (в именах людей) представлены аффиксом -*e*: *Lope Jaun Orti-re seme-a* ‘сын Лопе Орти’, но, по мнению Р.Л. Траска, данная форма может представлять орфографический вариант -*en* [Trask 2008: 159]. Для сравнения, отношения принадлежности в башкирском и татарском языках могут выражаться притяжательными аффиксами 3 л. БТ -*i*, -*e*, -*hi/-si*, -*he/-se*: башк. *ata-hi¹ ul-i²* ‘сын² своего отца¹’.

2) Фонема /n/ употребляется в составе и других падежных показателей.

В башкирском, татарском языках: а) БТ показатели исходного падежа -*dan*, -*dän*, -*tan-*, -*tän*, -*nan*, -*nän*, башк. -*dan*, -*dän*, ПТ *-*tAn* [СИГТЯ 1988: 110]: БТ *bala-nan/bala-dan* ‘от ребенка’ (в башкирских и татарских диалектах исходный падеж может употребляться в функции местного падежа, в языке орхон-енисейских памятников местный падеж используется в функции исходного [Азнабаев 1976: 46]); б) БТ -*Vn* – реликт аффикса древнего орудийного падежа -*in*, -*in* [Кардашев 2009: 195]: БТ *köd-ö-n/köz-e-n* ‘осенью’, ср. тат. -*ni/-ne*: БТ *jil-di/jil-ni* ‘в году; БТ *köd-δö/köz-ne* ‘осенью’.

В баскском языке: а) баск. -*n* I Т 294 ‘в, на, у’ в составе показателей местного падежа (инессива): -(*e*)*tan* (неопред. ед. ч.), -(*e*)*an* (опред. ед. ч.), -*etan* (опред. мн.

ч.) [Rijk 2007: 50–53]: *etxe* ‘дом’, *etxe-tan* ‘в некоем доме (-ах)’, *etxe-an* ‘в доме’, *etxe-etan* ‘в домах’; б) показатель творительного падежа (социатива): *-(r)ekin* (неопред. ч.), *-arekin* (опред. ед. ч.), *-ekin* (опред. мн. ч.): *laguna* ‘друг’, *lagun-ekin* ‘с неким другом, с друзьями’, *lagun-arekin* ‘с другом’.

3) Фонема /n/ употребляется в составе башкирских, татарских показателей отглагольных форм: а) БТ *-an*, *-än*, *-in*, *-en* (в отглагольных прилагательных): БТ *aq-* ‘течь’, *ayin* ‘проточный’; тат. *qis-* ‘сжимать’, *qis-an* ‘узкий, тесный’; б) БТ *-qan*, *-kän*, *-yan*, *-gän* (определенное прошедшее время, причастие прошедшего времени (неизвестного происхождения [Азнабаев 1976: 129]): БТ *bat-* ‘тонуть’, *bat-qan* ‘утонул, утонувший’, *eş* ‘дело’, *eş-lä-gän* ‘сделал, сделавший’.

Баскский аффикс *-n* функционирует: а) в причастиях совершенного вида, сохранившихся в качестве прилагательных (*ezagu-tu* ‘познакомиться’ – *ezagu-n* ‘знакомый, известный’); б) в формах синтетических глаголов (с утратой при добавлении суффиксов или следующих элементов): *joa-n* ‘идти’, *egi-n* ‘делать’. По мнению Р.Л. Траска, употребление в письменных источниках форм *etai*, *ikai* вместо современных *etan* ‘дать’, *igan* ‘подниматься’ [Trask 2008: 46] указывает на позднее происхождение конечной /-n/; в) в составе форм прошедшего времени 3 л.: *dabiltza* ‘они идут’, *zebiltzan* ‘они шли’ [Rijk 2007: 118], в формах прошедшего времени вспом. гл. *izan*: *sendoak gine-n* ‘сильными мы-были’ [Там же: 122–123].

4) Н.К. Дмитриев считал, что синтетическая форма сравнительной степени в башкирском языке не сложилась окончательно, башкирское *-rak* имеет тенденцию к превращению в показатель сравнительной степени, «аналитическая форма конкретного сравнения должна быть признана основной и доминирующей... Главное – то, что ставится... второй предмет и притом в исходном падеже: *at ettän durıraq* ‘лошадь больше собаки’» [Дмитриев 2007: 73]. Ср. реликтовое БТ *-inqi*, *-enke* (степень качества имен прилагательных): *bat-* ‘тонуть’, *batingi* ‘топкий’, БТ *-inqira*, *-enkerä* (формы усиления и ослабления действия у глаголов): *uqi-* ‘читай’, *uqi-ıqira* ‘почитывай слегка’.

В баскском языке суффикс *-en* употребляется не только в генитиве, но и для выражения превосходной степени имен прилагательных: *on* ‘хороший’, *on-en*, *ona-en* Т 309 ‘лучший’ [Trask 2008: 170].

Существенным различием баскской грамматики от тюркской является склонение синтетических глаголов, в котором фонема */n-/* выступает показателем 1 л. ед. ч.: *nabil* < **e-bili* Т 217 ‘ходить’; *nator* < **etorri* Т 69 ‘приходить’.

Итак, наиболее типичная позиция фонемы */n/* в составе аффиксов в исследуемых системах – конечная.

В целом, переднеязычный смычный альвеолярно-небный носовой сонант */n/* несвойственен для башкирского, татарского анлаута. Имеется ограниченное количество исконных баскских лексем с начальным апиико-альвеолярным назальным сонантом */n-/* (< ПБ **/n-/*). Для прабаскского языка реконструируются сильная **/N/* (в незначительном количестве слов) и слабая **/n/*. Обнаруживается устойчивость анлаутной */n-/* в башкирских, татарских и баскских вопросительных местоимениях.

Фонема */n/* устойчива в середине слова, при этом в башкирском, татарском и баскском консонантизме наблюдаются изменения, связанные с утратой в интервокальной позиции, в позиции перед фрикативами и аффрикатами. Универсальный переход */-n-/* > */-m-/* перед */b, p, m/* на стыке слов и морфем характерен для тюркских языков, баскской речи, в баскских композитах прослеживается упрощение */-nb-/* > */-m-/*. В баскских диалектах фонема */-n-/* > */-m-/* после */u/*, прослеживается изменение **/-n-/* > */-h-/* ~ */-g-/* ~ *-[0]-*.

В сравнении с баскской */n/*, конечная */-n/* более устойчива в башкирских, татарских лексемах. Обнаруживается сходство близких по семантике башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфем, содержащих конечную */-n/*.

3.3.4. О пратюркских **/ń, ŋ/*, башкирской, татарской */ŋ/* и баскской */ń/*

Для пратюркского состояния по древнетюркским источникам восстанавливается палатальная **/ń/*. По мнению тюркологов, среднеязычный сонант */ń/* фиксируется в тофаларском [Рассадин 2015: 189], носовой */ɲ/* (~ */ɲ/*) – в

тувинском, якутском языках [Широбокова 2001: 96]. ПТ */*ñ*/ не сохранилась в башкирском, татарском языках, ПТ */-*ñ*-/ > БТ /-*j*-/ (> -[*0*]-): БТ *köjä*, каз. *küje*, хак. *kǖ*, чув. *kə^wve*, ойр. *quja*, як. *köjür*, *küjür* < ПТ **güñe*/**güña* ‘моль’; БТ *köj*- < **k’öh*- М 25, ПТ **köh*- ‘гореть’; БТ *teje/mi* < **bëñji* М 39, ПТ **beñji* ‘мозг’; БТ *maj* ‘масло, жир’ < ПТ **bañ* ‘жир’; тат. диал. *mija* [ТТЗДС: 489], тур. *bojan*, *tejan*, чув. *тэjan* < ПТ **biñan* ‘солодка, лебеда’.

Увулярный смычный носовой сонант /*ŋ*/ несвойственен для тюркского анлаута. По исследованиям А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, ПА анлаутная */*ŋ*-/ реализовалась в ПТ */*0*-/, */*j*-/ [СИГТЯ 2006: 11].

М. Рясянен и Г.И. Рамстедт срединную фонему /*ŋ*/ возводят к сочетаниям */*nγ*, *ng*, *nq*, *nk*/ [Рясянен 1955: 168; Рамстедт 1957: 231–232]. Учеными отмечено, что в современных башкирском и татарском языках /*n*/ перед /*k*, *q*, *g*, *γ*/ переходит в /*ŋ*/ [ТГ 1995: 91; Максютлова 1996: 121]: тат. *änkäj*[*äñkäj*] ‘мама’, тат. *isängerä*-[*isäñgerä*] ‘потерять чувствительность’.

В баскском и прабаскском консонантизме отсутствует заднеязычный сонант. Сочетания /-*ng*-, -*nk*-/ относительно устойчивы в баскских словах: *gongar* (HN) < **gongarr* S ‘трахея’; *jainko* (C), *jeinko* (арх. LN), *jinko* (HN, LN, S, Z) Т 139 ‘бог’. Происходит ассимиляция сочетания /*ng*/ при произношении: *aingura* [*añgura*] [Egurtzegi 2013: 147] ‘якорь’.

Как пишет Ф.Г. Хисамитдинова, в башкирских и татарских разложимых и неразложимых основах сочетания /-*ŋq*-, -*nk*-/ являются более древними, чем сочетания /-*ŋg*-, -*ng*-/ [Хисамитдинова 1989: 12]. В баскских диалектах наблюдается озвончение сочетания /-*nk*-/: /-*ng*-/ ~ -*nk*-/, ср.: *ongi* (HN, G, L, LN), *hongi* (арх. LN), *ungi* (L, LN), *onki* (R), *hunki* (Z) < **on-ki* ‘хорошо’; *sainga* (HN), *aunka* (G), *zaunk* (G), *zauk* (G), *sanga* (G), *sanka* (Z) Т 338 (о стонущем шуме, производимом животными) + аффикс -*ka*.

В позиции после гласной /*i*/ баскская /*n*/ подвергается автоматической палатализации и реализуется как палатальный назальный сонант <*ñ*>/*ñ*/, Б /-*ñ*-/ < ПБ */-*in*-(*en*-)/: *inurri*, *inhurri*, *ññhürri* Т 226, *xinaurri* (LN), *txingurri* (G), *zinaurri* (L) < **sinagurri* S ‘муравей’; *aguña* (S), *aiña* (S), *ahuña* (LN), *ahũñe* (Z), *añe* (R), *aute*

(B), *auna* (B) Т 117 ‘малыш’ < **ahuina* S ‘коза, молодняк’. Заметим, что К.Мичелена в отдельных баскских диалектах наблюдает оппозицию /n/ – /ñ/: сулетинское *hun* (**on*) ‘хорошо’ – *huñ* (**oin*) ‘нога’ [Michelena 1990: 306, 299].

Изменения в середине слова

Соответствие /-η-/ ~ /-n-/, характерное для тюркских языков (тат. *jaŋa*, башк., ДТ *jaŋi*, як. *saŋa*, тур. *jeni*, узб. *jaŋu*, чув. *śaŋa*, ср. долг. *haŋa*, *hiŋil* < ПТ **jaŋi*/**jeŋi* ‘новый’; БТ, ДТ *siŋar*, тур. *sinar*, шор. *sār* < ПТ **s[i]ŋar* (< **s(i)an-gar*) ‘один из пары, одна из двух сторон’), демонстрируют и башкирский, татарский языки: БТ *höŋgö/söŋge*, чув. *sъ^wnъw*, ДТ *süŋüg*, як. *üŋü* < ПТ **süŋgü* ‘копье, пика’; башк. диал. *qaŋširiq* [БТДh: 185], тат. диал. *qaŋširiq* [ТТЗДС: 387] < **qaŋšar* Э 257, ПТ **K(i)aŋ-(ir)*- ‘переносица, спинка носа, носоглотка, небо’.

Кроме этого, К.М. Мусаев считает, что «при ряде обстоятельств происходит **ослабление** /η/... и **переход** в /j, w/..., появляется заместительная долгота предыдущего гласного» [СИГТЯ 1984: 343]. Башкирская, татарская фонемы /-η-/ весьма устойчивы, в отличие от /-η-/ в языках сибирской группы, БТ /-η-/ < ПТ **/-η-/*: кум. *haŋqut*, хак. *āt*, ДТ *aŋit* < ПТ **Āŋ(k)it* ‘дикая утка’; БТ *heŋer/seŋer*, гаг. *sinir*, ср. хак. *sīr*; тув. *sīr* < ПТ **siŋir* ‘сухожилие, жила’; БТ *eŋer/eŋger*, узб. *ümür*, ДТ *imir* (МК), ДТ *iŋir*; чув. *əŋərak*, хак., шор., ойр. *īr* < ПТ **iŋir* ‘дымка, сумерки’. **Йотизацию срединной /-η-/** в башк. диалектах в позиции после /i/ в формах личных местоимений рассматривает С.Ф. Миржанова: *mejä* ~ БТ *miŋä/miŋa* ‘мне’, *sejä* ~ БТ *hiŋä/siŋa* ‘тебе’ [Миржанова 2006: 97]. Н.А. Баскаков указывал на изменение ПТ **/η/* > /n/ ~ /q(γ)/ (> /w/ > /V/ > [0]) [Баскаков 1988: 42], ср. БТ *quŋir/qoŋgür(t)*, тур. *goŋur*, аз. *Gonur*, хак., тув. *xōr* < ПТ **Koŋur* ‘темно-коричневый, пасмурный’.

Соответствие диалектных /-h-/ ~ [-ĩ-] ~ /-i-/ в сочетании с гласными переднего ряда возводится к ПБ **/-in-/*: арх. *ihizi* (L, LN), *ihize* (Z), *iize* (R), *ize* (R), *eizi* (HN), *izi* (HN), *eize* (G, HN, S), *eiza* (B, G, HN), *eiz* (арх. B) < **e-niz-V*/**i-niz-V* Т 167 ‘охота, игра’; -io- (G, HN, L), -iño- (B) + -la < **enau-* Т 226 ‘говорить’.

Примечательно, что наблюдается и обратная закономерность: современное сочетание /-iña/ (*burdiña*) в древнем состоянии бискайского диалекта имеет вид

burdīã и возводится баскологами к форме **burdina* ‘железо’, то есть **Б** */-ńV/ (B) < /-ĩV/ (арх. B) < ПБ **/-inV/**.

Предполагается утрата **/in/* перед **сибилянтами** или **аффрикатами** в баскском языке: *haiztur* (L, LN, Z), *aiztur* (HN, LN, R), *(h)aixtur* (L, LN, Z), *ainzter* (R), *aizter* (R) Т 83 ‘большие ножницы’; *haitzur* (L, LN, Z), *aitzur* (G, HN, L, LN, S, Z), *háitzũr* (Z), *atxur* (B), *haintzur* (L, LN) Т 82 < **hai(n)S* ‘мотыга, лопата’; *ihintz* (L), *ihitz* (LN), *intz* (G, HN, R, S), *ĩhĩtz* (Z), *euntz* (B), *ĩñontz* (B), *iruntz* (B), *irauntz* (B), *iun(t)z* (Sout) < **initz* Т 220 ‘роса, свежесть’.

В конце слова

В ряде случаев общетюркская конечная */-ŋ/* в юго-западных тюркских языках соответствует */-n/*: БТ *тоŋ*, узб., кирг., тув., як. *туŋ*, тур., гаг. *bun*, ДТ *буŋ*, *туŋ* (МК) < ПТ **buŋ* ‘мучение, страдание’; БТ *теŋ*, тур., гаг. *bin*, аз. *min*, кирг., узб. *миŋ*, каз. *миŋ*, хак., шор., тув., як. *туŋ*, чув. *pin*, ДТ *биŋ*, *биŋ*, *миŋ* (МК) < ПТ **biŋ* ‘тысяча’; БТ *киŋ*, уйг. *käŋ*, узб., кирг. *кеŋ*, тур., аз. *gen*, кум. *geŋ*, турк. *gĩŋ*, хал. *kĩeŋg*, як., долг. *киeŋ*, ДТ *киŋ*, *кеŋ* (МК) < ПТ **gẽŋ* ‘широкий’.

Баскская */ń/* характерна для ауслата, имеются соответствия и с */-n/*: *gain*, *gan* (B), *gañ* (Z) < **gain* Т 194 ‘верхняя часть, вершина, пик’; *zain II* (R), *za(i)ñ* (G, HN), *zan* (B), *zań* (Z) Т 367 < **zain S* ‘вена, нерв, корни (волос)’; происходит **утрата */-ń/***: *-zain-*, *zai*, *-zãi* (арх. B), *-zãñ* (Z), *-zãi* (R), *-za(i)ñ* (B) < **zani* Т 367 ‘стража, бдительность’; *higuin*, *iguin*, *iguiñ*, *iguiñ*, *iguĩ* (арх. B), *igui* (G), *higun* (LN), *hũgũ* (Z) < **(h)iguni* Т 220 ‘ненависть, отвращение, отнимать от груди’.

Итак, увулярный смычный носовой сонант */ŋ/* не встречается в башкирском, татарском анлауте. В других позициях БТ фонемы */ŋ/* весьма устойчивы. В языках сибирской группы происходит утрата интервокальной */-ŋ/* с появлением заместительной долготы, спорадическая йотизация срединной БТ */-ŋ/* после гласной */i/*. Тюркские языки демонстрируют соответствие */ŋ/* ~ */n/* в середине и конце слова. Пратюркская срединная и конечная палатальная **/ń/*, восстанавливаемая по древнетюркским источникам, отражается в БТ */j/* или утрачивается.

В баскском языке отсутствует увулярная назальная фонема. Происходит ассимиляция сочетания */ng/[ŋg]* при произношении (для сравнения: БТ */n/* перед */k, q, g, ɣ/* произносится как *[ŋ]*). В баскском языке функционирует палатальный назальный сонант */ñ/*, обозначаемый как *<ñ/in>* – рефлекс ПБ **/n/* в начале слова отдельных диалектов и в позиции после гласной */i/* (*/ñ/* < ПБ **/n/* ~ **/N/*). Баскская */ñ/* отражается в диалектных *[-h-]* ~ *[-ĩ-]* ~ *[-i-]* в сочетании с гласными переднего ряда, спорадически утрачивается перед сибилантами или аффрикатами в конце слова.

3.3.5. Боковые (латеральные) согласные в башкирском, татарском и баскском консонантизме

В современных башкирском и татарском языках переднеязычная смычно-щелевая альвеолярно-небная, плавно произносимая анлаутная */l/* употребляется в звукоподражаниях, заимствованиях. Согласно мнению А.В. Дыбо, О.А. Мудрака, праалтайские начальные **/l-, l̥-/* отражаются в ПТ **/j-/* [СИГТЯ 2006: 11].

Башкирские и татарские лексемы с начальной */l-/* тюркологи считают заимствованиями и соотносят с уральскими или другими языками: БТ *läpek* ‘грязь’ (ср. мар. *leβe* [Эхмэтьянов 2001: 138] ‘теплый’); БТ *laj* (ср. перс. *laj* [Там же: 137] ‘тина’; *läm* ‘ил, тина’), ср. удмуртский *lajini* [Мукимова 2014: 84] ‘месить’; башк. диал. *läθ* [БТДһ: 225], тат. диал. *läçtä* [ТТЗДС: 459] ‘сырой, непропеченный (о хлебе)’, ср. мар. *ljackä* [Мукимова 2014: 93] ‘пресный, невкусный (о пище)’; ср. также БТ *lapas, äüeθ/aües* ‘навес’, рус. *labaz*, коми *lobos* [Фасмер, <http://enc-dic.com/fasmer/Labaz-7036.html>] ‘хижина, шалаш’.

Как пишет Р.Л. Траск, во всех современных баскских диалектах имеются апико-альвеолярный латеральный сонант */l/* и палатальный латеральный сонант *<il, ll>/ç/* (в позиции после */i/*); для праязыкового состояния восстанавливаются слабый **/l/* – для инициальной, сильный **/L/* – для финальной позиций [Trask 2008: 12, 15], а латинские анлаутные фонемы */d-, t-, n-/* в заимствованиях отражаются как */l-/* [Там же: 53].

Фонема /l-/ характерна для баскского анлаута: *limur* (G, HN, LN, Z), *linbur* < **limuri* S ‘влажный, скользкий, непристойный, изменчивый (о погоде)’; *lizun* (B, G, HN) < **lizun* T 268 ‘грязный’; *lersoin* (G), *lertxun* (HN, L), *lertzun*, *lertsun*, *lertxoin*, *letxon*, *letxun* (LN) < **lercoin* ‘журавль, вид птицы’; *lehen* (L, LN), *léhen* (Z), *leen* (арх. B), *lein* (R), *le(i)ñ* (B), *len* (B, G, HN, L) < **lelen*, **lenen* T 265 ‘первый, прежде, раньше’; *luze* (C, кроме Z), *lúze* (Z) < **luze* T 272 ‘долго, длинный’; *leiho* (L, LN), *leio*, *léiho* (Z), *léxo* (R), *lego* (S), *leo* (S) < **leiho* T 266 ‘окно’; *lan* (C) < **lan* T 260 ‘работа’; *lape* (Z) < **lape* S ‘жилье’; *lantzer* (LN, Z) < **lancerr* S ‘мелкий дождь’.

Но, по мнению баскологов, анлаутная /l-/ могла установиться в результате утраты */d-/ (как в случаях типа *leka* < **deka* < лат. *theca* ‘шелуха’) [Приводится по: Egurtzegi 2013: 162].

Изменения анлаутной /l-/

Т.М. Гарипов отмечает отпадение инициального гласного перед // или появление протезы перед // в башкирском и татарском языках (БТ *ilasïn/laçin* (< монг. *laçin*) ‘сокол’) [Гарипов 1979: 97]. В «Этимологическом словаре тюркских языков» [2003: 6] говорится о неясной этимологии данной лексемы (**la:çin*). Т.М. Гарипов описывает сдвиг позиции фонемы //: БТ *läjsän*, башк. диал. *jäjsän*, *jeläjsä* [Гарипов 1979: 99] ‘первый весенний мелкий теплый грозовой дождь’.

В целом, тюркские слова демонстрируют тенденцию к «протезированию» // (сдвигу // на позицию после первой гласной), о чем свидетельствуют и заимствования в тюркских языках: тат. *läükä*, башк. *eläükä* < рус. *lawka* ‘лавка’; башк. *liu*, алт., сюг., тув. *ulu*, сюг. *olu*, *lu*, каз. *ülw* < **uluw* < кит. *lu* Э 591 ‘дракон’.

Баскская анлаутная /l-/ подвержена изменениям. Фиксируются **соответствия /l-/ ~ /n-, ñ-/**: *larru* (G, HN, L, LN, R), *lárrü* (Z), *narru* (B, Sout) < **larru* T 262 ‘кожа, мех’; *lapur* (B, G, HN, L), *laphur* (L), *napur* (арх. G) ‘вор, сбившееся со стада животное’, *ñaphur* (L, LN), *ñápür* (Z), *ñapur* (R) T 261 ‘сбившееся со стада животное; жадный’, *lasa*, *lasai* (G, HN) ‘спокойный, широкий, удобный’, *nasai* (B, L, LN), *násai* (Z) T 263 ‘широкий, достаточный’; **соответствия /l-/ ~ /k-, g-/**: *lahar* (L, LN, Z), *laar* (B, G, HN, L), *lagar* (HN), *lapar* (B, LN, R), *kapar* (B, Z), *khapar*, *gapar* (LN) < **lahar* T 258 ‘ежевика, черная смородина’; *lauso* (G, HN, L), *leuso* (B) T 264 ‘пленка на

глазу, катаракта, отрубь’, *leuso* (B) ‘туман’, *keuso* (B) ‘пленка на глазу, пух, мякина’, *geuso* (B) ‘мякина’; **утрата /l-/:** *lurrin* (G), *lurrin* (B), *lurruñ* (Sout), *urrin* (G, HN, L, LN), *úrriñ* (Z) < **lurruin* Т 272 ‘запах’; *lolo* (B, G, L, R) ‘сон’, *lolo* (LN), *olo* (HN, L) < **lo* Т 269 ‘сон (состояние)’; *laino* (L), *lano* (HN), *lanho* (L, LN), *lanhũ* (Z), *laño* (G, HN, S, A), *llano* (A), *año* (арх. B) Т 259 ‘туман’.

Аффрикатизация (*llabur*, уменьш. *llabur* (HN, R, S), *llábũr* (Z), *txabur* (B) < **labur* Т 258 ‘короткий’), **фрикатизация и переход в переднеязычные смычные** (*lerden* (C), *zerden* (B, G), *derden* (R) < **leherden* Т 267 ‘прямой, стройный, возводить’) наблюдаются в единичных примерах.

Характерна **утрата предшествующих согласных перед /l/** в заимствованиях: *laustro* (LN) Т 264 ‘укрытие под крышей’ < лат. *Claustrum* ‘барьер’; *loka* (B, G, L, Z, R), *koloka* (HN, L), *kolka* (G, HN), *kloka* (HN) < исп. *clueca* Т 270 ‘клуша, наседка’; *lau II* (BL, Sout), *laun* (арх. B), *leun* (B), *leu* (B) Т 264 ‘плоский, простой’ < лат. *plānum* ‘плоский, просто’; *lore* (G, HN, L, LN, Z, R), *lora* (B, Sout), *flore* (Sout., арх. LN) < лат. *flōrem* Т 270 ‘цветок’.

Фонема /l/ в середине слова относительно устойчива в тюркском и баскском вокализме, в большей мере – в интервокальной позиции: БТ *bilä-* < **bele-* Э 111 ‘пеленать’; БТ *belädek/beläzek* < **bilezik* Э 143 ‘браслет, кольцо, запястье руки’; БТ *holo/soli* < ПТ **suli/*süli* ‘овес’; БТ *ülän* < **ölün* Э 527 ‘трава, влажный, степь’. В сочетаниях с согласными данная фонема также проявляет относительную устойчивость: БТ *baldaq* < **baldaq, balčaq* Э 52, ПТ **baldak* ‘рукоять шпаги, кольцо’; БТ *bilge* < **belge* Э 108, **běl̥yü, *běl̥kü* М 61 ‘знак, гадание’.

Для интервокальной позиции в баскском языке характерны соответствия /l/ ~ /λ/ ~ /lh/: *belarritako* Т 253 ‘серьга’ (*belarri* ‘ухо’); *olo, olho, orlo* (B) < **oLo* Т 308 ‘овес’; *ule, ulle, uille* (B), *ille* (G), *ile* (HN), *il(h)e* (LN) < **ulhe* S ‘волосы’.

В сочетаниях с согласными баск. архифонема {l} также проявляет устойчивость: *golko I* (LN, L), *golkho* (LN), *kolko* (B, G, HN), *kholko* (Z), *golgo* (R) Т 208 < **kolko* S ‘грудь, пазуха’; *galtzar* (C) < **galtzar* Т 196, **galcar* S ‘грудь, рука, охапка’; *beletz* (C, кроме B), *baltz* (B) < **bel/*beL* Т 134 ‘темный, черный’; *eultz* (G, HN), *eultzi* (HN, S), *aultzi, ultzi, ulzi, eltzu* (R) Т 185 ‘куча обмолоченной кукурузы’.

Изменения /-l-/.

Утрата перед переднеязычными согласными

По мнению Т.М. Гарипова, в башкирском и татарском языках наиболее широко распространено выпадение // [Гарипов 1979: 98]. Имеется тенденция к утрате фонемы */l/ перед переднеязычными смычными или фрикативами на стыке морфем, БТ *bisraq/pičraq*, ср. БТ *balsiq/balçiq* < ПТ **bał-* ‘глина, грязь’, **башк.** /-lt-/ ~ **тат.** /-t-/ < ПТ */-lt-/: БТ *ülter-/üter-* < **öll(t)ür-* М 75, ПТ **öl-* ‘убить’; БТ *kilter-/kiter-* ‘приносить’; БТ *ultir-/utir-* < ПТ **ol-ur-*, **ol(u)-tur-* ‘сидеть’.

Утрату {l} перед аффрикатой /tʃ/ в баскских диалектах отмечает Х.К. Уленбек, ПБ */-ltʃ-, -ltʃ-/ > Б /-tʃ-/: *arrautz, arraultz, arraultze* ‘яйцо’; *iltze* (G), *itze* (HN, L, LN, R, S), *itze* (Z), *ilze* (Sout), *ultze* (B), *untze* (B) Т 224 ‘гвоздь’, *kitzikatu, kiltzikatu, kilikatu* ‘щекотать, раздувать огонь’ [Uhlenbeck 1910: 88].

Переход в переднеязычные согласные

В постконсонантной позиции фонема //, по мнению Л.К. Ишкильдиной (как начальный звук аффикса), в восточных говорах башкирского языка подвергается диссимилиации после сонорных и звонкой /z/: // > /d/: *heŋle* ~ *heŋde* ‘младшая сестра’, // > /ð/: *törlö* ~ *törðö* ‘разный’ [Ишкильдина 2013б: 132]. Аналогичные изменения прослеживаются в межтюркских соответствиях, ср. БТ *qarlıyas/qarlıyaç*, кирг. *qardıyaç* < ПТ **K(i)ar-* ‘ласточка’; тур. *turluk*, кирг. *türduq* < ПТ **Tugur-* ‘покрышка шатра’.

Соответствия // ~ /r/, // ~ /n/

В сравнительно поздних работах предполагается, что праалтайской */l/ соответствует */r/ в праяпонском, пракорейском и */l/ в других праязыках алтайской семьи [СИГТЯ 2006: 11]. Труднообъяснимый переход /-l-/ > /-r-/, как пишет К.М. Мусаев, – широко распространенное явление в среднеазиатских тюркских языках: турк. *kelem* > *kerem* ‘капуста’, турк. *elt-* > *ert-* ‘доставлять’ [СИГТЯ 1984: 349].

Тенденция к ротацизму (по определению Р.Л. Траска) характерна для баскского консонантизма, латинские лексемы с интервокальной /-l-/ отражаются в баскской /-r-/ (*gari* < **gali* ‘пшеница’), что затрудняет определение праформы

[Trask 2008: 29], *olio, orio* ‘масло’ [Мичелена: 314]; *talika* (LN, Z), *tara* (LN) < **tala* S ‘веточка, отросток’, ср. лат. *thallu* Т 344 ‘стебель с листьями’; *zihī, ziri* (B, G, HN), *zi* (арх. B), *zilaga* (B) < **si[l]i* S ‘колышек, клин’.

К. Мичелена указывает на возможность соответствия инициальной /l-/ и сонорных /n-, r-/ [Michelena 1990: 325], А.В. Архипов, Г.А. Нуждин считают, что «боковые сонанты полностью ассимилируются по месту образования с последующим согласным» [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>]. В интервокальной позиции наблюдаются соответствия {-l-} ~ /-r-/ (> /-d-/), ср. *belar I, belhar* (арх. LN), *berar* (арх. B, Sout), *bedar* (B) Т 134 < **betharr* S ‘трава, сено’; *hilargi* (L, LN, Z), *ilhargi* (L, LN, Z), *ilargi* (HN, L, LN, A, S), *illargi* (B, G), *illergi* (HN), *irargi* (B, Sout., HN), *idargi* (B) < **hil* Т 223 ‘луна’. Имеются разногласия в определении праформы: *hiri* (L, LN), *hi(r)i* (Z), *iri* (HN, S, R), *uri* (B, G) < **ili*, **[h]eRi* Т 229, **hūri* S ‘город’; *bular* (B), *bulhar* (LN, L), *búlhar* (Z), *buler* (арх. B), *búrar* (R), *búdar* (R) < **burar* Т 148/**bulhar* S ‘грудь’. Спорадически /-λ-/ ~ /-tʃ-/: *ilinti, ilindi, iliti, iletī, itxindi* (L, LN), *itxendi* (LN) Т 223 ‘головня’.

Как заключают тюркологи, /-l-/ ~ /-n-/ – характерное соответствие внутри слова в тюркских языках [СИГТЯ 1984: 348]. Ср. БТ *menän/belän* < ПТ **bile* (*bula*) ‘с, вместе’; БТ *jondod̄/joldiz* < ПТ **jul-duř* (*-*diř*) ‘звезда’.

К. Мичелена отмечает спорадическое соответствие срединных /-λ-/ ~ /-r-/ (> /-d-/), ~ /-ñ-/ ~ /-h-/ [Michelena 1990: 315]. Ср. *ilharre* (Z), *illar* (B, HN), *iñarra* (B, G), *giñarra* (B), *gindarra* (B), *kiñar* (B) Т 222 ‘вереск’.

В конце слова

Фонема /-l/ активно употребляется в конце башкирских, татарских слов: БТ *qil* < **q’iļ’q* М 42, ПТ **Kil(k)* ‘волос, шерсть, хвост, струна, ость, (ног.) ручка’; БТ *ül-* < ПТ **öl-* ‘умирать’; БТ *qal-*, тур. *gal-* < ПТ **Kiāl-* ‘остаться’; БТ *kil-* < ПТ **gēl-* ‘приходить, уродиться’; БТ *jütäl* < **jötel* Э 237, **ötel* Э 557 ‘кашель’. К.М. Мусаевым отмечено, что в хорезмских говорах узбекского языка наблюдается выпадение конечной /-l/ [СИГТЯ 1984: 357].

Архифонема *{-l}* характерна для конца слова баскских лексем: *eztul* (C, кроме Z), *eztül* (Z), *heztul* (L) < **eztul* Т 190 ‘кашель’; *ahal* (L, LN, Z), *aal* (B), *al* (B, G, HN, R, S) < **anal* Т 70 ‘сила, способность’; *segail* (G, HN), *sekail* (L, LN) Т 338 ‘тонкий, стройный’.

/l/ в аффиксах

В башкирском и татарском языках фонема /l/ довольно часто употребляется в аффиксах.

1) Неличная форма конкретной принадлежности в именах прилагательных имеет вид *-lī, le*, башк. *-lo/-lö* и достаточно активна: БТ *Öfö/Ufa* ‘Уфа (город)’, БТ *öfö-lö/ufa-lī* ‘уфимец’, БТ *kös/köç* ‘сила’, БТ *kös-lö/köç-le* ‘сильный’. Имеются производные формы: *-ge-le, -ek-le: bel-* ‘знать’, *bil-gele* ‘знаменитый’, *bel-ekle* ‘знающий’.

Для сравнения, в баскском языке аффиксы *-le, -ile* Т 164 < **-le* S выражают лицо, совершающее действие, названное основой: *ikasi* ‘учиться’, *ikas-le* ‘ученик’. Производным является аффикс *-gile* < *egin + le* Т 164 ‘тот, кто делает’ у баскских существительных: *belar* ‘трава’, *belagile* ‘ведунья’.

2) БТ аффиксы *-yil-, -gel-, -qil-, -kel-*, башк. *-qol-, -köl* с конечной /-l/ образуют: 1) отглагольные имена – *batu* ‘тонуть’, *bat-qil* ‘топкий’; 2) отыменные прилагательные [ГСБЛЯ 1981: 179] – башк. *dürt* ‘четыре’, *dürt-kel* ‘четырёхугольный’; 3) степень признака: тат. *aç-qil-tim-töç-kel-tem* ‘кисловато-пресноватый’.

Конечная /-l/ присутствует в БТ аффиксах подобного значения, но с начальными фрикативами *-sil/-çil, -sel/-çel*, башк. *-hül/-sül*: 1) у отыменных прилагательных – БТ *waq* ‘мелкий’, *waq-sil/waq-çil* ‘мелочный’; БТ *jardam/järdäm* ‘помощь’, *jardam-sil/järdäm-çel* ‘склонный к помощи’, БТ *su/hüu* ‘вода’, *hüu-hül/su-sil* ‘сочный’; 2) у степени признака БТ *aq-hül/aq-sil* ‘беловатый’.

Значение ‘занятие человека’ выражают баскские аффиксы в отглагольных именах *-tzaile, -tzale, -zale* Т 353: *lagun-du* ‘помогать’, *lagunt-tzaile* ‘помощник’, *hil-* ‘убивать’, *hil-tzaile* ‘убийца’.

3) Начальная фонема /l-/ в продуктивном аффиксе множественного числа *-lar* (< **lar*) (кроме чувашского *-sem*) [СИГТЯ 2006: 229] у существительных и глаголов, по мнению тюркологов, подвержена ассимилятивному влиянию конечных фонем основ во многих тюркских языках [СИГТЯ 1984: 347], в т. ч. в башкирских основах, и имеет алломорфы БТ *-lär*, башк. *-tar, -tär, -dar, -där, -dar, -där* [Эхтэмов 1994: 17–18], тат. *-nar, -när*. Данные аффиксы также могут передавать значение лица, аблатива, преимущественно в разговорной речи: БТ *Öfö/Ufa* ‘Уфа (город)’, БТ *öfö-lär/ufa-lar* ‘уфимцы, жители Уфы’; тат. *Mansur-lar (kilde)* ‘близкие, семья Мансура (пришли)’. Заслуживает внимания гипотеза К.М. Мусаева, который считает форму **-tar/*-ter* более древней, чем *-lar (*lar)* (мн. ч.), и возводит ее к значимому слову (*tar+a* ‘распространяться’, *ter-* ‘собирать’) [СИГТЯ 2002: 299]. По мнению В.Ш. Псянчина, аффикс *-lar* возник из плеонастического сочетания показателей множества **la + *r* [Азнабаев 1976: 23].

Примечательно, что в баскском языке зафиксировано существование архаичного наречия *lar* (B, Sout) T 261 в значении ‘слишком, слишком много’, а баскский аффикс *-lari* (~ *ari I, -kari*) T 104 употребляется для обозначения деятеля (профессии): *bertso* ‘стихи’, *bertso-lari* ‘бард’, *hitz* ‘слово’, *hiz-lari* ‘оратор’.

Таким образом, смычно-щелевая альвеолярно-небная плавная фонема /l-/ прослеживается в анлауте заимствованных лексем башкирского и татарского языков, в середине и конце исконных лексем. Тюркский материал демонстрирует тенденцию к «протезированию» анлаутной /l-, сдвигу на позицию после первой гласной в заимствованиях. Во всех современных баскских диалектах имеются апико-альвеолярный латеральный сонант /l/ (во всех позициях) и палатальный латеральный сонант <(i)ll>/λ/ (в начале слова – в незначительном количестве лексем). Фиксируются соответствия /l-/ ~ /n-, ñ-/ и /l-/ ~ /k-, g-/; аффрикатизация, наблюдается выпадение предшествующих согласных перед /l/ в заимствованиях.

В тюркском и баскском консонантизме наблюдается утрата срединных /-l-/ перед переднеязычными согласными. Интервокальное соответствие плавных и дрожащих фонем /-l-/ ~ /-r-/, прослеживающееся в среднеазиатских тюркских языках, характерно и для баскских диалектов. В исследуемых консонантных

системах наблюдаются соответствия срединных /-l-/ и переднеязычных согласных. В интервокальной позиции характерно соответствие баскских /-l-/ ~ /-λ-/ ~ /-lh-/, в середине слова не исключена цепочка соответствий /-l-/ ~ /-λ-/ ~ /-r-/ (> /-d-/)/ ~ /-ń-/ ~ /-h-/.

Башкирская, татарская фонемы /l/ и баскская архифонема {l} функционируют в конце слова и в составе аффиксов. Выявляются сходства в структуре близких по семантике башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфем, содержащих фонему /l/.

3.3.6. О тюркском ламбдаизме-сигматизме (соответствии /l/ ~ /š/)

Для пратюркского языка реконструируется особый латеральный локальный ряд (*l, *l̥) по чувашским данным (Щербак 1970; СИГТЯ 1984; Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>). ПТ */l̥/ (~ прамонгольская */l/, пракорейская */r/, праяпонская */s/) возводятся к ПА *l̥ [СИГТЯ 2006: 11]. Регулярными рефлексам ПТ */-l̥-/ в чувашском языке являются /-l-/ (не перед гласным, в конце слога) и /-š-/ (перед этимологическим гласным), в большинстве тюркских языков – шумный спирант [СИГТЯ 2006: 26; Мудрак, http://starling.rinet.ru/Texts/Altai_1.pdf]. Заметим, что Н.И. Егоров придерживается мнения о вторичности ламбдаизма в чувашском языке [Егоров 1992: 72].

В середине слова: БТ *aš-a* < ПТ *(i)al̥-a- ‘есть, кушать’; БТ *öše-*, чув. *vaš*, як. *uluĵ* < *üši:-, *üše- Э 644, ПТ *ül̥i- ‘замерзать, дуть (о холодном ветре)’; БТ *keše*, аз. диал. *g'iši* < *kiši Э 78, ПТ *kili ‘человек’.

О.А. Мудрак восстанавливает сочетание палатальной латеральной фонемы и аффрикат на месте современной тюркской /š/: БТ *jäšen*, чув. *šizəm* < *jas Э 149, *žäl̥cin М 15, ПТ *jal̥(č) ‘молния’; БТ *baš* < *baš Э 85, *bäl̥c М 15 ‘голова, вершина, начало’; БТ *qašī-* < *qaša- Э 347, *q'äl̥ci М 15 ‘чесать’; БТ *ašiq* < ПТ *(i)al̥(č)uk ‘лодыжка, бабка; альчик’.

В конце слова БТ /š/ < ПТ */l̥/: БТ *jäš*, чув. *šol* < *ja:š Э 161, ПТ *jal̥ ‘год, возраст’; БТ *jäš* < *ja:š Э 161, ПТ *jal̥ в зн. ‘сырой, слеза, зеленый, молодой’; БТ *šeš* < ПТ *sīl̥/*sīl̥ ‘вертел, колышек’, чув. *š'ol* ‘зуб’.

С.А. Старостин реконструирует палатальную */t/ для ряда баскских основ: *ala* (G, HN, R), *alha* (LN, L, Z) < **atha* S ‘выпас скота, пастбище’; *ailla* (B) < **(H)aita* ‘хвост, стебель’; *belar II* (Sout., арх. LN, Z, S) ‘лоб’ < **belarr* S ‘лоб’.

Имеются соответствия /l-/ ~ /-lh-/ ~ /-r-/ ~ /-d-/ < */t-/: *elur* (G, HN, L, LN, R), *elhur* (L, LN), *élhûr* (Z), *erur* (B, Sout), *edur* (B) < **erur* T 168/**ethurr* S ‘снег, метель’; *belar I*, *belhar* (арх. LN), *berar* (арх. B, Sout), *bedar* (B) T 134 < **betharr* S ‘трава, сено’. Р.Л. Траск рассматривает в одном семантическом ряду диалектные варианты с палатальными /-λ-/ и /-f-, -tf-/: *thailu*, *thallu* (арх. LN) ‘вид, сорт’, ср. *taxu*, *taju* (G) T 144 ‘аспект, способность’; *ilinti*, *ilindi*, *iliti*, *ileti*, *itxindi* (L, LN), *itxendi* (LN) T 223 ‘головня’.

Итак, для пратюркского языка реконструируется особый латеральный локальный ряд (*l, l/) по чувашским данным, срединная и конечная фонемы /š/ возводятся к ПТ */l, l/. С.А. Старостин реконструирует палатальную */t/ для ряда баскских корней. Обнаруживается спорадическое соответствие баскских срединных /λ/ ~ /f, tf/.

3.3.7. Архифонема {r} в тюркской (башкирской, татарской) и баскской консонантных системах

По своим артикуляционно-акустическим свойствам звук *r* не однороден в тюркских языках, исследователи считают, что в древнетюркском руническом алфавите фиксируются твердый и мягкий варианты [СИГТЯ 1984: 360–361]. Переднеязычный твердонебный звонкий дрожащий сонант /r/ не встречается в анлауте тюркской и общеалтайской лексики. Для пратюркского состояния А.В. Дыбо и О.А.Мудрак восстанавливают дрожащий */r/ и палатальный */r̥/ [СИГТЯ 2006: 17].

По мнению К.М. Мусаева, в целом «в середине слова пратюркский /r/ сохранился в современных (тюркских. – Д. С.) языках, несмотря на многочисленные переходы» [СИГТЯ 1984: 364–373].

Для прабаскского консонантизма традиционно реконструируются сильная */R/ и слабая */r/. Как пишет К. Мичелена, все современные диалекты баскского

языка имеют одноударный (хлопок) /r/ и многоударный (вибрانت) /r/ (<rr> между гласными), противопоставление которых имеет место исключительно в интервокальном положении и утрачивается в современном состоянии [Michelena 1990: 328], ср. *ura* ‘вода’ – *urra* ‘орех’, *hiri* ‘город’ – *irri* ‘улыбка’ [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>]. Р.Л. Траск сообщает, что в северных говорах фонемы /r, R/ стали увулярными, отмечается утрата сулетинской интервокальной /-r-/: *buru* > *bũ(r)ũ* ‘голова’ [Trask 2008: 29].

Архифонема {r} несвойственна для анлаута исконных баскских слов, как и для слов в тюркских языках. К. Мичелена описывает явление потери гласной фонемы второго слога в заимствованиях с протезой: лат. *repudiare* > баск. *arbuiatu* ‘презирать’ [Michelena 1990: 164].

/r/ в середине слова

Фонема /r/ обладает особой устойчивостью в середине слова в башкирском и татарском языках, в частности в интервокальной позиции: БТ /-r-/ < ПТ */-r-/: БТ *qirau* < **qiraw* Э 235, ПТ **Kir-* ‘иней’; БТ *boron/borin* < **burun* II Э 271, ПТ **burun* ‘то, что раньше по времени’; БТ *boron/borin* < ПТ **burun* (**burin*) ‘нос’; БТ *iriu/iru* < ПТ **urug* (~ **or-*) ‘род, семья, поколение, дитя’; БТ *eren* < ПТ **iri-* ‘гнить’; БТ *kire* < **geri* Э 27, **keru* М 61, ПТ **gErü* ‘назад, сзади; старый, запад, затем’; БТ *tere* < **tiri* М 45, ПТ **diri-* ‘живой’.

Данная фонема устойчива и в сочетании с последующими согласными: БТ *arpa* < ПТ **arpa* ‘ячмень’; алт. *čirbiq*, шор. *šarbaq* < ПТ **čārba-/čārma-* ‘белка, соболь’; БТ *jarim-jarpī* < **jarpī* Э 144 ‘полтора, половина’; БТ *jarti* < **ja:rti* Э 145 ‘половина’; БТ *qarluyas/qarliyaç* < **qarlawa:ç* Э 307 ‘ласточка’, ПТ **K(i)ar* ‘цапля, журавль, ласточка’; БТ *irzaj-* < **irzaj-*, *irtaj-* Э 663 ‘ослабиться’; БТ *ürse-/ürçe-* < **ürči-/örči-* М 47 ‘плодиться, размножаться’; БТ *börsä/borça*, *p^wrza* < ПТ **bürče/*bürge* ‘блоха’; БТ *bariθ/baris* < **bars* Э 68 ‘тигр, барс’.

Баскская интервокальная /-r-/ довольно устойчива: *gero* (C), *geroago* (C) < **gero* Т 204 ‘далее’; *ero* (арх. В), *é(r)ho* (Z) < **e-ro* II Т 176 ‘убить’; *hiro* (L, Z), *iro* (B, G) < **hiro* S ‘гной, гниль (L, Z), трут (B, G)’; *gurin* (G, HN), *gurhi* (Z) ‘масло’, *urin* (HN, L, LN), *ú(r)in* (Z), *ürin* (R), *urínm*(R), *guri* (B, LN, S), *gurhi* (Z) Т 213 <

**gurhi* S ‘жир’; *oro* (арх. B, HN, L, LN, Z, R) < **oro* T 315 ‘все’; *sare* (C) < **sare* T 337 ‘сеть’.

Сохраняется в сочетаниях с последующими согласными: *erbi* (C), *érbi* (Z) < **erbi* T 173 ‘заяц’; *arte, erte* (HN) < **arte* T 109 ‘пространство, интервал, между’; *erdi* (C), *érdi* (Z) < **erdi* T 173 ‘половина, середина’; *sarde* (G, HN, L, LN, Z), *saharde* (L), *saarde* (L), *sardei* (LN), *sarda* (B) T 337 < **saharrde* S ‘вилы с двумя зубьями, вилка, грабли’; *sortu, sorthu* (арх. LN), *sóρθũ* (Z) < **sor-* T 342 ‘родиться, породить’; *urde* (C), *úrde* (Z) < **urde* T 358 ‘свинья’; *arto* (B, G, HN), *artho* (L, LN, Z) < **arto* T 110 ‘просо’; *urte* (C), *urthe* (L, LN), *úrthe* (Z) T 360 ‘год’; *kurrillo* (B, G), *kurlo* (B), *khurlo, khũrlo* (Z) T 256 < **kurv(lo)* S ‘журавль’.

Сильная фонема /R/ в баскских словах преимущественно функционирует в интервокальной позиции и проявляет устойчивость: *arrain* (HN, L, LN), *arrai* (арх. B, Sout., G, HN), T 106 ‘рыба’; *arrautza* (B, G, HN), *arrautze* (B, G, HN), *arráutze* (Z), *arraunza* (Sout), *arrauntza* (B), *arroitze* (A), *arrol(t)ze* (HN, LN, S), *arrultze* (LN), *arrantza* (G) < **arrautza* T 107 ‘яйцо’; *errun, érrũn* (Z), *erron* < **e-rrun-* T 179 ‘класть (яйца)’; *erro* (C), *herro* (Z) < **herro* S ‘корень, щупальце, соска’; *karroin* (L, LN, R), *karroĩ* (R), *kharroin* (LN) < **karrone* T 247 ‘лед, мороз’; *urrun* (B, HN, L, арх. LN), *hũrrũn* (Z), *urriu* (B, R) < **uRun* T 360 ‘далекий’; *gorri* (C), *górrri* (Z) < **goR-* T 210 ‘красный’; *izorro* (R) < **izoro* T 237, **isorro* S ‘корень, родоначальник’.

Изменения фонемы /r/

По наблюдениям исследователей, в тюркских языках наблюдаются переходы $r > n, \tilde{n}, j, \gamma, \check{z}/\check{z}, z, r > d/t$ (под влиянием следующих за *r* звуков *d, t*); большинство указанных соответствий происходит на стыке морфем, в соседстве со звуками, которые ассимилируют *r* [СИГТЯ 1984: 364–373]. В башкирском и татарском языках для дрожащего небно-альвеолярного сонанта /r/ Т.М. Гарипов констатирует соответствия $\acute{r}, z, \delta, d, t, \check{s}, j, [0]$ [Гарипов 1979: 143].

Соответствие /-r-/ ~ /-l-/ – «широко распространенное явление ассимилятивного происхождения в говорах тюркских языков», наблюдается неразличение /r, l/ (турк. диал. *qalasam* ~ *qarasam* ‘если я посмотрю’, каз. диал.

šalkes ~ *šärkeš* ‘неуравновешенный’), соответствие /-r-/ ~ /-l-/ отмечено еще М. Кашгарским [СИГТЯ 1984: 364–365].

При сравнительно-историческом анализе баскских диалектов К. Мичелена выявляет, что в первом слоге баскского слова характерно изменение /-r-/ ~ /-l-/ (*estari* ~ *estal-* ‘покрытый’), объяснимое грамматическими причинами [Michelena 1990: 319]. Этимологическая /r/, как считает Р.Л. Траск, не подвержена альтернации [Trask 2008: 41], но происходит ее палатализация в восточных диалектах, /-r-/ ~ /-λ-/ ср. *hori* (L, LN), *ho(r)i* (Z), *ori*, уменьш. *hólli* (Z) < *[h]ori II Т 314 ‘желтый’, *bero* (C), уменьш. (Z, R) *béllö*, (S) *bello* Т 136 ‘горячий’ [Egurtzegi 2013: 156].

Соответствие /-r-/ ~ /-d-/ зафиксировано М. Рясянею в тюркских формах *bajraq* ~ *bajdaq* ~ *badruq* [Рясянен 1955: 184], однако данное соответствие может являться результатом метатезы, ср. БТ *öjräk/ürdäk* ‘утка’. Спорадическое соответствие /-r-/ ~ /-t-/ обнаруживают междометия, ср. башк. диал. *bärä* ~ *bätäç* ~ *pätä* [Миржанова 2006: 183].

Баскологи фиксируют междиалектные соответствия интервокальных /-r-/ ~ /-d-/: *ereki*, *ireki* ~ *edeki* ‘открывать’, *edan* ~ *eran* ‘пить’ [Trask 2008: 28; Michelena 1990: 227], /-r-/ ~ /-l-/ ~ /-d-/: *ilar* (L, LN), *ilhar* (Z), *illar* (HN, L, LN), *irar* (B, Sout), *idar* (B) < **irar* Т 222 ‘бобовое растение’; *elur* (G, HN, L, LN, R), *elhur* (L, LN), *élhür* (Z), *erur* (B, Sout), *edur* (B) < **erur* Т 168 ‘снег’.

К.М. Мусаев пишет, что «выпадение /r/ перед согласными является одной из древних черт тюркских языков», например, *er-* ‘быть’: «*er + sä* > *esä*, *er + kän* > *eken*, *er + di* > *edi*, *er + miš* > *emiš*» [СИГТЯ 1984: 372]. То есть структура вспомогательных глаголов в современных башкирском и татарском языках имеет вид VCV(C) < ПТ *VC+CV(C): тат. *isä*, БТ *ikän*, *ide/ine*, *imeš*.

Баскские вспомогательные глаголы имеют структуру VCVN: **-izan-* Т 21 ‘быть’; *egin* (C), *égin* (Z) < **e-gin-i*/**e-giN-i* Т 163 ‘делать, работать’; *ukan*, *ukhan*, *úkhen* (Z), *ukhen* (арх. LN), *ékun* (R) Т 162 < **e-uka-n* S, *-dun* (C), *eun* (Sout) < **e-du(n)-* Т 161 ‘иметь’; *-din* (C) < **e-di(n)-* Т 161 ‘делаться, становиться’. При этом показатель каузатива **-ra-* Т 334 может употребляться в начале глаголов: *egin*

‘делать’, *eragin* ‘заставить делать’, тогда как в тюркских языках «форманты *-t*, *-r* – аффиксы понудительного залога» [Кононов 1980: 78] употребляются только после глагольного корня. Р.Л. Траск пишет, что интервокальная */-r-/* утрачивается в сочетании */-ari/*: *ari izan* > *ai izan* ‘быть занятым’ [Trask 2008: 29].

О тюркском ротацизме-зетацизме (соответствии */ř/* ~ */z/*)

Соответствию дрожащего палатального вибранта */ř/* звонкой щелевой */z/* в большинстве тюркских языков уделялось много внимания в тюркологии. В.В. Радлов, А.М. Щербак, Б.А. Серебренников утверждают мысль о первичности */z/*. Г. Рамстедт (1957) предположил существование оппозиции */r/* и */ř (ř)/* для пратюркского состояния. Идея первичности вибранта **/r₂/* по отношению к тюркской */z/* поддерживается Е.А. Хелимским [Хелимский 2000: 265–266]. А.В. Дыбо и О.А. Мудрак допускают, что пратюркский плавный сонант **/ř/* мог находиться как в апикальном, так и в палатальном ряду [СИГТЯ 2006: 35]. Чувашевед Н.И. Егоров придерживается мнения о вторичности ротацизма в чувашском языке [Егоров 1992: 72].

В новых вариантах реконструкций пратюркского консонантизма срединные и конечные БТ */-δ-/* ~ */-z-/* возводятся к ПТ **/-ř-/*: БТ *hadan/sazan* < **sazan* Э 157 ‘сазан’, ПТ **sārV-gan* ‘сазан, рыба-змей, червь’; БТ *höδ-/söz-*, чув. *sər-*, ПТ **süř-* (> венг. *szúr-*) [Дыбо 2009: 95] ‘цедить’; БТ *qīδil/qīzil*, чув. *xërle* < **qīzil* Э 196, ПТ **Kř-* ‘красный, рыжий, красивый, золото, ржавчина’; БТ *tod/toz*, чув. *tъ var* ‘соль’ < ПТ **dūr* (~ **-ū-*) ‘соль’; БТ *äδ/az*, хал. *ház* < ПТ **Ār* ‘немного’; БТ *iδ-/iz-*, чув. *ir-* < ПТ **er-* ‘мять, сжимать’; БТ *adīu/azau*, чув. *vъrъ-lъ* < ПТ **arig* ‘коренной зуб’.

Следы ротацизма-зетацизма в башкирских и татарских лексемах могут отражать семантически и фонетически обособившиеся лексемы, вероятно, установившиеся в результате наслоения диахронических пластов или контактов с другими тюркскими языками. Ср.: 1) БТ *qīδ-/qīz-*, чув. *xër-* < **qř-* М 88 ‘раскаляться’ и БТ *qur-/quir-* ‘жарить’; 2) БТ *odon/ozin*, *odaq/ozaq* ‘долгий, длинный’ < ПТ **urī-n*, **urā-k* ‘длинный, далекий’ и БТ *jīraq* ‘далекий’ < **jīra-* Э 286 ‘удаляться’; 3) БТ *hüδ/süz* < **söz* Э 338, ПТ **sör* ‘слово’ и БТ *hörän/sörän* ‘оклик,

ключ'; 4) аффиксы каузатива *-KVr* ~ *-KVδ* [Кейекбаев 1958: 133] (БТ *üt-kär-* ~ тат. диал. *üt-käz* 'проводит'; БТ *jat-qür* ~ тат. диал. *jat-qiz* 'укладывай') и др.

В баскском консонантизме подобные лексемы и соответствие */r, R/* ~ */ʒ/* обнаруживаются в единичных случаях: 1) *gar* (B, HN, LN, Z, R), *kar* (LN), *khar* (L, LN) < **gar* Т 198 'пламя, огонь, жар' и *e-gos-i* (C) Т 165 'кипеть, печь, варить'; 2) *esan* (Sout), *érran* (Z) Т 180 < **esran* ~ **sVran* Т 122 'говорить'. Наиболее распространено соответствие */-r-/* ~ */-d-/*, отмеченное выше.

А.А. Бурыкин предполагает, что ряд случаев ротацизма в тюркских языках составляют производные слова с суффиксами [Бурыкин 2005: 106]. По исследованиям А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, выявляются случаи диалектального или морфонологически обусловленного варьирования ПТ **/-rs-/* ~ ПТ **/-řs-/*; пратюркский вариант **/-řs-/* довольно рано совпал со стандартно-тюркским **/-z-/* < ПТ **/-ř/* через ступень «*/-zs-/*, а в чувашском какое-то время сохранялся, но впоследствии дал */s/*» [СИГТЯ 2006: 36]. Ср. БТ *teδ-/tez-*, чув. *tir-* < **diz-* Э 218 'нанизывать, выстраивать в ряды' < ПТ **türs* [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>] 'ряд, нить, черед, раз'; БТ *üdüñ/üzän*, чув. *vazan*, як. *örüs*, ДТ *özen* < ПТ **örs*, **örsen*, **özen* Э 510 'река, ручей, проток'.

Спорадические соответствия дрожащих и фрикативов (аффрикат) */-r- (-R-)/* ~ */-ʒ- (-ʒ-)/* ~ */-f-/* обнаруживаются на баскском материале: *zizain* (LN, Z), *zizein* (HN, Z), *zizeñ* (Z), *izaiñ* (G, HN), *izai* (G, HN), *uzan* (B), *ikaiñ* (G), *zirein* (HN), *zirain* (HN, A), *xixain* (L, LN), *xixaiñ* (Z), *itxain* (L, LN, Z) < **zizani* Т 377 'пиявка'; *jarri*, *xarri*, *xasi* (R) Т 241 'класть; садиться'.

Утрату */-r-/* перед */ʒ, ʒ, tʒ, tʒ/* в баскских диалектах признает Х.К. Уленбек [Uhlenbeck 1910: 85]. При утрате */r/* перед */ʒ/* последняя фонема качественно меняется */rʒ/* > */ʒ/*: *uso*, *urzo*, *ürzo* (Z) < **urzo* Т 361 'голубь'; *sasi* (B, G, HN, L, LN), *zarzi* (арх. LN) < **zasi* < *zarzi* (исп. *zarza*) 'терновник'; **/rʒ/* > **/rʒt/* > **/rʒt/* > */ʒt/*: *bost*, *bortz* < **bortz* Т 147 'пять'; *ortzi* (L) 'небо', (LN) 'гром', *osti* (BG) < **ortzi* Т 316, **horci*/**hošti* S 'небо; гром'; *hertze*, *ertze*, *herze*, *erze*, *este*, *érxe* (Z, R) < **[h]ertze* Т 180, **heste* S 'кишки, внутренности'; **/rʒt/* > */rʒ/* ~ */tʒ/* ~ */ʒ/*: *hertsi* (L, LN, Z), *ertsi*

(L, LN, Z, HN), *hersı* (LN, Z), *hetsı* (L, LN), *hesı* (L, LN, Z), *ertxi* (HN), *itsı* (арх. В, Sout), *itxi* (В, G), *etxi* < **hertsi* Т 180 ‘сжимать, узкий, закрыть, цепкий’.

Но ряд примеров демонстрирует **сохранение /-r-/** перед сибиллянтами и аффрикатами в баскских лексемах, ср.: *ortzoski*, *orzoski* (арх. LN), *orzaizki* (S), *orzozki*, *orzezki* (арх. Z) Т 318 ‘спокойный, чистый воздух’; *bertz* (HN, LN, Z, R) Т 137 < **perc* S ‘котел’; *lertzun* (LN, L), *lersoin* (G), *lertxun* (HN) < **lercoin* S ‘журавль, вид птицы’; *hartz* (L, LN, Z), *artz* (В, Sout., G, HN, S) < **[h]artz* Т 110 ‘медведь’; *hortz* (L, LN, Z), *ortz* (В, Sout., G, HN, L, LN, R) < **[h]ortz* ‘зуб-резец’; *phartz* (LN), *partz* (G, L), *bartx* (R), *bartz* (В) < **barrc* S ‘гнида’; *urte* (C), *urthe* (L, LN), *úrthe* (Z) Т 360 ‘год’.

/r/ в конце слова

Фонема /r/ в конце слова широко употребляется как в древнетюркских источниках, так и в современных тюркских языках и, как отмечает К.М. Мусаев, «проявляет удивительную устойчивость»; фиксируются редкие переходы в сонанты /l, j, n/ и смычные звонкие /ž, z/; в ряде случаев она выпадает с образованием заместительной долготы [СИГТЯ 1984: 373–379], устойчива в башкирском и татарском аушлауте. Ср. БТ /-r/ < ПТ **-/r/*: БТ *qor* < ПТ **Kur* ‘время, раз, сверстник, скопление людей’; БТ *or-* < ПТ **ur-* ‘бить, ударять, убивать, бросать’; БТ *kör* < **gür* Э 106 ‘густой, жирный’; БТ *ir* < ПТ **ēr* ‘мужчина’; БТ *aqır-*, *baqır-* < **baqır-/ *paqır-* Э 107 ‘кричать, орать’; БТ *sawır* < ПТ **sagır* ‘туя’; БТ *bar*, *barı* < ПТ **bār* ‘есть; весь, все’.

Конечная архифонема {-r} может утрачиваться в баскских сложносоставных словах: *adar* ‘рог, ветка’, *begı* ‘глаз’, *adabegı* ‘узел, нарост’ [Trask 2008: 41], но в целом обнаруживает устойчивость: *ar* (Z) < **ar* Т 100, **arr* S ‘мужчина, мужской’; *ahakar* (L), *akar* (HN, S), *ākar* (R), *aaka* < **anakar* Т 70 ‘ссора, спор’; *zumar* (В, G, HN, L), *zuhar* (L, LN), *zugar* (HN, L, A, S), *zuar* (HN), *zunhar* (LN), *zúnhar* (Z) < **zunar* Т 380 ‘вяз, ильм’; *moskor* (В, G, HN), *tokor* (В) Т 277 < **moškor* S ‘ствол дерева’.

В аффиксах

В грамматике башкирского, татарского языков достаточно широко представлены аффиксы с начальной фонемой /r-/:

1) в древнем наречном и падежном показателях с направительным значением (аллатив) *-ra* [Севортян 1978: 268]: *bu/bil* < **bu*: Э 225 ‘этот, он, здесь’, тат. диал. *para* [ТТЗДС: 519] < **bura* ‘это место, здесь, сюда’, БТ *elek, elgäre* ‘ранее’. Ср. древние составные аффиксы в наречиях БТ *-ya-rī, -gä-re, -qa-rī, -kä-re* (**-ru, *rü*): башк. *es-käre* ‘внутри’, *tön-gäre* ‘ночью’ [Азнабаев 1976: 37].

В древнетюркском языке показателями направительного, исходного, местного падежей выступали многозначные аффиксы *-a, -ä* [Там же: 34]. В современном башкирском, татарском языках показатель дательного-направительного падежа – *-qa, -kä, -ya, -gä*, ПТ **-qa/-kä*, в местоимениях 1, 2 л. – ПТ **-A* [СИГТЯ 1988: 110]: тат. *ana* ‘мать’, тат. *ana-ya* ‘матери’, башк. *äsä-he-n-ä* ‘матери его (ее).

2) БТ *-raq, -räk* (показатель степени сравнения): БТ *baj* ‘богатый’, *baj-ï-raq/baj-raq* ‘богаче’, БТ *jäšel* ‘зеленый’, *jäšel-e-räk/jäšel-räk* ‘более зеленый’.

Баскская фонема /r/ в начале аффиксов употребляется в следующих случаях:

1) *-ra, -tara(ko)* ‘к, в, на’ [Rijk 2007: 49], где /-r-/ , по мнению Р.Л. Траска, является эпентезой [Trask 2008: 69], (показатель направительного падежа (аллатива) у неодушевленных существительных, также у глаголов): *oin-e-ra* ‘ноге’, *oin-e-tara* ‘ногам’; *mendi-rako* ‘для (этой) горы’, *mendi-tarako* ‘для горы, для гор’; *lo-tara joan* ‘идти спать’ (*lo* ‘спать’);

2) *-ra, -era* (способ): *bat* Т 128 ‘один’, *bed-era* Т 129 ‘по одному’.

Срединная /-r-/ выступает в составе БТ аффиксов *-yïrau* (в межтюркских именных либо звукоподражательных основах): *qïnyïrau* ‘колокольчик’.

Баскская фонема /r/ чаще употребляется в середине аффиксов:

1) *-(k)era, -(k)ara* Т 186 (образ, способ действия): *ibili* ‘ходить’, *ibil-kerä* ‘походка’; *adi-era* ‘значение слова’;

2) *-garri (-karri), -gura* (характеризующийся тем, что выражено основой), возводится к глаголу *ekarri* ‘приносить’ [Rijk 2007: 335]: *barre* ‘смех’, *barre-garri* ‘смешной’; *lo* ‘спать’, *lo-gura* ‘сонный’; *erruki* ‘жалеть’, *erru karri* ‘жалкий’;

3) *-kiro* (в наречиях) [Там же: 237]: *leun* ‘мягкий’, *leun-kiro* ‘мягко’.

Фонема /r/ представлена в составе башкирских, татарских аффиксов преимущественно в конечной позиции:

1) Конечный элемент *-r* в тат. диал. *mī-ŋa-r*, *mī-ŋa-r-ŋa* ‘мне’ (как считает В.Ш. Псянчин, – древнейший показатель значения множественности в тюркских языках [Азнабаев 1976: 37]);

2) БТ *-Vr-ŋa*, *-Vr-gä* (целевой инфинитив, *V* – БТ *ī*, *e*, башк *o*, *ö*, тат. *a*, *ä*), где, по мнению А.А. Чеченова, «основой (инфинитива. – Д. С.) выступает причастие и имя действия, которые могут приобретать аффикс направительного падежа» [СИГТЯ 2002: 338], например, тат. *jat-ar-ŋa* ‘ложиться’, где *-ar* – показатель причастия, *-ŋa* < **-qa/-kä*, **-A* – показатель дательного падежа;

3) БТ *-(š)ar*, *-(š)är* (в разделительных числительных): БТ *ber-är*, БТ *ber-e-š-är* ‘по одному’;

4) БТ *-qar*, *-kär*, *-ŋar*, *-gär* (образуют переходные глаголы от ограниченного количества существительных): БТ *qot-ol/-qot-İL-* ‘спасайся’, БТ *qot-qar* ‘спасай’, башк. *jel* ‘ветер’, башк. *jel-gär* ‘вей, овевай’;

5) БТ *-yir*, *-ger*, *-qir*, *-ker*, башк. *-kör* (в значении ‘повышенная способность, моментальная реакция на мотивированное действие’) [ГСБЛЯ 1981: 179]: БТ *ot-* ‘уловить’, БТ *ot-qor/ot-qir* ‘сметливый’;

б) общетюркский аффикс мн. ч. у имен существительных и глаголов в форме 3 л. *-lar* [СИГТЯ 2006: 229]: БТ *bala* ‘ребенок’, БТ *bala-lar* ‘дети’.

Конечная /-r/ фиксируется в следующих баскских аффиксах:

1) *-kor* ‘стремящийся к чему-л., любитель’: *alda-kor* ‘ветренный’; *sar-kor* ‘проникающий’;

2) *-tzar* (в значении увеличения): *gizon* ‘человек’, *gizon-tzar* ‘человечище’ [Кинтана, <http://www.twirpx.com/file/1325620/>];

3) *-tar*, *-ar* Т 345, *-tiar* (аблативное определение, в этнонимах): *Bilbao* (город), *bilbo-tar* ‘житель Бильбао’, *errusi-ar* ‘русский’; *esker-tiar* ‘левый’.

Башкирская, татарская и баскская конечные фонемы /-r/ употребляются в прилагательных, возможно, обнаруживая древний аффикс *-Vr*: БТ *huqir/suqir* < **soqur* Э 318 ‘слепой, неспелый (о плоде)’; БТ *süuar/çuar*, тат. диал. *çobar* [ТТЗДС:

756] < ПТ **çap-*, **çopur* ‘пестрый, неряшливый, высыпать (о сыпи, чирьях)’; БТ *taqir* ‘гладкий, катанный, голый’.

Ср. баск. *zahar* (L, LN, Z), *zaar* (B), *zar* (B, Sout., G, HN, R), *zagar* (HN) < **zahar* Т 366, **sahar* S ‘старый, плохой’; *limur* (G, HN, LN, Z), *linbur* < **limuri* S ‘влажный, скользкий’; *alfer*, *alper*, *arpel* (B), *auher* (LN), *auger* (S), *aguer* (S), *auer* (S), *auffer* (S) Т 87 ‘лентяй, бесплодный, тощий (о земле)’.

В целом, дрожащий небно-альвеолярный сонант /r/ и его аллофоны несвойственны для башкирского, татарского и баскского анлаута, в заимствованиях наблюдаются протетические гласные перед /r/. Для пратюркского состояния восстанавливаются дрожащий */r/ и палатальный */ř/. Баскские диалекты имеют одноударный (хлопок) /r/ (< ПБ */r/) и многоударный (вибрант) /R/<rr> (< ПБ */R/), противопоставление которых имеет место в интервокальной позиции и подвержено утрате. БТ /r/ и баскская /R, r/ обладают относительной устойчивостью в середине, конце слова и в аффиксах, участвуют в соответствиях /-r-/ ~ /-l-, -d-/ , подвержены выпадению перед согласными. Рефлексами ПТ */-ř-/ являются башкирская /-δ-/ , татарская /-z-/ . Ряд случаев тюркского ротацизма представлен производными словами. В баскских диалектах происходят утрата /-r-/ перед /s̺, s̺, t̺, t̺/ и качественное изменение сибиланта или аффрикаты (/r̺/ > /s̺/). На баскском материале обнаруживаются спорадические соответствия срединной архифонемы {-r-} и сибилантов (аффрикат) /-s̺- (-s̺-)/ ~ /-f-/ . Фонема /-r/ употребляется в башкирском, татарском и баскском ауслауте, в аффиксах схожей семантики и структуры, в ряде случаев выпадает в конце слова в отдельных тюркских языках и утрачивается в баскских сложносоставных словах.

3.4. Развитие башкирских, татарских переднеязычных фрикативов (щелевых) и баскских сибилантов, аффрикат

3.4.1. Переходы внутри группы. Гармония баскских сибилантов

В современном башкирском языке функционируют исконные переднеязычные фрикативы /θ, s, š, δ/, в татарском – /s, ç, š, z/. В раннем пратюркском «щелевой глухой s в начале слова очень устойчив», а «начальная

глухая аффриката *č- может быть проецирована на раннее состояние языка» [СИГТЯ 1984: 214–216]. Ставится под сомнение употребление в пратюркском начале слова звука /š/ [СИГТЯ 1984: 217]. По мнению О.А. Мудрака, для этапа «непосредственно перед распадом пратюркской общности» реконструируются глухой апикальный спирант /s/, сильный палатальный смычный /č'/, звонкий дентальный спирант /δ/, слабые палатальные смычные /ž-, č/ [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>]. В «Этимологическом словаре алтайских языков» реконструированы фонемы */s, č/ [EDAL 2003: 24, 136]. В современных тюркских языках двухфокусная глухая смычно-щелевая аффриката */č/ переходит в тат. /ç/, башк. /s/, мишарскую /c/, кабардино-балкарскую /ž/; «закономерность кыпчакских языков – согласные, относящиеся по месту образования к одной группе, переходят друг в друга» [СИГТЯ 2002: 269, 283].

В современном баскском языке функционируют глухой ламино-альвеолярный фрикатив (сибилянт) <z>/s/, глухой апико-альвеолярный (фрикатив) сибилянт <s>/s/, глухой небно-альвеолярный фрикативный <x>/f/ и соответствующие глухие аффрикаты <tz>/tš/[c], <ts>/tš/[čc], <tx>/tʃ/[č]. Для прабаскского языка восстанавливаются сибилянты */s, s/, аффрикаты */tš, tš/. С XVII века в западных диалектах наблюдается конвергенция (слияние) апикальных и ламинальных: /s/ и /s/ – в ламинальном варианте, /tš/ и /tš/ – в апикальном варианте [Trask 2008: 28], то есть баскские сибилянты и аффрикаты также переходят друг в друга в пределах групп. А.В. Архипов и Г.А. Нуждин также отмечают диалектные особенности употребления баскских сибилянтов и аффрикат: «в бискайском и части гипускоанского говорах ламино-альвеолярный z и апико-альвеолярный s совпадают в апико-альвеолярном варианте, а соответствующие аффрикаты – в ламино-альвеолярном. В части северных диалектов альвеолярные аффрикаты практически отсутствуют, а постальвеолярный š не встречается в начале слова. В сулетинском диалекте z является самостоятельной фонемой, в других диалектах – аллофоном s... Гипускоанскому x (на письме j) соответствуют сулетинский звонкий щелевой постальвеолярный ž, ронкальский глухой щелевой постальвеолярный š,

бискайский звонкий дорсопалатальный смычный *j* и т. д.» [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>]. Кроме того, известны случаи нейтрализации оппозиции по фрикативности-аффрикативности [Trask 2008: 42].

Отметим, что слияние ПТ */*č*, *s*/ (башк. /*s*, *θ*, *h*/) произошло в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка и выступает характерной и древней диалектной особенностью этого говора [Миржанова 2006: 38], ср. башк. *säj esäheŋ*, тат. *çäj eçäseŋ*, караидельский говор *säj esäseŋ* ‘чай пьешь-ты’.

В баскском языке наблюдается «гармония сибилантов»: баскские лексические единицы могут содержать только ламинальные (/ʃ, tʃ/) или только апикальные звуки (/s, ts/). Ламинальные звуки подстраиваются под апикальные: баск. арх. *zinetsi* ‘истина’ > современное *sinetsi* [Trask 2008: 42]. Тенденция к гармонии переднеязычных фрикативов – особенность и тюркских языков: башк. *säs*, тат. *çäç*, ср. чув. *s'üs'* [Кононов 1980: 74] < ПТ */*s(i)ač* ‘волосы, коса, шерсть’; БТ *šaš-* < ПТ */*sāš-* ‘неистовствовать, переходить меру’.

Протетические гласные перед переднеязычными фрикативами наблюдаются в башкирских диалектах: БТ *išiq/çiq* < ПТ */*čij*, */*čij-ik* ‘роса’, башк. диал. *ozur/ozor/uzir/usir* [Миржанова 2006: 223], БТ *dur/zur* ‘большой’.

Аналогичным образом, заимствования с переднеязычными фрикативами /*s-*, *š-*/ имеют протетические гласные /*e-*, *i-*/ в башкирском, татарском языках: БТ *iškaf* ‘шкаф’, БТ *eskämijä* ‘скамья’. Протетические /*e-*, *i-*/, по наблюдениям К. Мичелены, прослеживаются в баскских заимствованиях из латинского языка: лат. *stupam* ‘пакля’ > *iztupa*; лат. *spatham* ‘меч’ > *ezpata* [Trask 2008: 54]. Заметим, что БТ *isün/çün*, ДТ *čin* ‘истинный’ считаются заимствованиями из китайского языка. (В баскской лексике обнаруживается похожее слово *zin* (G, L, LN, Z, R) < */*zin* Т 376 ‘истина, клятва’. Сходство выявляется и в лексемах БТ *isem* ‘имя’ (заимствование из арабского (*i*)*sm*) и баск. *izen* (C), *izen* (Z), *uzen* (B) < */*izen* ‘имя’.)

Таким образом, соответствия переднеязычных фрикативов и аффрикат необходимо рассматривать с учетом исторических переходов в пределах групп по месту образования, гармонии сибилантов.

3.4.2. Татарская /s/ и башкирские /h, θ/ в сопоставлении с баскскими сибиллянтами /s̺, s̺/

В начале слова

В работе Т.М. Гарипова поддерживается мысль об особенностях развития переднеязычного однофокусного зубно-небного фрикатива /s/ в башкирском и татарском языках, обусловленных рефлексациями башкирской и татарской фонем /s/ от разных источников (*s, č) [Гарипов 1979: 114]. Татарской анлаутной фонеме /s-/ , как правило, соответствует башкирская фарингальная /h-/ , ср. БТ *hin/sin* < ПТ *s̺-, *sen Э 247, ПТ *se < ‘ты’; БТ *hip-/sip-* < ПТ *sep- ‘рассыпать, обрызгать’; БТ *haqal/saqal* < *s̺yölə М 92 ‘борода, женское нагрудное украшение’; БТ *haŋyïrau/saŋyïrau* < *sayïr (< *saŋïr-) Э 154 ‘глухой’; БТ *höt/söt* < ПТ *s̺üt ‘молоко’; БТ *hat-/sat-* < ПТ *sat- ‘продавать, измена’; БТ *heŋer/seŋer* < ПТ *sinir ‘сухожилие, жила’.

Утрата начальной *s-/ наблюдается в якутском и долганском языках: БТ *hüδ/süz*, як., долг. *ös* < ПТ *s̺ör ‘слово’; БТ *hüu/su*, як. *u:* < *suw° Э 348, *s̺üv М 90, ПТ *sib ‘вода, река’; БТ *hari/sari*, як. *arayas* < ПТ *s̺iarig ‘желтый’; БТ *hayin-/sayin-*, як. *ayin-*, долг. *agin-* < ПТ *s̺iāk- ‘думать; скучать’; БТ *hataš-/sataš-*, як. *atayasta-* < ПТ *s̺iat-ga- ‘бредить, сбиваться с толку’.

Спорадически **тюрк. /j-/** < ПТ *s-/: БТ *säs/çäç*, ДТ *jač* [Кононов 1980: 74] < ПТ *s(i)ač ‘волосы, коса, шерсть’; БТ *hin/sin* < *sin Э 429, ПТ *si(j)n < ‘тело, рост, хребет, ствол’, ср. як. *s̺in*, ДТ *j̺in* (МК) < ПТ *j̺in ‘кожа, тело’.

Согласно данным, представленным в работе Т.М. Гарипова, в начале башкирских и татарских слов наблюдаются изменения /s-/: *h, θ, š, c, Ç, z, s̺, ç, j, x* [Гарипов 1979: 117]. В демском и уршакском говорах южного диалекта башкирского языка литературной /h/ соответствует специфическая переднеязычная плоскощелевая глухая /θ/ [Ишкильдина 2013б: 195–197; Алсынбаева 2010: 51].

По мнению А.М. Щербака, фарингальный *h* в башкирском и якутском языках является вторичным рефлексом пратюркских *s, *š, *č [Щербак 1970: 81]. Дж. Г. Киекбаев связывает развитие башкирского *h* с чисто фонетическими изменениями (спирантизацией) общетюркского *s* [Кейкбаев 1958: 137].

К.М. Мусаев башкирскую /h/ рассматривает как результат «изнашивания» фонемы /s/ [СИГТЯ 2002: 271]. Согласно другому подходу, «развитие *h* вместо *s* в башкирском языке ставится в связь с монгольским и иранским воздействием, а в якутском языке – с тунгусо-маньчжурским» [СИГТЯ 1984: 226]. Т.Г. Баишев также предполагает влияние монгольских языков [Баишев 1955: 22–23]. Т.М. Гарипов склоняется к мнению о влиянии «типологически сходного сдвига в субстратных финно-угорских и индоевропейских языках» [Гарипов 1979: 137].

Переход /s/ > /h/ характерен для развития древнегреческого, древнеармянского, древнеиранского, индоевропейских, монгольских и других языков. А. Мейе объяснял переход */s/ > /h/ в позиции перед гласным в индоевропейских языках влиянием ослабления артикуляции [Приводится по: Рассадин 1982: 156]. Заметим, что в бурятском языке также произошел переход /s/ > /h/ [Афанасьева 2010: 40].

Как отмечают тюркологи, палатализация общетюркской /s/ наблюдается в чувашском языке; чувашская /š/ соответствует стандартно-тюркской /s/ [СИГТЯ 2006: 57], ср. БТ *had/saz*, чув. *šor* < ПТ **siaŕ* ‘болото, грязь’; БТ *höjäl/söjäl*, чув. *šb^wklb^w*, *šə^wgə^wl* < ПТ **s[e]göl/*sögil* ‘бородавка’.

Диалектное соответствие /h-/ ~ /š-/ наблюдается в единичном баскском примере: *hezi, hézi* (Z), *zezi* (G) Т 189 ‘приручать’. Возможно, соответствие /h-/ ~ /š-/ отражается в производной форме: *ur* (С, кроме Z), *hur* (Z), *u-* < **ur* Т 357 ‘вода’, *itaixur, utaxúr* Т 232 ‘желоб для воды’ (Б *ito-* Т 232 ‘желоб’); в звукоподражательной лексике /tʃ-/ ~ /ʃ-/ ~ /h-/ ~ /l-/: *txistu* (B, G), *xistu* (L, LN), *xixtu* (L, LN), *hixtu* (L, LN?), *fixtu* (L, LN?), *listu* (HN), *lixtu* (HN), *ixtu* (G, HN), *istu* (L, LN?), *huxtu* (L, LN), *hũxtũ* (Z) Т 352 ‘свист’.

Баскский начальный глухой ламино-альвеолярный сибилант <z>/š-/ относительно устойчив: *zain II* (R), *za(i)ñ* (G, HN), *zan* (B), *zañ* (Z) Т 367 < **zain* S ‘вена, нерв, корни (волос)’; *zalke* (G, HN, S), *zalka* (G), *zalge* (LN, Z, R), *zalga* (B) Т 367 ‘вика (бот.)’; *zeru* (B, G, HN, L, LN, R, S), *zélũ* (Z), *zéuri* (R), *zeuru* (R) < **zelu* Т 373 ‘небо’. Периодически происходит палатализация в уменьшительно-экспрессивной функции, /ʃ-/, /tʃ-/ < */š-/: *zoko* (C), *zokho* (L, LN), *zókho* (Z), уменьш.

xoko, xokho, xókho, txoko < *zoko Т 377 ‘угол’; *zehe* (L, LN), *zēhē* (Z), *zee* (B, G), *ze* (B, G, HN), уменьш. *xehe* (L, LN), *xēhē* (Z), *xē* (R), *xe* (HN, LN), *txe* (G) < *zene Т 372 ‘очень маленький, крошечный’; *zuri* (C), уменьш. *txuri* (G), *xuri* (HN, L, LN), *xú(r)i* (Z) < *zuri Т 381 ‘белый’; **палатализация и спорадическая утрата /s̺-/:** *zizain* (LN, Z), *zizein* (HN, Z), *zizeñ* (Z), *izaiñ* (G, HN), *izai* (G, HN), *uzan* (B), *zirein* (HN), *zirain* (HN, A), уменьш. *xixain* (L, LN), *xixaiñ* (Z), *itxain* (L, LN, Z) < *zizani Т 377 ‘пиявка’.

Баскский глухой апико-альвеолярный сибилант <s>/s̺/ в целом более устойчив: *sare* (C) < *sare Т 337 ‘сеть’; *sarde* (G, HN, L, LN, Z), *saharde* (L), *saarde* (L), *sardei* (LN), *sarda* (B) Т 337 < *saharrde S ‘вилы с двумя зубьями, вилка, грабли’; *soin* (R), *soñ* (Sout), *suñ* (Z) < *soin Т 340 ‘тело’; *sorburu* (B) Т 340 < *sor S ‘верхняя часть спины, плечо’. Реже наблюдается **палатализация фонемы /s̺-/:** *sagu* (C), *sagü* (Z), уменьш. *xagu* (G) < *sagu Т 335 ‘мышь’; *soil* (C), уменьш. *xoil* (арх. LN) Т 340 ‘лысый; простой’.

В середине слова ПТ */-s-/ реализуется в башкирской литературной /-θ-/, диал. /-h-/ и тат. /-s-/. Ср. БТ *eθe/esse* < ПТ **isig*/**isig* ‘горячий, теплый’; БТ *aθ(t)/as(t)* < **as(t)* Э 195 ‘низ’; БТ *uθir-/usir-* ‘пускать ветер из кишечника’.

В одних случаях баскская /-s̺-/ сохраняется в середине слова (*bizi* (C) < **bizi* Т 145 ‘живой’; *ezagutu, ezagütü* (Z) < **e-zagu-tu* S ‘знать, признать’; *azpi* < **azpi* Т 122 ‘снизу, под’; *ezpain, ezpañ, ézpañ* (Z), *ezpan* (B), *ezpéin* (R) < **ezpain* Т 189 ‘губа’; *zuzen* (C, кроме Z), *zūzen* (Z) < **zuzen* Т 382 ‘прямой, правильно’; *izar* (C) < **izar* Т 235 ‘звезда’), в других случаях произошла **палатализация** в диалектах или формах слов: *izeki, iexeki* (арх. LN), *exeki* (арх. B, R, S) < **e-ze-ki* Т 236 ‘ожог’; *haize, aize* (арх. LN), *áize* (Z), *axe* (B, Sout) < *[h]aize Т 83 ‘ветер’; *leize* (арх. LN), *leze, lexe* (B), *lexa* (B) Т 266 ‘ущелье’; *izter* (B, L, S), *iztar* (B, G), *ixter* (арх. LN) < **izter* Т 237 ‘бедро, подколенное сухожилие’. Также наблюдается **переход в /s̺-/:** *iztegi* (арх. B), *iztei* (B), *iztai* (B), *istai* (B), *istei* Т 237 < **iztai* S ‘пах’; *uzki, úzkü* (Z), *úzku* (R), *uskoi* (арх. B) < **uzkoi* Т 362 ‘ягодицы’.

Та же картина характерна и для развития баск. фонемы /-s̺-/. Наблюдается ее устойчивость в одних примерах (~ *baso* (B, G, HN, арх. Z) Т 128 ‘лес, пустыня, горы’; *baserri* (B, G), *basarri* (B), *basaerri* (арх. B) Т 128 ‘малонаселенные земли

вдали от городов'; *usain* (B, HN, L, LN), *usai* (арх. B, Sout., G), *usein* (HN), *usna* (G, HN, L, LN) Т 361 < **usani* Т 361 'запах'; *azken*, *azkan* (B, R), *azkein* 'конец'), но – **палатализация** в других случаях: *suri* (B, G, HN, L, LN, Z), *ixuri*, *usuri* (R), *esuro* (арх. B) < **e-sur-i* Т 231 'лить(ся)'; *eskegi* (B), *esegi* (B), *exegi* (B, Sout), *isegi* (G, HN) Т 181 'вешать'. Также возможно **соответствие** /-ʃ-/ ~ /-ʒ-/: *esne* (HN), *ezne* (арх. B, Sout, LN, R, S), *ezné* (Z), *esene* (HN) < **eSene* S 'молоко, сок'; *astigar*, *aztigar*, *gaztigar*, *txastegiar* (S) (*ihar* 'клен') Т 112 'клен'.

В конце слова башк. /-θ-/ ~ **тат.** /-s-/: БТ *aθ-/as-* < ПТ **as-* 'висеть'; БТ *iθ/is* < ПТ **es* 'память, ум, разум'; БТ *iθ-/is-* < ПТ **ebi-s-* 'веять'; БТ *jeθ/is* < ПТ **ijs* 'запах'. По исследованиям Т.М. Гарипова, финальные соответствия для БТ /s/: *θ*, *h*, *z*, *δ*, *d*, *t*, *x*, *h^x* [Гарипов 1979: 118].

Конечные сибиллянты в целом несвойственны для ауслота исконной лексики (исключения типа: *ihes* (L, LN, Z), *ies* (B, HN, S), *iñes* (арх. B), *ïes* (арх. B, R), *ihěs* (Z), *iges* (B, G, HN), *igas* (HN) < **i-nes* Т 218 'бег, полет'; *iaz* (HN, L, LN, S), *ihaz*, *jaz* (L), *igaz* (B, G, HN), *igez* (B), *ijaz* (B), *ijez* (B), *iez* (B), *xaz* (S, R) Т 217 < **iγas* S 'прошлый год'; звукоподражательное *txiz* (B, G) Т 352 < **čis* S 'моча'), как и конечные смычные согласные.

Таким образом, татарской однофокусной зубно-небной фонеме /s/ (< ПТ */s/) соответствует башкирский фарингальный спирант /h/ (в диалектах – /θ/) в анлауте, в остальных позициях – переднеязычная плоскощелевая глухая фонема /θ/ (фарингальная /h/ в башкирских диалектах). Стандартно-тюркской /s/ соответствует чувашская палатальная /š/. В караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка произошло слияние ПТ */č/, /s/ (башк. /s, θ, h/). Баскская начальная /ʃ-/ относительно устойчива. Периодически происходит палатализация в уменьшительно-экспрессивной функции: /ʃ-/ > /f-, tf-/. Баскская анлаутная /ʒ-/ в целом более устойчива, палатализация происходит реже. В ряде случаев произошла конвергенция и палатализация баскских срединных /-ʃ-, -ʒ-/. В отличие от башкирского, татарского консонантизма, конечные сибиллянты, как правило, редко употребляются в баскском ауслоте.

3.4.3. Рефлексы пратюркской аффрикаты */č/ и баскские аффрикаты

В последнем томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» предполагается деаффрикатизация анлаутной праалтайской */č-/ в пратюркском и переход в */t-, d-/; ПА */š-/ > ПТ */č-/ перед гласными заднего ряда, ПА */š-/ > ПТ */s-/ – в других позициях [СИГТЯ 2006: 11]. В других позициях ПА */č'/ и */č/ совпали в ПТ */č/.

О.А. Мудрак считает, что рефлексами пракыпчакской фонемы */č-/ < ПТ */-č'-/ [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>] являются фонемы /s-/ в башкирском и /ç-/ в татарском языках. Согласно работам татарских диалектологов, татарский глухой фрикатив /ç-/ соответствует глухому переднеязычному зубно-небному фрикативу /s-/ в башкирском языке и аффрикате /c-/ [ʈ/čʰ] [Татар халык сөйләшләре I 2008: 10–11; Ахатов 1980] в мишарском диалекте. Исследователи уверены, что первичный č «сохраняется, как правило, в мишарском диалекте», в касимском, нукратском и др. говорах татарского языка [Гарипов 1979: 148] и является специфическим звуком [Ахатов 1963: 68–70; Тумашева 1977: 58–59]. Э.Р. Тенишев считает, что переход ПТ */č-/ > /s-/ характерен для якутского, хакасского языков, говоров татарского, уйгурского, узбекского языков [СИГТЯ 1984: 242].

Как отмечает в своей диссертации Г.Т. Губайдуллина, «К. Насыри квалифицирует татарские ç, ź как свистящие (сызгыргыч), а известный татарский лингвист Г. Алпаров относит эти звуки к придувным (өрелмәле). На этой же позиции в отношении звука ç, (орфогр. ч) стоял М. Курбангалиев, а Г.Ш. Шараф первый экспериментально доказал, что татарские ç, ğ (вернее ç, ź) не являются аффрикатами» [Губайдуллина, <http://cheloveknauka.com/tatarskaya-eksperimentalnaya-fonetika>].

Общая формула изменений /ç/ в башкирском и татарском языках: Ç, c, C, s, s^ç, s', t, t', š, š'; также b, z, j, k, h? [Гарипов 1979: 149].

В начале слова наблюдается систематическое соответствие **башк.** /s-/ ~ **тат.** /ç-/ < ПТ */č-/: БТ *sere-/çere-* < ПТ *čer 'гной, гнить'; БТ *sajan/çajan* < ПТ č'adVbV

‘скорпион’; БТ *sik/çik* < *čēkə М 39 ‘граница, край, межа, конец’; БТ *sibirqi/çibirqi* < ПТ *čĀb- ‘плеть’; БТ *sibiq/çibiq* < ПТ *čĭp ‘ветка’.

Спорадически **башк.** /h-/ ~ **тат.** /s-/ (< ПТ */č-/): БТ *hiđiq/siziq* ‘жареный жир’, чув. *čəžə* ‘грудь (женская)’ < ПТ *čičig (*čičig) ‘грудь (женская), овцематка; жареный жир’; БТ *hiđ-/siz-* < ПТ *čir- ‘чертить’. Изменение /h-/ < ПТ */č-/ отмечено в долганском языке: каз. *šoq*, узб. *čuy*, турк. *čōg*, хак. *soy*, ДТ *čoy*, як. *suos*, долг. *huos* < ПТ *čōg ‘жар, тлеющие уголья’; БТ *surtan/çurtan*, ног., тув. *šortan*, як. *sordon*, долг. *hordon* < ПТ *čortan ‘угорь; щука’.

В тюркских языках сибирской группы происходит развитие /š-/ < ПТ */č-/: шор. *šajiq*, БТ *haj/saj*, ойр. *čaj-r-am* < ПТ *čāj ‘речка, песок, галька, мелководный’, ср. БТ *sujir/çujir* ‘галька’; каз. *šaqa*, тат., ног. *čaya*, башк. *saqa*, ДТ *čaqa* < ПТ *čĀka ‘новорожденный ребенок, детеныш’; тув. *šaq-* ‘высекать огонь’, БТ *saqma/çaqma* ‘огниво’ < ПТ *č(i)ak- ‘высекать огонь; огниво’; уйг. *čarčaj*, тув. *šarlan*, ДТ *čarun* (МК) < ПТ *čar- ‘платан, крыжовник, осина, вид тополя’; спорадически **тюрк.** /d-, t-/ < ПТ */č-/: БТ *säjnä-/čäjnä-*, ног. *šajna-*, хак. шор., тоф. *tajna-*, тув. *dajna-* < ПТ *čAj-na ‘жевать, кусать’. То есть рефлексы ПТ */č-/ в башкирском, татарском и других тюркских языках весьма неоднородны.

Баскские аффрикаты не восстанавливаются для начала слова. Р.Л. Траск предполагает **фонему** */tʃ-/ для анлаута в единичных примерах: *enbor* (B, G, HN), *enpor* (B), *anpor* (B), *onbor* (B, HN, L), *onpor* (B), *konbor* (L), *zonbor*, *zunpur*, *zenbor* < *txonbor Т 171 ‘ствол дерева, лоза, пень, громадина’; *txoromorotu* (B) < *txoromoro ‘веселиться, хмелеть’. Лексемы с начальной /tʃ-/ Р.Л. Траск относит к палатализованным экспрессивным формам: *txindor* (B) < *zindor/*sindor Т 351 ‘вид птицы’; *txori* (B, G, HN, LN, R), *txó(r)i* (Z), *xori* (HN, L, LN), *xo(r)i* (Z) ‘птица, пенис’ < *zori Т 377 ‘удача’; *zakur* (G) ‘собака’, *zakur* (G, HN, LN, Z, R), *zakhur* (L, LN) ‘большая собака’, уменьш. *txakur* (C), *xakur* (HN, L, LN, Z, R), *txákūr* (Z) < *zakur Т 367 ‘собака’; *zintzur* (G, HN, L, LN, Z, R), *zũntzũr* (Z), *tzuntzur* (R), *txuntxur* (R) ‘горло’, уменьш. *txintxur* (HN) ‘горло’, (G) ‘зоб, ячмень’ < *zintzur Т 376 ‘горло’, наваррский топоним *Zizur* (в 1192 году записан как *Çiçur*).

По мнению К. Мичелены, звук *t'* утратился в баскских говорах, сливаясь с *č* [Michelena 1990: 181]. С.А. Старостин реконструирует аффрикату /*tf*-/ < */*č*-/ для прабаскского языка и предлагает более десяти примеров: *txintxor* (G), *txintxola* (G) < */*č**inč*V S ‘галька’; *txitxi* (C) < */*č**iči* S ‘мясо или рыба (детская речь); полный, мясистый’; *txonta* (B) < */*č**onta* S ‘зяблик’, в которых может наблюдаться междиалектное соответствие /*tf*-/ ~ /*f*-/: *txankurrika* (B), *txanket* (G), *txangilka* (HN), *txangarka* (LN), *xanku* (L), *txainkūka* (Z), *txankarka* (R) < */*č**aink*- S ‘хромать’; *txaraka* (B), *txara* (G), *xara* (HN), *xara* (LN), *xara* (L) < */*č**ara* S ‘заросли, общий термин для кустарников и растений, хворост’.

Возможна утрата анлаутной аффрикаты /*tf*-/ ~ /*f*-/ ~ [0]-/: *imintxa* (B), *imitxa*, *tximitxa*, *ximitx*, *imutxa*, *tximutxa* T 224 ‘клоп’; *txistu* (B, G), *xistu* (L, LN), *xixtu* (L, LN), *hixtu* (L, LN?), *fixtu* (L, LN?), *listu* (HN), *lixtu* (HN), *ixtu* (G, HN), *istu* (L, LN), *huxtu* (L, LN), *hūxtū* (Z) T 352 ‘свист’.

В середине слова также прослеживается регулярное соответствие **башк.** /-*s*-/ ~ **тат.** /-*ç*-/: БТ *ilasın/laçın* < */*la:č**in* Э 6 ‘сокол’; БТ *kese/keçe* < ПТ */*kič**ük*-*g* ‘молодой, младше’; БТ *säskä/çäçäk*, каз., ног. *šešek* < ПТ */*čeč**ek* ‘цветок’; БТ *qisqir/qičqir*- < ПТ */*Kič*-*g**ir*- ‘кричать’; БТ *osa/oça* < ПТ */*ūč**a* ‘крестец; задница’.

В говорах башкирского языка, как пишет Л.К. Ишкильдина, наблюдаются рефлексы срединной ПТ */-*č*-/ > /-*s*-, -*š*-, -*ž*-, -*z*-, -*z*-/ [Ишкильдина 2013б: 106–107].

Для баскского языка характерны междиалектные соответствия /-*tš*-/ ~ /-*tf*-/: *etzan* (C), *etzin* (G, HN, R), *etzun* (B), *etxun* (B) < */*itzaun*- T 184 ‘лежать, ложиться’; *oneritzi* (L), *onheritzi* (L, LN), *oneretxi* (арх. B), *oneritxi* (B) ‘любить’; /-*tš*-/ (~/-*tš*-/) ~ /-*tf*-/: *etxe* (C), *etse* (B, Sout., R), *etze* (B), *itxe* (G, HN) < */*etse* T 184, */*eče* S ‘дом’; *itsaso* (C), *itxaso* < */*itsaso* T 232 ‘море’; *itsu* (B, HN, L, LN, S), *itxu* (G), *utsi* (R) < */*utsu* T 232 ‘слепой’; *jaitsi* (арх. LN), *jatsi* (арх. B, Sout), *deutsi* (LN), *jatxi* (G, HN), *jetxi* (G, HN), *xatxi* (R) < */*e-au(t)si* T 242 ‘спускаться, снизить’; /-*tš*-/ ~ /-*tš*-/: *aintzigar* (B, G), *antziar*, *antzigar* (B, G), *antsigar* (B, G), *intziar* (G), *antzier*, *intzigar* T 80 ‘мороз, иней’.

В других случаях срединные аффрикаты весьма устойчивы, /-*tš*-/ < */-*tš*-/: *atze* (C) < */*ace* ‘задняя часть’; *atzi-tu* (HN), *atze-man* (G, LN, L, Z), *atza-man* (Z) T 115 < */*ac*V- S ‘ловить, поймать’; /-*tš*-/ < */-*tš*-/: *etsi* < */*e-utsi* T 184 ‘рассматривать,

обдумывать, учитывать, считаться с кем-л.’; *otso* (C), *ótsó* (Z) Т 321 < **otso* ‘волк’; /-tʃ-/ ~ /-tʃʰ-/: *bitxi* (B, R), *pitxi* (B, G, HN) Т 144 ‘узор’; *atxiki* (L, LN), *atxeki* (R), *etxeki* (L, LN), *etxéki* (Z) Т 114 ‘колоть, втыкать’.

В конце слова башк. /-s/ ~ **тат.** /-ç/: БТ *es/eç* < ПТ **iç* ‘живот, внутренность’; БТ *säs/çäç*, чув. *śūs* < ПТ **s(i)aç* ‘волосы, коса, шерсть’; БТ *aças/açaç*, тоф. *hāš* < **īā-yačə* М 121, ПТ **i*, **i-(h)gač* ‘дерево, дрова’.

ПТ */-č/ реализуется как /-š/ в тюркских языках (**тюрк.** /-š/ < ПТ */-č/): БТ *ünäs/ünäç*, каз. *Öneš* < ПТ **öñiç* ‘гортань, дыхательное горло’; БТ *kös/köç*, тув., тоф. *kuš* < ПТ **gūič* ‘сила’; БТ *us/uç*, шор. *oš*, ойр. *ūš* < ПТ **abuč* ‘пригоршня’, в башкирском – БТ *sükeš/çükeç*, ног. *šökiš* < ПТ **čEkič* ‘молот’.

Баскские конечные аффрикаты проявляют относительную устойчивость: /-tʃ/ < /-tʃʰ-/: *hatz* (L, LN, Z) < **hatz III* Т 115 ‘зуд’; *zuhaitz* (L, LN), *zugatz* (B, G), *zuatz* (B, G) Т 381 ‘дерево’ < **-haice S* (суффикс в названиях деревьев); *hatz* (L, LN, Z), *atz* (B, Sout., S, R) < **hatz I* Т 114 ‘палец, лапа, тропа’; *autz* (B, G, HN), *aotz* (B), *ahutz* (L) Т 120 < **auc S* ‘щека, пищевод’; *gatz* (C) < **gatz* Т 201 ‘соль’; *otz* (B, G, HN), *hotz* (LN, L, Z) Т 322 ‘холодный’, *izotz* (C) < **izotz* Т 237 ‘мороз, лед, роса, туман’; /-tʃʰ/ < */-tʃʰ-/: *mahats* (L, LN), *máhats* (Z), *maats* (B, S), *mats* (B, G, HN, R, LN) < **manats*/**banats* Т 278 ‘виноград’; *hots* < **[h]ots* Т 321 ‘крик, шум’; /-tʃʰ/ ~ /-tʃʰʰ-/: *urtxintx* (HN, L, LN), *ürxántx* (Z), *burintx(a)* (HN), *burtxintx* (A, S) Т 361 ‘белка’; *imintxa* (B), *imitxa*, *tximitxa*, *ximit*, *imutxa*, *tximutxa* Т 224 ‘клоп’.

Прослеживаются диалектные соответствия /-tʃʰ/ ~ /-tʃʰʰ/ ~ /-tʃʰʰʰ-/: *urritz* (B, G), *urretx* (B), *ürriütx* (Z), *ürriüts* (Z), *urritx* (R) Т 358 ‘лесной орех’; *ordots* (C), *ordotx*, *ordotz* Т 358 ‘поросенок’; /-tʃʰ/ ~ /-tʃʰʰ-/: *haitz* (L, LN), *aitz* (G, HN, L, LN, Z), *atx* (B, L) < **anetz* Т 82, **haic S* ‘скала, камень’; *ugaitz*, *üháitz* (Z), *ühátx* (Z), *ugatx* (R), *egutxa* (R), *eguatxa* (R) Т 357 ‘река’; /-tʃʰ/ ~ /-tʃʰʰ-/: *egatz* (B, G, LN), *egats* (G, HN, L, LN, Z) Т 162 ‘длинные перья’; *akats* (B, G), *makatz* (G) Т 84 ‘обрезать’.

Возможна **дезаффрикатизация**: /-tʃʰ/ ~ /-ç-/: *ats*, *hats*, *arnasa* (B, G), *asnasa* (G, HN), *asnase* (G, HN) Т 113 ‘дыхание’ < **haç S* ‘1) дыхание; 2) зловоние’; /-tʃʰ/ ~ /-ç-/: *hatz* (Z), *az* (B) < **hatz II* Т 115 ‘происхождение, порода, раса’; *poz* (B, G, HN), *boz*, *botz* Т 332 ‘счастье’.

Итак, ПТ */č/ отражается как двухфокусная глухая фонема /ç/ в татарском языке, как аффриката /c/ в мишарском диалекте и как глухой фрикатив /s/ в башкирском языке во всех позициях. В отдельных случаях ПТ */č-/ реализуется как БТ /h-/ ~ /s-/, долганская /h-/ и как /š-/ в тюркских языках сибирской группы. Конечная ПТ */-č/ может реализоваться в виде палатальной /-š/ в башкирском языке. Баскские аффрикаты не восстанавливаются для начала слова, кроме десятка лексем с */tʃ-/ (по версии С.А. Старостина), в которых наблюдаются соответствия /tʃ-/ ~ /f-/ ~ [θ]-. В середине и конце баскского слова аффрикаты довольно устойчивы, но фиксируются междиалектные соответствия /tʃ/[c] ~ /tʃ/[č]; /tʃ/[čc] ~ /tʃ/[c] ~ /tʃ/[č]; /tʃ/[c] ~ /tʃ/[čc], дезаффрикатизация.

3.4.4. Развитие башкирской, татарской /š/ и баскской /f/

В начале слова

Т.М. Гарипов считает, что БТ фонемы /š/ восходят к пратюркскому состоянию [Гарипов 1979: 143]. Фонема */š/ восстанавливается для пратюркского языка и в работе А.М. Щербака [Щербак 1970: 162]. В.М. Иллич-Свитыч, М. Рясянен, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак не восстанавливают переднеязычный длиннофокусный (двухфокусный) твердонебный глухой фрикатив */š-/ в пратюркском языке. Для праалтайского состояния реконструируется фонема */š/ и прослеживаются следующие рефлексy в пратюркском: 1) ПА */š-/ < ПТ */č-/ перед заднерядными гласными; 2) ПА */š/ > ПТ */s/ в прочих позициях [СИГТЯ 2006: 11]. Анлаутная /š-/ в башкирском языке реализуется как рефлекс ПТ */s-/ и */č-/; большое число лексем с анлаутной /š/ являются болгаризмами, монголизмами [Ишкильдина 2013б: 125–129].

Спорадически БТ /š-/ < ПТ */s-/: башк. *šaran* ‘плетневые заграждения на реке, поставленные для задержания косяка рыб у морды’ < ПТ **sar-* ‘вид решетки или балки’; БТ *šeš* < ПТ **sīč-* ‘пухнуть; опухоль’; БТ /š-/ < ПТ */č-/: башк. *šanđaq* < ПТ **čAŋ* ‘утренняя заря, туман, мгла’; а также БТ /š-/ < ПТ */ǰ-/: башк. диал. *šomort* [БТДh: 393], тат. *šomirt* ‘черемуха’ < **ǰimirt* М 89, ПТ **jimurt* ‘черемуха’.

Тюркологами выявлены изменения для БТ /š/: ζ , ζ , s , c , t , j , x , h , [0] [Гарипов 1979: 144]; соответствия анлаутных /š-/ ~ /s-/ ~ /θ-/ ~ /h-/ в собственной и заимствованных лексемах в башкирских говорах, ср. перс. *šurbe* ‘похлебка, каша’ > БТ *hurpa/šulpa*, башк. диал. *θurpa* ‘бульон’ [Ишкильдина 2013б: 125].

Р.Л. Траск, С.А. Старостин не реконструируют глухой небно-альвеолярный фрикатив /ʃ/ для прабаскского состояния, но данная фонема характерна для анлаута уменьшительных форм корней в современных диалектах баскского языка с */s-/: *zuri* (C), уменьш. *txuri* (G), *xuri* (HN, L, LN), *xú(r)i* (Z) < **zuri* Т 381 ‘белый’; *zahar* (L, LN, Z), *zaar* (B), *zar* (B, Sout., G, HN, R), *zagar* (HN), уменьш. *xahar* (L, LN, Z) < **zahar* Т 366 ‘старый, плохой’; реже с */s-/: *sagu* (C), *sagũ* (Z), уменьш. *xagu* (G) < **sagu* Т 335 ‘мышь’.

В середине и конце слова БТ /š/ возводятся к ПТ */l/ (согласно подразделу 3.3.6). Наблюдается соответствие башкирской и татарской срединных /š/: БТ *öšö-/öše-* < ПТ **üli-* ‘замерзать, дуть (о холодном ветре)’; БТ *išet-*, чув. *ilt* < ПТ **eit-* ‘слышать’; БТ *keše*, турк. диал. *giši* < ПТ **kili* ‘человек, чужой’. Как пишет Л.К. Ишкильдина, в говорах башкирского языка «в медиальной позиции прослеживается целая цепочка звуковых соответствий $\check{s} \sim s \sim \theta \sim h$, как и в начальной позиции», в конечной позиции $\check{s} > s$ [Ишкильдина 2013б: 127, 128]. Наблюдается межтюркское соответствие /š/ ~ /s/: турк. *quşluq*, ног. *qusliq* < **quşluq* Э 185 ‘около 10 часов утра’; БТ *baš*, як., долг. *bas* < **baš* Э 85, **bätč* М 15 ‘голова, вершина, начало’.

Баскская срединная /-f-/ является рефлексом прабаскской /-z-/: *izan* (C), *izan* (Z), *ixan* (B), *izen* (арх. B) < **e-izan-i* Т 235 ‘быть’; *gizon* (C, кроме Z), *gixon* (B, G), *gizun* (Z, LN), *gixon* (B, HN, LN, S) < **gizon* Т 206 ‘мужчина, человек’; *azal*, *kaxal* (R) < **azal* Т 120 ‘кора (дерева), кожа, кожаца’.

В конце слова закономерно соответствие тат. и башк. /-š/ (< */-l/): БТ *töš-* < ПТ **dül-* ‘падать, спускаться’; БТ *biš*, чув. *pil(l)ək* < **pēwłk* М 11 ‘пять’; БТ *taš* < **da:š* Э 167, чув. *čol* < ПТ **diāl* ‘камень’.

Баскская /ʃ/ не свойственна для ауслата, кроме единичных случаев: *goiz*, *goh* (B, Sout., R) Т 208 ‘утро’; *noiz* (C, кроме B, Z), *nox* (B, Sout), *nuiiz* (Z), *noz* (B), *nos* (B) Т 297 ‘когда’.

Таким образом, башкирская и татарская переднеязычные двухфокусные твердонебные глухие фрикативные фонемы */š/ не реконструируются для пратюркского языка, баскский глухой небно-альвеолярный фрикатив <x> [ʃ] – для прабаскского языка. В отдельных случаях башкирская /š-/ выступает как рефлекс ПТ */s-, č-, ž-/-. БТ /š/ (< ПТ */l/) совпадают в срединной и конечной позициях. Наблюдается межтюркское соответствие /š/ ~ /s/. Баскская /ʃ/ возводится к ПБ */s/, характерна для уменьшительных форм с */s/, не свойственна для ауслата, кроме единичных случаев. То есть установление палатальной шипящей фонемы произошло в более поздний период как в башкирском, татарском, так и в баскском консонантизме.

3.4.5. О башкирской /δ/ и татарской /z/

К.М. Мусаев считает, что в тюркских языках однофокусный звонкий фрикатив /z/ носит единичный характер, «является индикатором заимствованных слов» в начале слова [СИГТЯ 2002: 272]. Анлаутная фонема */z-/ не реконструируется М. Рясянею для пратюркского [Рясянен 1955: 153] и пракыпчакского языков [СИГТЯ 2002: 272], но восстанавливается для праалтайского состояния. В более поздних работах предполагается палатализация праалтайских */d-, z-/ с переходом в */ž-/ > */j-/ [СИГТЯ 2006: 11].

Типичные изменения переднеязычной дорсальной звонкой фрикативной /z/ в башкирском и татарском языках: *δ, d, t, s, h, j*; в татарском языке, в отличие от башкирского, [δ] – местный аллофон фонемы /z/; спорадически /z/ практически может взаимозамещаться любым согласным, что рассматривается Т.М. Гариповым как признак неисконности фонемы /z/ в башкирском и татарском языках [Гарипов 1979: 122–123].

В середине и конце слова специфическая переднеязычная плоскощелевая звонкая башк. /δ/ ~ тат. /z/: БТ *jadīq/jazīq* ‘грех’ < ПТ **jār-*, **ja:z-* Э 72 ‘грешить’,

БТ *qīδ/qīz* < ПТ **Kīr* ‘девушка’. «Инлаутный и ауслаутный общетюркский *z* (< **r*) сохраняется в северо-западном диалекте башкирского языка, а в говорах южного и восточного диалектов получил развитие в виде *δ* (> *θ* > *h*)» [Ишкильдина 2013б: 112]. Фонема */z/* как рефлекс ПТ **/r/* рассматривается в подразделе 3.3.7.

А. Эгурцеги сообщает, что в сулетинском диалекте и говорах нижней Наварры функционируют звонкие фрикативы */z, z̃, ʒ, j, ħ/* [Egurtzegi 2013: 120–121]. В литературе также отмечены звонкие аллофоны (*[z, z̃]*) в позиции перед звонкими согласными: *hezi [s]* ‘забор’, *hizlari [z]* ‘оратор’, *hesi [ʃ]* ‘воспитывать’, *esne [z̃]* (**e(z)ene/*esende*) *S* ‘молоко’. Звонкие аллофоны встречаются только перед звонкими согласными (кроме сулетинского диалекта) [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

В целом, в башкирском и татарском языках однофокусная звонкая фонема */z-/* в начале слова выступает индикатором заимствованных слов. Татарской */z/* (< ПТ **/r/*) в середине и конце слова соответствует специфическая башкирская переднеязычная плоскощелевая звонкая */δ/* (< ПТ **/r/*) (не реконструируется для анлаута). В отличие от сулетинского диалекта и говоров нижней Наварры, для общеваскского консонантизма несвойственны звонкие сибиллянты и аффрикаты; звонкие аллофоны сибиллянтов и аффрикат выступают в позиции перед звонкими согласными.

3.4.6. Башкирские, татарские переднеязычные фрикативы и баскские сибиллянты, аффрикаты в аффиксальных морфемах

Тюркские переднеязычные фрикативы и баскские сибиллянты (аффрикаты) достаточно часто употребляются в составе аффиксов.

В начале аффиксов

Суффиксы *-hī/-he*, *-ho/-hö* (по определению Н.К. Дмитриева, неясного происхождения [Дмитриев 2007: 47]) в башкирском и *-sī,-se* в татарском языках обозначают принадлежность к 3 л. и употребляются после основ с конечной гласной: БТ *ata-hī/āti-se* ‘отец-его (ее)’; БТ *jara* ‘рана’, *jara-hī/jara-sī* ‘рана-его(ее)’.

В баскской грамматике суффикс *-so* Т 340 и его диалектные формы выражают значение родства, сходства, подобия: *guraso* (C), *guratsso* (HN), *buraso* (HN, L), *burhaso* (Z), *buratsso* (HN) Т 211 ‘родитель’; *amaso* Т 90 ‘бабушка’, а морфема *-xe-*, как пишет И.А. Лака, в местоимениях употребляется в усилительном значении: *hori* ‘тот’, *hori-xe* ‘этот самый’ [Laka 1996: 48–49].

По исследованиям ученых, в башкирском и татарском языках имеются высокопродуктивные [Ганиев 1974: 219] аффиксы *-sa/-ça*, *-sä/-çä* (в наречиях): тат. *jaqin* ‘близкий’, *jaqin-ça* ‘приблизительно’, связанные с древним уменьшительным суффиксом **-č* [ТГ 1995: 364].

Весьма продуктивен баскский уменьшительный суффикс *-txo* (*-txu*): *gaztea* ‘молодой, юный’, *gazte-txo-a* ‘молоденький’.

Аффиксы *-hiu/-su* (< **-siy*) передают значение ‘характеризующийся тем, что выражено основой’: *moñ* ‘грусть’, *moñ-hiu/moñ-su* ‘грустный’ [Там же: 372].

Баскские аффиксы *-tsu*, *-zu* (B, G, HN, L) Т 349 выступают в прилагательных, а также передают значение множества: *ukhan* Т 162 < **e-uka-n S* ‘иметь’, *ukhantsu*, *ukansu* (арх. LN) Т 162 ‘богатый’; *sats* < **sats* Т 338 ‘грязь, навоз’, *satsu* Т 338 ‘грязный’. Ср. форму *-tza I* (обилие): *diru-tza* ‘куча денег’.

Анлаутные переднеязычные фрикативы в современных башкирском и татарском языках функционируют в аффиксах, выражающих значение лица, деятеля: БТ *-san/-çan*, *-sän/-çän* (Г.И. Рамstedтом соотносится с кит. *çan* ‘мастер’ или *žen* ‘мужчина’) [ТГ 1995: 359–360]: БТ *uj* ‘мысль’, БТ *uj-san/uj-çan* ‘задумчивый’. БТ производительные аффиксы *-si/-çi*, *-se/-çe* (тат. диал. *-ci/-ce*, башк. *-so/-sö*, ср. ДТ *-či*, *-čän*, *-čir*, *-çañ* [Кононов 1980: 85]) передают значение деятеля: БТ *qoş* ‘птица’, БТ *qoş-so/qoş-çi* ‘птичник’, ср. ДТ *ud*, *ud* ‘корова’, ДТ *ud-či* ‘пастух’, а также образуют причастия: БТ *uqi* ‘читать’, *uqi-u-si/uq-u-çi* ‘читающий’.

Сибилант */s-/* характерен для баскских аффиксов подобного значения: *zartz*, *-zatz*, *-zauntz*, *-zontz*, *-zantz*, *-zerz* Т 369 (в мужских именах), *-zain*, *-zai*, *-zäi* (арх. B), *-záñ* (Z), *-zái* (R), *-za(i)ñ* (B) Т 367 ‘охрана, стража, опекун’, ср. *ardi* (C), *art* < **ardi I* ‘овца’, *artzain* (B, L, LN, Z), *artzäi* (арх. B), *artzáñ* (Z), *artzai* (G, HN), *arzai* (Sout), *artzañ* (R) Т 102 ‘пастух’. Баскская аффриката */tʃ-/* функционирует в составе

аффиксов *-tza*, *-tze* (арх. форма – *-zaha*) Т 353 (изобилие, агент): *jende-tza*, *jende-tze* ‘толпа’. Суффиксы *-tze* (С, кроме В, R), а также *-te* формируют отглагольные существительные: *egin* ‘делать’ – *egite* ‘делание’, *har(tu)* ‘брат’ – *har-tze* ‘взятие’ [Rijk 2007: 140].

В середине и конце аффиксов

В башкирском и татарском языках конечная */-š/* употребляется в аффиксах *-qış*, *-keš* негативно-уничжительного значения: *tin* ‘вдох’, *tin-qış* ‘гнусавый’. В аффиксах привативности у имен выступают конечные */-δ/* ~ */-z/*, БТ *-hīδ/-sīz*, *-hed/-sez*:- БТ *toδ/toz* ‘соль’, БТ *toδ-hoδ/toz-sīz* ‘без соли’. В.Ш. Псянчин допускает форму *-sīr*, сохранившуюся в орхоно-енисейских памятниках: *il-ser-ä* ‘лишиться страны’, *uru-sīr-a* ‘лишиться рода’ [Азнабаев 1976: 50], возможно, как реликт ротацизма-зетацизма. Дж. Г. Киекбаев отмечает, что в конце аффиксов общебашк. */-δ/* ~ башк. диал. */-d/* ~ якут. */-t/* [Кейекбаев 1958: 133]. Для сравнения, аффикс *-gaitz* в значении ‘трудный’ в баскском языке возводится к самостоятельной лексеме *gaitz* (G, HN), *gatx* (B, L, LN, Z) Т 195 с конечной аффрикатой: *ulertu* ‘понять’, *uler-gaitz* ‘непонятный’. (Не исключено, что в форме *gatz-otz* Т 201 (*gatz* ‘соль’) ‘несоленый’ отражается алломорф *-otz*.)

Конечная */-š/* функционирует в БТ *-(i)š*, *-eš* (взаимно-согласный залог): БТ *at* ‘стрелять’, *at-iš* ‘стреляться’; БТ *kür* ‘видеть’, *kür-eš* ‘видеться’, а также в БТ аффиксах *-daš*, *-däš*, *-taš*, *-täš*, башк. *-daš*, *-däš*, выражающих значение ‘спутник, компаньон’: БТ *qor* ‘время’, *qor-daš/qor-daš* ‘ровесник’; *ip* ‘лад, способ’, *ip-täš* ‘товарищ’. А.А. Юлдашев указывает на связь показателя *-š* с древним инструментальным падежом [СИГТЯ 1988: 320].

Творительный падеж (инструментарий) представлен в баскских диалектах аффиксами *-(e)s*, *-(e)z* [Michelena 1990: 282]: *zer* ‘что’, *zer-taz* (мн. ч.), *zer-ez* (чем? с помощью чего?), например, *bide* (С) ‘путь, дорога’, *bidez* (B, G, HN) Т 141 ‘посредством’. В «Баскской грамматике» приводятся примеры сочетания данного суффикса с причастиями (*esana*z (< *esane*z), *bildu*z (< *bildu*az)), а также с местоимениями (во мн. ч.) *honetaz*, *honezaz* [Euskal gramatika 1991: 217, 291]. Аффикс *-etsi* < **e-utsi* Т 184 ‘рассматривать, считаться с кем-л.’ употребляется в

баскских словах: *ihardetsi, ihãrdetsi, ñardetsi* < **inhard-etsi* Т 216 ‘сопротивляться, противостоять’; *on-etsi* (HN, L, LN), *hon-etsi* (арх. LN) ‘любить’.

Конечная /-Vš/ представлена в башкирских топонимах [Камалов 1997: 35]: *Qalmaš, Tajnaš, Türeš, Saqmaçoš*, конечные аффрикаты и сибиланты – в баскских топонимах с *-itz, -iz* Т 234: *Aboitiz, Berriz, Gautegiz, Mandaluniz, Oloriz*.

Таким образом, в аффиксах прослеживаются соответствия башк. /h-/ ~ /s-/, /-δ/ ~ /-z/; в наречиях башк. /s-/ ~ тат. /ç-/. В баскских аффиксах наблюдаются междиалектные соответствия /s-/ ~ /tʃ-/, /-s/ ~ /-ʃ/, /-tʃ/ ~ /-tʃ/. В целом выявляется устойчивость башкирских, татарских и баскских переднеязычных конечных фрикативов в аффиксальных морфемах. Переднеязычные фрикативы в сопоставляемых системах представлены глухими фонемами (кроме более поздних тат. /z/, башк. /δ/ и звонких аллофонов или диалектных звонких пар в баскском языке), более поздними палатальными шипящими фонемами. В ряде случаев близкие по семантике башкирские, татарские и баскские аффиксальные морфемы, содержащие фрикативы (и аффрикаты в баскском), имеют схожую структуру.

3.5. История башкирских, татарских и баскских смычных фонем

3.5.1. Принципы анализа смычных фонем в исследуемых системах

Башкирские, татарские и баскские смычные взрывные фонемы анализируются по группам по активному органу: переднеязычные, губные (билабиальные), среднеязычные и заднеязычные. При анализе взрывных фонем и их эволюции в исследуемых системах возникает необходимость учета ряда особенностей и закономерностей.

Перебой гласных перед баскскими взрывными. В исконных лексемах баскского языка наблюдается наличие или отсутствие гласного перед смычным согласным (*ek(h)ei, gei, gai* ‘материал’, *etorri, torri* ‘приходить’; *agur, agurtu*, ср. *gurtu, gurthu* Т 79 ‘приветствовать’; *ipurdi* (B, G, HN, LN, S), *iphurdi* (арх. L), *ipirdi* (арх. B), *epurdi* (HN), *eperdi* (B), *purdi* (HN, LN) Т 227 ‘ягодицы’). Это явление, по мнению К. Мичелены, не может быть объяснено только фонетическими причинами, поскольку имеется префикс **e-* для начальной формы глагола

[Michelena 1990: 156]. Подобное явление наблюдается и в служебных частях речи: *eta, ta* (С) < **eta* Т 183 ‘и; после’. (Перебой протетических гласных в башкирском языке в лексемах с анлаутными /l-/, протезирование /l-, r-, s-, š-/ в заимствованной лексике башкирского и татарского языков рассматривались в соответствующих подразделах. Диалектный материал показывает, что в башкирских, татарских диалектах встречается протезирование анлаутной /t-/: башк. *törmä* ~ (нижнебельско-ыкский говор) *ötörmä* ‘тюрьма’, тат. лит. *tör-* ~ мишарский диал. *ötör-* ‘завернуть’ [Миржанова 2006: 152, 32].)

Такие факты, возможно, отражают рефлекс анлаутных придыхательных смычных. Вокалический элемент может являться рефлексом предаспирации сильных смычных. К примеру, в лабурдинском, нижненаваррском и сулетинском диалектах функционируют аспирированные взрывные /p^h, t^h, k^h, c^h/ (в первом и втором слоге), исследователи отмечают их аллофонический статус и предполагают просодическую обусловленность [Egurtzegi 2013: 150]. Другое объяснение исходит из фонотактических особенностей исследуемых систем и предполагает аналогию с протезированием анлаутных /r-/ и переднеязычных фрикативов в тюркских и баскских заимствованиях.

Утрата оппозиции по силе-слабости. Развитие смычных необходимо рассматривать с учетом возможного наличия оппозиции по силе-слабости, предполагаемого специалистами в тюркских и баскской консонантных системах [СИГТЯ 2006: 11; Michelena 1990: 374]. Отсутствие противопоставления глухих и звонких смычных согласных рассматривается К.М. Мусаевым как ранняя пратюркская черта [СИГТЯ 2002: 280, 261].

Оппозиция по глухости-звонкости в современном состоянии исследуемых систем и ее нейтрализация. Взрывные фонемы в современных башкирской, татарской и баскской вокалических системах противопоставлены по глухости-звонкости. Согласно исследованиям Х.Х. Салимова, в татарском (также в башкирском. – Д. С.) языке взрывные фонемы /k, q, p, t/ и /g, γ, b, d/ совпадают в позиции минимальной дифференциации [ТГ 1995: 91], на стыке морфем, ср. БТ *töp* ‘дно’, *töb-ö/töb-e* ‘дно-чего-л.’; БТ *jaq* ‘сторона’, *jaγ-ï* ‘сторона-чего-л.’

Модификации аффиксальных морфем по глухости-звонкости в зависимости от конечных фонем корней или основ характерны для башкирского и татарского языков. По мнению Т.М. Гарипова, факты, когда в башкирском и татарском языках /k, q/ сохраняются в нетипичных фонетических контекстах, свидетельствуют об их историческом приоритете перед звонкими /g, ɣ/ [Гарипов 1979: 190].

К. Мичелена приходит к выводу о том, что у баскских смычных между /r/ и гласной фонемой, а также в интервокальной позиции в номинализованных формах глаголов не поддерживается оппозиция по глухости-звонкости: *urde, urt(h)e* ‘год’; *ebaki* (С), *ebagi* (В) ‘вырезать’, ср. *epailla* (В) ‘резак, жнец’ [Michelena 1990: 231]. Исследователи наблюдают прогрессивную ассимиляцию по глухости-звонкости в сочетаниях со вторым смычным: *edan* ‘пить’ + *-ko* (атрибутивизатор) > *edango*; *hotz* ‘холодный’ + *gailu* ‘механизм’ > *hozkailu* ‘холодильник’, в т. ч. и при утрате предыдущего смычного: *besteak dira [beʃteatira]* ‘это другие’ [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

Тенденция к спирантизации. Тенденция к спирантизации в интервокальной позиции и реализации в виде смычных в позиции после /n, l/ свойственна для тюркских и баскских звонких взрывных. Как пишут А.В. Дыбо и О.А. Мудрак, «в тюркских языках, судя по рефлексации в части современных языков, после носовых сонантов и /-l-/ допускался смычный аллофон звонкого согласного. О спирантном характере звонких в нейтральных и сильных позициях свидетельствуют их рефлексы во всех современных языках» [СИГТЯ 2006: 20].

А. Мартине допускал реализацию прабаскских сильных взрывных */p, t, k/ в анлауте как *[p^h, t^h, k^h] (с последующей фрикатизацией и утратой), в интервокальной позиции – как *[-b-, -d-, -g-], а слабых */b, d, g/ в анлауте – как *[b-, d-, g-], в интервокальной позиции – как *[-β-, -ð-, -ɣ-] [Приводится по: Egurtzegi 2013: 122–123]. Как отмечает А. Эгурцеги, баскские звонкие взрывные /b, d, g/ сохраняют смычность в начале слова, /b, g/ – после /n/, а /d/ – после /l/ (*enbor [embor]* ‘бревно’, *alde [alde]* ‘сторона’, *aingura [aĩngura]* ‘якорь’), а в интервокальной позиции и после других согласных подвержены спирантизации и произносятся как аппроксиманты (*arriba [areβa]* ‘сестра (мальчика)’, *elgar [elyar]* ‘друг друга’,

ardo[arðo] ‘вино’, *ezdeus*[ezðeus] ‘ничто’), оглушаются после сибиллянтов и в композитах [Egurtzegi 2013: 147]. Заметим, что исследователи отмечают явление спирантизации интервокальных смычных /b, d, g/ и в консонантизме испанского языка [Кодзасов 2001: 462].

Ограничения в анлауте и ауслауте. Как рассматривалось в разделах 3.1 и 3.2, для праязыкового состояния исследуемых языков реконструируются ограничения на встречаемость анлаутных и ауслаутных согласных.

Фонотактические ограничения можно проследить и современных башкирских, татарских и баскских языках. К примеру, в башкирских, татарских словах отсутствуют конечные звонкие смычные /b, g, d, ɣ/, а в баскском ауслауте не встречаются конечные /-b, -g, -d, -p, -m/, также аспирация /-h/; фонемы /-k, -t/ употребляются только в аффиксах. Для начала слова в башкирском, татарском языках, в отличие от огузского анлаута, типичны глухие смычные и звонкая /b-/, а баскский анлаут, как правило, представлен звонкими смычными, но имеются лексемы с глухими /p-, k-, t-/.

Переходы в пределах групп по способу и месту образования. Н.З. Гаджиева сообщает, что «различие между заднеязычными (k/q, g/ɣ) в ряде тюркских языков не носит фонологического характера; варианты k, g употребляются в соседстве с гласными переднего, q, ɣ – заднего ряда. Однако... k/q, g/ɣ, в соответствии с тюркологической традицией, трактуются как особые фонемы» [Гаджиева 1997]. По заключению Т.М. Гарипова, «губные в урало-поволжских кыпчакских языках, изменяясь, чаще входят в эмические отношения друг с другом» [Гарипов 1979: 95].

Итак, при сопоставлении башкирских, татарских и баскских смычных фонем необходимо учитывать следующие особенности: наличие явления перебора начальных гласных перед смычными в баскских лексемах; морфонологические соответствия глухих и звонких фонем на стыке морфем; наличие оппозиции по силе-слабости и нефонологичность оппозиции по звонкости-глухости в праязыковом состоянии; тенденцию к спирантизации интервокальных звонких взрывных в интервокальной позиции (исключая позицию после /n, l/).

3.5.2. Развитие башкирских, татарских и баскских губных смычных

3.5.2.1. Фонема /p/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме

В начале слова

Реконструкция губно-губной глухой смычной фонемы */p-/ для пратюркского анлаута предложена в «Этимологическом словаре тюркских языков» (2003). Согласно более поздним реконструкциям, сильная ПА */p'-/ реализовалась в */p-/ , а далее – в */h-/ (по халаджским данным), ПТ */[0]-, */ǰ- (j-)/; а слабая ПА */p-/ – в ПТ */b-/ [СИГТЯ 2006: 10–11]. Н.З. Гаджиева отмечает, что в начале слова «внутридиалектное соответствие $p \sim b$ прослеживается в преобладающем большинстве тюркских языков... Отдельные ареалы тюркских языков обнаруживают аспирированный p' » [СИГТЯ 1984: 179–180].

По мнению Т.М. Гарипова, губно-губная глухая смычная фонема /p/ исторически присуща всем позициям в башкирском и татарском языках; основные формулы изменения для /p/: $b, m, f, F, v, t, [0], n, \check{s}$? [Гарипов 1979: 82]. Л.К. Ишкильдина считает, что «в литературном башкирском языке анлаутный /p/ в собственной лексике выступает лишь в звукоподражаниях», в отдельных говорах наблюдается сохранение ПТ */p-/; употребление анлаутной /p/ вместо /b/ наблюдается преимущественно в позиции перед /s, \check{s}, \theta, \delta, t/, сонорными [Ишкильдина 2013б: 47, 52, 36–42].

Вопрос о существовании билабиального согласного /p/ в прабаскском языке является спорным [Trask 2008: 14, 18; Egurtzegi 2013: 122–123]. Фонема /p/ восстанавливается С.А. Старостиным для праязыкового состояния.

В ограниченном количестве татарских лексем фиксируется начальная фонема /p-/ , соответствующая башкирской /b-/ , БТ /p-/ ~ /b-/ < ПТ */b-/ (~ */p-/): БТ *be\check{s}-/pe\check{s}-* < *b'ĩč- М 15/*piš Э 116 'вариться'; БТ *bisraq/pi\check{c}raq* 'грязный', ср. БТ *balsiq/bal\check{c}iq* < ПТ *bał-/pał\check{c}iq Э 109 'грязь, ил, глина, болото'. Начальная /p-/ обнаруживается в консонантизме тюркских языков Сибири, а также – в диалектах башкирского, татарского языков: БТ *bisraq/pi\check{c}aq* 'нож', среднеуральский говор башк. яз. *p'saq* [Дильмухаметов 2006: 28] < *pis II Э 116 'лезвие', *bi:z Э 130 'шило'; алт. диал. *pa:s-*, БТ *ba\theta-/bas-* < ПТ *bas-/pas- Э 105 'давить, жать, мять, оседать'; тув. *palar*

< **balir* Э 61/**palar* Э 105 ‘водоросль, тина’; башк. диал. *cümet-рауа* [БТДҺ: 285] ‘головастик’, БТ *baqa* < ПТ **b(i)āka*, **baqa* Э 40/**рауа* Э 105 ‘лягушка’.

Тюркский материал демонстрирует соответствие анлаутных /*p-*/ ~ /*b-*/ ~ /*m-*/: башк. диал. *päke* [Там же: 263], тат. диал. *make* [ТТЗДС: 472], БТ *bake* ‘прорубь’; БТ *burhiq/bursiq*, хак. *porsix*, тув. *morzuq* < **porsuq* Э 124 ‘барсук’; алт. диал. *portiq*, алт. *burt*, БТ *murt* < **port* Э 127 ‘хрупкий; трут, плесень’.

В списке С.А. Старостина приведены 9 прабаскских форм с анлаутной фонемой */*p-*/: *phats* (L), *batz* (B) < **Pač* S ‘жмых’; *bertz* (HN, R, Z), *pertz* (HN, G, R), *phertz* (L), *bartzun*, *barzuin* T 137 < **perc* S ‘котел’, ср. *biztu* (B, HN, LN, R), *piztu* (G, HN, LN, L), *phiztū* (Z) T 146 ‘разжигать огонь’; *mintz* (B, G, HN, R), *phintz* (LN, Z) < **pinc* ‘мембрана’; *paita* (B) < **paita* ‘утка’; *pataxa* (HN) < **pata-* ‘бутылка’; *pinpilin-* (HN, L) < **pinpiRin* ‘бабочка’; *potro* (B) < **pot-* ‘яйцо’; *puzkar* (G, HN), *uzker* (R), *üzker* (Z) < **pus-ka* ‘пускать газы из кишечника’. Диалектный материал указывает на соответствия /*p-*/ ~ [*ph-*] ~ /*b-*, *m-*/; [0]-. Анлаутная /*p-*/ в баскских заимствованных лексемах в отдельных случаях также подвержена усилению, ослаблению или соноризации, /*p-*, *b-*, *m-*/, [*ph-*], [0]- < */*p-*/: *piper*, *phiper*, *phiper* (Z), *biper*, *bipher*, *pipar* (B, G) < лат. *piper* T 151 ‘перец’; *bortu* (LN, R), *bortū* (Z), *portu* (HN, LN), *mortu* (HN, L), *maurtu* (арх. B) ‘пустыня’ < лат. *portum* T 147 ‘гавань’; *martoopil*, *martopil* (G) ‘подарок родившей женщине’ < исп. *parto* T 285 ‘рождение’; *oilo* (B, HN, L, LN, A), *ollo* (C), *óllo* (Z, R) < исп. *pollo* T 336 ‘курица’. Наблюдаются соответствия /*p-*/ ~ [*ph-*] ~ /*b-*/ ~ /*f-*/: *frogatu*, *porogatu*, *phorogatu* (арх. LN), *borogatu* (арх. LN) < исп. *probar* T 193 ‘доказывать’; *barre* (B, Sout., S), *parre* (B, G), *farre* (G, HN), *barra* (LN, R), *parra* (G), *farra* (G, HN, L) T 127 (по мнению Р.Л. Траска, слово неясной этимологии) ‘улыбка, смех’.

В середине слова ПТ */-*p-*/ возводится к сильной ПА */*p*/. БТ /-*p-*/ < ПТ */-*p-*/: БТ *äräj/iri* < ПТ **Epej* ‘печеный хлеб’; БТ *araj/ara* < ПТ **ара* ‘старшая сестра’. По данным сравнительно-исторического анализа, в некоторых случаях ПТ */-*p-*/ отражается как /-*f-*/ в татарском языке [СИГТЯ 2006: 18], башк. /-*p-*/ ~ тат. /-*f-*/ < ПТ */-*p-*/: БТ *tupraq/tufraq* < ПТ **topra-k* < ‘земля, пыль’; БТ *kerpek/kerfek* < ПТ **kirpik* ‘ресница’; БТ *japraq/jafraq*, кирг. *žalbıraq*, як. *sebirdex*, тув. *čövüree*, долг.

hebirdek, ДТ *japıryaq* < ПТ **japur-gak* ‘лист’. Очень часто ПТ */-p-/ реализуется в БТ /-b-/: БТ *tubal* < ПТ **Topal* ‘кузовок, лукошко’; БТ *ubir* ‘ненасытный’, ДТ *opir* < **opir*- Э 466 ‘хапнуть’. В тюркских языках фонема /p/ подвержена ослаблению и отражается как /-v-, -m-/ (при наличии сонантов): тат. *tufan*, тур. *tipi*, узб. диал. *dubulaj*, тув. *duvu* < ПТ **tüpi* ‘вьюга; пылевая буря’; БТ *küper*, тув. *ko’vurug*, як. *kurbe*, *kurge* < ПТ **köpür* ‘мост’; БТ *sabirt-çabirt*, тур. *çopur* < ПТ **çopur* ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’; БТ *hepertke/seberke* < **sı’pürü* М 45, ПТ **sipür* ‘веник’; БТ *taban*, кирг. *taman*, тоф. *daman* < ПТ **dāpan* ‘нога, подошва’.

Баскская срединная /-p-/ довольно устойчива, Б */-p-/ < ПБ */-p-/: *koipe* Т 55 < **goipe* S ‘сало, жирный, пухлый’; *tupina* (L, LN), *tupiñ* (L, LN), *thūpiña* (Z), *thipiñ* (Z), *dupin* (арх. LN), *dipiña* (LN), *dipidia* (арх. G), *topina* (ср. гасконское *toupin*) Т 350 < **tupV* S ‘бочка, чайник’; *tipi* (HN), *ttipi* (LN), *txipi* (L), *ttipi*, *txipi*, *xipi* (L) < **tipi* S ‘маленький’. Имеются диалектные соответствия /-p-/ ~ [-ph-]: *ore* (арх. B, G), *opil* (B, G, HN, S), *ophil* (L, LN) Т 305 ‘торт; маленькая булочка хлеба’; *ura* (B), *kura* (R), *dura* (L, LN), *dupha* (L, LN), *upel* (B, G), *kupel* (G, HN), *dupel* (L, LN) Т 357 ‘бочка’; *eper* (B, G, HN, R), *epher* (L, LN, Z) Т 172 < **e-perr* S ‘куропатка’; /-p-/ ~ /-m-/: *atzamar* (B) Т 114 ‘палец’, *atzapar*, *aztapar* (LN, Z, R), *atzapar* (G, HN, L), *haztapar* Т 114 < **a-s-taparr* S ‘палец, коготь (птицы)’; *zarraparra*, *zarramar* (B, G) ‘суматоха’. Соответствия /-p-/ ~ /-b-/: /-p-/ ~ [-ph-] ~ /-f/ встречаются редко: *sabai*, *sapai* (G), *sapaio* (HN), *sapallo* (HN) Т 335 ‘мягкий’; *apo*, *apho*, *ápho* (Z), *afo* (LN), *zapo* < исп. *sapo* ‘жаба’. Заметим, что восстанавливаемые С.А. Старостиным праформы отнесены Р.Л. Траском к заимствованиям.

Ученый также считает, что в отдельных случаях срединная /-p-/ могла появиться в результате оглушения ПБ */-b-/, Б /-p-, -f-/ < ПБ */-b-/ [Trask 2008: 26], ср. *ipini*, *ipiñi* (B, G, HN), *ibini* (арх. B), *ibeni* (арх. L), *ifini* (Sout., арх. B), *ifiñi* (B, HN), *ifeñi* (арх. G), *ifeni* (арх. G), *imiñi* (B, LN, S), *imeni* (арх. LN) < **e-beN-i*/**e-baiN-i* Т 227 ‘класть’; *irabazi* (C), *idabazi* (HN, LN), *erabazi* (арх. G), *irapazi* (арх. B) Т 228 ‘зарабатывать’.

В конце слова мы наблюдаем устойчивость фонемы /-p/ в башкирском и татарском языках, БТ /-p/ < ПТ */-p-/: БТ *qap* < ПТ **Kāp* ‘мешок, посуда, горшок’;

БТ *ur-* < **or-* Э 464 ‘пожирать’; БТ *jar-* < ПТ **jar-* ‘покрывать; закрывать (дверь)’. Происходит озвончение фонемы /*p*/ на стыке морфем в интервокальном положении: БТ *kür* ‘много’ – *küb-äj-* ‘увеличивайся’, БТ *jar-* ‘закрывать’ – *jab-ül-* ‘закрываться’.

Как было отмечено выше, баскские корни имеют конечный гласный после смычных согласных. Конечная /-*p*/ характерна лишь для экспрессивной лексики в баскских диалектах: *rapr* (L, LN, Z), *rapra*, *phanra* Т 323 ‘стук’.

Итак, начальная губно-губная глухая фонема /*p*/ не реконструируется для пратюркского анлаута, характерна для ограниченного количества лексем татарского языка и его диалектов. Татарская /*p*/ соответствует башкирской /*b*-. Наблюдается межтюркское соответствие /*p*-/ ~ /*b*-/ ~ /*m*-. Глухой губно-губной (билабиальный) смычный /*p*/ для прабаскского языка восстанавливается С.А. Старостиным в девяти лексемах. Баскский диалектный материал обнаруживает соответствия /*p*-/ ~ [*ph*]- ~ /*b*-, реже – /*m*-/; [0]-; /*f*-. В середине слова ПТ */-*p*-/ реализуется в БТ /-*b*-, спорадически в башк. /-*p*-/ ~ тат. /-*f*-, в отдельных тюркских языках подвержена ослаблению и отражается как /-*v*-, -*m*-/ (при наличии сонантов). Баскские корни со срединной /-*p*-/ довольно устойчивы, но имеются диалектные соответствия /-*p*-/ ~ [-*ph*-], /-*m*-/, реже – /-*b*-, -*f*-. В целом, изменения происходят в пределах групп губных согласных сопоставляемых консонантных систем. Фонема /-*p*-/ свойственна для тюркского ауслаута, баскская конечная /-*p*/ встречается в ауслауте экспрессивной лексики.

3.5.2.2. Развитие башкирской, татарской и баскской фонем /*b*/

Исследователями высказывается мнение о слабом непродыхательном характере губной смычной, реализовавшейся в качестве звонкой */*b*/ [СИГТЯ 2006: 19]. Алтайский материал указывает на то, что в пратюркской фонеме */*b*-/ «совпали ПА */*b*-/, (частично */*p*/), */*m*-/, т. е. сонорный» [Мудрак, <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>]. Согласно «Этимологическому словарю тюркских языков» (2003), в некоторых тюркских языках или диалектах общетюркская /*b*-/ соответствует /*p*-/.

Т.М. Гарипов приходит к мнению, что в башкирском и татарском языках основные формулы изменения для губно-губной смычной звонкой /b/ – p, m, [0], w, F, v, f, h, δ? [Гарипов 1979: 86]. Л.К. Ишкильдиной выделены соответствие /b-/ (< */b-/) ~ /p-/ , назализация этимологической */b-/ > /m-/ в говорах башкирского языка [Ишкильдина 2013б: 36, 45].

Для прабаскского языка баскологи восстанавливают слабую билабиальную фонему */b/, активно функционирующую в современных диалектах.

В начале слова БТ /b-/ < ПТ */b/-: БТ *bör-* < **bür-* Э 294 ‘делать складки, сборки’; БТ *baja* < ПТ **bAja* ‘недавно’; БТ *bil* < ПТ **bēl(k)* ‘поясница, середина чего-л.’; БТ *bel-* < ПТ **bil-* ‘знать, понимать’; БТ *bolaq* < ПТ **bulak* ‘родник, лужа, поток из уха’.

Прослеживается соответствие /b-/ ~ /p-/ в отдельных тюркских языках БТ *bor-*, чув. *pъ^wr-* < ПТ **bur(a)-* ‘вертеть, поворачивать’; БТ *baq-*, чув. *pъ^wx-* < ПТ **baq-* ‘смотреть, наблюдать’; уйг. *piçqaq* < **biçqaq* Э 283 ‘кожа из конечностей животных, лапа, мех с лапок зверя, штанины’; БТ *biš*, чув. *pil(l)ək* < *bä:š* Э 126, **pē^wlk* М 11 ‘пять’. По исследованиям С.Ф. Миржановой, в башкирских и татарских диалектах, к примеру, в караидельском говоре, наблюдается систематическое соответствие /b-/ ~ /p-/ [Миржанова 2006]. Соответствия /b-/ ~ /m-/ наблюдаются в тюркских языках (тур. *ben*, турк. *meŋ* < ПТ **beŋ* ‘приманка, корм для птиц’) и в башкирских [Ишкильдина 2013б: 45], татарских диалектах (изменение БТ /m-/ < ПТ */b-/ рассматривается в пункте 3.5.2.3).

Баскская начальная /b-/ отличается особой устойчивостью, **Б /b-/ < ПБ */b/-:** *begi* (C), *bet-*, *beta-* < **begi* Т 131, **ber*/**begi* S ‘глаз’; *belarri* (B, G, HN, L), *belaarri*, *beharri* (L, LN, Z), *begarri* (HN, S), *bearri* (HN, LN, S, R), *biarri* (HN), *biárri* (R) < **beraRi* Т 134 ‘ухо’; *belaun* (B, G, HN), *belhaun* (L, LN), *bélhañ* (Z), *belháñ* (Z), *belaiñ* (Z), *beláin* (R), *beléin* (R) < **beLaun* Т 134 ‘колени; поколение, степень родства’; *bizkar* (C) < **bizkar* Т 146 ‘спина, гребень, холм’; *beso* (C) < **beso* Т 137 ‘рука, локоть, передняя нога (животного)’; *bizar* (C) < **bizar* Т 145 ‘борода, ость, подбородок, лезвие ножа’; *bost* (B, G, LN, Z, R), *bortz* (HN, L, R), *borz* (HN, R) < **bortz* Т 147 ‘пять’.

В баскских диалектах прослеживаются спорадические соответствия в исконных лексемах, например, /b-/ ~ /m-/: ср. *bihur* (EB), *biur* (B, G, HN), *bñhür* (Z), *bior* (B), *mur* (R) < *bi[h]ur Т 144 ‘скручивать, изгиб, поворот’; /b-/ ~ /p-/: *bitxi* (B, R), *pitxi* (B, G, HN) 144 ‘камушек, орнамент, жемчужина’.

Утрата инициальной /b-/ перед /o/, спорадически перед /u/ наблюдается в баскском языке: *buztarri* (B, LN, Z, R), *uztarri* (G, HN, L, LN, Z, R) ‘ноша’, *okela* (B, L, Z), *okhela* (L), *okheli* (L) Т 307 < лат. *bokeLa ‘кусочек’.

Заметим, что Х.З. Кошай соотносит тюркскую указательную частицу (*bu* ‘этот’) с баскской начальной /e-/: тур. *bu gün-den uk* ~ баск. *egündanik* ‘с сегодняшнего дня’ [Кошау 1959: 541].

В середине слова

Н.З. Гаджиева пишет, что фонема /b/ в интервокальной позиции в тюркских языках встречается нечасто, есть случаи перехода в /v, w, u/ [СИГТЯ 1984: 183]. По мнению Л.К. Ишкильдиной, башк. *b* «в инлауте является результатом озвончения пратюркского *p» [Ишкильдина 2013б: 43]. Ср. БТ /-b-/ < ПТ */-p-/: БТ *qaban* < ПТ *KĀpan ‘кабан’; БТ *jebär-/žibär-* < ПТ *(j)ēp- ‘посылать’; БТ *kübäläk* < *kepelek ‘бабочка’. Прослеживаются случаи сохранения ПТ */-b-/, БТ /-b- / < ПТ */-b-/: БТ *äbi* < *ebe Э 220 ‘бабка, теща’; БТ *jebe-/žebe-* < ПТ *jēbi- ‘мокнуть’; БТ *oba/uba* < *oba Э 398, *jōpur М 123 ‘возвышенность, могила, курган, пропасть’.

В баскском языке интервокальная /-b-/ весьма устойчива. Б /-b-/ < ПБ */-b-/: *aube* (B) < *aube Т 116 ‘теща, свекровь’; *ibili* (B, G, HN, L, LN), *ebili* (арх. B, Z, R), *ebli* (S) < *e-bil-i Т 217 ‘ходить’; *ibai* (B, G, HN, L, LN, Z), *hibai* (L, LN) < *ibai Т 217, *hibai S ‘река’; *ebaki* (C, кроме B), *ebagi* (B) < *e-ba Т 160 ‘резать, прервать, прекратить’; *ibar* (B, G, L, LN) < *ibar Т 217 ‘долина, плодородные низменные земли между горами’; *luban* (B), *lobiro* (LN), *lobio* (L) < *IVb- S ‘загон’; *zabal* (C), *zábal* (Z), уменьш. *xábal* (Z) < *zabal Т 366 ‘широкий, открытый, обильный’.

Изменения срединной /-b-/

Результаты тюркологических исследований показывают, что для тюркских языков «закономерны соответствия *m/b/p*» [СИГТЯ 1984: 305]. Во всех тюркских языках наблюдается переход /b/ > /m/, который объясняется ассимилятивной ролью

предыдущих гласных в процессе речи, но, по мнению К.М. Мусаева, «этот тип соответствия представляет собой следы фонологической недифференцированности *b-* ~ *m-* в пратюркском или... в праалтайском» языках [СИГТЯ 2002: 183, 314]. Как пишет Л.К. Ишкильдина, в говорах башкирского языка наблюдается переход ПТ **-b-* в *-m-*, губно-губной плоскощелевой β , после гласной \ddot{o} – в *j* [Ишкильдина 2013б: 59, 45, 44].

Рефлексом срединной ПТ **-b-* выступает круглощелевая БТ */w/*, БТ */-w-/* < ПТ **-b-/*: БТ парное *sawit-saba/hawit-haba* < **saba* Э 134 ‘большой кожаный мешок или бурдюк, посуда’; БТ *jawiδ/jawiz* < **jabuz* Э 47 ‘плохой, злой’. Возможно спорадическое изменение БТ */-p-, -f-, [θ]/* < ПТ **-b-/*: башк. диал. *jafan* [БТДh: 115] ‘степь’, БТ *japan* < **ja:ba* Э 46 ‘пустыня’; БТ *joqa/juqa*, тур. *jufka*, уйг. *jurqa*, сал. *joχba* < **jubka* ‘тонкий’.

Баскологам считают, что фонема */-b-/* сохраняет смычность в инициалах и после назальной */n/*, но в интервокальной позиции и после других согласных реализуется как щелевая $[\beta]$: *arriba* [*areβa*] ‘сестра (мальчика)’, оглушается после сибилантов и в композитах [Egurtzegi 2013: 147]. Не исключена фрикатизация, **-b-/* > */-f-/*: *ahabia* (Z), *āhābe* (Z), *abi* (B, G, HN, R), *afi* (B), *arabi* (B), *gabi* (B), *kabi* < **anabi(a)* Т 378 ‘черника; голубика’; *ipar* (B, G, HN, LN, R), *iphar* (L, LN, Z), *ifar* (B, G, HN) Т 226 ‘север’.

В конце слова

В древнетюркских памятниках встречается ограниченное количество слов с конечным *b*, в современных языках *b* отражается в виде *w*, *v*, *u* [СИГТЯ 1984: 184], */y, η/* [Щербак 1964: 19], полусонанта */j/*: БТ, каз., ног. *aw*, ДТ *ab, av* (МК), тур. *av*, турк. *aw*, уйг. диал. *ō*, кирг. *ū* < ПТ **Āb* ‘охота, дичь’; БТ, турк. *ōj*, тур., аз. *ev*, гаг. *jev*, хал. *hāv*, кирг., каз. *ūj*, каз. *īj*, хак. *ib*, шор. *em*, тув., тоф. *ög, ög*, ДТ *eb, ev* < ПТ **eb* ‘дом’.

Фонема */b/* несвойственна для конечной позиции в баскском языке.

Итак, отслеживается устойчивость губно-губной звонкой фонемы */b/* в начале и середине башкирских, татарских и баскских лексем. В тюркских языках и башкирских, татарских диалектах имеются соответствия */b-/* (< ПТ **/b/*) ~ */p-, m-/*.

В баскском анлауте не исключена утрата /b-/ перед /o/, перед /u/, спорадические соответствия /b-/ ~ /p-, m-/. Соответствия срединных /-b-/ ~ /-m-, -p-, -f-, -w-, -j-/ наблюдаются в тюркских языках, башкирских, татарских диалектах, междиалектные соответствия /-b-/ ~ /-p-/, /-f-/ – в баскском языке. Спирантизация интервокальной /-b-/ происходит в диалектах башкирского и баскского языков. Фонема /b/ не обнаруживается в конце современных башкирских, татарских и баскских лексем.

3.5.2.3. Фонема /m/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме

По мнению А.М. Щербака, «звуки *m* и *n* должны рассматриваться как древнейшие» [Щербак 1970: 81]. Губно-губной носовой сонант /m/ встречается во всех позициях в тюркском слове. Наиболее распространено соответствие /m/ ~ /b/, отмеченное еще в языке рунических памятников. По исследованиям Т.М. Гарипова, в башкирском и татарском языках основные формулы изменения для /m/: *b, p, n, [0], w, v, d, t, s?, š?* [Гарипов 1979: 87].

Большинство тюркологов считает, что звук *m* не употреблялся в начале тюркского слова и носит вторичный характер [СИГТЯ 1984: 310–317]. А.В. Дыбо, О.А. Мудрак предполагают, что праалтайская начальная */m-/ реализовалась в ПТ */b-/ [СИГТЯ 2006: 11]. В единичных случаях БТ /m-/ < ПТ */m-/: БТ *mämäj/mämi* < *mä:me Э 66 ‘материнская грудь, сосок, еда (в детском языке), мямля’; БТ *möjrä-/mögrä-* < *maŋra-, *möjire- Э 42 ‘мычать, рыдать, голосить, говорить’.

Носовая губно-губная (назальная билабиальная) /m/ свойственна для современного баскского языка и восстанавливается С.А. Старостиным для прабаскского состояния. К. Мичелена и Р.Л. Траск реконструируют фонему */b-/ на месте начальной /m-/.

В начале слова БТ /m-/ < ПТ */b-/ (преимущественно при наличии последующей *n*): БТ *min* < *men Э 50, ПТ *be- ‘я’; башк. *möjös* < *büjüt ‘угол’; БТ *miŋ* < ПТ *beŋ ‘родимое пятно, родинка’; БТ *mögöd/mögez* < ПТ *bujjur’ (*büjür) ‘рог’; тат. *mujinsa*, тат. диал. *bun’saq* [ТТЗДС: 138] < *mo:nziq Э 76, ПТ *bōnčok

‘жемчужина, ожерелье, зерна четок, зерно’; БТ *men-*, ДТ *min-*, *bin-* < ПТ **bün-/bīn-* ‘садиться верхом, взбираться’.

Анлаутная /*m-*/ характерна для баскских диалектов, **Б** /*m-*/ < **ПБ** **/m-/*: *takur* (B, G, HN), *makhur* (L, LN) < **takur* S ‘изогнутый’; *miko* (LN, L) < **miko* S ‘мало, маленький’; *moskor* (B, G, HN), *mokor* (B) Т 277 < **moškor* S ‘ствол дерева’; *moko* (HN, G), *mokho* (L, LN, Z), *mosko* (LN, Z) Т 275 < **moko* S ‘клюв, наконечник, лицо’; *mihuri* (LN), *muhuri* (Z) < **mihuri* S, **muhuri* S ‘семя, косточка (плода), маленький’; *tami*, *tamia*, *tamin* (B) Т 281 < **tami(n)* S ‘мясо, мягкие части (хлеба и др.)’.

Назализацию **ПБ** **/b-/* > /*m-*/ перед /*n/* отмечает Р.Л. Траск [Trask 2008: 26], ср.: *min* < **bin* Т 289 ‘боль’; *mendi* (C) < **bendi* Т 287 ‘гора’; *mihi* (L, LN), *mīhī* (Z), *mĩ* (R), *mīi* (арх. В), *mĩ* (арх. В), *mii* (G), *mi* (HN, R), *min* (B, G) < **bini* Т 288 ‘язык’; наблюдаются и другие изменения: *muin* (LN), *muiñ* (G, HN, L), *mup* (G, HN, L), *muña* (S), *fuiñ* (L), *huiñ* (L), *hun* (LN), *hūn* (Z), *un* (B, LN, R), *gun* (B), *uña* (Sout) < **bune* Т 292, **huin/*muin* S ‘сердцевина, мозг, внутренняя часть, росток, побег’.

В заимствованиях также имеется тенденция к изменению /*b-*/ > /*m-*/: *baka(i)llao* (G, L), *bakailau* (L), *bakallo* (G, HN), *bakalaa* (L, Z), *makailao* (B), *makallao* (L, LN), *maka(i)llo* (B) Т 125 ‘треска, вид рыбы’; *morla* (G, HN) < исп. *borla* Т 291 ‘кисточка’.

Тюркологи считают, что /*m/* в середине слова «является весьма устойчивым и мало подвергается изменениям и выпадению» в тюркских языках [СИГТЯ 1984: 317]. Данное наблюдение подтверждают ряды башкирских, татарских соответствий, **БТ** /*-m-*/ < **ПТ** **/-m-/*: БТ *imän* < **ēmen* М 120 ‘дуб’; БТ *tamaq* < **damaq* Э 140 ‘горло’; БТ *qirmiθqa/qirmisqa* < **qumursya* Э 142, ПТ **Kumir-* ‘муравей’; БТ *tamir* < **damar* Э 143, ПТ **damor* ‘жила, кровеносный сосуд, корень’.

В баскских диалектах сохраняется срединная /*-m-/*: *ama* (C) < **ama* Т 89 ‘мать’; *lamika-tu* (HN, LN, R), *lamizka-tu* (LN) < **lam-* S ‘облизывать’; *ametz* (C) < **ames* S, *zumel* (B), *zimel*, *zimil*, *ximel* Т 381 ‘вид дуба’; *sama* (B) Т 336 < **sama* S ‘шея, ворот, горловина’.

Конечная фонема /*-m/*, как считает К.М. Мусаев, в современных тюркских языках очень устойчива, в древнетюркских источниках в большинстве случаев

«слова с конечным *m* – производные слова, образованные посредством аффиксов, или слова со словоизменительными аффиксами (преимущественно – аффикс принадлежности 1 л.», корни структуры *Vm* начинают фиксироваться в словаре М. Кашгарского [СИГТЯ 1984: 321]. Как правило, БТ */-m/* < ПТ **-/m/*: БТ *im* < ПТ **im* ‘знак’; БТ *qam* < ПТ **Kiam* ‘шаман’; БТ *jilim/žilim* < ПТ **jilim* ‘сеть’. Между тем соответствие */-n/* ~ */-m/* широко распространено в кыпчакских языках [СИГТЯ 1984: 336], ср. БТ *tīm-/tīn-* ‘стихать’.

Конечная */-m/* несвойственна для баскских лексем.

Итак, губно-губной носовой сонант */m/*, по мнению отдельных тюркологов, в начале слова возводится к ПТ **/b-/* (преимущественно при наличии последующей */n/*). К. Мичелена и Р.Л. Траск реконструируют фонему **/b-/* для баскского губно-губного носового сонанта */m-/*, учитывая назализацию */b-/* > */m-/* перед */n/* и в заимствованиях. Фонема */-m-/* весьма устойчива в середине башкирских, татарских и баскских слов. В отличие от башкирской и татарской */-m/*, конечная */-m/* нетипична для баскского ауслота.

3.5.2.4. Губные фонемы в башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфемах и частицах

Фонема */p/* редко встречается в составе современных башкирских и татарских аффиксов, наиболее употребительным является аффикс деепричастия *-Vp*: тат. *siz-* ‘чертить’, *sizip-* ‘начертив’. По мнению К.М. Мусаева, в «аффиксах и частицах *b* встречается как промежуточное звено в цепи сингармонических вариантов озвончения и соноризации первичного *p*» [СИГТЯ 2002: 263]. БТ */b-/* в начале аффиксов сказуемости и принадлежности 1 л. мн. ч. (БТ *-biδ/-biž*, ср. як. *-bit* (*-pit, -mit*) [Широбокова 2001: 118]) возводится к ПТ **-(I)mIř* [СИГТЯ 2006: 238]. В работах С.Ф. Миржановой фиксируются непроизводительные аффиксы *-bij/-pij/-pej/-fij/-fej/-fen*: *rara-pej* ‘одуванчик’, *ama-fin* (междометие) ‘сожаление, досада’ в башкирских диалектах [Миржанова 2006: 45].

Фонема */p/*, по мнению Р.Л. Траска, нетипична для баскских аффиксальных морфем, кроме как в примере *-pe* < *behe* ‘низ’ [Trask 2008: 48]. Суффикс *-pen* (*itzul-*

pen ‘перевод’), вариант *-men ~ -mendu* (*ikus-men* ‘видение’), возводится ученым к лат. *-mentum* [Там же: 48].

В современных башкирских, татарских аффиксах и частицах фонема /m/ функционирует в начале и конце аффиксальных морфем. Ср.:

1) БТ *-m* (показатель 1 л. ед. ч.) в спряжении глаголов: БТ *bara-m* ‘иду’ и показатель 1 л. ед. ч. в притяжательном склонении имен существительных: БТ *qïð-ï-m/qïz-ï-m* ‘дочь-моя’, но в местоимениях 1 л. – башк. *-η* ~ тат. *m-: min-e-η ~ min-e-m* ‘мой, моя, мой’).

2) БТ *-mï, -me*, башк. диал. *ma, mä* [Кейекбаев 1958:183], общетюркские *mi ~ -mü, mi ~ -me* [Котвич 1962: 332–333] < ПТ **-mi* (вопросительная частица) [EDAL 2003: 958], БТ *ila-j-hiη-mï/jï-lij-siη-mï* ‘плачешь-ты?’, ср. чув. *Ma makäratän esë?* ‘Почему ты плачешь?’ (в казахском, киргизском, тувинском языках, диалектах алтайского представлены формы *-bu, -bi (-pu, -pi)* и *-ba, -bo (-pa, -po)*);

3) БТ *-mV-* (отрицательная частица): БТ *i-la-j/jï-lij* ‘плачет’, БТ *i-la-ma-j/jï-la-mï-j* ‘не плачет’;

4) БТ суффиксы *-ma, -mä* ‘признак процесса или результата действия’ [ГСБЛЯ 1981: 177]: тат. *siz-* ‘чертить’, *siz-ma* ‘очерченный’;

5) тюркские /m-/ ~ /b-/ ~ /p-/ в начале формы инфинитива на *-ma, -mak* < **-paγa/-baγa, -maγa/-mege* (форма глагола) [СИГТЯ 2002: 338]: БТ *qal-maq* ‘отставать’, БТ *bir-mäk* ‘давать’; нередко /m/ ~ /n/ [СИГТЯ 1984: 319–320];

6) БТ *-ïm, -em* (в отглагольных именах): тат. *siz-* ‘чертить’, *siz-ïm* ‘чертеж’.

Фонема /m/ выступает в парных словах с редупликатом: тат. *qizil-mizil*, тат. *az-maz* ‘мало’. Р.Л. Траск предполагает наличие префиксального слога **ma-* в экспрессивном значении, ср.: *hegal, magal* ‘крыло’; *gako, mako* ‘крюк’; *udare, udari, madari* ‘груша’ [Trask 2008: 273, 278].

Фонема /b/ активно употребляется в анлауте следующих баскских аффиксальных морфем:

1) ПБ **-ba* Т 116 (родство): *osaba* (C), *oseba* (LN, Z), *osea* (LN, Z) < **osa-ba* Т 319 ‘дядя’; *alaba* (C, кроме Z), *alhaba* (L, LN) Т 86 < **ala-ba* ‘дочь’;

2) *ba* (утвердительная, вопросительная, условная частица, в начальных формах синтетических глаголов): баск. *Ba al dakizu?* ‘Ты (уже) знаешь?’;

3) *baldin* (C), *bardin* (B), *balin*, *barin* (HN) Т 123 < **ba*- Т 391 ‘если’;

4) *bat* (C) (< **bade* Т 128, **bat* S ‘один’) ‘суффиксальная частица, выражающая неопределенность; соединяться, сливаться’: **ze*- ‘что’, *zeinbat* (B), *zonbat* (LN), *zumát* (Z), *zomat* (R, S) Т 370 ‘сколько?’; *etxe bat* ‘некий дом’.

Р. Рейк отмечает, что в середине аффиксов баскская /-b-/ представлена в суффиксальных формах *-gabe*, *-kabe* (< *gabe*, *bage* (B), *baga* (B), *barik* (B) < **gabe* Т 194 ‘без, вне’), употребляемых в именах существительных, прилагательных, реже – в глаголах [Rijk 2007: 312]: *gatz* ‘соль’, *gazgabe*, ср. *gazbage* (B), *gazbaga* (B) Т 201 ‘несоленый’; *doha* ‘блаженство’, *dohakabe* ‘несчастный’; *hezi* ‘приручить’, *hezigabe* ‘дикий, неукротимый’.

Итак, фонема /p/ редко употребляется в современных башкирских и татарских аффиксах. БТ /b-/ в начале аффиксов сказуемости и принадлежности 1 л. мн. ч. (-*biz/-biđ*) возводится к ПТ *-(I)mIř. Фонема /m/ выступает в анлауте вопросительных и отрицательных частиц. В анлауте баскских и прабаскских частиц вопросительного, условного, неопределенного значений, как правило, используется фонема /b/, а фонемы /p, m/ в целом несвойственны для данной позиции. В обеих системах имеет место /m-/ редупликация в парных конструкциях.

3.5.3. Развитие башкирских, татарских и баскских переднеязычных смычных

3.5.3.1. Фонема /t/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме

Глухая фонема /t/ свойственна для инвентаря фонем преобладающего большинства тюркских языков. С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак реконструируют анлаутные ПТ */t-/ (< ПА */t-/) и ПТ */d-/ (< ПА */t’-/) [EDAL 2003]. По мнению Т.М. Гарипова, совпадение дорсальной смычной глухой /t/ в башкирском и татарском языках во всех позициях является одной из «древнейших особенностей и урало-поволжских кыпчакских языков, а его замещение /d/ (особенно в говорах) – новейшее явление» [Гарипов 1979: 109].

Для прабаскского консонантизма реконструируются сильная */-t-/ (для инлаута) и слабая фонема */d-/ (для анлаута). Р.Л. Траск относит слова с анлаутной /t-/ к заимствованиям, при этом латинская анлаутная /t-/ в баскских заимствованиях отражается как /l-/ [Trask 2008: 53]. Данное явление ученым отмечено как явление ламбдаизма. С.А. Старостин восстанавливает праформы с анлаутной */t-/. А. Мартине допускает употребление глухой /t-/ в прабаскском анлауте и ее ослабление с последующей утратой: /t^h-/ > /θ-/ > /h-/ (> [0]) [Приводится по: Egurtzegi 2013: 123–124].

В начале слова

Анлаутная фонема /t-/ в башкирском и татарском языках достаточно устойчива, БТ /t-/ < ПТ */t-/: БТ *tänre* < ПТ **teŋri/*taŋri* ‘Бог, небо’; БТ *tökör-/töker-* < ПТ **tüpkür-* ‘плевать’; БТ *tup* < ПТ **top* ‘шар, мяч’; БТ *tot-* < ПТ **tut-* ‘держать’; БТ *tij* < ПТ **tiy-* ‘сдерживать’; БТ *turyaj* < ПТ **torgaj* ‘маленькая птица, жаворонок’; БТ *tolom/tolim* < ПТ **tul(g)uŋ* ‘коса (волосы)’.

Как пишет А.В. Дыбо, для алтайских языков характерна «сложная рефлексия начальной глухости-звонкости (силы-слабости) в зависимости от инлаута» [Дыбо 2005: 23]. В ряде лексем современная БТ /t-/ возводится к ПТ */d-/, БТ /t-/ < ПТ */d-/: БТ *tamsi/tamçi* < ПТ **dam* ‘капля’; БТ *ta, tä, da, dä*, башк. *da/ä, la/lä* < **da, *de* Э 109 ‘и, также, еще’; БТ *tart-* < ПТ **dart-* ‘тянуть, натягивать (лук)’; БТ *tal* ‘ива’ < ПТ **dal* ‘ветка, ива’; БТ *tel* Э 228 < ПТ **dil/*dil* ‘язык (анат.)’; БТ *tel-* < ПТ **dil-* ‘отрезать ломтики’; БТ *tor-* < ПТ **dur-* ‘стоять, жить’; БТ *tere* < ПТ **diri-* ‘живой’; БТ *tük-, t’ö^hk-* < ПТ **dök-* ‘(на)лить’. По исследованиям Л.К. Ишкильдиной, ПТ */t-/ и */d-/ дают различные распределения в башкирских говорах и литературном языке [Ишкильдина 2013б: 90].

В списке С.А. Старостина приводится около двух десятков баскских праформ с начальной */t-/, напр.: *tanta, tanto* (G), *ttantto* (G) Т 345 < **tanga* S ‘капля’; *thini* (LN, Z) < **tini* S ‘высший’; *tu* (HN, Sout), *thu* (L, LN), *thû* (Z), *to* (G), уменьш. *ttu* (HN), *txu* (B) < **tu* S ‘плевок, слюна’; *tu egin* Т 350, *tuka* (HN), *thuka* (LN, L), *tûka* (LN) < **tuka* S ‘плевать’; *talika* (LN, Z), *tara* (LN) < **tala* S ‘веточка, отросток’ (ср. лат. *thallu* Т 344 ‘стебель с листьями’) и др.

Изменения анлаутной /t-/.

Озвончение /t-/

Озвончение анлаутной /t-/ в определенных условиях характерно для развития тюркских языков. Согласно сравнительно-историческим исследованиям, прослеживается изменение ПА */t-/ > */d-/ перед срединным звонким смычным, сонантами */r, ř, ĺ/ в тюркских языках [СИГТЯ 2006: 11, 68–69].

В башкирских говорах, как указывает Л.К. Ишкильдина, происходит озвончение (ослабление) инициальной глухой /t-/: *tari* ~ *dari* ‘просо’, *tän* ~ *dän* ‘тело’, если в инлауте представлен сонорный или шумный звонкий согласный [Ишкильдина 2013б: 91–92].

Озвончение анлаутной /t-/ характерно и для баскского консонантизма. Уже Х.К. Уленбек заметил, что заимствования из романских языков с инициальной /t-/ могут подвергаться озвончению в баскских диалектах [Uhlenbeck 1910: 93]: *denda* (B, G, L, LN), *tenda* (арх. LN) < лат. *tenda* T 154 ‘магазин’, *dorpe*, *thörpe* (Z) < исп. *torpe* T 157 ‘злой’; *dorre* (HN, L, LN, S), *torre* (B, G, LN, R), *thorre* (Z) < исп. *torre* ‘башня’; *dastatu* (L, LN), *ddastatu* (L, LN), *jastatu* (HN, LN), *téstatu* (R), *txestatu* (R), *txastatu* (HN), *txestatu* (S, R), *txestátũ* (Z) < **tastāre* T 152 ‘пробовать’.

При этом фиксируются формы с сохранением начальной /t-/: *tentatu*, *tentatũ* (Z) < исп. *tentar* ‘соблазнять’; *théiũ* (Z), *texu* (R) ‘грязный’ < лат. *taedium* T 346 ‘отвратительный’.

Спирантизация /t-/

Дж. Г. Кийекбаев обращает внимание на спорадические соответствия башк. /s-/ ~ тат. /t-/: БТ *sösö/töçe* ‘пресный’ [Кийекбаев 1958: 140], ср. *sisqan/tičqan* ‘мышь’. Согласно диалектологическим исследованиям, происходит спирантизация анлаутной /t/: /t-/ > /s-/ в башкирских диалектах (данное явление также характерно для южных уйгурских, чувашских диалектов) [Миржанова 2006: 39].

Результаты сравнительно-исторического анализа, проведенного А.В. Дыбо и О.А. Мудраком, указывают на соответствия чувашской /č/ стандартно-тюркской /t/ [СИГТЯ 2006: 57]. Ср. БТ *tere*, чув. *čärä* < ПТ **dīri* ‘живой’; БТ *tekä*, чув. *čige* < **tī'k* M 44, ПТ **dik-* ‘крутой, отвесный’.

Спирантизация анлаутной фонемы /t-/ наблюдается и в баскском языке. Х.К. Уленбек приводит примеры соответствия /t-/ и сибилантов в баскских диалектах, например: *talde, zaldo, saldo* ‘куча, группа’; *tirtil, zirzil, chirchil, chirgil* ‘оборванный, грязный’ [Uhlenbeck 1910: 94].

/t/ в середине слова

Кыпчакским языкам свойственна устойчивость глухой /-t-/ в интервокальной позиции, БТ /-t-/ < ПТ */-t-/: БТ *bötön/böten* < **bü'tün* М 84 ‘весь, целый, все’; БТ *üten-* < **ötün-* Э 557, ПТ **öt-* ‘просить’; БТ *utar* < ПТ **otar* ‘пастбище, дальние страны, деревня, стадо баранов’.

Баскские примеры демонстрируют междиалектные соответствия /-t-/ ~ /-th-/: *bete* (В, G, HN, L, R), *bethe* (LN, R) < **bete* Т 137 ‘полный, целый’; *otoi* (HN, S, L, R), *othoi* (L, LN, Z), *otoi* (S, R), *othoi* (L, LN, Z), *othoiez* (LN, Z) Т 320 ‘просьба, мольба’; *aterbe* (G, L), *atherbe* (L, LN, Z), *aterpe* (В, G, HN), *atarbe* (арх. HN) Т 113 ‘убежище’, *ateri, athé(r)i, aterri* (В) Т 113 ‘хорошая погода, убежище’.

Озвончение (и фрикатизация) интервокальной /-t-/

Исследования А.В. Дыбо показывают, что фонема */-t-/ 1) с первично долгим гласным: а) озвончается в огузских, карлукских и кыпчакских языках, б) озвончается в огузских, не озвончается в карлукских и кыпчакских языках; 2) с первично кратким гласным никогда не озвончается в огузских, карлукских и кыпчакских языках [Дыбо 2005: 30]. Ср. арх. *Ätil*, тат. *Idel*, чув. *adyl* < ПТ **ētül* ‘большая река, Волга’. На процесс озвончения интервокальной */-t-/ > /-d-/ > /-ð-/ в башкирских говорах после первичного долгого гласного с последующей фрикатизацией указывает Л.К. Ишкильдина [Ишкильдина 2013б: 87], ср. башк. *Idel* ‘Волга’; БТ *bahadır/bahadır*, тув. *mādir*, ДТ *bayatur* < ПТ **bAgatur* ‘герой’.

Баскская интервокальная /-t-/, как правило, очень устойчива, но, на наш взгляд, происходит спорадическое озвончение: *ito-, itoitz, zitoitz* (L, LN), *ittotti* (G) Т 232, *odia, odi* (В, G) Т 333 ‘желоб’.

Палатализация (и аффрикатизация, фрикатизация) в баскском языке

Р.Л. Траск пишет, что в бискайском, гипускоанском, сулетинском (зубероанском), ронкальском диалектах баскского языка происходит

автоматическая палатализация переднеязычных согласных, в т. ч. – реализация взрывной /t/ в <tt>/c/ после гласной /i/ в позициях /iCV/, /iC/ [Trask 2008: 30]. По мнению К. Мичелены, звук t' утратился в баскских говорах, сливаясь с ħ [Michelena 1990: 181], ср. *guti* (С, кроме Z), *gūti* (Z), уменьш. *gutti* (L, LN), *gutxi* (Sout., G, HN), *gitxi* (B) < **guti* Т 213, **giċi* S ‘маленький, немного, несколько’.

В этом контексте не исключены фрикатизация баскской срединной */-t-/ и переход в сибиллянты с сохранением реликтовых форм, ср.: 1) *iturri* (B, G, HN, L, S, R), *ithurri* (L, LN), *ũthũrri* (Z), *uturri* (R) Т 232 < **iturri* S ‘струя, ключ, источник’, ср. *isuri* (B, G, HN, L, LN, Z), *ixuri*, *usuri* (R), *esuro* (арх. B) < **e-sur-i* Т 231 ‘лить(ся)’; 2) *etorri* (B, G, HN, L), *ethorri* (L) < **e-tor-* Т 183 ‘приходить, проходить, происходить’, ср. *izorro* (R) < **izoro* Т 237, **isorro* S ‘корень, родоначальник’.

С ограничениями на употребление согласных в структуре тюркского слова (преимущественное употребление сонантов */n, l, r/ – в середине и конце слова) связана **проблема сочетаний с сонантами типа /-lt-, -nt-, -rt-/**.

В своих работах Ф.Г. Хисамитдинова приходит к выводу, что в ряде современных языков восточных и центральноазиатских тюркских народов, в т. ч. в диалектах башкирского языка, на месте общетюркских /-ld-, -nd-, -rd-/ зафиксированы реликтовые сочетания /-lt-, -nt-, -rt-/ [Хисамитдинова 1989: 12]. По мнению С.Е. Малова, сочетания сонорных с глухими взрывными обнаруживаются «в разложимых корнях» древнетюркских памятников [Малов 1951: 6]. С.Ф. Миржанова рассматривает их как результат диссимилиации в разложимых и неразложимых основах слова [Миржанова 2006: 27].

Ср.: башк. диал. *anta* [БТДн: 22], БТ *unda/anda* < **anda*, **onda* Э 149, ПТ **an-* ‘там’; башк. диал. (караидельский говор) *jebär-te*, БТ *jebär-ðe/žibär-de* ‘пустил’; БТ *artiš*, тур. *ardič* < **ardič* Э 173 ‘можжевельник’; БТ *kinder*, тат. диал. *kinter* [ТТЗДС: 313], ДТ *kendir* < ПТ **kendir/kentir* ‘конопля’. Глухие взрывные сохраняются в башкирских, татарских неразложимых основах, БТ *jartü* < **ja:rtü* Э 145 ‘полтора, половина’; БТ *urta* < **orta* Э 474 ‘середина’; БТ *tente-* < ПТ **tint-* ‘искать, обыскивать’; БТ *balta* < ПТ **baltu* ‘топор’.

Подобное явление обнаруживается и в материале баскского языка. Х.К. Уленбек отмечает сохранение /t/ перед /n, l/ в сулетинском диалекте баскского языка: *khentũ* ‘удалять’, *heltũ* ‘созревать’ [Uhlenbeck 1910: 93]. Заметим, что данные примеры содержат глагольный аффикс *-tu* (< лат. *-tum*), т. е., относятся к разложимым основам. Р.Л. Траск считает, что в других диалектах может происходить озвончение /t/ перед /n, l/, но не перед /r/ [Trask 2008: 26]. Ср.: */-ld-/* ~ */-lt-/*, */-nt-/* ~ */-nd-/*: *eldu-*, *heltũ-* (Z) < **[h]el-* ‘приходить, созревать’; *galdu* (C, кроме Z), *gáldũ* (Z), *galtu* (R) < **gal-* Т 196 ‘потерять’. В частях речи неглагольной семантики: *hildo* (L, LN, Z), *ildo* (HN, Z, R), *ildoerreka* (HN, R), *ilderreka* (LN, Z, S), *hilterreka* (Z) Т 222 ‘борозда, пути’; *berandu* (B, G, HN), *berant* (L, LN, R), *bé(r)ant* (Z) Т 136 ‘поздно’. Озвончение */-t-/* наблюдается в заимствованиях: *aldare*, *althá(r)e* (Z), *altare* (R), *altara* (B) < лат. *altārem* ‘алтарь’; *borondate* (B, G, HN, L, LN, S), *bo(r)ontháte* (Z), *borontate* (R), *boruntate* (арх. Z), *borundate* (арх. Z) < лат. *voluntātem* Т 147 ‘воля, желание’.

Озвончение сочетания */-rt-/* могло произойти в более ранний период с сохранением реликтовых форм и развитием семантической деривации: *arte*, *erte* (HN) < **arte* Т 109 ‘пространство, интервал, между’, ср. *erdi* (C), *érdi* (Z) < **erdi* Т 173 ‘половина, середина’; *barda* (L, LN, Z, R), *bart* (B, Sout, G, HN) ‘прошлой ночью’.

В конце слова

Тюркологи считают, что фонема /t/ сохраняется в конце тюркского слова [СИГТЯ 1984: 211]. Данная закономерность верна и для башкирского, татарского ауслаута, БТ */-t/* < ПТ **/-t/*: БТ *it* < ПТ **et* ‘мясо’; БТ *üt-* < ПТ **öt-* ‘проходить, переходить’; БТ *öt* < ПТ **üt-* ‘палить’; БТ *kit-* < ПТ **gē(j)t-* ‘уходить’; БТ *jet-/žit-* < **žǵt-* М 103 ‘дойти, зреть’; БТ *hīt-/sīt-* < **sīt-* Э 425 ‘жать, давить’; БТ *širt* < ПТ **sirt* ‘щетина’.

Согласно подразделу 2.3.4, баскские лексемы имеют конечную гласную после фонемы /t/, но возможны исключения, в частности в парных словах: *txist-mist*, *txismista* (LN), *tximista* (B, G), *xixmixta* (L), *ximixt(a)* (L, LN, HN), *zimizta* (L, LN, Z), *xistmist* (арх. LN) Т 277 ‘молния’; *bakant*, *bakan*, *bekan* (арх. LN) Т 125 ‘редкий’.

Конечная фонема /-t/ фиксируется в ауслaute общеваскского числительного *bat* (C) < **badV*/**bade* T 128 ‘один’, употребляющегося в функции неопределенного артикля, напр., *etxe bat* ‘некий дом’; ср. *bait* (C), *-beit* T 124: *nor* ‘кто?’, *norbait* ‘кто-нибудь’, *non* ‘где?’, *nonbait* ‘где-нибудь’.

Итак, глухая переднеязычная смычная фонема /t/ устойчива в башкирском и татарском анлауте и возводится к ПТ */t-/, в ряде лексем – к ПТ */d-/. Для прабаскского консонантизма реконструируются сильная глухая апиико-дентальная смычная */-t-/ (для инлаута) и слабая */d-/ (для анлаута). С.А. Старостиным восстановлены около двух десятков баскских лексем с начальной */t-/. Отслеживаются озвончение /t-/ > /d-/ (перед звонким смычным или */r, ř/) в диалектах башкирского языка, озвончение латинской /t-/ > /d-/ в баскских заимствованиях; спонантизация /t-/ в башкирских диалектах и в чувашском языке, соответствия /t-/ и сибилантов (/s-, s-/) в баскских диалектах. Латинская анлаутная /t-/ в баскских заимствованиях может отражаться как /l-/. Срединные фонемы /-t-/ относительно устойчивы в башкирских, татарских и баскских словах. Озвончение (ослабление) интервокальной /-t-/ наблюдается в межтюркских соответствиях и баскских лексемах заимствованного характера. Баскские диалекты обнаруживают соответствия срединных /-t-/ ~ /-tt-/ ~ /-tʃ-/; /t-/ ~ /-th-/. Консонантным системам башкирского, татарского и баскского языков свойственны сочетания согласных /-lt-, -nt-, -rt-/ и /-ld-, -nd-, -rd-/ и соответствия глухих и звонких смычных в данном контексте. Фонема /-t/ сохраняется в конце башкирских, татарских лексем.

3.5.3.2. Башкирская, татарская и баскская фонемы /d/

К.М. Мусаев уверен, что в кыпчакских языках звук *d* «встречается лишь в аффиксах в начальной позиции как ассимилятивный вариант звука *t*» [СИГТЯ 2002: 265]. Анлаутная /d-/ почти не наблюдается в наиболее ранних памятниках древнетюркской письменности. В.М. Иллич-Свитыч восстанавливает фонему /d/ для праалтайского состояния, /-δ-/ – для пратюркского [Иллич-Свитыч 1971: 147, 168]. С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак реконструируют анлаутные ПТ */d-/ (< ПА */t’-/) [EDAL 2003].

По исследованиям Т.М. Гарипова, башкирская и татарская переднеязычные апикальные смычные фонемы /d/ совпадают лишь в инициально-постлаутной позиции, но присутствуют общие формы *da* ‘еще, и’; основные изменения /d-/ «осуществляются по линиям звонкости-глухости и смычности-фрикативности»: *t, d', δ, z, j, [0]* [Гарипов 1979: 106–10]. Большинство башкирских и татарских слов с анлаутной /d-/ представлены в заимствованиях. По наблюдениям Л.К. Ишкильдиной, в говорах башкирского языка отмечается переход /d-/ > /δ-/ в заимствованиях [Ишкильдина 2013б: 91–92].

Баскская фонема /d-/ выступает показателем объекта и субъекта 3 л. и не восстанавливается Р.Л. Траском для анлаута самостоятельных лексем, а латинская анлаутная /d-/ в баскских диалектах отражается как /l-/ [Trask 2008: 53], ср. *dantza* (C), *lantza* (R) ‘танец’.

Анализ лексического материала выявляет, что фонема /d/ в начале слова характерна для ограниченного количества башкирских, татарских исконных лексем. К примеру, БТ *ti-/di-* < **dij-* Э 221, ПТ **dē-* ‘сказать, говорить (в служебных функциях)’; БТ *dereldä-, der-der (kil-)* ‘дрожать’, ср. БТ *tetra-* < **t'i'tire-* [СИГТЯ 2006: 59] ‘дрожать, трястись’.

Исконных баскских лексем с анлаутной /d-/ немного: *deitu* (B, G, L, LN), *deittu* (B, G), *deithu* (LN), *déithũ* (Z), *geitu* (B) Т 153 ‘зов, имя’ (по мнению Р.Л. Траска, заимствовано из лат. *dictum* ‘говорить’), *dei egin* (C) Т 153 ‘звать, окликать’, *deiez* (R, Z) Т 153 ‘зов’; *durduri* (G, HN), *urduri* (B, G, HN) Т 158 ‘беспокойный, нервный, живой, энергичный’.

/d/ в середине слова

По мнению Н.З. Гаджиевой, интервокальный и конечный *d* восходят к ПТ **t* [СИГТЯ 1984: 211–212]. ПТ */-d-/ отражается в БТ /-j-/, чув. /-r-/ [СИГТЯ 2006: 33]. Фонема /-d-/ как член цепочки /-j-/ ~ /-d-/ ~ /-t-/ ~ /-z-/ ~ /-δ-/ ~ /-r-/ в тюркских языках и баскское соответствие <dd>/j/ ~ /-j-/ были рассмотрены в пункте 3.3.2.3. Согласно исследованиям диалектологов, в говорах татарского языка (например, в мензелинском) реализуется интердентальный согласный [dʲ] – переднеязычный

межзубный спирант со смычным элементом на месте литературной /d/, в других говорах, например, в бирском – звонкая /z/ [ТХС I: 217–218, 245].

Татарской интервокальной /-d-/, возводимой к ПТ */-d-, -t-/, как правило, соответствует башкирская /-δ-/: БТ *adaš/adaš*, як. *atas*, кирг. *ajaš* < **atdaš* Э 203, ПТ **ādał* ‘тезка’; БТ *ađim/adim* < **a:dim* Э 88, ПТ **āt-* ‘шаг’ (но БТ *at-la-* ‘шагать’); БТ *adaš-/adaš-*, турк. *ādaš-* < ПТ **āt-alč-* ‘ошибаться, заблуждаться’, спорадически – башк. /-t-/: БТ *jete/žide* < ПТ **jēt(t)i* ‘семь’. Как пишет С.Ф. Миржанова, в нижнебельско-ыкском говоре (республика Башкортостан) фрикатив /-z-/ ~ башк. /-δ-/ ~ тат. /-d-/ [Миржанова 2006: 156]: *qazaq*, БТ *qadau/qadaq*, ср. як. *xatā-* < ПТ **Kāta-* ‘гвоздь’; *izän*, БТ *iđän/idän* ‘пол’.

В башкирском, татарском языках наблюдается сохранение ПТ */-d-/ в сочетаниях с сонорными: БТ *baldaq* < ПТ **baldak* ‘рукоятка; стебель, ствол’; тур. *jilduz* < **jildiz* Э 279 ‘общее название четырехногих животных, лошадь, коза’; БТ *andıđ/andiz* < ПТ **Añdur* ‘род лекарственного растения, девясил’, но прослеживаются изменения /-δ-, -j-/ после /r/: БТ *jarđam/järdäm* < **ja:rdam* Э 142 ‘помощь’; БТ *üjräk/ürdäk* < **ö:rdek* Э 537 ‘утка’. БТ /-d-/ как рефлекс ПТ */-t-/ представлена в следующих примерах: тат. *žajdaq*, ДТ *jabitaq* (МК) < ПТ **jařitak* ‘конь без седла’, БТ *jan-dir* < ПТ **jan-tir-* ‘сжигать’.

Баскская /-d-/ характерна для интервокальной позиции: *adaki* (B, G, HN, LN) Т 76 ‘ответвление, хворост’; *adar* (C) < **adar* Т 76 ‘рог, ветка, отделение, ножка (мебели)’; *uda* (C, кроме Z), *ıđa* (Z), *euda* (арх. B), *udara* (G) Т 354 ‘лето’; *edeki*, *edegi* (арх. B), *ideki* Т 160 ‘снимать, удалять’; *zeden* (C) < **seden* S ‘червь’. Но, как указывает А. Эгурцегги, в интервокальной позиции и после других согласных (кроме /l/) фонема /-d-/ реализуется как щелевая [ð]; оглушается после сибилантов и в композитах; «в некоторых диалектах /-d-/ в интервокальной позиции дает одноударный [r] или звонкий дорсопалатальный смычный [j]» [Egurtzegi 2013: 147], ср. *indar* (C), *iñddar* (B), *iñdder* (B) < **indar* Т 225 ‘сила’, где <dd> произносится как [j]. То есть баскская срединная /-d-/ устойчива после /-l-/, ср. *zaldi* (C, кроме Z) < **zaldi* Т 367 ‘лошадь’; *saldu* (C, кроме Z), *saldü* (Z) < **saldu* Т 336 ‘продать’.

Между тем баскская срединная фонема /-d-/ подвержена и другим изменениям. Р.Л. Траск приводит примеры соответствий интервокальных /-d-/ ~ /-r-/ в диалектах: *edeki* ~ *ereki*, *ireki* ‘открывать’, *edan* ~ *eran* ‘пить’ [Trask 2008: 28; Michelena 1990: 227]. Ср.: *kideko*, *kireko* (G) Т 251 ‘современник’, *kide* (C), *khide* (L, LN, Z), *-kide*, *-ide* Т 251 ‘спутник, товарищ’; *edo* (C), *ero* (B) Т 161 ‘или’; *hirur* (L, LN, арх. Z), *irur* (S, A), *írur* (R), *íror* (R), *iru* (B, G, HN), *hiru* (LN, EB), *hí(r)u* (Z), *idu* (B) Т 231 ‘три’; *hodei* (LN), *odei* (B, Sout., G, HN, L, LN, S, R), *odai* (B, G), *hedoi* (L, LN, Z), *edoi* (B, HN, L, LN), *odoi* (B, S), *oroi* (G), *orai* (G), *orei* (B, HN), *hode* (арх. L), *ore* (HN), *otei* (Sout) < *(h)odeCi/*(h)odeCe Т 303, **hoday* S ‘облако, тьма’.

Имеются спорадические соответствия в баскских диалектах /-d-/ ~ /-g-/ ~ /-r-/ ~ **-[0]-**: *itxadon* (B, G), *itxaron* (B, G), *itxedon* (B, G), *itxodon* (G), *itxogon* (G), *etxedon* (арх. HN), *itxoin* (B, G), *txoon* (G), *itxoron* (G), *itxain* (B), *itxaran* (B), *itxaun* (B) Т 233 ‘ждать, надеяться’; *idun* (арх. B, Sout), *irun* (B), *igun* (B) Т 218 < **idun* S ‘шея, горло, воротник (хомут)’. Можно заметить, что подобные изменения происходят в слабой позиции (после гласной /i/).

Также наблюдается **утрата интервокальной /-d-/:** *adiskide*, *aixkire* (G) < **adinez-kide* Т 76 ‘друг’; общебаск. вспом. гл. *edun* (C), *eun* (Sout) < **e-dun* Т 162 ‘иметь’; отглагольное существительное *eute-* (арх. B); *eduki* (арх. LN), *iduki* (G, HN, L, арх. LN, S), *edugi* (арх. B), *iruki* (G), *iuki* (G) Т 162 ‘иметь’; *sudur* (G, HN, L, LN, R), *sūdūr* (Z), *suur* (B), *sur* (C) < **sudur* Т 342 ‘нос’. В заимствованных лексемах обнаруживается **ослабление /-d-/:** *théiũ* (Z), *texu* (R) ‘грязный’ < лат. *taedium* Т 346 ‘отвратительный’; *gidatu*, *giyatu* (G) < исп. *guidar* Т 205 ‘вести’. Предполагается **оглушение */-d-/** в сложносоставных словах: *idi* (C), *it-* < **idi* Т 217 ‘бык’, ср. *itaurreko* (B), *itaurлари* (B), *itulari* (G) Т 217 ‘пастух’.

/d/ в конце слова не представлена в современных башкирском, татарском и в баскском языках.

Итак, переднеязычная звонкая фонема /d/ в башкирском, татарском языках и баскская апико-дентальная звонкая /d/ характерны для анлаута ограниченного количества самостоятельных лексем и не представлены в конце слова. Тюркологами предполагается оглушение ПТ */d-/ в кыпчакском анлауте.

Татарской интервокальной /-d-/, возводимой к ПТ */-t-/ (*/-d-/), как правило, соответствует башкирская /-δ-/. Баскская /-d-/ характерна для интервокальной позиции, но после других согласных (кроме /n, l/) реализуется как щелевая [-ð-], имеются диалектные соответствия /-d-/ ~ /-r-/; /-d-/ ~ /-g-/ ~ /-r-/ ~ -[0]-. Фонема /-d-/ устойчива в позиции после сонанта /l/ в исследуемых системах, после /n/ – в башкирском и татарском консонантизме.

3.5.3.3. Фонемы /t, d/ в башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфемах

Смычные /t/ и /d/ широко представлены в башкирских, татарских и баскских аффиксах. Как было сказано выше, башкирские и татарские аффиксы обнаруживают модификации аффиксальных морфем по глухости-звонкости. Л.К. Ишкильдина отмечает, что «согласный *t* в (башкирских. – Д. С.) аффиксах считается явлением реликтовым и имеет остаточный характер» [Ишкильдина 2013б: 93]. К примеру, БТ /t-, d-/ и морфонологические варианты (башк. /l-, δ-/) выступают в падежных показателях: 1) в показателях местного падежа: БТ *-ta, -tä, -da, -dä*, башк. *-la/-lä, -da/-dä*, ПТ *-tA [СИГТЯ 1988: 110]: БТ *qiš* ‘зима’, БТ *qiš-ta* ‘зимой’; БТ *qan* ‘кровь’, БТ *qan-da* ‘в крови’; 2) в показателях исходного падежа: БТ *-tan, -tän, -dan, -dän, -nan, -nän*, башк. *-dan, -dän*, ПТ *-tAn [СИГТЯ 1988: 110]: БТ *qiš-tan* ‘от зимы’; БТ *qan-dan/qan-nan* ‘из крови’ (ср. уйг. и арх. БТ *-tin, -din* [Там же]);

Обнаруживается ассимиляция баскской начальной /t-/ в составе показателя аблатива (местно-исходного падежа) *-(e)tatik* (неопред. ч.), *-(e)tik* (опред. ед. ч.), *-etatic* (опред. мн. ч.) ‘от, из, с, по, через’: *Bilbo-tik* ‘из Бильбао’; *atze* ‘задняя часть’, *atze-tik* ‘сзади’. Как показывают исследования Х.И. Уальде, морфонологический вариант *-dik* употребляется после ауслатных /-n, -l/ [Hualde 2007: 103]: *hemen-dik* ‘отсюда’; *non-dik* ‘откуда?’; *Brasil-dik* ‘из Бразилии’.

Озвончение анлаутной /t-/ в аффиксе *-tegi* ‘место’ наблюдается после /-n/: *hiz-tegi* ‘словарь’, *ardan-tegi* (В), *arno-tegi* (арх. L) Т 103 ‘кладовая’, ср. *ardan-degi* (В,

G, арх. L, B, G) Т 103 ‘винный погреб’, *muin-tegi* (G), *mun-tegi* (арх. B), *min-degi* Т 290 ‘теплица’.

Необходимо отметить, что баскские аффиксы с анлаутной /t-/, как и в аффиксах со среднеязычной /k-/ (согласно пункту 3.5.4.5), могут иметь варианты без анлаутной смычной фонемы: 1) -(t)eria Т 249 (совокупность лиц): *ume-teria* ‘детская толпа’, *gizon-teria* ‘толпа’, но *gazt-eria* ‘молодежь (группа)’; 2) -tar, -ar Т 345, -tiar (аблативное определение, в этнонимах): *bilbo-tar* ‘житель Бильбао’, *errusi-ar* ‘русский’; *esker-tiar* ‘левый’.

Можно выделить ряд башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфем, в составе которых функционируют фонемы /t/ и /d/.

В аффиксах имен существительных

Фонема /t/ употребляется в анлауте ряда башкирских и татарских словообразовательных аффиксов: 1) древнего аффикса -taj (качество): БТ *saqal* ‘борода’, *saqal-taj* ‘бородач’; 2) древнего аффикса *-te: БТ *költä* < **kül-te* Э 138 ‘сноп’. Баскская анлаутная /t-/ характерна для аффикса -te Т 211 (время, период): *gose* ‘голод’, *gose-te* ‘голодное время’; *legor* ‘сухой’, *legor-te* ‘засуха’.

Анлаутная фонема /d-/ функционирует в следующих баскских аффиксах: 1) -di, -doi, -dui, -dei (B) Т 155 (множество, в названиях растений): *orre* (LN) Т 316 ‘можжевельник’, *orra-di* (HN), *orre-di* (арх. L) Т 316 ‘можжевелевая роща, охапка можжевельника’; 2) в анлауте аффикса -dun (C, кроме Z), -dün (Z), -dún (R) < *-dun- Т 162 (имеющий, обладающий): *diru* ‘деньги’, *diru-dun* ‘богатый’; *zaldi* ‘лошадь’, *zal-dun* ‘всадник’.

В аффиксах имен прилагательных

Фонемы /t, d/ функционируют в анлауте ряда башкирских и татарских словообразовательных аффиксов: 1) древних аффиксов отыменных прилагательных, наречий БТ -tün, -ten, башк. -ton, -tön: БТ *öθ/ös* ‘верх’, *öθ-tön/ös-ten* ‘выше’; БТ *altin* ‘золотой; золото’; 2) малопродуктивных БТ -dam, -däm (~ башк. -däm): БТ *kün-* ‘соглашаться’, *kün-däm* ‘покладистый’; БТ *ber* ‘один’, тат. *ber-däm* ‘единый’; 3) аффиксов подобия БТ -daj, -däj, тат. -dij ~ БТ -taj, -täj, башк. -daj, -däj, -laj, -läj (< *-day/*-däg [Азнабаев 1976: 53]): БТ *qiš-taj* ‘как зима’.

Баскские анлаутные /t-, d-/ характерны для: 1) аффиксов отыменных прилагательных -ti- Т 418: *bakar* (B, G, HN, L) ‘уникальный’, *bakar-ti* (B, R) Т 128 ‘необычный’; 2) малопродуктивного аффикса -din Т 161 (похожий): *bera*, *bé(r)a* (Z) < *ber- ‘сам’, *ber-din* (G, HN, L, LN, R), *bar-din* (B, L, LN, R), *ber-di* (арх. LN) ‘тот самый, одинаковый’; *gordin* (C), *górdin* (Z) Т 210 ‘сильный’.

В показателях пространственного значения

Выделяется древний аффикс -t – показатель пространственного значения в БТ $\delta\theta(t)/\delta s(t) < *üs(t)$ Э 638 ‘верх’; БТ $a\theta(t)/as(t) < *as(t)$ Э 195 ‘низ’. В башкирских топонимах встречается аффикс -tV [Камалов 1997: 35]: *Sülte*, *Bayrıštı* и др.

Фонемы /-d-, -t-/ обнаруживаются в баскских лексемах пространственного значения: *erdi* (C), *érdi* (Z) < *erdi Т 173 ‘половина, середина’, *arte*, *erte* (HN) < *arte Т 109 ‘пространство, интервал, между’; *alde* (Z), *halde* (арх. LN), *alte* (R), *álthe* (Z) < *al- Т 85 ‘сторона, область, район’. Аффикс -eta Т 183 употребляется в топонимах: *Zilhoeta* ~ *Zilhueta* Т 380 ‘местность с ямами’.

В аффиксах глаголов.

В начале аффиксов

Обзор башкирского и татарского материала показывает, что в зависимости от конечной фонемы основ используются морфонологические пары БТ /t-, d-/: БТ аффиксы -t̄ir, -ter, -d̄ir, -der, ср. соответствия башкирских форм с начальными /l-, δ-/: башк. -tor, -tör, -dor, -dör, -l̄ir, -ler, -lor, -lör, -d̄ir, -der, -dor, -dör) в роли предикативных аффиксов [ТГ 1992: 38] и модальных частиц [ТГ 1993: 249]): БТ *malaj-d̄ir/malaj-d̄ir* ‘1) мальчик-есть; 2) мальчик (предположительно)’. Данные аффиксы возводятся к общетюркским вспомогательным глаголам *tur-*, *turmaq* и используются во всех лицах [СИГТЯ 1986: 78–79].

Аффиксы определенного прошедшего времени 3 л. БТ -d̄i, -de [ГСБЛЯ 1981: 273] (возводится к недостаточному глаголу *edi [СИГТЯ 1986: 79]) имеют морфонологические пары -t̄i, -te, башк. do, -dö, -to, -tö, башк. -d̄i, -do, -de, -dö, -n̄i, -no, -ne, -nö [Әхтәмов 1994: 23] в зависимости от характера основы: БТ *böt-tö/bet-te* ‘кончился’, *aq-t̄i* ‘тек, лился’, БТ *al-d̄i* ‘взял’, БТ *kür-de/kür-de* ‘увидел’, БТ *uq̄i-n̄i/uq̄i-d̄i* ‘читал’.

По мнению баскологов, глаголы и причастия на *-tu* (С, кроме В), *-du* (В) были сформированы под влиянием латинского языка (латинский аффикс *-tum*) (*harrapatu* ‘ловить’, *agur-tu* ‘приветствовать, здороваться’), и глаголы с *-tu* не проявляют синтетических форм, но синтетические глаголы могут быть переведены в класс *-tu* [Trask 2008: 23–24]. Баскологические исследования показывают морфонологическое изменение начальных /t-/ > /d-/ в составе аффикса **-tu* (из лат.) в сочетании с конечными /-l, -n/: *zabal-du* ‘расширять’, *heldu, eldu, héltũ* (Z) < **[h]el-* Т 167 ‘приходить; созревать’ [Rijk 2007: 139; Кинтана, <http://www.twirpx.com/file/1325620/>].

Начальная /t-/ употребляется в аффиксе *-ta* у баскских пассивных причастий: *itxi* ‘закрыть’, *itxi-ta* ‘закрытый’.

Суффиксы *-te, -tze* служат для образования номинализованной формы глагола [Rijk 2007: 140], например, *egin* ‘делать’, *egi-te* ‘делание’; *har(tu)* ‘брат’, *har-tze* ‘взятие’.

Префикс *d-* указывает: 1) на объект 3 л. в синтетическом спряжении сильных глаголов: *daugin* (арх. L) Т 241 ‘следующий, ближайший, соседний’ < **d-augi-n* ‘приближающийся’ < **-augi(n)-* ‘приходить’; *jakin* < **e-akin-i* ‘знать’, *nik d-aki-t* ‘я его-знать-я’, *zuk d-aki-zu* ‘ты его-знать-ты’ (аффикс *-t* указывает на 1 л. ед. ч.); 2) на субъект 3 л. в синтетическом спряжении непереходных глаголов: *-dira* < **da* S (3 л. мн. ч. вспом. гл. *izan*), *haiek dira* ‘они есть’, *gelditu dira* ‘они остановились’; *d-u-gu* ‘мы имеем это’, *d-u-zu* ‘вы имеете это’.

В конце аффикса

Анализ источников выявляет, что фонема /t/ характерна для конца аффиксов исследуемых языков. Конечная /-t/ обнаруживается в понудительном залоге башкирских и татарских глаголов: тат. *uq̄i-* ‘читать’, *uq̄i-t* ‘(ты) учи (кого-л.)’. Башкирский, татарский, служебный глагол *it-* ‘делать’ активно употребляется в аналитических формах глагола [ГСБЛЯ 1981: 225]: БТ *eş it-eü/it-ü* ‘сделать’, *jal it-eü/it-ü* ‘отдыхать’. Древний аффикс *-t* обнаруживается в отглагольных именах: БТ башк. *qorot* ‘сушеный’ (*qori-* ‘сушиться’), *erket* ‘прокисший’ (*ire-* ‘киснуть, сворачиваться’) [Азнабаев 1976: 126]. В ряде звукоподражательных лексем

характерна конечная фонема /-t/: *dert* (о вздрагивании), *qirt-mirt* (о резком движении), *širt-mirt* (о хрусте), *šalt* (о стуке), *jalt* (о быстром движении).

Баскская конечная /-t/ употребляется в форме 1 л. ед. ч. баскского вспом. гл. **edun: dut* (< **duda* [Egurtzegi 20123: 163]) ‘я имею это’, ср. 2 л. мн. ч. *duzu* ‘вы имеете это’ [Rijk 2007: 195]. Р.Л. Траск предполагает утрату конечной гласной и оглушение /-d-/: *d-u-t* (< **duda*), *dudan* Т 151 ‘что я имею’.

Таким образом, переднеязычные смычные /t/ и /d/ активно функционируют в башкирских, татарских и баскских аффиксах схожей семантики и структуры преимущественно в начальной и конечной позициях. Данные фонемы характерны для показателей местных падежей, множественного числа, спряжения глаголов в сопоставляемых языках. Ранняя грамматикализация фонемы /d/ могла являться причиной утраты анлаутной и ауслаутной /d/ в самостоятельных морфемах.

3.5.4. Развитие башкирских, татарских среднеязычных, заднеязычных смычных и баскских среднеязычных смычных

3.5.4.1. О фонеме /k/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме

Н.З. Гаджиева считает, что глухой среднеязычный слабосмычный согласный *k* «реконструируется в раннее пратюркское состояние», «довольно устойчив, особенно в кыпчакских языках»; «древний *k* изменяется в палатализованный *ǵ* в южных тюркских языках» [СИГТЯ 1984: 193, 194]. Ученый также отмечает, что ряд тюркских языков Прикаспия и Причерноморья объединяет особое качество среднеязычных *k* и *g* – лабиализованность в позиции перед губными гласными, ср. турк. диал. *güöz* ‘глаз’ (БТ *küδ/küz*), ног. *göül* ‘рука’ (БТ *qul*) [Гаджиева 1997]. В башкирском и татарском языках формула изменений для /k/: *g, ŋ, q, x, ’, t, p, [0]* [Гарипов 1979: 161].

Глухая постдорсальная /k-/ для баскского анлаута восстанавливается только С.А. Старостиным. Р.Л. Траск для начальной позиции восстанавливает слабую **/g-/* [Trask 2008: 18].

В начале слова БТ /k-/ < ПТ */k-/: БТ *köj-*, ДТ *kön-* < *k'öh- М 25, ПТ **köh-* 'гореть'; башк. диал. *kün (tupraq)* [БТДн: 162], каз. *köj* < **kön*, **künjüz* Э 103, ПТ **köj* 'навоз'; БТ *ker* < **ki:r* Э 69, ПТ **kir* 'грязь'.

Имеются разногласия в реконструкции глухих или звонких среднеязычных для пратюркского анлаута: БТ *kit-* < **kējt-* М 61, ПТ **gē(j)t-* 'уходить, исчезать'; БТ *küδ/küz* < **köz* Э 85/**göz* Э 60, **gör (gör-s)/gör-* 'глаз, родник, взгляд'; БТ *kür-*, тур. *gör-* < **kör* М 73, ПТ **gör-* 'смотреть'.

В баскских диалектах анлаутная /k-/ проявляет устойчивость: *kokor* (С) < **kokorr* S 'горло'; *kukuso* (G, HN, L, LN), *küküso* (Z) < **koko*/**kuku* S 'насекомое, блоха'; *keru* (G, HN, LN, S), *khino*, *kino*, *khíño* (Z), *kio* (R) < **keno* Т 250 'запах, зловоние'.

Озвончение начальной /k-/

По мнению А.А. Чеченова, для западных кыпчакских языков закономерно озвончение «анлаутного праязыкового *k- перед следующими за гласным сонорными согласными» [Чеченов 1996: 199]. Т.М. Гарипов утверждает, что «ведущей чертой большинства башкирских и части татарских говоров является озвончение /k/ в условиях внешнего» и внутреннего сандхи или спонтанное озвончение [Гарипов 1979: 160–161].

Как было рассмотрено выше, для баскских причастий и других нефинитных форм глагола восстанавливается префикс *e- перед /k-/, и, возможно, интервокальным положением объясняется соответствие анлаутных /k-/ ~ /g-/: *ke* (B, Sout., G, HN, S, R), *khe* (L, LN, Z), *kee* (B), *kei* (R), *ki* (G, HN), *ge* (арх. G), *eke* (B, HN, A, LN, S, R), *ike* (L) < *e-ke(e)- Т 248 'курить'; *kendu* (B, G, HN, L, LN), *khendu* (LN), *khéntü* (Z), *gendu* (HN, S), *gentu* (R), *ekendu* (HN, LN, A) Т 249 < *(e)ken-S 'удалить(ся), уходить с дороги, отменять'; *ikusi* (B, G, HN, LN), *ikhusi* (L, LN), *ikhúsi* (Z), *ekusi* (B, G, R), *ekosi* (B), *ukusi* (B), *inkusi* (арх. LN) < *e-kus-i Т 221, **ekuşi* S 'смотреть, следить', ср. *igurika* (L, LN, Z) Т 220 'смотреть (на)'. Характерны междиалектные соответствия /k-/ ~ /kh-, g-/: *karroin* (L, LN, R), *karroĩ* (R), *kharroin* (LN) < **karrone* S 'снег'; *golko*, *golkho*, *kolko*, *kholko*, *golgo* (R) Т 208 < **kolko* S 'грудь, пазуха'; *gako* (L), *gakho* (L, LN, Z) 'ключ', *kako* (B, G, HN, R), *kháko* (Z) Т

195 ‘крюк’; *garba* (B, G, HN), *kharba* (LN), *barga* (Z), *darga* (R), *garga* (R) Т 199 ‘орудие для обработки льна, конопли’.

Анлаутная /*kh-*/ характерна для небольшого количества баскских основ с гласными переднего ряда, преимущественно при наличии сонорных /*n, r*/ после первой гласной: *keinu*, *kheinu* (L, LN), *keñu* (B, G, HN), *khéñũ* (Z), *kiñu* (B, G) Т 249 ‘знак’; *kerats*, *khá(r)ats* (Z), *kirats* (B, HN, L, R), *khirets* (HN, LN) Т 250 ‘вонь’.

Фрикатизация и аффрикатизация

Н.З. Гаджиева пишет, что «в ряде диалектов отдельных тюркских языков *k* перед гласными переднего ряда *i* и *e* изменяется в *č*» [СИГТЯ 1984: 196]: тур. *kändü* > *čändü* ‘сам’, кум. диал. *köküč* ~ кум. *čöküč* ‘молот’; уйг. *kim* > *čim* ‘кто’. Ср. БТ *kimersäk/kimerçek* ‘хрящ’, ср. кирг. *čemirček* ‘хрящ на лопатке и мечевидном отростке’, каз. *šemiršek*, ног. *šemiršek* < ПТ **čEmirčik* ‘хрящ’, ср. башк. /*k-*/ ~ /*s-*/: башк. диал. *kübätä* ~ башк. *seüätä* [Миржанова 2006: 196] ‘маленькая деревянная чашка’. Изменение /*k*/ > /*č*/, /*t*/ > /*č*/ перед гласными переднего ряда Н.З. Гаджиева объясняет тенденцией к экономии физиологических затрат [Гаджиева 1997].

Между тем фрикатизация не исключается и в позиции перед гласными заднего ряда, преимущественно перед фонемой /*u*/ или сочетанием /*ab*/, о чем свидетельствует диалектный материал: БТ *qabalan-* ‘суетиться’, башк. диал. *sabauilda-* [БТДһ: 265] ‘засуетиться’; тат. диал. *qabarta* [ТТЗДС: 264] ‘волдырь на теле’, БТ *säbärt-/çabirt-* ‘обметать губы’ < ПТ **čïrgan* ‘фурункул’; тат. диал. *qurtan* [Там же: 429], БТ *çurtan/surtan* < ПТ **čortan* ‘щука’; тат. диал. *qulaq*, тат. диал. *çulaq/sulaq* [Там же: 424] < ПТ **Kolak* ‘однорукий’.

Данные факты, на наш взгляд, отражают древнейшие фонетические изменения. Как пишет Н.Д. Андреев, аффрикаты в алтайских языках и звук *č* в уральских языках являются отражением палатовелярной глухой прафонемы *Ky*, в раннеалтайском языке происходили те же процессы, как в «сатем-языках» [Андреев 1986: 18].

Подобная закономерность характерна для баскского языка, ср. *kilker*, *kirkil*, *kirkir*, *zirzill* (арх. В) Т 251 ‘сверчок’; *kapela* (BG), *gapelu* (LN) ‘шляпа’, *kapelu* (HN, L) ‘шляпа, берет’, экспрессивное *txapel*, *xapel* < лат. *cappellam* Т 247 ‘шляпа, берет’.

Утрата /k-/ в баскских лексемах

В отдельных диалектах прослеживается ослабление и утрата начальной /k-/ в заимствованных лексемах, ср.: *kopor* (G, HN), *goror* (L, LN), *gophor* (LN), *khopor* (Z), *opor* (G, HN, L, LN) ‘сосуд, таз’ < лат. *cuppat* Т 254 ‘кубок, чаша’; *koskol* (HN), *oskol* (B) Т 255 ‘колючка’.

Протетическая /k-/ в баскских лексемах

В ряде случаев проявляется начальная /k-/, отсутствующая в других диалектах: *azal*, *kaxal* (R) < **azal* Т 120 ‘кора (дерева), кожа’; *enara* (B, Sout., G, HN), *enere* (HN), *ainhara* (L, Z), *einhara* (L), *añhá(r)a* (Z), *inara* (HN), *kiñuri* (S), *kinuri* (S), *mañari* (R) < **eNala*/**eLana* Т 170 ‘ласточка’.

Как было отмечено в подразделе 3.3.1, пиренейские диалекты обнаруживают начальные /g-/ или /k-/ вместо начальной /h-/ в других диалектах и возводятся Р.Л. Траском к ПБ */h-/ [Trask 2008: 44].

/k/ в середине слова устойчива в башкирском и татарском языках, ср. БТ **/-k-/** < ПТ **/-k-/:** БТ *ike* < **iki* Э 337 ‘два’; БТ *jükä* < ПТ **jöke* ‘липа’; БТ *tökör-/töker-* ‘плевать’; тат. парн. *käkre-bökre* ‘кривой-горбатый’, БТ *käkere/käkre* < ПТ **Kek-/ *Kak-* ‘кривой’; БТ *bök-* < ПТ **bük-* ‘гнуть’.

Для баскских диалектов также характерно сохранение срединной /-k-/: *ezki* (C), *ezku* (B) Т 188 ‘тополь, липа’, *ezkur* (арх. B) Т 188 ‘дерево’; *irakurri* (C), *i(r)akurri* (Z) < **i-kurr-i* Т 228 ‘читать’; *sakon* (B, G) < **sakon* Т 336 ‘яма, глубокий’.

Изменения срединной /-k-/

Н.З. Гаджиева выявляет случаи озвончения или утраты интервокальной /-k-/ в некоторых тюркских языках [СИГТЯ 1984: 197–198], ср. **/-k-/ ~ /-g-/:** БТ *täkä*, чув. *taga*, тур. диал. *tuquş* < **t’ë’ke* М 62, ПТ **teke* ‘козел’; в т. ч. – в башкирском и татарском: тат. *kikertäk*, башк. диал. *kigerläk* [БТДһ: 141], чув. *kagър* < **kë’kir* М 23, ПТ **gekir-dek* ‘глотка’; БТ *üged/ügez*, чув. *vъgър* < **ö’küř* М 75, ПТ **ökür* ‘бык’; БТ *sigä/çigä* < ПТ **çeke* ‘висок’. Озвончение башкирской, татарской /-k-/ характерно для позиции на стыке морфем: *ik-* ‘сеять’, *ig-ä* ‘сеет-он’, *büläk* ‘подарок’, *büläg-e* ‘подарок-его(ее)’.

В баскских диалектах наблюдается соответствие /-kh-/ ~ /-k-/: *aker* (B, G, HN), *akher* (L, LN), *ákher* (Z) < **aker* Т 84 ‘козел’; *zekor*, *zexhor* (L, LN, Z), *zokor*, *txekor*, уменьш. *txokor* Т 372 ‘вол’; *zikiro* (G, HN), *zikhiro* (LN, L) < **sikiro* S ‘баран, кастрат’; *oker I* (B, G, HN), *okher* (LN, Z), *ókher* (Z) Т 307 < **oker* S ‘сплетенный, изогнутый, кривой’; *uko I* (арх. LN), *uka-*, *ukaur*, *ukhor* < **uko* Т 355 ‘предплечье’; *ekarri* (B, G, HN, R), *ekharri* (LN, L, Z); *erakarri*, *erakharri*, *e(r)akharri* (Z), *erekarri* < **e-kari* Т 167 ‘приносить, собирать (урожай)’; *uko II* (C), *ukho* (L, LN), *úkho* (Z) Т 355 ‘отрицание’; *ek(h)ai* (арх. L, арх. LN), *ekhei* (LN), *ekhéi* (Z) < **egi-gai* Т 164 ‘материал’. В единичных случаях баскские диалекты демонстрируют соответствие /-k-/ ~ /-g-/: *jaurtiki* (G, HN), *jaurtigi* (B), *aurdiki* (L, LN), *aurthiki* (L, LN), *aurtiki* (G), *aurdigi* (L, LN), *artiki* (G, L), *arthiki* (L), *urthiki* (Z), *ithuki* (Z), *eurtiki* (G, HN), *urtigi* (арх. B), *jaurt egin* (B) Т 242 ‘бросать, метать’. Х.К. Уленбек приводит несколько примеров соответствия срединных /-k-/ ~ /-b-/ во втором слоге в диалектах: *nindukan*, *ninduban* ‘я был’, *izeka*, *izeba* ‘тетя’ [Uhlenbeck 1910: 91].

Историческое озвончение с последующим семантическим обособлением, возможно, демонстрируют следующие лексемы: БТ *ik-*, тур. *ek-*, хал. *häk-*, чув. *ak-*, сал. *ex-* < ПТ **ek-* ‘сеять, разбрасывать’; БТ *igen* ‘зерно, урожай’ (ср. тат. *ipi*, диал. *äpi*, *äpäj* [ТТЗДС: 85] ‘хлеб’), БТ *igense/igençe* ‘хлебороб’. Подобное развитие могут представлять баск. *ogi* (C), *obi* (B, HN) ‘хлеб’, (HN, L, LN, Z) ‘пшеница’ < **ogi* Т 304, ср. *okin* (арх. B, Sout., G, HN, LN, R), *okhin* (LN, Z) ‘пекарь’, *ok(h)insa* (LN, S) ‘женщина-пекарь’.

/k/ в конце слова

Конечный **-k*, как пишет Н.З. Гаджиева, подвергается ослаблению в огузских языках (турк. *-k* > *-v*, аз. диал. *-k* > *-x*, аз. диал. *-k* > *-j*, узб. диал. *-k* > *-[0]*) [СИГТЯ 1984: 198]. Сохраняется в башкирском и татарском языках, БТ /-k/ ~ Б /-k-/: БТ *böjök/böjek* < ПТ **bEdü-k* ‘большой, великий’; БТ *irk/irek* < **er’k* [СИГТЯ 2006: 55] ‘сила, воля, свобода’; БТ *kejek/kijek* < **k()ëjikə* М 61 ‘дичь, зверь’.

Для баскских самостоятельных основ несвойственна конечная фонема /-k/.

Итак, башкирская и татарская среднеязычные глухие фонемы /k/ функционируют в словах с гласными переднего ряда, возводятся к ПТ */k-/ и

довольно устойчивы. С.А. Старостин, в отличие от К. Мичелены, Р.Л. Траска, восстанавливает глухую постдорсальную фонему */k-/ для прабаскского анлаута. В тюркском (в условии сандхи – в башкирских, татарских говорах) и баскском консонантизме наблюдаются озвончение анлаутной /k-/, фрикатизация или аффрикатизация, баскские заимствования демонстрируют тенденцию к аспириванию и утрате латинской /c-/. Возможна утрата начальной */e-/ перед /k/ в баскских лексемах. Известны случаи озвончения или утраты интервокальной БТ /-k-/, озвончения /-k/ на стыке морфем. Баскские диалекты демонстрируют регулярную аспирацию /-k-/ ~ /-kh-/ (в первом и втором слоге), в единичных случаях фиксируются соответствия /-k-/ ~ /-g-, b-/. Конечная фонема /-k/ характерна для ауслаута башкирских, татарских лексем и баскских аффиксальных морфем.

3.5.4.2. О башкирской, татарской фонемах /q/

По мнению К.М. Мусаева, вопрос о фонологическом статусе фонем /k/ ~ /q/, /g/ ~ /ɣ/ – один из наиболее спорных в тюркологии, заднеязычный «q не сохранился в изолированных языках и диалектах, подвергшихся влиянию других языков» [СИГТЯ 2002: 278]. Авторами «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (2006) гуттуральный *q восстанавливается к периоду распада пратюркской общности [СИГТЯ 2006]; данная фонема предполагается для древнетюркского языка [Кононов 1980]. В башкирском и татарском языках употребляется, как правило, в словах с гласными заднего ряда.

Н.З. Гаджиева считает, что «все фонетические изменения анлаутного q связаны с действующей тенденцией на его ослабление» [СИГТЯ 1984: 185–190]. А.В. Дыбо и О.А. Мудраком выделен специфический переход ПТ */q ()-/ > /j-/ в чувашском языке [СИГТЯ 2006: 212]. Работа Т.М. Гарипова показывает, что основные формулы изменения для увулярной смычной глухой согласной /q/ в башкирском и татарском языках: $y, x, g, k, h, ' , t, [0]$ [Гарипов 1979: 165]. Башкирские фонетисты указывают на употребление анлаутной /ɣ-/ вместо исконной /q-/ в башкирских диалектах [Кейекбаев 1958: 98; Ишкильдина 2013б: 172]. Татарские лингвисты отмечают соответствие /q/ ~ /x/ в говорах татарского

языка [Тумашева 1977], употребление среднеязычной /k/ вместо литературной /q/ в мишарских говорах татарского языка [Татар халык сөйләшләре I: 10–11], существование гортанной смычки в касимовском диалекте татарского языка [СИГТЯ 1984: 187].

Башкирские и татарские примеры с увулярной /q/ в начале слова, как правило, представлены лексемами с гласными заднего ряда: БТ *qart* < ПТ **Qarı* ‘старый’; БТ *qortqa* < **qu:rtqa* Э 173 ‘старуха’; БТ *qoro/qori*, кирг. *quryaq* < ПТ **Kūri-k,-gak* ‘сухой, пустой, жесткий’; БТ *qir-* < ПТ **Kirk-* ‘стричь, скрести’; БТ *qoros/qoriç* < **q(‘)urç(‘)ə* М 40 ‘сталь’. Прослеживаются межтюркские соответствия /q-/ ~ /k-/ ~ /ɣ-/ ~ /x-/: БТ *qolaq*, турк. *Gulaq*, аз. *GulaG*, хак. *xulax*, як. *kulgāk*, ДТ *qulyaq* < ПТ **Kul-kak* ‘ухо, слух, маленький арык’; БТ *qajiš* ‘ремень’, тур. *kajiš*, турк. *Gajiš*, як. *xatis* < ПТ **K(i)adi-* ‘кожаный пояс’, БТ *qajri*, хак. *xastirix*, ДТ *qadiz* < ПТ **Kař*, **Kař-dir* ‘кора, кожа’; БТ *qariš*, аз. *Gariš*, як. *xaris* < ПТ **K(i)aril* ‘пядь’; БТ *qul*, аз. *Gol*, як. *xol* < **q’ölə* М 66, ПТ **Kol* ‘рука (от локтя до плеча), рука (кисть)’; БТ *qajir-*, аз. *Gajir*, узб. *qejir-*, хак. *xazir-* < ПТ **KAdir-* ‘поворачивать, отступать’.

Фонема /q-/ в сочетании с гласными переднего ряда фиксируются в уйгурском, узбекском языках: БТ *qajiq*, уйг. *qejiq* < ПТ **K(i)aj-guk* ‘лодка, весло’; БТ *qadi/qazi*, уйг. *qezi* < ПТ **Kiaři* ‘брюшной жир’; БТ *qirau*, узб. *qirəw*, уйг. *qija*, *qira*, *qiro* < ПТ **Kir-* ‘иней; тонкий снег’.

Тюркологи не фиксируют соответствия начальных заднеязычных (или среднеязычных) согласных и губных фонем в тюркских языках. При этом более пристальный сравнительный анализ выявляет подобные соответствия (НМФ) /b-(m-)/ ~ /q-/ в семантически обособившихся лексемах, парных словах, диалектизмах (ср.: башк. *qirt* ~ диал. *birt* [БТДh: 66] ‘резкий, грубый’, ср. БТ парн. *qirt-mirt* ‘резко, грубо’; башк. *qiltiq* ~ диал. *biltim* [Там же] ‘обидчивый’; башк. *butarla-* ‘распороть’ ~ башк. *qutar-* [Там же: 206] ‘разобрать’; башк. *mizi-* ~ диал. *qizın-* [Там же: 207] ~ диал. *iziu-* [Там же: 402] ‘ворчать’; башк. диал. *buqra* ~ *quqra* ~ БТ *uqra* ‘овод бычий’ [Миржанова 2006: 41]), и подобные факты требуют дальнейшего изучения.

Звук [q] отсутствует в баскском консонантизме. В отдельных баскских диалектах существует аспирированный аллофон [k^h-] (рефлекс ПБ */k-/ по С.А. Старостину). Аллофон [gh-] не употребляется в баскском анлауте.

В середине слов с гласными заднего ряда БТ /-q-/ < ПТ */-q-/ (*/-k-/), возможны озвончение, спонантизация в отдельных тюркских языках (тюрк. /-g-, -x-/ < ПТ */k/): БТ *uq̄i-*, тур. *oku-*, як. *oguj-, uguij* < ПТ **oki-* ‘звать, читать’, БТ *aq̄iṛ-, baq̄iṛ* < **baq̄iṛ-/*paṛiṛ-* Э 107 ‘кричать’; БТ *soqor/çoq̄iṛ* ‘яма’, аз. *çixur* < ПТ **çok-* ‘клевать, копать, рытвина’.

Языковедами фиксируется озвончение интервокальной ПТ */-q-/ в современных тюркских языках [Чеченов 1996: 191], а озвончение интервокальной ПТ */-q-/ в башкирском языке, как показывают исследования, происходит в условиях внутреннего или внешнего сандхи, сложных словах (*ala qarȳa* [alayarȳa] ‘серая ворона’, *q̄iṛ qad̄i* [q̄iṛyad̄i] ‘дикий гусь’) [Ишкильдина 2013б: 163]. Имеются разногласия по определению срединной смычной фонемы, ср. БТ *bayana* < ПТ **bakna* (~ -g-), **paqan* Э 107, **baqan*, **baṛana* Э 42 ‘столб’; БТ *aṛaj/aṛa*, ДТ *aqa* < **a:ṛa* Э 70, ПТ *(i)āka ‘старший брат’.

Фонема /q/ **в конце слова** в целом сохраняется в башкирских и татарских лексемах, БТ /-q/ < ПТ */-q/ (*/-k/): БТ *usaq/uçaq* < **o:žaq* Э 422 ‘очаг’; БТ *tamaq* < **damaq* Э 140 ‘горло’; тат. *žajdaq* < **žajdaq* Э 12 ‘конь без седла’; БТ *ulaq* < **olūq* Э 451 ‘желобок’. Тюркологические работы указывают на тенденцию к ослаблению конечной /-q/ (хак. /q/ > /x/, аз. /q/ > /ɣ/, чув. /q/ > [0]) [СИГТЯ 1984: 192–193].

Итак, вопрос о фонологическом статусе глухой увулярной фонемы /q/ в пратюркском состоянии является спорным. БТ /q/ выступают в словах с гласными заднего ряда. Фонема /q/ несвойственна для мишарского диалекта татарского языка, огузских языков, отсутствует в баскском консонантизме. Прослеживаются межтюркские и диалектные соответствия /q/ (/k/) ~ /ɣ/ ~ /x/ в начале и середине слова. Обнаружены соответствия БТ /q-/ ~ /b-/ в семантически обособившихся лексемах, парных словах, диалектизмах. Конечная /-q/ сохраняется в башкирском и татарском ауслауте.

3.5.4.3. Фонема /g/ в башкирском, татарском и баскском консонантизме

В начале слова

Смычная среднеязычная звонкая /g-/ характерна для огузского анлаута и, по мнению ряда ученых, восстанавливается для пратюркского [Севортян 1980; EDAL 2003] или раннепратюркского состояния [СИГТЯ 2006: 67], не употреблялась в пракыпчакском анлауте [СИГТЯ 2002: 276]. Свойственна для ограниченного количества слов и звукоподражательной лексики башкирского, татарского языков: БТ *güädäl/güzäl*, тур. диал. *gözen* < ПТ **gürel* ‘красивый, красота, любимая’; БТ *gið-/giz-* < ПТ **gEr-* ‘ходить, проходить через’. По исследованиям Т.М. Гарипова, основные формулы изменения для башкирской, татарской среднеязычной звонкой смычной /g/: *k, q, ŋ, w, d, j, [0]* [Гарипов 1979: 162].

В баскском консонантизме функционирует смычная палатально-предорсальная звонкая фонема /g/, реконструируемая и для прабаскского анлаута, **Б /g-/ < ПБ **g-/***: *gau* (С, кроме Z, R), *gai* (Z, R) < **gau* Т 202 ‘ночь’, *gauez* Т 366 ‘вечером’; *gerri* (B, Sout., G, L, LN, Z), *garri* (B), *gerruntzeak* < **geRi* Т 204 ‘талиа’; *gabi* (B, G, HN) < **gabi* Т 194 ‘молоток’; *gozo* (C), *goxo* (LN, L, Z, R) < **gozo* Т 211, **goso* S ‘сладкий, восхищение, вкус, милый, милая’; *gibel* (C), *bigel* (HN) < **gibel* Т 205 ‘печень’; *gor* (C), *gogor* (C) < **gor* Т 208, **gorr* S ‘глухой, твердый, жесткий’; *garbi* (C) < **garbi* Т 200 ‘чистый, безупречный’.

Изменения анлаутной /g-/.

Оглушение

В ряде тюркских языков, в т. ч. кыпчакских, предполагается оглушение ПТ **g-/*, ср. **БТ /k-/ < ПТ **g-/***: башк. *käüädä*, тат. *gäüädä* < ПТ **gebde* ‘тело, туловище, живот’; БТ *kis/kiç* < ПТ **gēč(-e)* ‘поздний, ночь, вечер’; БТ *küñel* < ПТ **göjŋ-il* ‘сердце’; БТ *kör* < **gür* Э 106 ‘густой, обильный, жирный’; башк. *kirägä* < ПТ **gErekü* ‘деревянный остов юрты, ковер, который кладут на седло’; кирг. *kibu-*, тур. *göbe* < ПТ **göp-* ‘молоток; бить, колотить’; алт. диал. *kirtin-* Э 28 ‘верить’, ср. кум. *gerti* < ПТ **gər-tü* ‘правда’.

Баскские начальные среднеязычные /g-/ и /k-/ , как показывает Р.Л. Траск, подвержены регрессивной ассимиляции при наличии последующих смычных или

аффрикат, /g-/ ~ /k-/: общебаск. *gurpil* ~ диал. *kurpil* ‘жир, масло’, общебаск. *kedarra* ~ диал. *gedarra* ‘сажа’ [Trask 2008: 27]; *galte* (Sout., R) ‘потеря’, *kalte* (BG, HN, L, LN), *kalta* (арх. B, R, S) ‘вред, ущерб, травма’ (L, LN) Т 196 ‘потеря’; *gurtu*, *gurthu*, *kurtu* (HN) Т 213 ‘вставать на колени, почитать’; *koipe* (B, G, HN), *goipe* (HN, LN, L, Z), *goiphe* (Z) < **goipe* S ‘сало, жирный, пухлый’; *gider*, *kider*, *girtain* (L), *girthain*, *girten*, *kirten* (B, G), *kirtain* (HN), *kerten* (G) (*oin* ‘нога’) Т 205 ‘ручка, рукоятка’. Отметим, что соответствие /g-/ ~ /k-/ проявляется и при наличии /r/ после первой гласной: *gar* (арх. B, HN, LN, Z, R), *kar* (LN), *khar* (арх. L, LN) < **gar* ‘жар, пламя’; *garaun*, *karaun*, *garun*, *garuin*, *garoiñ* (B) (-*un* ‘сердцевина’) Т 199 ‘мозг’.

Аффрикатизация

По мнению Н.З. Гаджиевой, тенденция к аффрикатизации смычной /g-/ проявляется в языках различной типологической структуры (славянских, семитских, алтайских), в ряде диалектов отдельных тюркских языков перед гласными переднего ряда /i/ и /e/ представлено изменение «переднерядный палатализованный g’ > ж» [СИГТЯ 1984: 196], ср. аз. *g’ör* > *žör* ‘могила’; тур. *gälin* > *žälin* ‘невестка’.

Подобное изменение представлено и в баскских диалектах, /tʃ-/ < /g-/: *astigar*, *aztigar*, *gaztigar*, *txastegiar* (S) (*ihar* ‘клен’) Т 112 ‘клен’; *gabirai* (Sout), уменьш. *txabirai* (арх. G) < исп. *gavilán* Т 194 ‘сокол’; *gan(t)xi(n)gor* (HN, L, LN, Z), *txantxigor* Т 198 ‘свиные шкварки’ (*gantz* ‘жир, сало’, *txigor* ‘жареный’), происходит спорадическое изменение /j-/ < /g-/: *jeinhatu* (арх. L) ‘ухаживать’, *geñhátũ* (Z), *geñhatu* ‘сохранять’ < гаск. *ganhà* Т 243 ‘прибыль, заработать’.

Изменения начальной /g-/ в тюркских языках представлены фрикатизацией */g-/ > /h-/ в тофаларском языке: БТ *kejäü/kijäü*, кум. *gijev*, тоф. *hüdä* < ПТ **güde* ‘зять’; БТ *kilen*, тур. *gelin*, тоф. *helin*, *henni* < ПТ **gēlin* ‘невеста, невестка’; хак. *köl-*, тоф. *hölle-*, ДТ *köl-* < ПТ **göl-* ‘запрягать’.

Как было отмечено в подразделе 3.3.1, начальные /g-/ или /k-/ в пиренейских диалектах баскского языка соответствуют начальной /h-/ (< */h-/) в других диалектах [Trask 2008: 44].

Согласно исследованиям баскологов, в диалектах прослеживается ряд спорадических **соответствий** /g-/ ~ /b-/ [Michelena 1990: 259; Trask 2008: 27]: *gultzurdin* (G), *gultzurdun* (G), *gultzurin* (G), *gultzurrun* (B), *gũltzũrrũn* (Z), *kuntzurrun* (B), *beltzurin* (R), *beltzarrũn* (R), *beltzurũn* (R), *geltzurin* (G, L) Т 205 ‘почка (анат.)’; *gurdi* (B, G, HN, L), *burdi* (B, HN) Т 212 ‘телега, повозка’. Соответствие башкирских диалектных /b-(m-)/ ~ /q-/ рассматривалось в пункте 3.5.4.2.

Также прослеживается **утрата** баскской /g-/: *gurin* (G, HN), *gurhi* (Z) ‘масло’, *urin* (L, LN), *ú(r)in* (Z), *úrin* (R), *urín* (R), *guri* (B, LN, S), *gurhi* (Z) Т 213 ‘жир’. Встречаются единичные соответствия /g-/ ~ /d-/: *guzti* (B, G, арх. L), *duzti* (B), *guzi* (G, HN, L, LN, S), *gũzi* (Z) < **guzi* Т 214 ‘все’; *gehiago*, *geiago*, *geixa(g)o* (B), *geago* (S), *deago* (S), *geao* (Sout) Т 194 ‘еще, больше’.

В середине слова башкирская и татарская фонемы /-g-/ проявляют относительную устойчивость. **БТ** /-g-/ < **ПТ** */-g-/: ср. БТ *jügän/jögän* < ПТ **žü(j)gen* ‘узды’; *kügärsen/kügärçen* < **kögürçin* Э 84/**gö:gerçin* Э 57 ‘голубь’; БТ *jegerme* < **žęyrümi* М 22 ‘двадцать’; БТ *jögör-/jöger-* < **jügür-* Э 258 ‘бегать, течь’; БТ *degänäk /tigänäk* ‘колючка’ < **degenek* Э 175 ‘палка’; БТ *ügäj/ügi* ‘сирота’ < **ögse-* Э 503 ‘чувствовать себя одиноким’.

Интервокальная /-g-/ совпадает в баскских диалектах: *igoin* (R), *iguiñ* (Z), *huguin*, *hugun* < **igoin* Т 219 ‘ручка (инструмента, ножа)’; арх. *hegal* (L, LN, Z), *egal* (HN, L, R), *ega* (B, G, HN, L, LN), *hega* (L, LN), *ego* (B, G, HN) < **hegal* Т 162 ‘крыло, край, подол (одежды), плавник, поясница, склон горы’; *egazti* (B, G), *egaztin* (HN, L, LN), *erazki* (HN), *hegaxti* (Z), *hegasti* (LN), *hegastina* (LN) Т 162 ‘птица’; *igeri* (HN, L, Z), *uger* (B) Т 219, *igexka* (Z) < **ũgeri*/**ũgel* S ‘плавать’; *zigor* (B, G, HN, LN, L) < **zigor* Т 374 ‘стержень, палка’; *higuin*, *iguin*, *iguiñ*, *iguñ*, *iguiñ* (арх. B), *igui* (G), *higun* (LN), *hũgũ* (Z) < *(*h*)*iguni* Т 220 ‘ненависть, отвращение, отнимать от груди’.

В отличие от башкирского, татарского языков, баскская /-g-/ употребляется и в словах с гласными заднего ряда: *agin*, *agika* < **[h]agin* Т 78 ‘коренной зуб, укус’; *ugatz* < **ugatz* Т 354 ‘вымя, материнское молоко, ягнятник, женская грудь’; *hogei* (LN), *hógei* (Z), *ogei* (B, G, HN), *ógei* (R), *ogéi* (R), *hогоi* (L, LN), *ogoi* (L) < **[h]ogei* Т 304 ‘двадцать’.

Изменения срединной *-g-*

Переход **-/g-/ > /-j-/* в тюркских языках, палатализация баскской срединной */-g-/* рассматриваются в пункте 3.3.2.3. Соответствия и развитие сочетаний **/VgV/* подробно рассматриваются в последнем томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ 2006: 70–74].

Срединная ПТ **-/g-/* подвержена различным изменениям в тюркских языках, */-g-/ ~ /-j-, -h-, -χ-, -[0]-, -v-, -ŋ-, -k-/:* БТ *jeget*, турк., узб., ДТ *jigit*, тур. *jijit*, гаг. *ūt*, аз. *igit*, сал. *jihit*, *iχit*, кирг. *žigit*, хак. *čīt*, шор. *čijet*, тоф. *ñīt* < **jEgit/*jigit* ‘юноша, храбрец’. В башкирском, татарском языках прослеживается изменение ПТ **-/g-/ > БТ /-j-/:* башк. *jejän*, турк. *jeken*, *jegen*, тур. *jēn*, *jegen*, *jejen*, хак., шор., тув. *čēn*, як. *sien*, ДТ *jegen*, *jegin* < ПТ **jEgin* ‘племянник’; БТ *höjäl/söjäl*, турк. *siñil*, турк. *sigil*, *sükül*, *süjäl*, хак. *söl*, чув. *šʷklʷ*, чув. диал. *šʷgəwl*, ДТ *sögöl* < ПТ **s[e]göl/*sögil* ‘бородавка’; башк. *ökö*, тур. *öjü*, турк. *hüvi*, хак. *ügü*, тоф. *hügü*, *hij-quš*, чув. *ügə*, *üxə*, ДТ *ügi*, *ühi* < ПТ **ügi* ‘сова’.

Баскская фонема */-g-/* в интервокальной позиции и после согласных (кроме */n/*) реализуется как щелевая *[ɣ]*, в других позициях – как смычная: *ongi* ‘хорошо’, *gizon* ‘мужчина’, оглушается после сибилантов и в композитах [Egurtzegi 2013: 147].

Возможна утрата интервокальной **-/g-/* (преимущественно после */e, i/*) с образованием дифтонгов в баскских диалектах, **Б -[0]- < ПБ **-/g-/:*** арх. *jaugin* (LN), *jin* (L, LN, Z, R), *xin* (R, S), *jen* (L) < **e-augi(n)-* Т 241 ‘приходить’; *aintzigar* (B, G), *antzigar* (B, G), *antsigar* (B, G), *intziar* (G), *antzier*, *intzigar* Т 80 ‘мороз, иней’; *eguriki* (LN), *egũ(r)ũki* (Z), *iguriki* (L, LN), *iguruki* (L, арх. LN), *eurki* (R), *orki* (R) Т 165 ‘ждать, надеяться’; *egidamu* (B), *egitamu* (B), *eitemo* (B), *egiluma* (B), *egieramon* (B), *egiaamon* (B) Т 164 ‘форма, структура’; *leun*, *legun*, *leñ* (Z) Т 267 ‘гладкий, полированный’. Как пишут Х.И. Уальде, Х. Ортис де Урбина, в говоре Арбису происходит утрата интервокальной */-g-/:* *egon* > *[o:n]* ‘быть’, *lagun* > *l[a:w]n* ‘друг’ [Hualde 2003: 51–52].

Согласно работе Р.Л. Траска, в баскских диалектах в единичных случаях наблюдается соответствие взрывных */-g-/ ~ /-k-/:* *segail* (G, HN), *sekail* (L, LN) Т 338 ‘тонкий, стройный’; *ekhi* (Z, LN), *eki* (LN, R), *iki* (R) < **egu-ki* ‘солнце’, Т 166, *eguzki*

(B, G, HN, L), *iguzki* (G, HN, L, S, Z, R), *egúzki* (R), *iruzki* (G, HN, A), *iuzki* (HN), *egúzku* (R) Т 166 < **egu-* S ‘солнце’, также не исключено соответствие /-g-/ ~ /-d-/ [Trask 2008: 27]: *iduzki* (HN) < **egu-* S ‘солнце’; *agor* (C), *ador* (L) < **agor* Т 78, **egarri* S ‘бесплодный, стерильный’; *edoski*, *egoski* Т 161 ‘сосать (молоко)’.

Х.К. Уленбек и К. Мичелена приводят примеры соответствий срединных /-g-/ ~ /-b-/: *hagun*, *hagûn*, *habuin* ‘пена у рта’ [Uhlenbeck 1910: 91; Michelena 1990: 258]; *nagusi* (B, G, HN, L, LN, Z), *nabusi* (LN), *nausi* (L) Т 295 ‘руководитель, учитель, мастер’. Ср. также *jagon* (B), *jabon* (B) Т 239 ‘защита’; *eguarde* (B, G), *eberte* (B) Т 165 ‘днем, поздним утром’; *suge* (C), *suga* (G), *sube* Т 342 ‘змея’; *ogi* (C), *obi* (B, HN) ‘хлеб’, (HN, L, LN, Z) ‘пшеница’ < **ogi* Т 304.

В конце слова

Обзор источников выявляет, что фонема /g/ в целом не фиксируется для конца слова в башкирской, татарской, а также баскской консонантных системах.

Итак, башкирская и татарская заднеязычные звонкие фонемы /g/, в отличие от фонемы /g/ в огузских языках, встречаются в анлауте ограниченного количества слов. ПТ */g-/, как правило, реализуется в башкирской, татарской /k-/. Звонкая палатально-предорсальная фонема */g/ характерна для баскского и прабаскского анлаута. Как результат регрессивной ассимиляции (при наличии последующих смычных или аффрикат), наблюдаются соответствия баскских анлаутных /g-/ ~ /k-/. В тюркском и баскском консонантизме происходит аффрикатизация начальных /g-/. Прослеживаются соответствия баскских диалектных /g-/ ~ /b-, d-, j-/, [0]-. Срединная /-g-/ подвержена различным изменениям в тюркских языках (> /-j-, -h-, -x-, -[0]-, -k- -v-, -ŋ-/). В баскских диалектах интервокальная /-g-/ относительно устойчива; происходят утрата с образованием дифтонгов, спирализация; имеются соответствия /-g-/ ~ /-k-, -b-, -d-/. Фонема /g/ не свойственна для ауслота исконной лексики рассматриваемых языков.

3.5.4.4. Развитие башкирской, татарской фонем /y/

Заднеязычный (увулярный) звонкий фрикатив /y/ не реконструируется для пратюркского анлаута. По мнению Н.З. Гаджиевой, «с наибольшей долей

достоверности в тюркском праязыке в середине слова восстанавливается звонкий ряд (спирантов) y и y' , которые были крайне неустойчивы. Во многих корневых сочетаниях присутствует g , хронологически относительно поздний по сравнению с y' » [СИГТЯ 1984: 177]. К.М. Мусаев считает, что современная фонема $/y/$ в кыпчакских языках является ассимилятивным вариантом $/q/$ [СИГТЯ 2002: 279], ср. БТ *juγari* < ПТ **jok-*, **joqari* Э 213 'верх, наверх; высокий'.

А.В. Дыбо и О.А. Мудрак восстанавливают веллярную $*/-y-/$ для периода перед распадом пратюркской общности [СИГТЯ 2006: 17], пратюркский гуттуральный звонкий y в кыпчакских языках дает рефлексy « $^{+}Aw(-)$, $^{+}Ej(-)$, $^{+}Ij(-)$, в непервых слогах развитие аналогично, лишь после узких гласных наблюдается $^{*}I\#$ с утерей конечного $^{+}j\#$ » [Там же: 20]. В «Этимологическом словаре алтайских языков» (2003) тюркская $/y/$ возводится к ПТ $*/g/$.

На наш взгляд, небезосновательным является мнение о сонорном характере тюркской $*/y/$ [Щербак 1970: 106].

В башкирском и татарском языках фонема $/y/$ употребляется в словах с гласными заднего ряда. Встречается в анлауте звукоподражательной, заимствованной, диалектной лексики. Для баскского и прабаскского анлаута не фиксируется аспирированная $/gh-/$ (в отличие от $/kh-/$).

В середине слова в отдельных случаях ПТ $*/-y-/$ сохраняется, БТ $/-y-/$ < ПТ $*/-y-/$: БТ *ayas/ayaç* < $*i\check{a}-ya\check{s}$ М 121, ПТ $*i$, $*i-(\acute{n})ga\check{s}$ 'дерево, дрова'; башк. *iüüd*, тат. *uyüz*, ДТ *ayuz* < $*\check{a}y(u)\check{r}\acute{a}$ М 113, ПТ $*aγur$ 'молозиво'.

В соответствии с пунктом 3.5.4.3, баскская щелевая $[y]$ в интервокальной позиции и после других согласных (кроме $/n/$) выступает аллофоном фонемы $/g/$: $[eyia]$ 'правда', $[aryia]$ 'свет'.

С.А. Старостин реконструирует срединную увулярную фонему $*/-y-/$ для прабаскского состояния в ограниченном количестве лексем. Р.Л. Траск для вышеприведенных основ восстанавливает аспирацию $*/-h-/$.

Изменения срединной $*/-y-/$

Т.М. Гарипов считает, что в башкирском и татарском языках основные формулы изменения для $/y/$: q , x , $'$, k , η , j , w , $[0]$ [Гарипов 1979: 168]. Тенденция к

ослаблению интервокальной ПТ */-γ-/ выражена в башкирском и татарском языках, БТ /-w-/ < ПТ */-γ-/: БТ *awiz* < **Agir* ‘рот’; БТ *awir* < **a:γir* Э 85, ПТ **iagir* ‘тяжелый; почет’; БТ *awiriü/awiru* < **ayri*- М 113 ‘больной’; БТ *bawir* < **bγir* М 121, ПТ **biagir* ‘печень, ливер’; БТ *hawit/sawit*, башк. *seüätä*, кирг. *so:t*, ДТ *sayu* < ПТ **sAgut* ‘посуда, сосуд’; БТ *au-*, *awiš-*, *auna-*, ДТ *ayna-* < ПТ **iāg-*, **iāg-na-* ‘валиться’; БТ *awil* ‘село’ < **ayil* Э 83 ‘загон для скота; селение’; тур. диал. *saγri*, башк. *hawir*, каз. *saw'ir*, кирг. *so:ru* < **sayri* Э 151, ПТ **sagri* ‘круп, спина, холка лошади’. Также обнаруживается изменение БТ /-j-/, -[0]- < ПТ */-γ-/: *bodaj/bojδaj*, ДТ *buydaj* ‘пшеница’ [Ишкильдина 2013б: 174].

В баскских диалектах обнаруживаются интервокальные изменения /-g-, -b-, -f-, -i-/, -[0]- < */-γ-/: *aho* (L, LN, Z), *ao* (B, G, HN, R), *ago* (B, G, HN, R, Z), *aha-* (L, LN, Z), *ao-*, *ab-* (B, G) < **aho* Т 95, **ayo* S ‘рот’; *ohe* (L, LN), *óhe* (Z), *oe* (B, Sout., арх. G, HN), *oi* (B, G, R), *hoe*, *obe* (HN), *ofe* (LN), *oge* (B, G, L) < **ohe* Т 304, **oγe* S ‘кровать, постель’; *untxaur* (B), *insaur* (арх. B), *untxaur* (B), *hel(t)zaur* (L, LN), *giltza(g)ur* (HN, LN, S), *etxabur* (A), *itzagur* (R) Т 225 (*hur* (L, LN), *hür* (Z), *ur* (B, G) < **[h]ur* Т 358 ‘лесной орех’) < **hülcaγur* S ‘грецкий орех’; *lehor* (L), *leihor* (L, LN, Z), *leior*, *leor* (Sout), *legor* (B, G), *ligor*, *lior* Т 266, *igar* (B, G), *eihar* (HN, L, Z), *ihar* (L), *exar* (R) < **eiγarr* S ‘сухой, земля, суша’.

В конце башкирских, татарских слов ПТ */-γ/ не сохраняется. БТ /-u/ < ПТ */-γ/: БТ *jau* < **jaγ*, *ja:γi* Э 55, ПТ **jagi* ‘война, враг’; БТ *hau/sau* < **saγ* Э 140, ПТ **sag* ‘правый; здоровый, живой’; БТ *baθiu/basu* < ПТ **basiG* ‘поле’.

Фонема /g/ и ее аллофоны несвойственны для ауслота баскских самостоятельных корней и аффиксов.

Таким образом, башкирская и татарская увулярные звонкие фрикативные фонемы /γ/ характерны для слов с гласными заднего ряда. Фонема /γ/ отсутствует в мишарском диалекте татарского языка, огузских языках, восстанавливается для этапа перед распадом пратюркской общности. БТ фонемы /γ-/ фиксируются в анлауте звукоподражательной, заимствованной, диалектной лексики. В башкирском и татарском языках выражена тенденция к ослаблению срединной ПТ */-γ-/ > /-w- > -u-, -j-/. Конечная ПТ */-γ/ не сохраняется в башкирском и

татарском языках (ПТ */-y/ > БТ /-u/). С.А. Старостин реконструирует срединную фонему */-y-/ в ограниченном количестве баскских лексем. В баскском консонантизме отслеживаются изменения */-y-/ > /-g-, -b-, -f-, -i-/ [0].

3.5.4.5. Башкирские, татарские фонемы /k, q, g, ɣ/ и баскские /k, g/ в аффиксальных морфемах

Фонемы /k, q, g, ɣ/ присутствуют в составе большого количества башкирских, татарских аффиксов.

В начале аффиксов выявляются общие закономерности, характерные для развития начальных заднеязычных и среднеязычных взрывных в исследуемых языках. К примеру, наблюдаются ассимилятивные явления на стыке основы и аффиксов. Данный процесс получил более сильное развитие в тюркских языках.

У башкирских, татарских аффиксов с начальными среднеязычными и заднеязычными взрывными фонемами прослеживаются модификации по глухости-звонкости в зависимости от конечной фонемы основы и по заднеязычности-среднеязычности в зависимости от рядности гласных основы (у башкирских – еще и по подъему гласных основы).

Ср. 1) показатели дательно-направительного падежа БТ *-qa, -kä, -ya, -gä* (общекыпч. *-ke, -ge; -ki, -gi*, ПТ **-qa/-kä*, в местоимениях 1, 2 л. – ПТ **-A* [СИГТЯ 1988: 110]): БТ *keše* ‘человек’, *keše-gä* ‘человеку’, БТ *at* ‘лошадь’, *at-qa* ‘лошади’ (где *-g-, -ɣ-* – элементы показателей винительного падежа в древнетюркском языке, ср. ДТ *taš-iy* ‘камень’, ДТ *is-ig* ‘работу’); 2) БТ *-qä, -ke, -yä, -ge*, башк. *-qo, -kö, -yo, -gö* (в относительных прилагательных со значениями времени и места): БТ *es/eç* ‘внутренняя часть’, БТ *es-ke/eç-ke* ‘внутренний’; БТ *ür* ‘верх’, БТ *ür-ge* ‘верхний’, ср. БТ *-ta-yä, -tä-ge, -da-yä, -dä-ge*, башк. *-la-yä, -lä-ge, -da-yä, -dä-ge* (признак предмета с точки зрения его положения в пространстве и времени): БТ *es-tä-ge/eç-tä-ge* ‘находящийся внутри’; 3) башк. *-qä/-ke, -qo/-kö, -yä/-ge, -yo/-gö* (отглагольные имена) [ГСБЛЯ 1981: 272] ~ ДТ *-yu, -gü, -qu, -kü* [Кейекбаев 1958: 59–60]: башк. *al-yä kilä* ‘хочется взять’, *es-ke kilä* ‘хочется пить’ (мы не исключаем связь данных аффиксов с показателем желательного наклонения *-yaj/-gej* [СИГТЯ 1988: 331–

332]; 4) БТ *-yï, -ge, -qï, -ke* [ТГ 1995: 445, 360], башк. *-qo/-kõ, -yo/-gõ* (присоединяются к глаголам и звукоподражательным словам): БТ *jol-qo-/jol-qï-* ‘выдергивать’, БТ *miz-yï-* ‘кишетъ’; 5) БТ малопродуктивные *-qin, -ken-, -yin, -gen* (< **-yï-n*) (в отглагольных именах) [Там же: 273], башк. *-qon, -kõn-, -yon, -gõn*: тат. *bas-* ‘захватить’, *bas-qin* ‘захватчик’, тат. *sör-* ‘ссылать’, *sör-gen* ‘ссылка’; 6) БТ *-qï, -ke, -yï, -ge* (< **-yïq*) [ТГ 1995: 263–264], башк. *-qo, -kõ, -yo, -gõ* в отглагольных именах: тат. *seber-* ‘подметать’, *seber-ke* ‘метла’; 7) в начальных смычных /q-, k-/ в древних аффиксах, например, БТ *-qit, -ket*: тат. диал. *oŋ-qit* ‘глупый человек’ [ТГ 1995: 378–379].

Прослеживается диалектное соответствие баскских начальных /k-/ ~ /g-/ в аффиксах: 1) *-ki I* Т 250 (в наречиях): *eder* ‘красивый, прекрасный’, *eder-ki* ‘красиво, прекрасно’, *arin* ‘легкий’, *arinki* ‘легко’, но ср. *on* ‘хороший’, *on-gi* (HN, G, L, LN), *hon-gi* (арх. LN), *un-gi* (L, LN), *on-ki* (R), *hun-ki* (Z) Т 250 ‘хорошо’; 2) *-ki II* (С, кроме В), *-gi* (В) Т 250 ‘для того, чтобы’: *jái-ki* (Z), *je-ki, ja-gi* (В, Sout), *xá-gi* (R) Т 239 ‘появляться, подниматься’; *eba-ki* (С, В), *eba-gi* ‘резать’ (предполагается оглушение начала аффикса: *-ki II, -k-, -i- < *-gi-* Т 250).

В грамматическом курсе баскского языка отмечены показатели причастия будущего времени с глухими и звонкими велярными *-go* (после *-n*) и *-ko* [Rijk 2009: 90]: *Izozkia jan-go duzue* ‘Вы будете есть мороженое’, *Jolasean gelditu-ko dira* ‘Они останутся поиграть’.

Подобное явление, как показывает Х.И. Уальде, характерно и для показателя *-ko* ‘из’ после лексем с конечными /-l, -n/: *mendi-ko* ‘находящийся в горе’, *Brasil-go* ‘находящийся в Бразилии; в Бразилии’, *Jrun-go* ‘находящийся в Ируне’ [Hualde 2007: 103–104]. В других случаях показателем родительного падежа места (локативного генитива) выступает аффикс *-ko*: *-(e)tako* (неопред. ч.), *(e)ko* (опред. ед. ч.), *-etako* (опред. мн. ч.): *etxe* ‘дом’, *etxe-tako* ‘в некоем доме(-ах)’, *etxe-ko* ‘в доме’, *etxe-etako* ‘в домах’, *etxe-a-ko hots* ‘шум в доме’, *Bilbo-ko laguna* ‘друг из Бильбао’, определяемый как и «атрибутивизатор» [Архипов, <http://xn--portal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>].

В ряде случаев баскологи предполагают оглушение начальной */g-/ в аффиксальных морфемах, Б /k-/ < ПБ */g-/: 1) *-gai, -gei* < **-gai* Т 194 ‘материал для чего-л., человек или предмет, предназначенный для чего-л.’: *erre* ‘жечь’, *erregai* ‘горючее’, ср. *ardagai* (G), *ardai* (LN, Z), *erdai* (B), *kardakai* (HN) Т 418 ‘трут’, от лат. *cardu(u)m* ‘чертополох’; 2) *-gabe* < **gabe* Т 194 ‘без, вне’: *gatz* ‘соль’, *gazgabe* Т 201 ‘несоленный’, ср. *-kabe* [Rijk 2007: 313]: *atsekabe* Т 113 < **atsede-gabe* ‘горе’; *uskekabean* ‘незаметно’; 3) *-gaitz* ‘трудный’ (< **gaitz* ‘трудный’): *ulertu* ‘понять’, *uler-gaitz* ‘непонятный’, ср. *ekaitz* (C), *ekhaitz* (L, LN, Z), *ekatx* (B, L) Т 166 ‘шторм’ (< **egu-gaitz*, где **egu* ‘день’) и др.

В части баскских аффиксов сохраняются начальные глухие и звонкие смычные: 1) *-kada* Т 384: *erdara* (B, G, HN, L, LN, Z, R), *erdera* (B, G) ‘иностранный язык’, *erdara-kada*, *erdera-kada* Т 173 ‘иностранное слово или чужой язык’; 2) *-ki* (в отглагольных существительных) [Rijk 2007: 910]: *iragaz* ‘процеживать’, *iragaz-ki* ‘сито, фильтр’; *etorri* ‘приходить’, *etor-ki* ‘происхождение, источник’; 3) *-kin* Т 251 (номинализация): *erantsi* ‘добавить’, *erans-kin* ‘дополнение’; 4) *-keria* ‘порочное качество’: *alfer* Т 87 ‘лентяй’, *alfer-keria* ‘лентяйство’; 5) *-gin* (C) Т 16, *-gile* Т 164 (агент, делающий): *zur* ‘дерево, лес’, *zur-gin* ‘столяр’; *belar* ‘трава’, *belagile* ‘колдунья’; 6) *-ka* Т 245 (в наречиях): *zaldi* ‘лошадь’, *zaldi-ka* Т 48 ‘на коне’; 7) *-garri, -gura* (характеризующийся тем, что выражено основой): *barre* ‘смех’, *barre-garri* ‘смешной’; *lo* ‘спать’, *lo-gura* ‘сонный’.

Другое явление выражено в утрате начальных согласных фонем тюркских и баскских аффиксов. Например, некоторые башкирские и татарские аффиксы с начальной среднеязычной или заднеязычной смычной возводятся к общей пратюркской форме: 1) БТ *-an, -än, -n* (в прилагательных), по мнению Э.В. Севортяна, развились из **-yan* (показатель глагольной формы) [ТГ 1995: 369]: тат. *qis-an* ‘тесный’; 2) *-ir, -er, -ar, -är* (производительные глагольные суффиксы): БТ *ay-ar* ‘белеть’. Данные суффиксы возводятся Н.А. Баскаковым к ПТ **-yar/*-gär* [Там же: 440], ср. *-yir, -ger (-qir, -ker)* (глагольные суффиксы, употребляющиеся со звукоподражательными словами) [Там же: 456]: БТ *ba-qir-* ‘кричать’.

По мнению Р.Л. Траска, возможно употребление баскских суффиксов с начальной /k-/ или без нее [Trask 2008: 44]: 1) *-kume/-ume* ‘потомок’: *asto* (C), *arsto* (R) Т 112 ‘осел’, *asto-ume* (арх. LN) ‘молодой осел’, *ardi I* (C) Т 101 ‘овца’, *ar-kume* (B, G, HN) ‘ягненок’; 2) *-keta/-eta* Т 44 (действие): *zezen* ‘бык’, *zezen-keta* ‘бег быков’, *lapurr-eta* ‘кража’; 3) *-kide/-ide* ‘товарищ, коллега’: *ezkon-t-ide* ‘супруг’, *ikas-kide* ‘коллега, сотрудник’.

В середине аффикса

БТ /-γ-, -g-/ обнаруживаются в середине составных аффиксов 2 л. ед. ч. настоящего времени у башкирских глаголов *-hiγ-iδ/-hegeδ*: БТ *uqī-j-hiγiδ/uqī-j-siz* ‘читаете-вы’, БТ *kil-ä-hegeδ/kil-ä-sez* ‘приходите-вы’ и являются результатом изменения фонемы /-η-/ , ср. турецкое *-siη-iδ* [СИГТЯ 1988: 394].

Баскские /k, g/ достаточно устойчивы в середине аффиксальных морфем. Ср.: 1) показатель дестинативного аллатива *-ako* ‘куда?’, *-ganako* ‘кому?’ [Кинтана, <http://www.twirpx.com/file/1325620/>]: *Paris(er)-ako* ‘в Париж’; *Mikel(en)-ganako* ‘Микелю’; 2) показатель творительного падежа (социатива): *-(r)ekin* (неопред. ч.), *-arekin* (опред. ед. ч.), *-ekin* (опред. мн. ч.): *laguna* ‘друг’, *lagun-ekin* ‘с неким другом, с друзьями’, *lagun-arekin* ‘с другом’; 3) *-ago* (показатель степени сравнения имен прилагательных): *handi* ‘высокий’, *handi-ago* ‘выше’. Озвончение интервокальной /-k-/ прослеживается в аффиксе *-tegi, -degi* ‘место’ < *-*toki* S (место, хранилище): *hitz* ‘слово’, *hiz-tegi* ‘словарь’, *ardan* ‘вино’, *ardan-degi* ‘погреб’.

В конце башкирских, татарских аффиксов функционируют глухие /k, q/: 1) БТ *-q, -k, -g, -γ* (в составе показателей 1 л. мн. ч. у глаголов прошедшего времени и побудительного залога, по мнению Дж. Г. Киекбаева, исторически являются показателем двойственного числа [Киекбаев 1996: 151]): БТ *uqī-ni-q/uqī-di-q* ‘прочитали-мы’ (ср. древний аффикс множественности *-*q/(*-k)*, алтайское *qumaq* ‘пески’ [СИГТЯ 1988: 11]); 2) БТ *-iγ, -ek, -aq, -äk, -q, -k*, башк. *-oq/-ök*, древние формы *-qaq, -käk, -yaq, -gäk* [ТГ 1995: 363; Дмитриев 2007: 57–58] (в отглагольных существительных, прилагательных): БТ *iš-* ‘грести’, БТ *iš-käk* ‘весло’, БТ *hüt-/süt-* ‘распарывать’, БТ *süt-ek/hüt-ek* ‘распоротый’; 3) БТ *-liγ, -lek*, башк. *-loq, -lök* (идея концентрации) [Дмитриев 2007: 56]), в восточных говорах *-tiγ, -tek, -diγ, -dek*

[Ишкильдина 2013б: 169] возводится к ПТ $*l + *q$ [СИГТЯ 1988: 18]: БТ *hüδ/süz* ‘слово’, *hüδ-lek/süz-lek* ‘словарь’; 4) БТ *-raq, -rāk* (показатель степени сравнения): БТ *baj* ‘богатый’, *baj-raq* ‘богаче’, БТ *jäšel* ‘зеленый’, *jäšel-rāk* ‘более зеленый’ (в языках сибирской группы функционирует частица тув. *a:raq*, хак. *arax* ‘чуть-чуть’ [СИГТЯ 1988: 154]). Заметим, что при присоединении последующих аффиксов с начальной гласной происходит озвончение конечных *-q, -k*: *hüδ-leg-e/süz-leg-e* ‘словарь-кого-л.’; *baj-raq-i* ‘тот, кто из них богаче’.

Конечные ПТ $*-/g, -γ/$ подвержены утрате в словообразовательных суффиксах прилагательных в современном башкирском и татарском языках: БТ *äse/açi* ‘кислый, горький’, ДТ *açı* < $*iäçi$ М 120, ПТ $*iäçi-g$ ‘кислый, горький’; БТ *kese/keçe*, ДТ *kiçig* < ПТ $*kiçük/-g$ ‘маленький’.

В конце баскских аффиксов активно употребляется глухая $/k/$: 1) $-(a)k$ Т 44 (показатель мн. ч.): *etxe* ‘дом’, *etxe-ak* ‘дом-а’; 2) $-(e)k$ – показатель эрг. п. в ед. ч., *ek* (< $*-ag-e-k$) – во мн. ч.; в гипускоанском и бискайском диалектах – *-ak* (< $*-aga-k$) в определенной форме мн. ч. [Rijk 2007: 198]: *gizon-ak* (мн. ч. и эрг. п. от *gizon* ‘человек’); 3) $-ik$ Т 231 (в наречиях): *isil* ‘молчаливый’, *isil-ik* Т 231 ‘молча’. В бискайском диалекте наблюдается добавление конечной гласной после аффикса $-k$: *zik* > *ziku* (эрг. п.); *gixonak* > *gixonaka* (эрг. п.) [Egurtzegi 2013: 135].

В целом, сопоставительный анализ выявил, что БТ фонемы $/k, q, g, γ/$ функционируют в начале аффиксов, БТ $/g, γ/$ употребляются в середине отдельных аффиксов, БТ $/k, q/$ характерны для конечной позиции. Баскская $/k/$ активно функционирует во всех позициях, фонема $/g/$ – в начале и середине аффиксов.

Наблюдаются модификации башкирских, татарских аффиксальных морфем с начальными $/k, q, g, γ/$ по глухости-звонкости, среднеязычности-заднеязычности; морфонологические пары баскских аффиксов с начальными $/k-, g-/$ по глухости-звонкости – ассимилятивного характера. Возможно диалектное соответствие баскских начальных $/k-/ \sim /g-/$ в аффиксах. Изменения данных фонем, оказавшихся в интервокальной позиции, как правило, обусловлены нейтрализацией оппозиции по звонкости-глухости. В конце аффиксов исключены звонкие фонемы исследуемой группы.

Итак, имеются определенные сходства в функционировании и эволюции среднеязычных (в тюркских – и заднеязычных) фонем в агглютинативных башкирском, татарском и баскском языках. Также выявлено, что отдельные аффиксальные морфемы в башкирском, татарском и баскском языках, содержащие среднеязычные (и БТ заднеязычные) взрывные, обнаруживают сходство в семантике и структуре.

3.6. О тенденциях развития тюркской и баскской консонантных систем.

Сходства в фонотактике

По мнению ученых, выделение базовых типов «консонантных систем на основе качественных параметров, определяющих взаимосвязи в системе в целом» невозможно, тем не менее предложена условная ядерная система (разработанная И. Мэддисоном), состоящая из наиболее употребительных согласных в языках мира [Кодзасов 2001: 450]. Отметим, что инвентарь консонантных фонем в тюркских (башкирском, татарском) и баскском языках в целом идентичен системе Мэддисона, кроме некоторых исключений (переднеязычных фрикативов и аффрикат).

Обзор и сопоставление данных по историческому консонантизму тюркских и баскского языков (с использованием результатов наиболее признанных в тюркологии и баскологии работ) выявляет ряд схожих свойств и закономерностей в эволюции фонемного инвентаря, в парадигматических, синтагматических и отдельных исторических фонетических изменениях, в ограничениях на употребление фонем.

По исследованиям А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, в пределах алтайской семьи для развития пратюркско-прамонгольской консонантной системы характерны отсутствие начальной /r-/, фонем /f, x/; а также: 1) утрата */š-/: */š-/ > */č-/ перед заднерядными гласными; 2) утрата /š/ > */s/ в прочих позициях; 3) утрата */p'/: */p'-' > */h-/: 4) деаффрикатизация */č/: */č-/ > */t/; 5) утрата начальных сонорных: */ń-/ > */ǰ-/, */l-/ > */d-/ [СИГТЯ 2006: 11].

Общепринятая реконструкция допрабаскского состояния отсутствует, тем не менее отметим, что для прабаскского анлаута несвойственны фонема /r-/ и аффрикаты, не восстанавливаются фонемы /f, x/, палатальный фрикатив /ʃ/; существование фонемы /p/ ставится под сомнение. Между тем баскологами предполагаются другие процессы: аффрикатизация (*/t'/ > /č/) [Michelena 1990: 181]; соноризация (*/d-/ > /l-/) [Egurtzegi 2013: 162].

А.В. Дыбо и О.А. Мудрак делают вывод о том, что в пратюркском языке, в отличие от прамонгольского, произошли следующие изменения: 1) утрата начальных сонорных (*/n-, l-/ > */d-/*; */m-/ > */b-/*; */ŋ-/ > [0]); 2) палатализация начальных переднеязычных (*/d-, z-/ > */ǰ-/ > */j/); 3) потеря оппозиции по придыхательности начальных смычных согласных (*/p-/ > */b-/*; */t-/ > */d-/*; */k-/ > */g-/*); 4) озвончение срединных глухих согласных */-p-/ > */-b-/*; */-k-/ > */-g-/* (перед /-r-/*); 5) утрата оппозиции по придыхательности (*/p' / > /p/; */k' / > */k/; */č' / > */č/, */t' / > */t/ (*/t' -/ > */d-/* перед */r, ř, ĺ/)) [СИГТЯ 2006: 11].

Изучение и анализ исторических фонетических изменений, представленных в баскском консонантизме и отмеченных исследователями, выявляет такие закономерности: 1) фонемы */n-, l-/ в начале слова встречаются реже, чем */b-, g-, ʒ-, ʒ'-/; предполагается назализация */b-/ > /m-/*; 2) фонема /d-/ не восстанавливается для анлаута; произошла палатализация сибилантов (*/ʒ/ > /ʃ/); 3) допускается функционирование глухих взрывных в прабаскском анлауте и их фрикатизация; наблюдается установление звонких смычных в баскском анлауте; заимствования из романских языков с инициальной /t-/ подвергаются озвончению в баскских диалектах [Egurtzegi 2013: 123; Uhlenbeck 1910: 93]; 4) звонкие смычные /b, d, g/ сохраняют смычность в начале слова, /b, g/ – после /n/, фонема /d/ – после /l/, но в интервокальной позиции и после других согласных подвержены спирализации [Egurtzegi 2013: 147]; не поддерживается оппозиция по глухости-звонкости у смычных фонем между гласной и фонемой /r/, в интервокальной позиции – в номинализованных формах глаголов [Michelena 1990: 231]; 5) предполагается нейтрализация оппозиции слабых и сильных согласных [Trask 2008: 14].

Таким образом, наиболее существенной схожей тенденцией в эволюции тюркской и баскской консонантных систем является утрата оппозиции слабых и сильных согласных. Переднеязычные фрикативы – в башкирском, татарском, сибиланты и аффрикаты в баскском языках представлены глухими фонемами (кроме более поздних тат. /z/, башк. /δ/ и звонких аллофонов или диалектных звонких пар в баскском языке).

Сопоставление фонетических явлений, описываемых в тюркологических и баскологических работах, обнаруживает ряд схожих фонотактических характеристик. Например: 1) отсутствие сочетаний согласных в начале слова (с чем связана и высокая частотность корней структуры CVC [Котвич 1962: 33; Trask 2008: 18–24]); 2) стечения согласных в конце односложных корней, как правило, представлены сочетаниями сонант + шумный (смычный) [Щербак 1970: 78], в баскских – «сонант + аффриката» (/r_tʂ, -l_tʂ, -n_tʂ/ [Trask 2008: 19]), «сонант/фрикатив + взрывной /t/» (см. раздел 1.6); 3) запрещение сочетания двух шумных смычных внутри тюркской основы [СИГТЯ 2006: 65], избегание скоплений трех или более согласных в баскском слове [Egurtzegi 2013: 141]; 4) запрещение сочетаний */l, n/ с последующими */r-, ř/; 5) в исследуемых системах выявляются соответствия /-ld-/ ~ /-lt-/ , /-nt-/ ~ /-nd-/ , /-rt-/ ~ /-rd-/ [Хисамитдинова 1989: 12; Trask 2008: 26; Egurtzegi 2013: 129]; 6) в конце слова не используются башкирские и татарские /b, g, d, ɣ/, баскские /b, g, d, p, m, h/; 7) протетические гласные /e-, i-/ наблюдаются в башкирских, татарских заимствованных лексемах с анлаутными /s-, š-/ , в баскском языке заимствования с начальными /r-, ɣ/ имеют протетические гласные /e-, a-/.

Наиболее существенные сходства и различия в эволюции согласных фонем сопоставляемых систем демонстрирует Таблица 4 «Изменения тюркских (башкирских, татарских) и баскских согласных (с учетом праязыковых реконструкций)» (для наглядности опускаются косые скобки у фонем).

Таблица 4 – Изменения тюркских (башкирских, татарских) и баскских согласных (с учетом праязыковых реконструкций)

Тюркские (башкирские, татарские) согласные	Баскские согласные
тюрк. <i>w-</i> (~ <i>v-</i>) ~ <i>j-</i> ~ <i>h-</i> ; * <i>p-</i> ' > хал. <i>h-</i> регулярно * <i>s-</i> > башк. <i>h-</i> ; * <i>č-</i> , * <i>ǰ-</i> (* <i>j-</i>) > долг. <i>h-</i> ; * <i>g-</i> > тоф. <i>h-</i>	лат. <i>f-</i> > <i>h-</i> ; * <i>p-</i> , * <i>t-</i> , * <i>k-</i> > <i>h-</i> (К. Мичелена) * <i>t^h-</i> > * <i>θ-</i> > <i>h-</i> > [0] (А. Мартине) <i>h-</i> ~ <i>g-/k-</i> (R S A)
* <i>-s-</i> (> <i>-θ-</i>), * <i>-ř-</i> (> <i>-z-</i> > <i>-δ-</i>) > башк. диал. <i>-h-</i>	* <i>-n-</i> > <i>-h-</i>
регулярно * <i>ǰ-</i> (* <i>j-</i>) > БТ <i>j-</i> , тат. <i>ǰ-</i> тюрк. <i>ǰ-</i> ~ <i>ǰ-</i> ~ <i>č-</i> ~ <i>s-</i> ~ <i>ǰ-</i> ~ <i>j-</i> ~ <i>h-</i> ~ [0]- ПА * <i>/p', d, n, l, z, n', ǰ, l, η-/</i> > ПТ * <i>ǰ-</i> (<i>j-</i>)	* <i>e-</i> > [j] ~ [ɟ] ~ [dʒ] ~ [j] ~ [j] ~ [ʃ] ~ [χ] <i>j-</i> ~ <i>d-</i> ~ <i>tʃ[č]-</i> ~ <i>f-</i> * <i>e-</i> ~ префиксы <i>n-</i> , <i>h-</i> , <i>ɟ-</i> , <i>g-</i> , <i>d-</i>
* <i>/-n', -η-, -b-, -g- (-y-)/</i> > <i>-j-</i> БТ <i>-j-</i> ~ тюрк. <i>-d-</i> ~ <i>-t-</i> ~ <i>-z-</i> ~ <i>-δ-</i> ~ <i>-r-</i>	<i>-g-</i> ~ [ʃ], [j], [dʒ]; * <i>-ñ-</i> > <i>-h-</i> ~ <i>-ĩ-</i> ~ <i>-i-</i> <i>-d-</i> ~ <i>-r-</i> ; <i>-j-</i> ~ <i>-f-</i>
<i>-j-</i> ~ <i>-n-</i> ; * <i>/-j, -δ, -d/</i> > <i>-j</i>	<i>-i</i> (арх.) ~ <i>-n</i>
<i>-n-</i> > [- <i>m-</i>] перед <i>b, p, m</i> ; <i>-n</i> ~ чув. <i>-m</i> <i>η</i> ~ <i>n</i> * <i>-n'</i> > <i>-j-</i> (> [0]); <i>η</i> > [0] (в сибирской группе)	<i>-n-</i> > [- <i>m-</i>] перед <i>b</i> ; <i>-nb-</i> > <i>-m-</i> ; <i>n</i> > <i>m</i> после <i>u</i> * <i>n</i> > <i>ñ</i> [<i>n', n</i>]; * <i>-n-</i> > <i>-h-</i> ~ <i>-g-</i> ~ [0] <i>-ñ-</i> > [0], <i>-h-</i> ~ <i>-ĩ-</i> ~ <i>-l-</i>
<i>l</i> ~ <i>n</i> башк. диал. <i>l</i> > <i>d, δ</i> ; тюрк. <i>l</i> ~ <i>r</i>	<i>l</i> ~ <i>n-</i> , <i>ñ-</i> , <i>k-</i> , <i>g-</i> , [0] <i>l</i> ~ <i>λ</i> ~ <i>lh</i> , <i>l</i> ~ <i>ll</i> ~ <i>r</i> (> <i>d</i>) ~ <i>ñ</i> ~ <i>h</i>
<i>r</i> ~ <i>l</i> , <i>r</i> ~ <i>d</i>	<i>r</i> ~ <i>l</i> , <i>r</i> ~ <i>d</i>
регулярно * <i>-ř-</i> (* <i>-řs-</i>) > БТ <i>-δ-/z-</i>	<i>-rɟ-</i> > <i>-ɟ-</i>
регулярно * <i>s-</i> > БТ <i>h-/s-</i>	<i>ɟ-</i> > <i>f-, tʃ-</i>
регулярно * <i>s</i> > БТ <i>θ/s</i>	<i>ɟ</i> ~ <i>ɟ</i>
регулярно ПТ * <i>č</i> > БТ <i>s/ç</i>	<i>tɟ</i> ~ <i>ɟ</i>
<i>p-</i> ~ <i>b-</i> (~ тюрк. <i>m-</i>)	<i>p-</i> ~ <i>ph-</i> ~ <i>b-</i>
* <i>-p-</i> > <i>-b-</i> , реже – БТ <i>-p-/f-</i>	<i>-p-</i> ~ <i>-ph-</i> , <i>-m-</i> , реже – <i>-b-</i> , <i>-f-</i>
<i>b-</i> ~ <i>p-, m-</i>	<i>b-</i> ~ <i>p-, m-</i> (спорад.); <i>b-</i> > [0] (перед <i>o, u</i>)
<i>-b-</i> ~ <i>-p-, -w-, -m-</i>	<i>-b-</i> ~ <i>-p-, -f-</i>
* <i>t-</i> , * <i>d-</i> > <i>t-</i> ~ <i>d-</i> ; фрикатизация в аффиксах БТ <i>/l-/</i> ~ башк. <i>/t-, d-, δ-/</i> ~ тат. <i>/n-/</i>	<i>t-</i> > <i>d-</i> ; фрикатизация лат. <i>t-</i> > <i>l-</i>
<i>-t-</i> > <i>-d-</i>	<i>-t-</i> ~ <i>-c-</i> ~ <i>-tʃ-</i> ; <i>-th-</i> ~ <i>-t-</i>
<i>lt, nt, rt</i> и <i>ld, nd, rd</i>	<i>lt, nt, rt</i> и <i>ld, nd, rd</i>
* <i>-d-</i> > <i>-j-</i> , чув. <i>-r-</i> ; * <i>-t-</i> (* <i>-d-</i>) > <i>-d-/δ-</i>	<i>-d-</i> ~ <i>-r-</i> ; <i>-d-</i> > [- <i>δ-</i>]; <i>-d-</i> ~ <i>-g-</i> ~ <i>-r-</i> ~ [0]
<i>k</i> ~ <i>q, g, s-/ç-</i> ; * <i>-y-</i> > <i>-w-</i>	<i>k</i> ~ <i>kh, g, b, tʃ-, f-</i>

Краткие выводы по третьей главе

1. Консонантизм башкирского, татарского и баскского языков характеризуется развитой системой согласных и примерно одинаковым количеством исконных консонантных фонем. Специфика инвентаря фонем башкирского и татарского консонантизма заключается в наличии заднеязычных смычных /ɣ, q/, увулярной /ŋ/, специфика инвентаря фонем баскского консонантизма определяется оппозицией ламино-альвеолярного сибиланта /s/, апино-альвеолярного сибиланта /ʃ/ и наличием соответствующих аффрикат /tʃ, tʂ, tʃ/. Отмечается отсутствие фонем /f, x/ в пратюркском и прабаскском языках, запрещение начальной /r-/ – в праязыковом и современном состояниях. Инвентарь согласных мишарского диалекта татарского языка и инвентарь согласных баскского языка имеют отдельные сходства (употребление в мишарском диалекте среднеязычных /k, g/ вместо литературных заднеязычных /q, ɣ/; аффрикат против литературных щелевых). Определенное сходство (звонкий анлаут) имеется в фонотактике тюркских языков огузской группы и баскского языка.

2. Для пратюркского и прабаскского консонантизма реконструируются системы сильных и слабых согласных. Противопоставление шумных и сонантов, корреляция смычных фонем по звонкости-глухости имеются в современном состоянии исследуемых систем. Палатализация согласных нефонологична в башкирском, татарском и общебаскском консонантизме.

3. Особенности консонантизма башкирского и татарского языков определяются различной рефлексацией пратюркских фонем в корневых морфемах и представлены: а) регулярными соответствиями переднеязычных фрикативов (и полусонанта /j-/): анлаутных ПТ */ǰ-(j-)/ > башк. /j-/ ~ тат. /j-, ʒ-/; ПТ */ç-/ > башк. /s-/ ~ тат. /ç-/; ПТ */s-/ > башк. /h-/ ~ тат. /s-/; срединных и конечных ПТ */s/ > башк. /θ/ ~ тат. /s/; ПТ */ř/ > башк. /δ/ ~ тат. /z/ и др.; б) спорадическими соответствиями фонем (сочетаний фонем) других групп (ПТ */-lt-/ > башк. /-lt-/ ~ тат. /-t-/; башк. /b-/ ~ тат. /p-/; ПТ */-p-/ > башк. /-p-/ ~ тат. /-f-/; ПТ */-d-, -t/ > башк. /-δ-/ ~ тат. /-d-/).

4. Диалектные различия баскского языка проявляются в особенностях реализации /j-/ , сибилантов, аффрикат, аспирации /h/, аспиривании смычных.

5. Выявляется сходство в реализации пратюркской и прабаскской */j-/ в корневых морфемах. ПТ */ǰ-(j-)/ реализуется в башк. /j-/, диал. /ǰ-, ǰ-, z-, d-, s-, š-/, в тат. /j-, ž-/, диал. /ǰ-/ [dǰ] и др. Баскская анлаутная /j-/ возводится к префиксу *e- в начальных формах синтетических глаголов и реализуется в диалектных [j] ~ [ǰ] ~ [dǰ] ~ [ǰ] ~ [j] ~ [j] ~ [ʃ] ~ [χ], также имеются соответствия /j-/ ~ /d-/ ~ /tʃ-/ ~ /f-/.

6. Обобщение ряда морфонологических различий между башкирским и татарским языками выявляет регулярные соответствия (ассимилятивного характера) начальных переднеязычных сонорных, смычных, фрикативных фонем (в зависимости от конечных фонем основ) в аффиксах: в показателях косвенных падежей БТ /t-, d-, n-/ ~ башк. /δ-;/ в показателях мн. ч., 3 л. БТ /l-/ ~ башк. /t-, d-, δ-/ ~ тат. /n-;/ в аффиксах подобия и аффиксах, выступающих в роли предикативных аффиксов и модальных частиц БТ /t-, d-/ ~ башк. /δ-, l-;/ в аффиксах определенного прошедшего времени 3 л. БТ /t-, d-/ ~ башк. /δ-, n-;/ в показателях 1 л. мн. ч., 2 лица и других аффиксах башк. /h-/ ~ тат. /s-/, башк. /-δ/ ~ тат. /-z/; башк. /s-/ ~ тат. /ç-/; также башк. {-g-} ~ тат. {-[0]-}. Спорадическое соответствие сонантов башк. /-ŋ/ ~ тат. /m-/ представлено в показателях 1 л. ед. ч. в притяжательном склонении местоимений 1 л.

7. Согласные исследуемых систем, относящиеся по месту или способу образования к одной группе (сонанты, губные, переднеязычные и заднеязычные смычные, переднеязычные фрикативы (аффрикаты)), выступают в межъязыковых и междиалектных соответствиях (/r/ ~ /l/; /n/ ~ /m/; /b/ ~ /m/; /p/ ~ /b/; /k/ ~ /g/; /t/ ~ /d/; башк. /s/ ~ тат. /ç/, баск. /s/ ~ /s/ и др.).

8. Тюркский (башкирский) фарингальный спирант /h/, баскская аспирация /h/ употребляются в окраинных языках (диалектах) и имеют сложную этимологию.

9. Ограничение на употребление согласных в структуре тюркского и баскского слова (преимущественное функционирование сонантов */n, l, r/ в середине, конце слова) обуславливает тенденцию к фрикатизации (аффрикатизации – в баскском языке) срединных сонорных и их сочетаний с переднеязычными фрикативами (аффрикатами) (ПТ */-nč-/ > БТ /-s-/ ~ /-ç-/;

ПТ */-ř-, -rs- ~ -řs/ > БТ /-δ-/ ~ /-z-/; ПТ */-ĺ-, -ĺć-/ > БТ /-š-/; ПБ */-rɣ-/ > Б /-ɣ-/; ПБ */-ltɣ-, -ĺtɣ-/ > Б /-tɣ-/; ПБ */-ntɣ-/ > Б /-tɣ-/; регулярно ПБ */-n-, -in-/ > Б /-h-/).

10. В башкирском, татарском языках выявляются протетические гласные в лексемах с анлаутными /l-/, переднеязычными фрикативами, в диалектах возможно протезирование анлаутной /t-/. Перебой протетических гласных в баскских диалектах характерен для лексем с анлаутными взрывными фонемами. Протезирование /l-, r-, s-, š-/ прослеживается в заимствованной лексике башкирского и татарского языков, протезирование /r-, ɣ-/ – в заимствованной лексике баскского языка.

11. Обнаруживается структурное сходство близких по семантике башкирских, татарских и баскских аффиксальных морфем, содержащих фрикативы (аффрикаты), взрывные, сонанты /l, r/, конечный сонант /-n/, БТ конечные дифтонгоиды /-Vj/ и баскские дифтонги /-Vi/ (с учетом конечных гласных в баскских лексемах).

12. В исследуемых системах происходит нейтрализация корреляции по глухости-звонкости начальных взрывных фонем в аффиксальных морфемах в зависимости от конечных фонем корней. Звонкие /d-, g-/ – морфонологические пары баскских взрывных /t-, k-/ – употребляются после лексем с конечными /-l, -n/.

13. Сходство обнаруживается в следующих фонетических изменениях: стремление к фрикатизации, устранение скоплений согласных, гармонизация, утрата оппозиции слабых и сильных согласных, ослабление срединных взрывных фонем (озвончение интервокальных глухих взрывных в тюркских языках и спирализация интервокальных звонких взрывных в баскском языке).

Наиболее существенные характеристики сопоставляемых консонантных систем представлены в Таблице 5 – «Сводная таблица по пратюркскому, башкирскому, татарскому и прабаскскому, баскскому консонантизму». В скобках даются поздние или диалектные фонемы, пратюркские согласные приводятся по «Этимологическому словарю алтайских языков» (2003), их распределение в структуре слова – по работе А.В. Дыбо [Дыбо 2007: 15]. Прабаскский консонантизм в таблице представлен по реконструкции Р.Л. Траска [Trask 2008: 14].

Таблица 5 – Сводная таблица по пратюркскому, башкирскому, татарскому и прабаскскому, баскскому консонантизму

		Башкирский	Татарский	Баскский
Смычные (взрывные)		<i>b, p, d, t, g, k, q, γ</i>		<i>/p, b, t, d, k, g,</i> <i>(<it, tt>c, <id, dd>ɟ)/</i>
		*/ <i>p, b, t, d, k, g</i> /		*/(<i>p</i>), <i>b, t, d, k, g</i> /
Фрикативы		<i>/š, s, h, δ, θ, (z, ʒ)/</i>	<i>/š, s, z, ž, ç, (h, ʒ, ')/</i>	<i>/ɟ, ʒ, ʃ, (h)/</i>
		*/ <i>s</i> /		*/ <i>ɟ, ʒ</i> /
Аффрикаты		–		<i>/tɟ, tʒ, tʃ/</i>
		*/ <i>č</i> /		*/ <i>tʒ, tɟ</i> /
Сонорные		<i>/l, m, n, -ŋ, -r, (w)/</i>	<i>/l, m, n, -ŋ, -r, (w)/</i>	<i>/l, <il, ll>-ɭ, m, n, <ñ, in>ń,</i> <i>-r-, -R-/</i>
		*/ <i>-m-, -n-, -r-, -l-, -ń-, -r̃-, -l̃-, -ŋ-/</i>		*/ <i>L, l, N, n, -R-, -r-/</i>
Полусонанты, глайды		<i>/j-/ < */ǰ-(j-)/</i>		<i>/j-/ < *e-</i> (в глаголах), <i>/u/[w]</i>
Ранние заимствования		<i>/f, x/</i>		<i>/j-/</i> (в существительных), <i>/f, x/</i>
Корреляция по глухости – звонкости и нейтрализация		+		+
		–		–
Палатализация		нефонологична (в сингармонических парах)		после <i>/i/</i> , в диалектах, в экспрессивной функции
		<i>/r/ – /r̃/; /n/ – /ń/; /l-/ ~ /l̃/</i>		–
Корреляция по силе- слабости		в праязыке		в праязыке
Распределение в структуре слова		в анлауте: */ <i>b-/p-, d-/t-, (ǰ-/č-), g-/k-, (q-)/</i>		в анлауте: */ <i>b-, d- (> l-), g-, ʒ-, ɟ-, n-, h-/</i>
		в др. позициях: */ <i>-λ-(-š-), (-v-), -m-, -n-, -r-, -l-,</i> <i>-r̃-/z-, (-δ-), -ń-, -j-, -ŋ-, (-γ-)/</i>		в др. позициях: */ <i>-tʒ, -tɟ, -L, -R, -N/;</i> в аффиксах – */ <i>-k, -t/</i>
В анлауте	<i>/r-/</i>	–		–
	<i>/n-/</i>	в вопросительных местоимениях		в ограниченном количестве
	<i>/l-/</i>	–		без ограничений
В ауслауте	<i>/-b, -g, -d/</i>	–		–
	<i>/-p, -m, -h/</i>	<i>/-h/</i> ограничено		–
	<i>/-k, -t/</i>	без ограничений		в аффиксах

Итак, можно сделать вывод о том, что консонантные фонемы сопоставляемых систем в целом подвергались схожим историческим изменениям: фрикатизации, переходам внутри групп по месту или способу образования.

Эволюция тюркских (башкирской, татарской) и баскской консонантных систем обусловлена рядом факторов, в числе которых можно выделить следующие важные процессы: развитие агглютинации и гармонии звуков, утрата оппозиции по силе-слабости, возникновение корреляции по звонкости-глухости, существование ограничений на встречаемость согласных в анлауте и ауслауте, морфонологические процессы на стыке морфем.

Консонантизм башкирского, татарского языков, как и системы вокализма, характеризуется наличием систематических фонетических и фонологических изменений по отношению к пратюркскому состоянию. Баскский консонантизм отличается сравнительно меньшим количеством систематических изменений.

Тенденция к упрощению срединных сочетаний, точнее, к утрате сонорных перед переднеязычными в большей мере свойственна для тюркского консонантизма. Башкирский, татарский языки, по сравнению с отдельными тюркскими языками и баскским языком, выявляют тенденцию к йотизации. Специфика развития баскского консонантизма выражается в наличии процессов аффрикатизации, палатализации, также в предполагаемой утрате начальных /b-/ и сильных смычных, интервокальной /-n-/.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация посвящена описанию, сравнительно-сопоставительному анализу вокалических, консонантных систем тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков в синхроническом, диахроническом аспектах. Обзор научных источников позволил сделать вывод о том, что фонетика (частная, историческая) исследуемых языков достаточно хорошо изучена. Между тем тюркские (башкирские, татарские) и баскские вокалические, консонантные, фонологические системы и их история не являлись объектом сопоставительного анализа. Актуальность работы определяется необходимостью уточнения и объяснения наиболее существенных закономерностей развития и становления систем фонем башкирского и татарского языков, малочисленностью работ, направленных на изучение систем фонем башкирского, татарского языков в сопоставлении с фонетическими системами других языков в теоретическом плане. Диссертация выполнена на основе имеющегося лексического, этимологического, фонетического материала тюркских, башкирского, татарского и баскского языков, с использованием данных праязыковых реконструкций, результатов наиболее признанных в тюркологии и баскологии работ. Соблюдены традиционные принципы систематизации и анализа, системного подхода, предложенные в академических изданиях по тюркологии, в общепризнанных трудах по баскологии.

Аналізу подвергнуты фонемы /*a, e, i, o, u, ä, ĩ, ö, ü, h, j ~ ž, l, m, n, ŋ, r, θ ~ s, s ~ ç, δ ~ z, š, b, p, t, d, k, q, g, ɣ*/ – в башкирской, татарской, фонемы /*a, e, i, o, u, h, j, l, ʎ, m, n, ŋ, r, R, ʂ, ʐ, ʃ, tʂ, tʂ, tʃ, b, p, t, d, k, g*/ в баскской вокалических, консонантных системах. БТ фонемы /*w*/ частично рассматриваются в пункте 3.5.4.4 «Развитие башкирской, татарской фонем /*ɣ*/».

В результате сопоставительного анализа башкирской, татарской и баскской вокалических систем с учетом пратюркских и прабаскских реконструкций выявлен ряд существенных особенностей. Рассматриваемые языки не относятся к тоновым. Для башкирского, татарского и баскского языков характерны достаточно развитые системы гласных фонем. Обнаруживаются различия в парадигматическом устройстве вокалических систем исследуемых языков (наличие оппозиций по ряду,

подъему, огубленности в башкирском, татарском вокализме и оппозиций по ряду, подъему – в баскском вокализме). Вокалические системы башкирского, татарского языков представлены «прямоугольными» системами из 9 гласных, пратюркская – из 8 гласных, противопоставленных по ряду, подъему, огубленности. Тюркологами предполагается передвижение серии ПТ **/u, o, ü, ö, e, i/* в серию БТ */o, u, ö, ü, i, e/*. Баскская и прабаскская вокалические системы представлены 5 гласными и выстроены по «треугольному» типу, гласные противопоставлены по ряду и подъему. Башкирские и татарские узкие гласные */ä, i, ö, ü/* специфичны по отношению к инвентарю фонем баскского вокализма. Баскская */a/*, в отличие от башкирской, татарской */a/*, относится к среднему (центральному) ряду.

В вокализме современных литературных башкирского и татарского языков представлены регулярные соответствия гласных в аффиксах, башкирских дифтонгоидов и татарских монофтонгов – в аффиксах и открытых слогах. Также имеются спорадические соответствия башкирских, татарских гласных фонем в корнях, аффиксах. Подобное обобщение дает дополнительный довод в пользу идеи об устойчивости гласных фонем в структуре башкирских, татарских корней и о более поздних синтагматических и морфонологических изменениях, происходивших в аффиксальных морфемах.

Относительная устойчивость гласных в структуре корня является важнейшей структурно-типологической особенностью эволюции вокализма башкирского, татарского и баскского языков. Между тем для исследуемых систем характерно нарушение регулярности соответствий гласных. Междиалектные и межъязыковые соответствия гласных частично можно объяснить изменениями или перестройкой консонантных систем, гармонией звуков. В баскском языке существует ареальная гармония (прогрессивная ассимиляция) гласных, а в тюркских, в т. ч. башкирском, татарском, языках сингармонизм является ведущим признаком, определившим их эволюцию.

Современные башкирский, татарский языки, в отличие от отдельных тюркских языков, характеризуются отсутствием противопоставления гласных фонем по долготе-краткости, по наличию или отсутствию фарингализации.

В отдельных баскских диалектах различаются долгие и краткие гласные, но оппозиция по долготе-краткости не отмечается для общеваскского и праваскского языков. Фарингализация интервокальной фонемы /-n-/ с последующей утратой создает предпосылку для возникновения геминации баскских гласных. В башкирской, татарской и баскской вокалических системах назализация не имеет фонологической или просодической функций.

В башкирских, татарских словах отсутствуют конечные гласные, прослеживаемые в тюркских (чувашских) соответствиях. Баскские корни, как правило, имеют конечные гласные после смычных согласных.

Наиболее устойчивой по отношению к праязыковому состоянию в башкирской, татарской и баскской вокалических системах является фонема /a/. Выявляются сходства в исторических изменениях отдельно взятых башкирских, татарских и баскских гласных. Характерны процессы лабиализации-делабиализации в башкирском, татарском и баскском вокализме. В исследуемых системах прослеживается тенденция к опереднению гласных (установление фонемы /ä/ в башкирском и татарском языках, развитие фонемы /ĩ/ в сулетинском диалекте баскского языка). В отличие от башкирского, татарского языков, баскские диалекты демонстрируют не регулярные (систематические), а спорадические изменения гласных фонем.

Развитие башкирского, татарского и баскского вокализма необходимо рассматривать в связи с эволюцией консонантизма. Причинами парадигматических и синтагматических изменений в вокалических системах исследуемых языков, вероятно, выступают процессы упрощения сочетаний гласных с этимологическими (ларингальными или сонорными) согласными, гармония звуков, наличие и утрата противопоставления согласных по силе-слабости.

Консонантизм башкирского, татарского и баскского языков характеризуется развитой системой согласных, примерно одинаковым количеством исконных консонантных фонем, отсутствием фонем /f, x/ в праязыковом состоянии. Специфика инвентаря фонем башкирского и татарского консонантизма заключается в наличии заднеязычных смычных /ɣ, q/, увулярной /ŋ/, специфика

инвентаря фонем баскского консонантизма – в наличии ламино-альвеолярного сибиланта /s/, апики-альвеолярного сибиланта /s̺/ и аффрикат /tʃ/[c], /tʃ̺/[čc], /tʃ̺/[č̺]. Для татарского консонантизма специфичны фонемы /ç, ž/, а для башкирского – межзубные /ð, θ/, ввиду различной рефлексации пратюркских фонем. Консонантный инвентарь исследуемых языков в целом близок к условной ядерной системе, состоящей из наиболее употребительных фонем в языках мира и Европы. Консонантные системы баскского языка и мишарского (западного) диалекта татарского языка имеют отдельные сходства (употребление в мишарском диалекте среднеязычных /k, g/ вместо литературных заднеязычных /q, ɣ/; аффрикат – против щелевых в литературном языке). Определенное сходство в фонотактике (звонкий анлаут) обнаруживают тюркские языки огузской группы и баскский язык. Для пратюркской и прабаскской фонологических систем реконструируются системы сильных и слабых согласных. Корреляция по звонкости-глухости имеется в современном состоянии башкирского, татарского и баскского языков.

Тюркско-баскские соответствия свидетельствуют о наличии дистрибутивных ограничений для согласных фонем (сонорные фонемы характерны для середины и конца слова, в конце слова отсутствуют БТ /b, g, d, ɣ/, баск. /b, g, d, p, m, h/) в исследуемых языках. Для начала слова в сопоставляемых системах нетипична фонема /r-/. Имеются соответствия анлаутных /j-/ ~ /ž-/ в башкирском и татарском языках и [j] ~ [ʒ] ~ [dʒ] ~ [j] ~ [j] ~ [ʃ] ~ [χ] – в баскских диалектах. Сонанты присутствуют в составе значительного количества словообразовательных и словоизменительных аффиксов.

Констатируется устойчивость переднеязычных фрикативов в структуре (особенно в середине и конце) башкирских, татарских и баскских лексем (с учетом исторических переходов внутри групп по способу или месту образования). В современных баскских диалектах и общепобаскском литературном языке, в отличие от современных литературных башкирского и татарского языков, представлены аффрикаты. Прослеживается конвергенция (слияние) ламинальных фонем с апикальными и гармония сибилантов в баскском консонантизме. Слияние ПТ */č/ и */s/ (> башк. /s, θ, h/) произошло в караидельском говоре северо-западного

диалекта башкирского языка. Переднеязычные фрикативы в башкирском, татарском, сибиланты и аффрикаты – в баскском языках представлены глухими фонемами (кроме более поздних тат. /z/, башк. /δ/, звонких аллофонов и диалектных соответствий в баскском языке). Установление палатальной шипящей фонемы произошло в более поздний период как в башкирском, татарском, так и в баскском консонантизме. Фонемы данной группы продуктивно употребляются в аффиксах.

Анализ литературы и научных источников по фонологии исследуемых языков позволяет делать вывод о том, что утрата оппозиции по придыхательности-непридыхательности (силе-слабости, напряженности-ненапряженности) и нефонологичность оппозиции по звонкости-глухости в праязыковом состоянии предполагается для эволюции смычных фонем в тюркских и баскском языках. Тюркские языки различаются преобладанием звонких (в огузских) и глухих (в кыпчакских) смычных согласных в начале слова. Для современного баскского анлаута несвойственны глухие смычные, не поддерживается оппозиция сильных и слабых согласных в интервокальной позиции (кроме /r/ и /R/). В баскских лексемах наблюдаются протетические гласные перед взрывными фонемами.

Прослеживаются различия в консонантизме башкирского, татарского языков, вызванные различной рефлексацией пратюркских фонем и представленные, прежде всего, регулярными соответствиями переднеязычных фрикативов (и полусонанта /j-/), спорадическими соответствиями фонем других групп в корневых морфемах. Эти факты свидетельствуют об участии и особой роли переднеязычных фрикативов в относительно поздних фонетических процессах, способствовавших историческому обособлению башкирского и татарского консонантизма. Обобщение ряда морфонологических различий между башкирским и татарским языками выявляет регулярные соответствия начальных переднеязычных сонорных, смычных, фрикативных фонем (в зависимости от конечных фонем основ), спорадические соответствия сонантов в аффиксах. Данные соответствия могут указывать на относительно поздние синтагматические и морфонологические изменения в исследуемых системах с вовлечением начальных переднеязычных фонем аффиксов.

Протезирование анлаутных согласных /r-, s-, š-, l-/ прослеживается в заимствованной лексике башкирского и татарского языков, протезирование /r-, ɣ-/ – в заимствованной лексике баскского языка.

Тюркские и баскские согласные, относящиеся по месту или способу образования к одной группе, выступают в исторических соответствиях (/r/ ~ /l/; /n/ ~ /m/; /b/ ~ /m/; /p/ ~ /b/; /k/ ~ /g/; /t/ ~ /d/; башк. /s/ ~ тат. /ç/, баск. /ɣ/ ~ /ʒ/ и др.).

Итак, для развития башкирского, татарского и баскского консонантизма характерна тенденция к переходам фонем внутри групп по месту или способу образования; к изменениям и фрикатизации (аффрикатизации) срединных сонорных фонем, их сочетаний с переднеязычными фрикативами (аффрикатами), что обусловлено существованием ограничений на встречаемость согласных фонем (преимущественное употребление шумных в начале, сонантов */n, l, r/ – в срединной, конечной позициях в корневых морфемах). Тенденция к упрощению срединных сочетаний и сращение аффиксальных элементов наиболее ярко выражены в истории башкирского, татарского консонантизма. К специфике развития башкирских, татарских согласных можно отнести тенденцию к йотизации; особенностью развития баскского консонантизма выступают явления аффрикатизации, палатализации.

В целом, на процессы развития башкирской, татарской и баскской консонантных систем особое влияние могли оказать такие системообразующие явления как: установление агглютинации, ограничения на встречаемость согласных в анлауте и ауслауте, возникновение гармонии звуков. Гипотеза о морфонологическом противопоставлении инициальных и финальных фонем односложных корней в допратюркском и допрабаскском языках требует дальнейшего исследования. Схожими тенденциями фонетических изменений в сопоставляемых системах являются стремление к фрикатизации и устранению скоплений согласных; утрата оппозиции слабых и сильных согласных; ослабление интервокальных взрывных фонем.

Сопоставительный анализ выявил наличие схожих по структуре и близких по семантике аффиксов в тюркских (башкирском, татарском) и баскском языках.

Прослеживаются аналогии в функционировании башкирских, татарских и баскских фонем в подобных аффиксах (к примеру, БТ *-qï, -ke, -γï, -ge*, башк. *-qo, -kō, -γo, -gō* (в относительных прилагательных со значениями времени и места) и баск. *-ko (-go)* – показатель родительного падежа места (локативного генитива); БТ *-lar/-lär* в значении лица, аблатива и баск. *-lari* в значении деятеля (профессии) и др.). Прогрессивная ассимиляция аффиксальных гласных, варианты глухого и звонкого начала аффиксов в зависимости от конечных фонем корней или основ характерны для исследуемых систем, но особо ярко выражены в тюркском сингармонизме.

Выявленные различия (в инвентаре фонем, в фонологических оппозициях, особая роль тюркского сингармонизма, функционирование баскских фонем в префиксальном спряжении глаголов и др.) определяют специфические черты развития систем фонем башкирского, татарского и баскского языков.

Итак, анализ рядов соответствий башкирских и татарских фонем обнаруживает регулярные соответствия гласных в аффиксах, башкирских дифтонгоидов и татарских монофтонгов – в аффиксах, открытых слогах; переднеязычных фрикативов (и полусонанта */j-/*) – в корнях; начальных переднеязычных сонорных, смычных, фрикативных фонем (в зависимости от конечных фонем основ) – в аффиксах. Данные явления относятся к процессам, обуславливающим специфику развития башкирских и татарских систем фонем в сравнении с пратюркским состоянием. Диалектный материал баскского языка доказывает, что наиболее существенные фонетические и фонологические изменения происходили с участием сибилантов, аффрикат, аспирации */h/*, глайда */j-/*. Таким образом, изменения переднеязычных фрикативов можно отнести к наиболее поздним фонетическим явлениям, происходившим в корневых морфемах исследуемых языков.

Проведенный комплексный анализ вокалических и консонантных систем тюркских (на материале башкирского и татарского) и баскского языков в синхроническом и диахроническом аспектах позволил сделать вывод о том, что башкирский, татарский и баскский языки, относящиеся к одному типу по морфологической классификации, в нашем случае – к агглютинативному, имеют

ряд сходств на фонетическом и морфонологическом уровнях. Наиболее существенными из них являются: фонемный строй, достаточно развитые подсистемы вокализма и консонантизма, относительная устойчивость гласных в структуре корня ввиду нефонематичности ударения (с учетом нарушения регулярности соответствий гласных) и развития агглютинации, противопоставление согласных по шумности-сонорности, утрата оппозиции согласных по силе-слабости и корреляция по звонкости-глухости в современном состоянии, исторические соответствия согласных в пределах групп по месту или способу образования, сходства в моделях и изменениях фонемных сочетаний, в фонотактических ограничениях, особая роль гармонии звуков.

По отдельности вышеуказанные соответствия можно выявить в других языках мира (WALS, <http://wals.info/>), но совокупность ведущих типологических признаков, как отмечает В.Д. Аракин, устойчива, взаимозависима [Аракин 2005: 22], что обуславливает перспективность сравнительно-сопоставительных исследований на грамматическом, синтаксическом и других уровнях тюркских, в т. ч. башкирского, татарского, и баскского языков. Перспективными могут являться исследования с использованием типологического метода применительно к результатам диссертации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Условные обозначения

Б – баскский

БТ – башкирский/татарский

ДТ – древнетюркский

ПА – праалтайский (реконструкция из «Этимологического словаря алтайских языков» (2003) С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака)

ПБ – прабаскский (реконструкция)

ПТ – пратюркский (реконструкция из «Этимологического словаря алтайских языков» (2003) С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака)

*...М... – пратюркская реконструкция из электронной публикации О.А. Мудрака «Развитие пратюркской системы фонем» с указанием страницы

*...Т... – прабаскская реконструкция из «Этимологического словаря баскского языка» (2008) Р.Л. Траска с указанием страницы

*...Э... – пратюркская реконструкция из соответствующего тома «Этимологического словаря тюркских языков» (1974–2003) с указанием страницы

*...S... – прабаскская реконструкция из базы данных С.А. Старостина «STARLING».

Сокращения названий баскских диалектов (в латинице)

A – аэskonский (Aezkoan)

B – бискайский (Bizkaian)

C – общебаскский

EB – унифицированный баскский (euskara batua)

G – гипускоанский (Gipuzkoan)

HN – верхненаваррский (High Navarrese)

L – лабурдинский (Lapurdian)

LN – нижненаваррский (Low Navarrese)

R – ронкальский (Roncalese)

S – саларесский (Salazarese)

Sout. – диалект Алавы (Southern (Alavese))

Z – сулетинский (Zuberoan (Souletin)).

Сокращения названий языков, диалектов и говоров

аз. – азербайджанский

алт. – алтайский

баск. – баскский

башк. – башкирский

венг. – венгерский

гаг. – гагаузский

долг. – долганский

исп. – испанский

каз. – казахский

кирг. – киргизский

кит. – китайский

кум. – кумыкский

кыпч. – кыпчакский

лат. – латинский

мар. – марийский

монг. – монгольский

ног. – ногайский

ойр. – ойротский

перс. – персидский

рус. – русский

сал. – саларский

сюг. – сарыг-югурский

тат. – татарский

тоф. – тофаларский

тув. – тувинский

тур. – турецкий
 турк. – туркменский
 тюрк. – тюркский
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 хак. – хакасский
 хал. – халаджский
 чув. – чувашский
 шор. – шорский
 як. – якутский
 яп. – японский.

Сокращения названий словарей, электронных источников

БТДһ – Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (Диалектологический словарь башкирского языка)

ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка

ПКТЯ – Письменный корпус татарского языка

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков

ТГ 1992 – Татарская грамматика: в трех томах. III том

ТГ 1993 – Татарская грамматика: в трех томах. II том

ТГ 1995 – Татарская грамматика: в трех томах. I том

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (Большой диалектологический словарь татарского языка)

ТХС – Татар халык сөйләшләре: ике китапта. (Татарские народные говоры: в 2-х книгах)

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков

EDAL – An Etymological Dictionary of the Altaic Languages

IPA – International phonetic alphabet

WALS – The World Atlas of Language Structures.

Прочие сокращения

арх. – архаизм

в зн. – в значении

в т. ч. – в том числе

вин. п. – винительный падеж

вспом. гл. – вспомогательный глагол

диал. – диалектный

ед. ч. – единственное число

исх. п. – исходный падеж

л. – лицо

мн. ч. – множественное число

напр. – например

опред. – определенный

род. п. – родительный падеж

см. – смотрите

ср. – сравните

ч. – число

эрг. п. – эргативный падеж.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Тюркские (башкирские/татарские) гласные [Кейекбаев 1958;

ГСБЛЯ 1981; СИГТЯ 1984; ТГ 1995; IPA 2005]

/a/ – заднего ряда нижнего подъема (широкая) (в татарском языке – огубленная)

/ä/ – переднего ряда нижнего подъема (широкая) неогубленная

/e/ – переднего ряда верхнего/среднего подъема (узкая) неогубленная (в тат. – краткая)

/o/ – заднего ряда нижнего/среднего подъема (широкая) огубленная (в тат. – краткая)

/ö/ – переднего ряда нижнего/среднего подъема (широкая) огубленная

/i/ – переднего ряда верхнего подъема (узкая) неогубленная

/ï, ï/ – заднего ряда верхнего/среднего подъема (узкая) неогубленная

/u/ – заднего ряда верхнего подъема (узкая) огубленная

/ü/ – переднего ряда верхнего подъема (узкая) огубленная.

Баскские гласные [Michelena 1990; IPA 2005; Hualde 2007; Trask 2008]

/a/ – среднего (центрального) ряда нижнего подъема

/e/ – переднего ряда среднего подъема

/o/ – заднего ряда среднего подъема

/i/ – переднего ряда верхнего подъема (перед гласными, но не после /r/ – [j], после гласных – [j])

/u/ – заднего ряда верхнего подъема

<i>/ï/ (в сулетинском диалекте) – переднего ряда верхнего подъема.

Тюркские (башкирские, татарские) согласные [ГСБЛЯ 1981;

СИГТЯ 1984; ТГ 1995; IPA 2005; Ишкильдина 2013б]

/b/ – губно-губная смычная звонкая

/p/ – губно-губная смычная глухая

- /v/ – губно-зубная фрикативная звонкая
 <VuV>/w/ – губно-губной круглощелевой сонант
 /f/ – губно-губная (губно-зубная) фрикативная глухая
 /g/ – заднеязычная смычная звонкая
 /ɣ/ – заднеязычный (увулярный) звонкий фрикатив
 /d/ – переднеязычная смычная звонкая
 /t/ – переднеязычная смычная глухая
 /s/ – переднеязычная однофокусная фрикативная глухая
 башк. /θ/ – межзубная переднеязычная плоскощелевая глухая
 */č, č/ – переднеязычная свистящая аффрикативная глухая
 тат. /ç/ – переднеязычная шипящая фрикативная глухая
 /š/ – переднеязычная двухфокусная альвеолярная фрикативная глухая
 /z/ – переднеязычная однофокусная фрикативная звонкая
 башк. /ð/ – межзубная переднеязычная фрикативная звонкая
 */ž/ – палатальная аффрикативная звонкая
 /ž/ – переднеязычная шипящая аффрикативная звонкая
 /ʒ/ – переднеязычная щелевая двухфокусная звонкая
 тат. /ž/ – переднеязычная двухфокусная фрикативная звонкая
 /j/ – среднеязычный сонант (полусонант [ГСБЛЯ 1981: 57])
 /q/ – глубокозаднеязычная (увулярная) смычная глухая
 /k/ – заднеязычная смычная глухая
 /l/, */l/ – плавные боковые сонанты
 /m/ – губно-губной носовой сонант
 /n/ – переднеязычный носовой сонант
 */n/ – палатальный носовой сонант
 /ŋ/ – увулярный носовой сонант
 /r/ – дрожащий небно-альвеолярный сонант
 */r, ř/ – палатальный вибрант
 /x/ – увулярный глухой спирант
 /h/ – фарингальный спирант.

Баскские согласные [Michelena 1990; IPA 2005; Hualde 2007; Trask 2008; Egurtzegi 2013]

- /b, β/ – билабиальная смычная звонкая
- <p>/p/ – билабиальная смычная глухая (непридыхательная)
- <f>/f/ – губно-зубная фриктивная глухая
- <g>/g, ɣ/ – палатально-предорсальная смычная звонкая
- <k>/k/ – постдорсальная смычная глухая (непридыхательная)
- <d>/d, ð/ – апико-дентальная смычная звонкая
- <dd>/j/ – палатальная смычная звонкая
- <t>/t/ – апико-дентальная смычная глухая (непридыхательная)
- <tt>/c/ – палатальная смычная глухая
- <z>/s̺/ – ламино-альвеолярный глухой сибилант
- <s>/s̺/ – апико-альвеолярный глухой сибилант
- <x>/ʃ/ – альвеолярная фриктивная глухая
- <tz>/t̺s̺/ [c] – ламино-альвеолярная глухая аффриката
- <ts>/t̺s̺/ [čc] – апико-альвеолярная глухая аффриката
- <tx>/t̺ʃ/ [č] – альвеолярная глухая аффриката
- <l>/l/ – апико-альвеолярный латеральный сонант
- <ll, il> /l̺/ – палатальный латеральный сонант
- <m>/m/ – билабиальный назальный сонант
- <n>/n/ – апико-альвеолярный назальный сонант
- <ñ>/ɲ/ – палатальный назальный сонант
- <r>/r, r̺/ – апико-альвеолярный одноударный сонант
- <rr>/R/ – апико-альвеолярный дрожащий сонант
- <h> (/h/ – в сулетинском, лабурдинском, нижненаваррском диалектах, [0] – в других диалектах) – ларингальный глухой фриктив
- <j>/j/ [j, dʒ, x, ʃ, ʒ, ʝ, j] – палатальный смычный глайд
- [dʒ] – звонкая постальвеолярная аффриката
- [ʒ] – палатально-альвеолярный фриктивный звонкий
- <x>/ʃ/ – палатально-альвеолярная фриктивная глухая

[χ] – постдорсальный фрикативный глухой

/w/ – постдорсальный глайд.

Диакритические и другие знаки, символы

< > – графема

[] – транскрипция

// – фонема

/- / – фонема в конце слова

/- / – фонема в начале слова

/- -/ – фонема в середине слова

[0] – отсутствие фонемы, ноль звука

{ } – архифонема

V – гласный

C – согласный

* – реконструкция

< – развилось (произошло) из ...

> – развилось (перешло) в ...

┘ – апикальный

◦ – ламинальный

ˉ или : – долгота

˘ – мягкость

˜ – назализация

ˑ или ˑ – аспирация

◦ – лабиализация

˜ – соответствие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература и источники по общему языкознанию и тюркологии

1. Абдуллина, Г.Р. Башкирский язык. Морфонология / Г.Р. Абдуллина. – Уфа: Гилем, 2004. – 128 с.
2. Азнабаев, А.М. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков: учебное пособие / А.М. Азнабаев, Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Гилем, 2006. – 150 с.
3. Азнабаев, А.М. Башкорт теленең тарихи морфологияһы: сағыштырма-тарихи тикшеренеү тәжрибәһе / А.М. Азнабаев, В.Ш. Псәнчин. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976. – 176 б.
4. Академический словарь башкирского языка. В десяти томах; под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011–2015. – Т. 1–7.
5. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
6. Алсынбаева, Р.Ш. Уршакский говор башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Алсынбаева Рима Шамиловна. – Уфа, 2010. – 230 с.
7. Англо-русский словарь / сост. В.К. Мюллер. – 24-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1995. – 2106 с.
8. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов [и др.] – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с.
9. Андреев, Н.Д. Ранне-индоевропейский язык / Н.Д. Андреев. – Л.: Наука, 1986. – 328 с.
10. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие / В.Д. Аракин. – 3-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
11. Афанасьева, Е.Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка: учебное пособие / Е.Ф. Афанасьева. – 2 изд., доп. и перераб. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – 116 с.
12. Ахатов, Г.Х. Диалект западносибирских татар / Г.Х. Ахатов. – Уфа, 1963. – 195 с.

13. Ахатов, Г.Х. Мишарский диалект татарского языка / Г.Х. Ахатов. – Уфа, 1980. – 82 с.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
15. Ахметзянова, Р.Г. Сопоставительное исследование сложносUFFIXального словообразования в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ахметзянова Гульсина Римовна. – Казань, 1996. – 216 с.
16. Ахметьянов, Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1978. – 247 с.
17. Әхмәтъянов, Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан, 2001. – 272 б.
18. Әхтәмов, М.Х. Башкорт теленең грамматика һүзлеге. Һүз үзгәреше / М.Х. Әхтәмов. – Өфө: «Башкортостан» нәшриәте, 1994. – 216 б.
19. Баданова, Т.А. Акустические параметры словесного ударения в русском, алтайском и других тюркских языках [Электронный ресурс] / Т.А. Баданова // Вестник молодых ученых. – 2009. – № 6. – Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2007/01/15.pdf>.
20. Байчура, У.Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками / У.Ш. Байчура. – Казань: Изд-во КГУ, 1961. – Ч. II. – 391 с.
21. Байчура, У.Ш. Звуковой строй татарского языка: Экспериментально-фонетический очерк / У.Ш. Байчура. – Казань: Изд-во КГУ, 1959. – Ч. I. – 183 с.
22. Баишев, Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку / Т.Г. Баишев; под ред. Н.К. Дмитриева. – М., 1955. – 112 с.
23. Бакеева, Д.Х. Сопоставительная фонетика английского и татарского языков: учебное пособие / Д.Х. Бакеева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 127 с.

24. Бардамова, Е.А. Типология фонологических систем: на материале бурятского и тувинского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Бардамова Екатерина Александровна. – Улан-Удэ, 2000. – 173 с.
25. Барсукова, Р.С. Заболотный говор Тоболо-Иртышского диалекта Татарского языка в сравнительном освещении / Р.С. Барсукова. – Казань: Фикер, 2004. – 158 с.
26. Баскаков, Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1981. – 136 с.
27. Баскаков, Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации) / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1979. – 276 с.
28. Баскаков, Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
29. Баширова, И.Б. История татарского литературного языка: письменнотрадиционная норма и вариативность / И.Б. Баширова // Научный Татарстан. – 2009. – № 4. – С. 50–54.
30. Баширова, Н.З. Морфонологические процессы, сопровождающие словообразование в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Баширова Наиля Зуфаровна. – Казань, 1994. – 17 с.
31. Башкирско-русский словарь: Ок. 22 000 сл. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 784 с.
32. Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әзәбиәт институты). – Өфө: Китап, 2002. – 432 бит.
33. Бичелдей, К.А. Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02 / Бичелдей Каадыроол Алексеевич. – Москва, 2001. – 84 с.
34. Блумфильд, Л. Язык / Л. Блумфильд; пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.

35. Богородицкий, В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В.А. Богородицкий; под ред. Н.К. Дмитриева. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Татгосиздат, 1953. – 220 с.
36. Богородицкий, В.А. Фонетика татарского языка в связи с другими тюркскими языками / В.А. Богородицкий // Вестник научного Общества татароведения. – Казань, 1926. – № 4. – С. 43–48.
37. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Наука, 1963. – Т. 1. – 384 с.
38. Булыгина, Т.В. Морфонема [Электронный ресурс] / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/512a.html>.<http://tapemark.narod.ru/les/315a.html>.
39. Бурлак, С.А. Сравнительно-историческое языкознание: учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. – М.: Академия, 2005. – 432 с.
40. Бурыкин, А.А. Тюркские согласные *z, *ʃ, *p в свете алтаистики: новые интерпретации / А.А. Бурыкин // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э.Р. Тенишева. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 96–106.
41. Валл, М.Н. Очерк фонологии и грамматики кетского языка / М.Н. Валл, И.А. Канакин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 101 с.
42. Вернер, Г.К. Енисейские языки / Г.К. Вернер // Языки мира: Палеоазиатские языки. – М., 1997. – С. 169–177.
43. ВПН-2010 (Всероссийская перепись населения 2010 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf.
44. Гаджиева, Н.З. Тюркские языки / Н.З. Гаджиева // Языки мира: Тюркские языки. – М., 1997. – С. 17–34.
45. Газизов, Р.С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Фонетика и морфология / Р.С. Газизов. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. – 272 с.

46. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак: учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов ин. яз. – Л.: Просвещение, 1976. – 293 с.
47. Галяутдинов, И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова: Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод / И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1990. – 238 с.
48. Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – 1328 с.
49. Гамкрелидзе, Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки (II) / Т.В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1971. – № 3. – С. 34–49.
50. Ганиев, Ф.А. Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – 231 с.
51. Гарипов, Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики / Т.М. Гарипов. – М.: Наука, 1979. – 305 с.
52. Гарипов, Т.М. Учение о сингармонических параллелизмах в свете теории фонологических оппозиций / Т.М. Гарипов // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 29/30. – С. 53–57.
53. Гатиатуллина, З.З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков: курс лекций / З.З. Гатиатуллина. – Казань: КГПИ, 1979. – 109 с.
54. Грамматика современного башкирского литературного языка / З.З. Абсалямов, М.Х. Ахтямов, Т.М. Гарипов [и др.]; под ред. А.А. Юлдашева. – М.: Наука, 1981. – 496 с.
55. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. Вып. III. – М., 1963. – С. 60–94.
56. Гринберг, Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 31–44.

57. Губайдуллина, Г.Т. Татарская экспериментальная фонетика: истоки и этапы ее развития: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 [Электронный ресурс] / Губайдуллина Гулниса Тахировна. – Казань, 2011. – 223 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/tatarskaya-eksperimentalnaya-fonetika>.

58. Гузев, В.Г. Общие строевые особенности агглютинативных языков / В.Г. Гузев, А.А. Бурыкин. – Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. – СПб., 2007. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 109–117.

59. Гузеев, Ж.М. Актуальные проблемы фонологии карачаево-балкарского языка / Ж.М. Гузеев. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2010. – 168 с.

60. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

61. Гухман, М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1981. – 248 с.

62. Гухман, М.М. Типологические исследования / М.М. Гухман // Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 72–90.

63. Данилина, Н.И. Морфонологические системы в синхронии и диахронии (на материале неблизкородственных языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Данилина Наталия Ивановна. – Саратов, 2012. – 38 с.

64. Демесинова, Г.Х. Основные понятия типологии языков: учебно-методическое пособие по дисциплине «Основы типологических исследований» для студентов языковых специальностей высших учебных заведений / Г.Х. Демесинова. – Павлодар, 2006. – 44 с.

65. Дерфер, Г. Базисная лексика и алтайская проблема / Г. Дерфер. – Вопросы языкознания. – 1981. – № 4. – С. 35–44.

66. Джусупов, М. Сингармонический звуковой строй в сопоставлении с несингармоническим (на материале казахского и русского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06 / Джусупов Маханбет. – Алма-Ата, 1992. – 38 с.

67. Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005. – 234 с.

68. Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир / М.И. Дильмухаметов. – Уфа: Гилем, 2006. – 191 с.
69. Дмитриев, Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К. Дмитриев. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 232 с.
70. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
71. Дроздов, Ю.Н. Тюркская этнонимия древнеевропейских народов / Ю.Н. Дроздов. – М., 2008. – 392 с.
72. Дыбо, А.В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском [Электронный ресурс] / А.В. Дыбо // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen: Band 32/33.* – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2009. – С. 71–120. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/dybo/1909_vocalism.pdf.
73. Дыбо, А.В. Дентальные смычные в пратюркском / А.В. Дыбо // *Аспекты компаративистики.* – М.: РГГУ, 2005. – С. 49–82.
74. Дыбо, А.В. Исследования по сравнительно-исторической грамматике тюркских и алтайских языков [Электронный ресурс] / А.В. Дыбо. – Режим доступа: <http://turkacadem.kz/ru/vp.php?idd=131>.
75. Дыбо, А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период / А.В. Дыбо. – М., 2007. – 222 с.
76. Дыбо, А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: соматические термины (плечевой пояс) / А.В. Дыбо. – М.: РАН, Институт языкознания, 1996. – 389 с.
77. Егоров, Н.И. Проблема генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория болгаро-чувашской этноязыковой преемственности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06 / Егоров Николай Иванович. – Алма-Ата, 1992. – 82 с.
78. Егоров, Н.И. Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков / Н.И. Егоров // *Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР.* – Уфа, 1991. – С. 134–138.
79. Журавлев, В.К. Фонетические законы / В.К. Журавлев // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М., 1990. – С. 554–555.

80. Жәләй, Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар / Л. Жәләй. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 108 б.
81. Зайнуллин, М.В. Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: Избранные статьи / М.В. Зайнуллин. – Уфа: Гилем, 2012. – 456 с.
82. Закиев, М.З. Происхождение тюрков и татар / М.З. Закиев. – М.: Инсан, 2003. – 496 с.
83. Закиев, М.З. Этногенез тюрков, болгар и башкир / М.З. Закиев. – Уфа: Гилем, 2011. – 288 с.
84. Закирьянов, К.З. Сопоставительная типология русского и башкирского языков: Фонетика. Лексика и фразеология. Словообразование / К.З. Закирьянов. – Уфа, 2002. – 212 с.
85. Закирьянов, К.З. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометодический аспект / К.З. Закирьянов. – *Liberal Arts in Russia*. – 2015. – Vol. 4. – № 3. – 224–233 с.
86. Зәйнуллин, М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле: Морфология / М.В. Зәйнуллин. – Өфө: БДУ РНУ, 2013. – 353 б.
87. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков / А.Л. Зеленецкий. – М.: Академия, 2004. – 252 с.
88. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика / Л.Р. Зиндер. – М.: Высш. шк., 1979. – 312 с.
89. Ибрагимов, Т.И. К проблеме реконструкции звучания письменного текста. Редукция кратких гласных в татарском языке / Т.И. Ибрагимов, М.Р. Сайхунов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Книга 3. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – С. 288–298.
90. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Введение. Сравнительный словарь (b–q) / В.М. Иллич-Свитыч; под ред. В.А. Дыбо. – М.: Наука, 1971. – 412 с.
91. Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология / под ред. А.С. Мельничука. – Киев: Наукова думка, 1986. – 287 с.

92. Исхаков, Ф.Г. Об отдельных фонемах татарского языка / Ф.Г. Исхаков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. I. Фонетика. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 239–247.

93. Ишбаев, К.Ф. Башкорт теленең морфемикаһы, һүзьяһалышы һәм морфонологияһы / К.Ф. Ишбаев, Г.Р. Абдуллина, З.К. Ишкилдина. – Өфө, 2006. – 178 б.

94. Ишбердин, Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка / Э.Ф. Ишбердин. – М.: Наука, 1986. – 151 с.

95. Ишбулатов, Н.Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары / Н.Х. Ишбулатов. – Өфө: Китап, 2000. – 212 б.

96. Ишбулатов, Н.Х. Современный башкирский язык. Фонетика: учебное пособие / Н.Х. Ишбулатов. – Уфа: Изд.-во Башгосуниверситета, 1982. – 40 с.

97. Ишбулатов, Н.Х. Хәзерге башкорт теле. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия, грамматиканың төп төшөнсәләре, морфемика, морфонология, һүзьяһалыш: укыу кулланмаһы / Н.Х. Ишбулатов, М.Х. Әхтәмов. – Өфө: БДУ, 2002. – 324 б.

98. Ишкильдина, З.К. Сопоставительная морфемика русского и башкирского языков / З.К. Ишкильдина. – Уфа: Гилем, 2011. – 144 с.

99. Ишкильдина, Л.К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ишкильдина Линара Камиловна. – Казань, 2013. – 28 с.

100. Ишкильдина, Л.К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ишкильдина Линара Камиловна. – Уфа, 2013. – 265 с.

101. Казанцев, А.Ю. Термины родства и свойства в енисейских языках: Типологический, этимологический и ареальный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Казанцев Андрей Юрьевич. – Томск, 2004. – 167 с.

102. Камалов, А.А. Башкирская топонимия: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02 / Камалов Азат Ахмадуллович. – Уфа, 1997. – 61 с.

103. Камалов, А.А. Башкорт теленең тарихи-этимологик топонимик һүзлеге / А.А. Камалов, Ф.Ү. Камалова. – Өфө: Китап, 2007. – 332 б.
104. Кардашев, Э.Н. К вопросу исторического развития тюркской падежной системы / Э.Н. Кардашев // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 194–197.
105. Каримуллин, А.Г. Прототюрки и индейцы Америки: по следам одной гипотезы / А.Г. Каримуллин. – М.: Инсан, 1995. – 80 с.
106. Касевич, В.Б. Морфонология / В.Б. Касевич. – Л.: Изд-во ленинградского ун-та, 1986. – 169 с.
107. Касевич, В.Б. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина / В.Б. Касевич // Методы сопоставительного изучения языков; отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1988. – С. 19–25.
108. Касевич, В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1983. – 301 с.
109. Кейекбаев, Ж.Ғ. Башкорт теленең фонетикаһы (на башк. яз.) / Ж.Ғ. Кейекбаев. – Өфө: Башкортостан китап изд-һы, 1958. – 211 б.
110. Киекбаев, Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа: Китап, 1972. – 152 с.
111. Киекбаев, Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.
112. Кодзасов, С.В. Общая фонетика: учебник / С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.
113. Колесов, В.В. Историческая фонетика русского языка: Учеб. пособие для вузов / В.В. Колесов. – М.: Высш. шк., 1980. – 215 с.
114. Колесов, В.В. Русская историческая фонология / В.В. Колесов. – СПб., 2008. – 400 с.
115. Комиссар, А.В. Татар телендәге сузык авазларның семантик төсмерләре / А.В. Комиссар // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 24–26 мая 2012 г.). –

Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2012. – С. 324–326.

116. Кононов, А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.) / А.Н. Кононов. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

117. Корнилов, Г.Е. Имитативы в чувашском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06 // Геннадий Емельянович Корнилов. – Баку, 1989. – 33 с.

118. Котвич, В.Л. Исследование по алтайским языкам / В.Л. Котвич. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 372 с.

119. Кубрякова, Е.С. Морфонология [Электронный ресурс] / Е.С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/315b.html>.

120. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. – Ч. II и IV (Заключение). – С. 155–171, 206–230.

121. Кульшарипова, Р.Э. Сопоставительная фонетика русского и татарского языков: учебно-методическое пособие для студентов-филологов / Р.Э. Кульшарипова. – Казань: УНИ-пресс, 1998. – 61 с.

122. Кызласов, И.Л. Новые поиски в алтаистике / И.Л. Кызласов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири; под ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. – Вып. 7. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/Drev/archive/02/07.pdf>.

123. Латыпов, Р.И. Джамал Валиди и развитие татарской грамматической науки дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 [Электронный ресурс] / Латыпов Ренат Исламгаряевич. – Казань, 2007. – 206 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/dzhamal-validi-i-razvitie-tatarskoi-grammaticheskoi-nauki>.

124. Латыпов, Ф.Р. Исследование древних языков Средиземноморья на основе фоноэволюционной гипотезы и комбинаторно-частотных методов / Ф.Р. Латыпов. – Уфа: Гилем, 2003. – 164 с.

125. Лобов, А.С. Структура генофонда субпопуляций башкир: автореф. дис. ... канд. биол.наук: 03.00.15 / Лобов Артём Сергеевич. – Уфа, 2009. – 23 с.
126. Макаев, Э.А. Общая теория сравнительного языкознания / Э.А. Макаев. – М.: Наука, 1977. – 205 с.
127. Максютובה, Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении / Н.Х. Максютובה. – Уфа: Китап, 1996. – 288 с.
128. Максютובה, Н.Х. Восточный диалект башкирского языка / Н.Х. Максютובה. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
129. Малов, С.Е. Древние и новые тюркские языки / С.Е. Малов // Известия АН СССР. – М., 1952. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 135–143.
130. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности / С.Е. Малов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
131. Марр, Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге / Н.Я. Марр. – Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1926. – С. 3–74.
132. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии / А. Мартине; пер. с франц. А.А. Зализняка. – М.: 1960. – 263 с.
133. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
134. Махмутова, Л.Т. Бастанский говор татарского языка / Л.Т. Махмутова // Материалы по татарской диалектологии. – Казань: Таткнигоиздат, 1974. – Т. 3. – С. 29–47.
135. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе; пер. Д. Кудрявского. – М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 512 с.
136. Мельников, Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
137. Мещанинов, И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1967. – 249 с.

138. Миржанова, С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние) / С.Ф. Миржанова. – 2-е изд. – Уфа: Китап, 2006. – 296 с.

139. Мудрак, О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике / О.А. Мудрак. – М.: РГГУ, 2009. – 187 с.

140. Мудрак, О.А. Развитие пратюркской системы фонем [Электронный ресурс] / О.А. Мудрак. – 126 с. – Режим доступа: <http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>.

141. Мудрак, О.А. Развитие сочетаний с **ɫ* в праалтайском языке [Электронный ресурс] / О.А. Мудрак. – Режим доступа: http://starling.rinet.ru/Texts/Altaic_1.pdf.

142. Мукимова, Н.А. Финно-угорские заимствования в башкирском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Мукимова Насима Анваровна. – Уфа, 2014. – 215 с.

143. Насилов, В.М. Язык орхоно-енисейских памятников / В.М. Насилов. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 87 с.

144. Насипов, И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке / И.С. Насипов. – Казань, 2009. – 236 с.

145. Нафиков, Ш.В. А корни наши древние... Избранное в трех томах / Ш.В. Нафиков. – Уфа: Вагант, 2009. – Т. 1. – 420 с.

146. Нафиков, Ш.В. Баскское *ura* 'вода': изоглоссы в урало-алтайских и других языках / Ш.В. Нафиков // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева (Уфа, 31 мая–3 июня 2016 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 18–20.

147. Нафиков, Ш.В. Бореальные элементы в башкирском языке: монография / Ш.В. Нафиков. – Уфа: Гилем, 2003. – 302 с.

148. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – М., 1972. – 564 с.

149. Осипов, Б.И. Теория фонемы – антропоцентрический аспект фонетики (Размышления над книгой В.В. Колесова «Русская историческая фонология») / Б.И. Осипов // Мир русского слова. – 2013. – № 3. – С. 4–10.
150. Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.tatfolk.ru/>.
151. Поздняков, К.И. Сравнительная грамматика атлантических языков / К.И. Поздняков. – М.: Наука – Восточная литература, 1993. – 375 с.
152. Поливанов, Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком / Е.Д. Поливанов. – Ташкент, 1933. – 182 с.
153. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
154. Попов, М.Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка / М.Б. Попов. – СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2004. – 346 с.
155. Поппе, Н.Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков / Н.Н. Поппе. – М., 2013. – 17 с.
156. Раджабалиева, Р.Г. Фонетические особенности турецкого и кумыкского языков в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Раджабалиева Рахмина Гатемсултановна. – Махачкала, 2003. – 158 с.
157. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий Т. 1–4. [Электронный ресурс] / В.В. Радлов. – СПб., 1882–1909. – Режим доступа: altaica.ru/v-turks.php.
158. Рамазанова, Д.Б. Америка индеецлары телендә төрки сүзләр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newipi.antat.ru/upload/-ramazanova/america.pdf>.
159. Рамазанова, Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии / Д.Б. Рамазанова. – Казань, 1984. – 191 с.
160. Рамstedт, Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Г.И. Рамstedт. – М., 1957. – 255 с.
161. Рассадин, В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. – М., 1982. – 199 с.

162. Рассадин, В.И. Семантический метод исследования лексики алтайских языков / В.И. Рассадин // Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев и его вклад в развитие урало-алтайской и тюркской филологии: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Диалог, 2011. – С. 204–207.

163. Рассадин, В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков / В.И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – 218 с.

164. Рассадин, В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка / В.И. Рассадин. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1971. – 252 с.

165. Рахимова, Р.Н. Тюменский говор в системе диалектов сибирских татар: фонетико-морфологическая характеристика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации / Рахимова Роза Нуретдиновна. – Тюмень, 2007. – 191 с.

166. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

167. Рожанский, Ф.И. Редупликация как словообразовательное средство в языках Западной Африки / Ф.И.Рожанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/rozhansk1.pdf>

168. Русско-татарский словарь. Ок. 47 000 слов / сост. Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев [и др.]; под ред. Ф.А. Ганиева. – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 736 с.

169. Рыжикова, Т.Р. Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рыжикова Татьяна Раисовна. – Новосибирск, 2003. – 232 с.

170. Рясянен, М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / М. Рясянен; пер. с англ. – М., 1955. – 222 с.

171. Рясянен, М. Об урало-алтайском языковом родстве [Электронный ресурс] / М. Рясянен // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/rasanen-68.htm>.

172. Салимов, Х.Х. Просодическая система татарского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02 / Салимов Халил Халимович. – Елабуга, 1999. – 366 с.

173. Саттаров, Г.Ф. Сопоставительный анализ звукового состава татарского литературного языка и диалектов / Г.Ф. Саттаров // Вопросы татарского языкознания. – 1965. – С. 120–146.

174. Сафиуллина, Ф.С. Тел гыйлеменә кереш: югары уку йортларының филология факультеты студентлары өчен дәреслек / Ф.С. Сафиуллина. – 2-че басма, төз., тул. – Казан: Тарих, 2001. – 297 б.

175. Сводеш, М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании [Электронный ресурс] / М. Сводеш // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 53–87. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/swadesh-60a.htm>.

176. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э.В. Севортян [и др.]. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

177. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / Э.В. Севортян; ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1980. – 395 с.

178. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Э.В. Севортян; ред. Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

179. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

180. Селютина, И.Я. Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... докт. филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.06 / Селютина Ираида Яковлевна. – Якутск, 2000. – 88 с.

181. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

182. Серебренников, Б.А. О причинах устойчивости агглютинативного строя / Б.А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 46–56.

183. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
184. Сәгыйтов, М.А. Фонология, аның идея һәм проблемалары / М.А. Сәгыйтов. – Казан: Казан пед. инс-ты нәшр., 1972. – 120 б.
185. Сәлимов, Х.Х. Татар теле фонетикасы / Х.Х. Сәлимов. – Чаллы: КамАЗ нәшр., 1993. – 31 б.
186. Сәлимов, Х.Х. Татар теленең сузык авазлары / Х.Х. Сәлимов. – Куйбышев, 1989. – 80 б.
187. Сәлимов, Х.Х. Хәзерге татар теле фонетикасы / Х.Х. Сәлимов. – Казан, 1983. – 62 б.
188. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр; ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
189. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр; пер. с франц. языка; под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
190. Сөнгатов, Г.М. Татар теленең фонетик закончалыклары: Теоретик мәгълүмат, күнегүләр һәм биремнәр / Г.М. Сөнгатов. – Казан: КГУ, 2001. – 53 б.
191. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка; под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
192. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов [и др.]; ред. Э.Р. Тенишев [и др.]. – М.: Наука, 1997. – 799 с.
193. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология / Э.Р. Тенишев, В.Д. Аракин, Г.Ф. Благова [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
194. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина; отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 768 с.
195. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1986. – 284 с.

196. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика; отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 488 с.

197. Старостин, С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка [Электронный ресурс] / С.А. Старостин. – Режим доступа: http://altaica.ru/LIBRARY/Starostin_AP.pdf.

198. Старостин, С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими / С.А. Старостин // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: сборник. – Ч. 4. – М., 1984. – С. 19–38.

199. Стеблин-Каменский, М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков / М.И. Стеблин-Каменский. – Ленинград, 1966. – 148 с.

200. Степонавичюс, А. Основы диахронической фонологии. Очерк истории и типы звуковых изменений: учебное пособие / А. Степонавичюс. – Вильнюс, 1982. – 91 с.

201. Страленберг, Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и Восточная часть Европы и Азии / Ф.И. Страленберг; пер. В.Н. Татищева. – М.–Л.: Институт истории АН СССР, 1985. – Т. 1 – 220 с.

202. Сулейманов, О. Язык письма. Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества / О. Сулейманов. – Алматы-Рим, 1998. – 178 с.

203. Сулейманова, Д.Д. Татарские, башкирские и баскские соответствия в послелогох / Д.Д. Сулейманова // Современный перевод: лингвистические и историко-культурные аспекты: Сборник трудов всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 9 ноября, 2012 г.). – Казань: Казанский университет, 2013. – С. 108–112.

204. Сунгатов, Г.М. Фонетическая система заболотного говора тоболо-иртышского диалекта Сибирских татар (Экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Сунгатов Гафур Масгутович. – Казань, 1991. – 23 с.

205. Суник, О.П. К актуальным проблемам алтаистики [Электронный ресурс] / О.П. Суник // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – Режим доступа: altaica.ru/Articles/sunik.pdf.

206. Сусов, И.П. История языкознания: учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – Режим доступа: [www: http://homepages.tversu.ru/~susov/](http://homepages.tversu.ru/~susov/).

207. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр–XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – I том: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 696 б.

208. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда / СССР ФА КФ Г. Ибрагимов исемдәге ТӘТИ. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977–1981. – Т. 1–3.

209. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова һ.б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

210. Татар халык сөйләшләре: ике китапта / Ф.С.Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казань: Мәгариф, 2008. – Беренче китап. – 463 б.

211. Татар халык сөйләшләре: ике китапта / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – Икенче китап. – 495 б.

212. Татарская грамматика: в трех томах / Коллектив; ред. М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. – Т. 1. Происхождение языка. Фонетика. Фонология... – 584 с.

213. Татарская грамматика: в трех томах / Коллектив; ред. М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – Т. 2. Морфология. – 308 с.

214. Татарская грамматика: в трех томах / Коллектив; ред. Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – Т. 3. Синтаксис. – 186 с.

215. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой; пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона; послесл. А.А. Реформатского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.

216. Тулеева, Ч.С. Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 /

Тулеева Чинарбубу Сартаевна. – Алматы, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-1506890-pall.html>.

217. Тумашева, Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977. – 294 с.

218. Тумашева, Д.Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков / Д.Г. Тумашева // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры; отв. ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1989. – С. 5–18.

219. Убрятова, Е.И. Язык норильских долган / Е.И. Убрятова. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.

220. Фасеев, Ф.С. Вокализм татарского языка в синхронии и диахронии / Ф.С. Фасеев // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1985. – С. 99–109.

221. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М.Р. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/fasmer/Narta-8626/>.

222. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / М.Р. Федотов. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – Т. 1. – 470 с.

223. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / М.Р. Федотов. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – Т. 2. – 509 с.

224. Федянина, Н.А. Проблемы сопоставления фонологических систем родного и изучаемого языков / Н.А. Федянина // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 1. – С. 16–18.

225. Хабибуллина, М.Р. Характеристика изоглосс вариантов фонемы [а] в татарском лингвистическом пространстве: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Хабибуллина Мадина Рашидовна. – Казань, 2002. – 175 с.

226. Хадиева, Г.К. Хэзерге татар әдәби теле фонетикасы: лекцияләренң конспекты / Г.К. Хадиева. – Казан: КФУ, 2013. – 63 б.

227. Хаков, В.Х. История татарского литературного языка / В.Х. Хаков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 324 с.

228. Халикова, Р.Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв. / Р.Х. Халикова. – М.: Наука, 1990. – 198 с.
229. Халиуллина, Н.У. Семантическая и идеографическая характеристика односложных корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Халиуллина Нурия Усмановна. – Уфа, 2002. – 304 с.
230. Хамидуллин, С.И. История башкирских родов / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин [и др.]. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. – Т. 2. Гайна. – 696 с.
231. Хаттори, С. О формировании татарского и чувашского языков / С. Хаттори // Вопросы языкознания. – 1980. – № 3. – С. 86–94.
232. Хелимский, Е.А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи / Е.А. Хелимский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 639 с.
233. Хэзереге башкорт эзэби теленең аңлатмалы һүзлеге. – Өфө, 2004. – 528 б.
234. Хәкимжан, Ф.С. Татар әдәби теле: Фонетика. Югары уку йортлары студентлары өчен / Ф.С. Хәкимжан. – Тул. 2 нче басма. – Казан: ТДГИ, 2001. – 108 б.
235. Хисамитдинова, Ф.Г. История башкирского языка: материалы по исторической фонетике: учебное пособие / Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: Башк. пединститут, 1989. – 96 с.
236. Хисамитдинова, Ф.Г. О фарингализованном заднеязычном гласном *a* в башкирском языке / Ф.Г. Хисамитдинова // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – С. 46–49.
237. Хисамова, Ф.Г. История щелевых согласных ч (ç) и ж (ǰ) в татарском языке [Электронный ресурс] / Ф.Г. Хисамова. – 2012. – Режим доступа: http://repository.kpfu.ru/?p_id=58663.
238. Черкасский, М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм: опыт историко-типологического исследования / М.А. Черкасский. – М.: Наука, 1965. – 142 с.

239. Черноглазова, М.В. Методы системной фонологии / М.В. Черноглазова // Ярославский педагогический вестник. – 2003. – № 1 (34).
240. Чеченов, А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка / А.А. Чеченов. – М.: Ин.-т языкознания РАН, 1996. – 395 с.
241. Шайхулов, А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)» / А.Г. Шайхулов. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – 494 с.
242. Шайхулов, А.Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайской цивилизации (аспекты общей теории корневых основ) / А.Г. Шайхулов // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 3(1). – Т. 14. – С. 1174–1180.
243. Шакирова, Р.Ф. Хэзерге татар теле фонетикасына кереш / Р.Ф. Шакирова. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 104 б.
244. Шараф, Г. Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русским / Г. Шараф // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – № 7. – С. 65–102.
245. Шибасова, Н.Л. К вопросу о древности парного словообразования в финно-угорских языках / Н.Л. Шибасова // Урало-Алтайские исследования. – 2011. – № 2 (5). – С. 89–108.
246. Шилихина, К.М. Основы лингвистической типологии: учебно-методическое пособие для вузов / К.М. Шилихина. – Воронеж, 2007. – 64 с.
247. Широбокова, Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма / Н.Н. Широбокова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 151 с.
248. Щербак, А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании / А.М. Щербак // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 51–63.
249. Щербак, А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.
250. Щербак, А.М. Тюркский консонантизм / А.М. Щербак // Вопросы языкознания. – 1964. – № 5. – С. 16–35.

251. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин; отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Вып. 1. – 368 с.

252. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 2000. – Вып. 2. – 261 с.

253. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. – М.: Восточная литература РАН. – 2003. – 476 с.

254. Юсупов, У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина / У.К. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков; отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1988. – С. 6–11.

255. Юсупов, Ф.Ю. В.В. Радлов – основоположник российской тюркологической науки [Электронный ресурс] / Ф.Ю. Юсупов // Научный Татарстан. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://www.antat.ru/cgi-bin/img.pl/files/NT2012-2/19-0196-0210.pdf>.

256. Юсупова, З.Ф. Сопоставительно-типологическое изучение русского и татарского языков: лингвометодический аспект [Электронный ресурс] / З.Ф.Юсупова // Лингвистические исследования: сборник научных и научно-методических работ. – Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ, 2012. – Режим доступа: http://repository.kpfu.ru/?p_id=37350.

257. Якобсон, Р. Введение в анализ речи / Р. Якобсон, Г.М. Фант, М. Халле // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 173–230.

258. Якобсон, Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

259. Якобсон, Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 95–105.

260. Ярцева, В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков / В.Н. Ярцева // Проблемы языкознания. – М., 1967. – С. 203–207.
261. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak [Electronic resource]. – Brill Academic Pub, 2003. – 2106 p. – <http://www.brill.com/etymological-dictionary-altaic-languages-3-vols>.
262. Clauson, G. Studies in Turkic and Mongolic Linguistics / G. Clauson. – Routledge, 2002. – 312 p.
263. Comrie, B. The World's Major Languages / B. Comrie. – Routledge, 2009. – 928 p.
264. International phonetic alphabet (IPA) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.omniglot.com/writing/ipa.htm>.
265. Koçay, H.Z. Bask dili ile Türkçe arasındaki münasebetlere dair yeni deliller / H.Z. Koçay // Türk Tarih Kurumu Yayınları: Belleten. – Ankara, 1959. – Cilt XXIII. – Sayı 92. – S. 541–545.
266. Koçay, H.Z. Dil mukayeselerine göre Basklar'la Türkler'in temasları, göç yolları ve zamanı hakkında / H.Z. Koçay // Türk Tarih Kurumu Yayınları: Belleten. – Ankara, 1957. – Cilt XXI. – Sayı 84. – S. 521–560.
267. Poppe, N.N. Introduction to Altaic Linguistics / N.N. Poppe. – Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1965. – 221 p.
268. Räsänen, M. Materialien zur Morphologie der Türkischen sprachen / M. Räsänen. – Helsinki, 1957. – 258 p.
269. Stachowski, M. Turkologische Anmerkungen zum altaischen etymologischen Wörterbuch [Electronic resource] / M. Stachowski // Studia etymologica cracoviensia. – 2005. – № 10. – P. 227–246. – Mode of access: <http://jagiellonian.academia.edu/MarekStachowski>.
270. Turkic etymology: query result [Electronic resource]. – Mode of access: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\turcet&first=1>.

Литература и источники по баскскому языку

271. Адаскина, Ю.В. Синтаксис аллокутивных форм глагола в баскском языке с типологическими параллелями: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Адаскина Юлия Владимировна. – Москва, 2010. – 24 с.

272. Архипов, А.В. Из истории баскского языка [Электронный ресурс] / А.В. Архипов, Г.А. Нуждин // Gernika. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/3-euskara>.

273. Архипов, А.В. Баскский язык: рабочий вариант статьи для энциклопедии «Языки мира» [Электронный ресурс] / А.В. Архипов, Г.А. Нуждин. – Режим доступа: <http://xnportal-espaol-skb.es/Spain.php?id=5&type=3>.

274. Баскский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://erlang.kirillpanfilov.com/euskara/?basque-lessons>.

275. Бильелабейтия, М. Словообразование в баскском языке [Электронный ресурс] / М. Бильелабейтия // Gernika: Euskal kulturari buruzko web-ataria. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/40-hitzen-erakuntza->.

276. Глонти, М.М. Типологические исследования в области баскской календарной лексики (терминология недели): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Электронный ресурс] / Глонти Медея Мамиевна. – Тбилиси, 1984. – 180 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/tipologicheskie-issledovaniya-v-oblasti-baskskoj-kalendarnoj-leksiki.html>.

277. Гумбольдт, В. Проверка исследований о коренных обитателях Испании посредством баскского языка / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. С.А. Старостина // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 350–360.

278. Жученко, С.В. Баскско-картвельские соответствия [Электронный ресурс] / С.В. Жученко. – 2005. – Режим доступа: http://www.garshin.ru/linguistics/languages/dene-caucasian/_htm/basque-kartvelian.htm.

279. Заика, Н.М. Глаголы с дативным актантом в баскском языке (проблемы вариативности, валентности и персональности глагола): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Электронный ресурс] / Заика Наталья Михайловна. – СПб., 2009. – 177 с.

– Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/glagoly-s-dativnym-aktantom-v-baskskom-yazyke>.

280. Зеликов, М.В. Некоторые особенности параллели баскского (*h*)*artz* – кельтского **arto* ‘медведь’ / М.В. Зеликов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – № 4. – С. 90–97.

281. Зыцарь, Ю.В. О современном состоянии языка и культуры басков / Ю.В. Зыцарь // Iberica. – Л.: Наука, 1983. – С. 174–195.

282. Инструкция по русской передаче географических названий стран испанского языка / сост. И.П. Литвин; ред. К.Т. Бойко. – М., 1975. – С. 18–20.

283. Кинтана, Ш. О баскском языке [Электронный ресурс] / Ш. Кинтана // R. Serrano, E. Aparicio. Euskara-Errusiera, Errusiera-Euskara Hiztegia. Баскско-русский, русско-баскский словарь. – Elhuyar Kultur Elkartea, 1997. – С. 111–127. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1325620/>.

284. Ландабасо Ангуло, А.И. Из истории басков / А.И. Ландабасо Ангуло, А.М. Коновалов // Терроризм и этнополитические конфликты. – Книга 1. Из истории басков. – М., 2004. – С. 23–49.

285. Серрано, Р. Баскские диалекты и баскологии [Электронный ресурс] / Р. Серрано. – Gernika: Euskal kulturari buruzko web-ataria. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/12-euskalkiak-eta-euskalariak->

286. Сударь, Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Г.С. Сударь. – Москва, 2004. – 212 с.

287. Учебник баскского языка издательства «Assimil» с аудиоуроками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://euskaldunak.narod.ru/Introduction.html>; <http://www.artamonova.es/ruso/html/euskadi/leccion.shtml>.

288. Чирикба, В.А.. Баскский и северокавказские языки / В.А. Чирикба // Древняя Анатолия. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 95–105.

289. Шаламберидзе, Г.С. К теории и типологии баскских именных композитов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Электронный ресурс] / Шаламберидзе Георгий Старович. – Тбилиси, 1984. – 140 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/k-teorii-i-tipologii-baskskikh-imennykh-kompozitov>.

290. Шишмарев, В.Ф. Очерк первый. Баскский / В.Ф. Шишмарев // Очерки по истории языков в Испании. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 1–45.

291. Agud, M. Materiales para un Diccionario Etimológico de la Lengua Vasca [Electronic resource] / M. Agud, A. Tovar // Anuario del Seminario de Filología Vasca «Julio de Urquijo». – Mode of access: <http://www.ehu.es/ojs/index.php/ASJU/article/view/8625/7793>.

292. «STARLING» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://starling.rinet.ru>.

293. Astrain, L.N. El euskera arcaico. Extensión y parentescos [Electronic resource] / L.N. Astrain. – 2003. – November. – Режим доступа: http://www.erabili.eus/zer_berri/muinetik/dokumentuak/2004/El_Euskera_Arcaico_Extension_y_Parentescos.pdf.

294. Basque dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lexilogos.com/english/basque_dictionary.htm.

295. Bengtson, J. Some features of dene-caucasian phonology (with special reference to basque) [Electronic resource] / J. Bengtson // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain (CILL). – 2004. – № 30 (4) – P. 33–54. – Mode of access: <http://jdbengt.net/articles/CILL30a.pdf>.

296. Bonaparte, L.L. Langue basque et langues finnoises [Electronic resource] / L.L. Bonaparte. – Londres, 1862. – 46 p. – Mode of access: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k8851970>.

297. Bonaparte, L.L. Le verbe basque en tableaux selon les huit dialectes de l'Euskara [Electronic resource] / L.L. Bonaparte. – London, 1869. – Mode of access: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k8851923>.

298. Egurtzegi, A. Basque and Proto-Basque Phonetics and Phonology / A. Egurtzegi // Basque and Proto-Basque: Language-Internal and Typological

Approaches to Linguistic Reconstruction [Mikroglottika 5]. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. – P. 119–172.

299. Egurtzegi, A. Towards a phonetically grounded diachronic phonology of Basque [Electronic resource] / A. Egurtzegi. – University of the Basque Country. – 2014. – 307 p. – Mode of access: http://www.academia.edu/10049444/Towards_a_phonetically_grounded_diachronic_phonology_of_Basque_Thesis_.

300. Euskal gramatika. Lehen urratsak-I. Gramatika Batzordea. Euskaltzandia [Electronic resource]. – 1991. – 569 p. – Mode of access: http://www.euskaltzaindia.net/dok/iker_jagon_tegiak/6844.pdf.

301. Euskal gramatika. Lehen urratsak-V (Mendeko perpausak-1: Osagarriak, erlatiboak, konparaziozkoak, ondoriozkoak). Gramatika Batzordea [Electronic resource]. – Euskaltzandia, 1999. – 502 p. – Mode of access: http://www.euskaltzaindia.net/dok/iker_jagon_tegiak/37035.pdf.

302. Gavel, H. Le basque et les langues caucasiennes (à propos d'un ouvrage de M. Winkler) / H. Gavel // Revista Internacional de los Estudios Vascos. – 1909. – № 1. – P. 520–526.

303. Gernika: Euskal kulturari buruzko web-ataria [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gernika.ru>.

304. Gorrochategui, J. Why Basque Cannot be, unfortunately, an Indo-European Language / J. Gorrochategui, J.A. Lakarra // The Journal of Indo-European Studies, 2013. – Vol. 41. – № 1–2. – P. 203–237.

305. Hualde, J.I. Basque Phonology / J.I. Hualde. – Routledge, 2007 (Revised 1991 edition). – 210 p.

306. Hualde, J.I., Ortiz de Urbina, J. A grammar of Basque / J.I. Hualde, J. Ortiz de Urbina. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – 943 p.

307. Lafon, R. Vasconiana (Iker) [Electronic resource] / R. Lafon. – Bilbo: Euskaltzaindia Académie de la Langue Basque, 1999. – 897 p. – Mode of access: <http://www.euskaltzaindia.eus/dok/ikerbilduma/32412.pdf>.

308. Laka, I.A. A brief grammar of euskara, the basque language [Electronic resource] / I.A. Laka. – Euskal Herriko Unibertsitatea. – 1996. – Mode of access:

http://www.ei.ehu.es/p289-content/eu/contenidos/informacion/grammar_euskara/en_doc/index.html.

309. Lakarra, J.A. Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica [Electronic resource] / J.A. Lakarra. – Donostia – San Sebastián, 2006. – P. 229–322. – Mode of access: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/literatura/21/21229322.pdf>.

310. Martinet, A. La phonologie synchronique et diachronique du basque [Electronic resource] / A. Martinet. – Euskaltzaindia, 1981. – P. 59–74. – Mode of access: <http://www.euskaltzaindia.eus/dok/ikerbilduma/53334.pdf>.

311. Michelena, K. Fonetica historica vasca / K. Michelena. – San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990. – 596 p.

312. Morvan, M. Diccionario etimológico vasco in español-francés-inglés [Electronic resource] / M. Morvan. – Mode of access: <http://projetbabel.org/basque/diccionario.php>.

313. Orotariko euskal hiztegia [Electronic resource]. – 1987–2005. – Mode of access: http://www.euskaltzaindia.eus/index.php?option=com_content&view=article&id=276&Itemid=413&lang=eu.

314. Rijk, R. Standard Basque: a progressive grammar (Current Studies in Linguistics) / Rudolf P.G. de Rijk. – The MIT Press: 2007. – Vol. 1. – 1408 p.

315. Ruhlen, M. A guide to the world's languages. Volume I: Classification / M. Ruhlen. – Stanford, California: Stanford University Press, 1987. – 492 p.

316. Schuchardt, H. Baskisch-Hamitische wortvergleichungen [Electronic resource] / H. Schuchardt // Revista Internacional de Estudios Vascos. – 1913. – № 3. – P. 289–340. – Mode of access: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/riev/07/07289340.pdf>.

317. Serrano, R. Euskara-Errusiera, Errusiera-Euskara Hiztegia. Баскско-русский, русско-баскский словарь / R. Serrano, E. Aparicio. – Elhuyar Kultur Elkartea, 1997. – 233 p.

318. Subijana, M.S. Gramatica elemental vasca: gramatica comparada [Electronic resource] / M.S. Subijana. – SanSebastian, 2011. – 179 p. – Mode of access: <http://www.twirpx.com/file/857066/>.

319. The World Atlas of Language Structures (WALS) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://wals.info/>.

320. Trask, R.L. Etymological Dictionary of Basque [Electronic resource]; edited for web publication by Max W. Wheeler / R.L. Trask. – University of Sussex, 2008. – 418 p. – Mode of access: http://www.academia.edu/2154989/Etymological_Dictionary_of_Basque_by_R.L._Trask_edited_for_web_publication_by_Max_W._Wheeler.

321. Trask, R.L. Some Important Basque Words (And a Bit of Culture) [Electronic resource] / R.L. Trask – Mode of access: <http://www.buber.net/Basque/Euskara/Larry/WebSite/basque.words.html>.

322. Trask, R.L. The History of Basque / Trask R.L. – Psychology Press, 1997. – 458 c.

323. Trombetti, A. L`unita d`origine del linguaggio / A. Trombetti. – Bologna: Treves, 1905. – 236 p. (Classic Reprint 2015.)

324. Trombetti, A. Le origini della lingua basca / A. Trombetti. – Acidemia delle Scienze del' ilstituto di Bologna, 1925. (Annotated version reprinted 1966.)

325. Uhlenbeck, C. Contribution à une phonétique comparative des dialectes basques (II) [Electronic resource] / C. Uhlenbeck // Revue internationale des études basques. – 1910. – № 4. – P. 65–120. – Mode of access: <http://hedatuz.euskomedia.org/5044/1/04065120.pdf>.

326. Winkler, H. La langue basque et les langues ouralo-altaïques [Electronic resource] / H. Winkler // Revista Internacional de los Estudios Vascos. – 1914. – № 2. – P. 282–323. – Mode of access: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/riev/08/08282323.pdf>.

327. Zuazo, K. The Basque Country and the Basque Language: An overview of the external history of the Basque language / K. Zuazo // Towards a History of the Basque Language / edited by J.I. Hualdo, J.A. Lakarra, R.L. Trask. – Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, 1995. – IV Series. – P. 5–31.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица 1	Фонологические особенности башкирского, баскского, русского языков по WALS.....	24
Таблица 2	Изменения тюркских (башкирских, татарских) и баскских гласных (с учетом праязыковых реконструкций).....	97
Таблица 3	Сводная таблица по пратюркскому, башкирскому, татарскому и прабаскскому, баскскому вокализму.....	98
Таблица 4	Изменения тюркских (башкирских, татарских) и баскских согласных (с учетом праязыковых реконструкций).....	228
Таблица 5	Сводная таблица по пратюркскому, башкирскому, татарскому и прабаскскому, баскскому консонантизму.....	232